

РЕРИХОВСКАЯ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ
БИБЛИОТЕКА

**КОСМИЧЕСКОЕ
МИРОВОЗЗРЕНИЕ –
НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ
XXI ВЕКА**

ТОМ II

РЕРИХОВСКАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Международный Центр-Музей имени Н.К.Рериха
Российская академия космонавтики имени К.Э.Циолковского
Российская академия естественных наук
Российская академия образования
Институт истории естествознания и техники РАН
Центральный совет Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры
Благотворительный Фонд имени Е.И.Рерих
Международная Лига защиты Культуры
Международная ассоциация фондов мира
Федерация космонавтики России
Российский фонд культуры
Современный гуманитарный университет
Российское авиационно-космическое агентство
Мастер-Банк

КОСМИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ – НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ XXI ВЕКА

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ. 2003**

Том 2

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР РЕРИХОВ
МАСТЕР-БАНК
МОСКВА, 2004

Редколлегия серии:
В.В.Фролов, Е.Н.Черноземова, Л.В.Шапошникова

ББК 87.3(2)6
К71

КОСМИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ – НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ XXI ВЕКА

Материалы Международной
научно-общественной конференции. 2003

Под редакцией докт. филос. наук В.В.Фролова,
докт. филол. наук Е.Н.Черноземовой, докт. филол. наук
Т.П.Григорьевой, канд. геогр. наук О.А.Лавреновой,
канд. техн. наук Е.А.Бровко

Москва: Международный Центр Рерихов, 2004.
В 3 т. Т. 2.— 464 с.

В настоящем издании собраны материалы следующих секционных заседаний, состоявшихся в апреле-июне 2003 г. и предшествовавших пленарному заседанию конференции:

«Космизм в философии XX–XXI веков», «Историко-научные основы формирования космического мировоззрения», «Идеи космизма в педагогике и образовании», «Космическое мироощущение и религиозный опыт».

Доклады секционных заседаний, повторенные на пленарном заседании, включены в том I настоящего издания

ISBN 5-86988-155-2
© Международный Центр Рерихов, 2004

Редколлегия серии:
В.В.Фролов, Е.Н.Черноземова, Л.В.Шапошникова

ББК 87.3(2)6
К71

КОСМИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ – НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ XXI ВЕКА

Материалы Международной
научно-общественной конференции. 2003

Под редакцией докт. филос. наук В.В.Фролова,
докт. филол. наук Е.Н.Черноземовой, докт. филол. наук
Т.П.Григорьевой, канд. геогр. наук О.А.Лавреновой,
канд. техн. наук Е.А.Бровко

Москва: Международный Центр Рерихов, 2004.
В 3 т. Т. 2.— 504 с.

В настоящем издании собраны материалы следующих секционных заседаний, состоявшихся в апреле-июне 2003 г. и предшествовавших пленарному заседанию конференции:

«Космизм в философии XX–XXI веков», «Историко-научные основы формирования космического мировоззрения», «Идеи космизма в педагогике и образовании», «Космическое мироощущение и религиозный опыт».

Доклады секционных заседаний, повторенные на пленарном заседании, включены в том I настоящего издания

ISBN 5-86988-155-2
© Международный Центр Рерихов, 2004

КОСМИЗМ В ФИЛОСОФИИ XX–XXI ВЕКОВ

24–25 апреля 2003 года

В.С.ГЛАГОЛЕВ,

доктор философских наук,

профессор МГИМО,

Москва

ФИЛОСОФСКИЙ ПРИНЦИП КОСМИЗМА И РАЗНООБРАЗИЕ МОДЕЛЕЙ КОСМОСА

В настоящее время многоплановые концепции Космоса представлены двумя сосуществующими парадигмами. Первая, восходящая в европейской традиции к Августину Блаженному (если не к Ксенофану) и претерпевшая ряд модернизаций в соответствии с развитием естественнонаучного и философского знания, утверждает существование универсального субъекта как условия целостности и иерархической упорядоченности объективно развертывающихся процессов эволюции восточной мысли, избежавших всестороннего давления позитивистских умонастроений, характерных для Запада в Новое и Новейшее время.

Вторая парадигма не только последовательно изгоняет универсального субъекта из сферы естественнонаучного и социального знания, но и утверждает возможность успешного функционирования безрелигиозной культуры в повседневной жизни общества. Претендуя на последовательное проведение принципа материалистического монизма, она, однако, сталкивается с проблемой объяснения многочисленных «мировых загадок» (начиная с происхождения жизни на Земле) случайным соотношением бесчисленных флуктуаций материальных процессов во Вселенной. Тщательная проверка ее доводов неизменно заканчивается выводом о ничтожной вероятности случайного появления феноменов, материалистически объясняющих решение мировых загадок. Однако в отличие от первой парадигмы материалистическое объяснение космических процессов оперирует конкретными, почти осязаемыми доводами. В этом, по-видимому, состоит секрет ее привлекательности для неофита естественных наук, образ которого впервые появился в России в романе И.С.Тургенева «Отцы и дети». Очевидно также, что первая из

парадигм отличается высоким эмоциональным накалом; вторая же отстраняет эмоции как посторонние для дела научного исследования и объяснения. Наконец, для последовательно материалистической альтернативы остается открытым вопрос: являются ли закономерности Космоса порождением определенного уровня научного знания? Или же возникает вновь вопрос об источнике этого порядка.

В захватывающем душу изумлении перед многообразием космических процессов сохраняется потрясение загадочностью и красотой звездного неба над головой, равно как и требовательностью нравственного закона в душе человеческой. В свое время об этом писал Иммануил Кант. Философское восприятие Космоса предполагает, в соответствии с точкой зрения великого философа, отношение взаимодополнительности гигантских космических расстояний и пространств, являющихся ареной зарождения, развития и гибели небесных тел, и нравственно-эстетических измерений души человека, познающего загадки мироздания.

Физические модели космических процессов за минувшее столетие неоднократно видоизменялись и радикально пересматривались в соответствии с новейшими достижениями астрономии, астрофизики и ядерной физики, новыми подходами в области общей физической теории. Поистине драматический характер «жизни» физических идей последнего времени обстоятельно освещен в воспоминаниях А.Д.Сахарова («Физика глазами моего поколения»), которые охватывают эволюцию теоретических представлений в физике с начала 1940-х до середины 1980-х годов. Интенсивность разработки и смены парадигм в этой сфере знания сочеталась с непрерывной работой над сохранением базовых положений и неконтролируемых процессов научной практики. Новые теоретические модели как бы «распирали» рамки того физического знания, которое представлялось достаточно прочным и четко очерченным в своих исходных принципах и постулатах.

Уместно заметить, что представления о гигантских массах и гигантских скоростях космических процессов опираются помимо астрономических наблюдений на результаты экспериментального изучения элементарных частиц. По всей видимости (и, добавим, к счастью), у человечества нет другого пути изуче-

ния Вселенной, кроме этого, достаточно опосредствованного в своей основе. В результате определилось отношение конгруэнтности процессов, протекающих, с одной стороны, на уровне макро-, а с другой – на уровне микрокосмоса.

Взаимосвязанность разномасштабных явлений и взаимообусловленность их дают о себе знать и в других сферах. Например, – в соотношении эволюции жизни на Земле и физико-химических механизмов генетики живых организмов. Как ни парадоксально это звучит, но можно утверждать, что живой организм представляет собой разновидность макромира (по отношению к функционирующим в его составе молекулам со свободными радикалами и к другим его компонентам физико-химического уровня). К тому же при переходе от одной сферы геокосмических процессов к другой изменяются ракурсы рассмотрения объектов изучения. Так, жизнь человека на Земле, да и жизнь на Земле вообще, является с точки зрения современных физико-химических представлений некоторым частным, предельным случаем взаимодействия ряда систем и процессов. Хотя и с точки зрения астрофизики она не может быть отнесена к макрокосмическим феноменам. Жизнь вместе с тем не поддается объяснению с позиций изучения микроскопических процессов, скажем, взаимодействия элементарных частиц. Молекула ДНК и клетка представляют собой образования, условно говоря, «промежуточного уровня» между физическим космосом и космосом живого организма.

К настоящему времени стала очевидной зависимость уровня биологических процессов от космических пертурбаций и проявлений тех или иных «возмущений» потоков элементарных частиц. В свою очередь, изучение химией микромолекулярных процессов позволяет прояснить многие из особенностей протекания собственно биологических процессов.

Углубление наших знаний о внешнем (физическом и организменном) космосе усиливает позиции тезиса, согласно которому жизнь уникальна для условий Солнечной системы вообще и, вполне возможно, для Вселенной в целом. Отсюда – один шаг к обоснованию не только этическими, но и естественнонаучными доводами позиции А.Швейцера, провозгласившего еще в 1920-х годах принцип «благоговения перед жизнью» в качестве стержня не только для любой сколько-нибудь перспективной философской, этической, религиозной или научной системы, но и для их

практического применения. Лишь при следовании этому принципу у человечества появляются шансы сохранить жизнь на Земле в тех формах, которые приемлемы для условий человеческого существования. А вот пример иного рода: один из советских заводов, производивших ядерные реакторы для подводных лодок со второй половины 1950-х годов, столкнулся с поколениями тараканов-мутантов, размером до 10 см, которые к тому же были любителями краски с примесью кадмия. Но может ли этот естественнонаучный факт утешить человечество, поставившее себя на порог самоуничтожения?

Помимо ракурсов, в центре которых находятся физические и биологические процессы во Вселенной, с научной и практической точек зрения существенно внимание к процессам, протекающим на уровне индивидуального сознания. Здесь налицо тесная связь ориентировочных и когнитивных, эмоциональных и рациональных компонентов. Космос человеческого сознания, связанный с биологическими предпосылками и непрерывно разворачивающийся – от первых жизненных впечатлений новорожденного к становлению в игровой деятельности основ самосознания у совсем еще маленького ребенка, – завораживает своей исключительной сложностью, непрерывными периодами противоречий внутренней духовной жизни. Это горечь, боль, радость, праздник и трагедия, которые поистине, по словам Э.Хемингуэя, «всегда с тобой». Ритмы индивидуального сознания зависят вместе с тем от биофизических ритмов Солнечной системы, а в более широком смысле – вибрируют от «дыхания» Вселенной.

Интерсубъективное взаимодействие составляет еще один уровень социальной жизни на Земле: оно, как известно, имеет особую ценность для человека. «Счастье, – говорит герой-подросток из фильма “Доживем до понедельника”, – это когда тебя понимают». Мир этого взаимодействия строится как на вербальном, так и на образно-метафорическом, знаковом материале. Проявление, устойчивое выражение и постижение внутренней жизни партнера по общению составляет его фундаментальный смысл и основное содержание. Опосредованность сферой культуры непосредственных контактов придает им особую весомость, амбивалентность, неоднозначность в выражении и постижении многоплановых устремлений духовной жизни каждого из живших и живущих на Земле людей.

Мир человеческих взаимоотношений в его многоуровневых проявлениях иерархии человеческих потребностей (А. Маслоу) — также особая и достаточно загадочная сфера общественной жизни. Здесь свои макро- и микрообразования, свои «галактики», «звезды» и разновидности «планет». Его центрами остаются человеческие личности: разного темперамента, устремлений, вкусов, волевых, эмоциональных и рациональных возможностей. Они формируются на основе интериоризации и дальнейшего развития достижений мировой культуры (в максимально широком значении этого понятия, охватывающего «приращения» материальных и духовных ценностей общества — независимо от этноса, страны, региона). Их поддерживает и вместе с тем ограничивает в своих возможностях конкретный мир непосредственного и опосредованного человеческого общения, имеющий свои стереотипы, структуры, уровни и другие средства организации и поддержания интереса людей к своим «ближним» и «дальним». В работе человек удовлетворяет как свои элементарные нужды, так и потребности самого высокого уровня, включая страсть к познанию и творческой деятельности.

Мир человеческих взаимоотношений, включающий вербализированные формы культуры и ее духовное содержание, преломляющееся во внутренней жизни личности, — особое, хрупкое и вместе с тем тяготеющее к самовоспроизводству измерение человеческого существования (сопоставимое по своей сложности и многоплановости процессов с физическим и биологическим космосом, но, к сожалению, отличающееся от него по продолжительности индивидуальной жизни каждого из его носителей, да и по длительности существования на Земле социальной жизни как таковой). В то же время мир культуры, упорядочивающий и организующий, до известной степени, стихийные импульсы социальной жизни, имеет свои, относительно самостоятельные проявления и ориентиры. Он, в частности, вербализирует и систематизирует наши знания о каждом из упомянутых ранее проявлений космической жизни, параллельно выявляет особенности их взаимозависимостей и взаимодействий. Культура способствует развитию их познания и — через познание — максимально достижимых человеком конкретных условий адаптации к разнообразным ситуациям. Она же ориентирует человечество на деятельность в этих условиях путем соблюдения величайшей осторожности

к спонтанным проявлениям в природных и общественных системах опасных для него негативных тенденций. Обучая новобранцев, командиры говорят, что воинские уставы написаны кровью. За осознание необходимости соблюдать осмотрительность и осторожность человечество уже заплатило (и продолжает платить) дань бесчисленными жизнями, здоровьем, болезненными стрессами и срывами. Его поступательное движение по пути прогресса сопоставимо с путешествием по «зоне» героев фильма А.Тарковского «Сталкер».

Итак, спецификации уровней Вселенной и человеческого общества имеют определенные иерархии и достаточно разнообразные и разветвленные «горизонтальные» проявления. Подобный подход реализуется в спектре более конкретных вариантов описания материальных и духовных процессов. Так, член-корреспондент РАН А.М.Кузин полагает, что Душа человека есть реально существующее нематериальное начало. Она состоит из информации, аккумулируемой человеком в течение всей жизни из окружающих материального и духовного миров, создаваемых его трудом и творчеством.

По мнению А.М.Кузина, информация фиксируется в материальных субстанциях, но не сводится к ним. И тем более, она не тождественна им: информация о чем-то не есть это что-то. Душа же является высшей из известных человеку форм развития информации. Знания собственной души экстраполируются человеком на других людей, в результате чего создается реальный духовный мир общества, столь же достоверно существующий, как и материальный мир. Информация, согласно А.М.Кузину, – духовное начало всей Вселенной. В ее проявлениях он выделяет следующие этапы:

1. Физико-химическая информация.
2. Генетическая информация.
3. Рецепторная информация.
4. Усложняющая информация от простейших к миру животных и растений.
5. Душа человека и Духовный Мир Человечества как высшая форма развития информации [1].

Предельно широкие послышки толкования природы Вселенной предполагают выбор предельных же границ исходных предпосылок его теоретического обоснования. Эти предпосылки

(метатеоретические по своему характеру и функциям) имеют логическое, рациональное содержание применительно к более частным положениям. Но сами по себе они являются сложным сплавом допущений, предположений и эмоциональных переживаний выбирающего субъекта (ученого-космолога, физика-теоретика, биохимика, решающего проблему происхождения жизни на Земле и др.). Покойный академик Б.В.Раушенбах утверждал, что человек, которым владеет религиозное чувство, *«не просто допускает существование внелогичного знания, а убежден в его первостепенной важности»* [2; 3]. Однако этому внелогическому феномену, как правило, придаются научные, то есть логически содержательные характеристики: источника всей информации, сверхличностного Первоначала, занимающего основополагающее место в иерархических образованиях Вселенной [4]. Правда, более скрупулезные в своих суждениях ученые наделяют этот духовный феномен преимущественно эмоциональными свойствами. Так, академик А.Д.Сахаров отмечал: *«Я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь без какого-либо осмысляющего их начала, без источника духовной теплоты, лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным»* [5, с. 128]. Можно согласиться с данным суждением внелогического плана, чрезвычайно значимым, однако, эмоциональным, особенно для исследователей с творчески содержательным полетом воображения.

Изучая разнокачественные феномены, детализируя их, изменяя ресурсы их исследования, нельзя упускать из виду целостность мира как единства его специфических аспектов. Эстетические аспекты физического космоса и живой природы дают дополнительные характеристики обсуждаемым процессам. Так, живопись Н.К.Рериха расширяет и углубляет представления о необыкновенной сложности, гармоничности, целостности и насыщенности мировых процессов, о тех неожиданностях (в том числе и зловещих), которые они таят в себе (как и космос человеческого духа и создаваемой им культуры). Символом этой неожиданности, где присутствуют затаенные угрозы человеку, был (и остается) фильм А.Тарковского «Солярис». В нем развернута тема мучительного становления космического самосознания землян: сквозь противоречия, заблуждения, упорствование в сохранении традиционной для земного сознания жесткости и т.д.

Космос противостоит и будет противостоять Хаосу. Последний – не просто размытость, неопределенность, бесформенность, «смазанность» тенденций и броуново движение хаотических направленностей. Хаос – исток, основа, почва, «подпитка» порядка Космоса, если вспомнить античную традицию. В этом он не просто противостоит Космосу, но и внутренне связан с ним, составляя его органическую предпосылку. Хаос – субстрат Космоса; Космос складывается из первоначальной неопределенности последнего. Хаос – угроза космической организации, способная поглотить и растворить ее наиболее нежные, хрупкие и самые высокоорганизованные ростки.

Чрезвычайно важны временные и пространственные характеристики Космоса. Для физических процессов имеют значение миллионные доли секунды; для человека генетически возможна продолжительность жизни до 150 и более лет; геологические процессы растягиваются на десятки, а то и сотни миллионов лет. Пространственные же характеристики тесно связаны с временными, равно как и с особенностями направленности движения тех или иных его составляющих.

Перечисленные параметры характеризуют Космос в соответствии с раскрытой исследователями определенной логикой его структурной организации.

Несомненно плодотворное значение идеи имманентности элементов, тенденций, факторов эволюции как Космоса в целом, так и его конкретных спецификаций. При этом уместно помнить, что каждый из элементов имел начало, имеет или будет иметь период расцвета и, скорее всего, свое завершение. В ходе эволюции осуществляется то, что Гегель называл «внутренней мерой», которая реализуется по-разному в разных структурах и проявлениях процессов, сопряженных между собой. Так, оперативная содержательность сознания человека во многом определяется фундаментальными параметрами физиологического состояния его организма, который своей высшей нервной деятельностью оказывает на физиологию прямое влияние.

В свою очередь, продуктивность сознания человека предполагает и определенную меру усвоенной им культуры. Участники конференций, посвященных А.Д.Сахарову, вспоминали (уже после смерти академика) характерную для него и многократно им проявленную особенность мышления. Во время серьезных науч-

ных симпозиумов он часто казался рассеянным или сосредоточенным на каких-то своих делах, не имевших прямого отношения к тому лесу формул и уравнений, с помощью которых обосновывалось решение очередной крупной теоретической или прикладной проблемы ядерной физики. Но в какой-то момент его замечание в адрес докладчика: «Здесь у Вас ошибка!» – вызывало замешательство не только автора сообщения, но и всей аудитории. Когда же, по настоянию А.Д.Сахарова, перепроверялся ход уже изложенного теоретического построения, всплывала его некорректность, упущенная всеми слушателями, но подмеченная невнимательным, казалось, к докладу ученым.

У Андрея Дмитриевича еще в студенческие годы сложились навыки автоматизированного («компьютерного») счета тогда, когда вводились его исходные условия. Нарушение базового условия логичности этой операции отмечалось, по всей вероятности, на уровне подсознания и воспринималось как сигнал психологического дискомфорта. Здесь давал знать о себе скорее всего принцип меры: в форме эмоционально значимого, но первоначально рационально не обоснованного сигнала.

С категорией меры связано эстетическое совершенство. Слова Нильса Бора: «Эта теория, по всей видимости, не будет работать: она некрасива» – относятся и к фундаментальным проявлениям природных закономерностей. При этом, однако, нельзя забывать, что человечество проецирует на Космос достигнутый им уровень эстетического освоения мира, сосредоточенный, прежде всего, в пределах тончайшей (в сравнении с масштабами Космоса) пленки жизни на Земле человеческого духа. Несомненно доминирование в этом освоении «земных» координат разнообразной – материальной и духовной – деятельности. При всех попытках преодолеть его сказочными представлениями и футурологическими построениями ракурс землянина был и остается основополагающим. Природные же процессы сами по себе (вне их оценки человеческим сознанием и практикой) имеют конкретно-исторические измерения. Эволюция Космоса и история человечества – системы разнопорядковые, лишь частично соприкасающиеся при взаимодействии. При этом исходным моментом остается зависимость базовых условий человеческого существования от благоприятного соотношения космических влияний на него.

В отношении человека к Космосу важна констатация не только его принципиальной познаваемости, но и постижения узловых структур его сорганизованности, механизмов взаимодействия его основных компонент. Параллельно вырастает ряд теоретико-идеологических допущений, рискующих – при утрате критичности их восприятия – обратиться в мифологемы, препятствующие успешному ходу познания. Нельзя недооценивать значение их компенсаторных функций для общественного сознания: они нередко придают уверенность человечеству перед лицом бесконечного многообразия и переменчивости процессов во Вселенной. Вместе с тем приходится помнить, что эти духовные образования целесообразны лишь до тех пор, пока они не становятся препятствием на пути Разума, ищущего Истину в джунглях заблуждений. Следование принципу познаваемости Космоса как непрерывному нарастанию содержательного, разнообразного и все более глубокого знания позволяет развернуть онтологическую, методологическую, гносеологическую и аксиологическую структурированность наших знаний о Вселенной.

Желательна, понятно, предсказуемость состояний Космоса. Знание последовательности смены этапов космических процессов и взаимосвязей, между ними существующих, позволяет систематизировать не только исследовательскую деятельность, но и определенные участки медико-профилактической, хозяйственной и т.п. работы. Кроме того, такое знание помогает адаптироваться к неблагоприятным ситуациям, «подпитываемым» Космосом.

Проективный и философско-теоретический подходы к Космосу получили, как известно, наиболее законченное воплощение в идеях П.Тейяр де Шардена, В.И.Вернадского, К.Э.Циолковского, Л.Н.Гумилева, Е.И. и Н.К. Рерихов и других мыслителей. Старшие Рерихи обсуждали метатеоретические проблемы постижения Космоса как целостно и многопланово развивающиеся процессы. Их идеи – неотъемлемая часть человеческой культуры, обратившейся к звездам, к иным, далеким от нас мирам и обеспечившей исключительную содержательность («емкость») теоретических и образных представлений об этих процессах. Их идеи сохраняют свое значение для утверждения нравственных, философских и научно-методологических прин-

ципов диалога человека с Космосом и оставляют достаточно простора для концепций умеренно оптимистического, позитивистского активизма.

В заключение уместно отметить, что принцип Космоса является базовой метапосылкой рассуждений о взаимосвязи процессов, протекающих во Вселенной. Если понятие «Вселенная» характеризует Универсум с онтологической точки зрения, то понятие «Космос» акцентирует внимание на взаимосвязи структурно-функциональных процессов в нем, включая структуры и функции человеческой жизни, сознания и деятельности. Параллельно в этом понятии более систематично, чем когда речь идет о Вселенной, проступают гносеолого-методолого-аксиологические аспекты исследования Универсума.

Литература

1. Кузин А.М. Духовное начало во Вселенной // Вопросы философии. 1988. № 8.
2. Раушенбах Б.В. Пристрастие. М., 1997.
3. Раушенбах Б.В. Религия и нравственность // Знание. 1997. № 1.
4. Кулаков Ю.И. Синтез науки и религии // Вопросы философии. 1999. № 2.
5. Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Л., 1990.

В.В.КАЗЮТИНСКИЙ,

доктор философских наук, профессор

Института философии РАН,

Москва

КОСМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ К.Э.ЦИОЛКОВСКОГО: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Космическую философию К.Э.Циолковский считал наивысшим своим достижением, а исследования в области ракетной техники и космонавтики – только сферой применения идей об «океане счастья», разлитом во Вселенной. Изучение мировоззренческой концепции Циолковского показало, что она является не чем иным, как новым вариантом религиозной «доктрины спасения», которую сам ее автор считал «более оптимистической», чем все остальные. Но сейчас его космическая философия стала объектом странных, односторонних и некомпетентных интерпретаций (рассматриваясь, например, как вариант идеологии фашизма), ее представляют в кривом зеркале. Мировоззренческая система русского ученого действительно нуждается в серьезном критическом анализе, но отнюдь не в наклеивании всяческих ярлыков.

Хочу высказать и свои суждения о мировоззрении К.Э.Циолковского. При этом решусь утверждать, что космическая философия остается феноменом малоизвестным. Многие помнят две три ключевые фразы ученого, например, о неизбежности космического будущего человечества. К этим немногим фразам и сводят всю космическую философию или даже растворяют ее в идеях выдвинутых Циолковским научно-технических проектов (типа использования ресурсов космоса или создания космических поселений). Но в каком контексте возникли эти идеи, были ли у научного творчества основоположника космонавтики философские основания и в чем они заключались? Как сочетались в его мышлении образы космоса физического и космоса духовного, без которого проекты космического будущего человечества не могли бы появиться? К сожалению, эти проблемы не привле-

кают особого внимания и не осмыслены должным образом. Основной массив философских сочинений Циолковского знаком лишь крайне ограниченному кругу специалистов в области космической деятельности. Ситуация почти не изменилась и после издания трех увесистых томов с работами ученого по космической философии [1; 2; 3]. Содержание этих сочинений удивительным образом проходит мимо сознания даже тех, кто о них упоминает.

Возможны два подхода к раскрытию смысла космической философии и основных ее понятий: антикваристский и презентистский (характеристика соответствующих подходов к истории науки дана в [4, с. 351–374]). Первый подход – реконструкция того смысла космической философии, который вкладывал в нее сам Циолковский, в контексте культуры его времени; второй – анализ новых смыслов, генерируемых взаимодействием текстов космической философии с последующим развитием культуры, выявление современного звучания мировоззренческих идей Циолковского. Оба этих подхода не исключают, а дополняют друг друга, оба они необходимы, целесообразны.

Мировоззренческая концепция Циолковского основывается на принципах единства человека и Вселенной, а также проективного отношения человека к миру, предполагающего коренные преобразования Земли, космоса и самого человека с помощью разума. «Разум – величайшая сила в космосе», – не устал повторять ученый [5, с. 247].

Взгляды Циолковского на сущность философии навеяны эпохой Просвещения. По его словам, философия – «*вершина научного знания, его венец, обобщение, наука наук*» [1, с. 38]. Космическая философия содержит основные разделы традиционных философских систем – метафизику, теорию познания, этику, а также детально разработанное социальное учение, выступающее в форме грандиозной утопии. Понимание философии как «науки наук» сейчас устарело, философия рассматривается в качестве феномена культуры, отличного от науки. Ее цель – выработка системы ценностей, касающихся предельных оснований человеческого бытия и познания, смысложизненных императивов, которые в отличие от научных знаний не являются общезначимыми, не могут быть обоснованными и доказанными

подобно фактам и законам науки. В моде сейчас отказ от построения философских систем. Остались, впрочем, и крайне немногочисленные сторонники признания научного статуса философии. Сохраняет определенное влияние и убеждение, что подлинная философия призвана быть системой.

К числу высших ценностей Циолковский относил рациональность философии и науки. *«Моя проповедь, в моих глазах, даже не мечта, а строго математический вывод из точного знания»*, – писал он [1, с. 272]. Но с этой самооценкой ученого согласиться невозможно. Во-первых, Циолковский, постоянно провозглашая научный характер своей философии, где-то в 1902–1904 годах высказал редко цитируемое признание: *«...я не могу руководствоваться исключительно научными выводами, сделанными нами ранее.*

Помимо того, что они не могут решить мне всех вопросов, которые возникают в жизни, мое сердце жаждет большего, видит дальше, чем разум, и чище его. Смутные чувства и желания влекут меня к великому учителю с его великою любовью... Только непонятно, откуда эти чувства, которые выше разума» [1, с. 88]. Отсюда следует, что чисто научный подход для Циолковского оказывается недостаточным.

Во-вторых, хотя космическая философия включает многочисленные фрагменты современных Циолковскому научных знаний, в целом она является довольно спекулятивной метафизической концепцией, находящейся далеко за пределами науки. Эта концепция вовсе не построена по канонам научной рациональности! Тем более странно, что космическую философию относят к «естественнонаучному направлению» русского космизма.

В-третьих, космическая философия Циолковского глубоко антиномична, то есть основывается на множестве взаимоисключающих положений. Вот лишь две-три из наиболее парадоксальных антиномий, характерных для ее автора.

Циолковский неоднократно и самым категорическим способом настаивал на материалистическом характере своей мировоззренческой системы: *«В сущности, моя философия – чистейший материализм»* [1, с. 38]. Но, по его же словам, материализм остановился на половине дороги в *«беспомощном и жалком состоянии»* [1, с. 43], так как не может разрешить ряд философских проблем. Конечно, в основании космической философии можно усмотреть некоторые материалистические идеи – преимуще-

ственно в устаревших формах (гилозоизм, так называемый вульгарный материализм: Циолковский ссылался на философию Бюхнера). В то же время понятие материи у нашего ученого довольно противоречиво. Наука указывает, по его мнению, на «духовность материи». С одной стороны, он говорит о духе или душе как о материальных атомах *«без всякой таинственности, кроме научной»* [1, с. 37]. С другой – о духах, воплощающихся, или приходящих, в материальный мир [1, с. 168]. Дух, по мнению Циолковского, материален. Но, называя себя материалистом, ученый считал, что Вселенная (Космос) имеет сотворившую ее Причину, или Первопричину. Причина Вселенной у автора космической философии совпадает с определением Бога (Бога-отца).

Антиномично отношение Циолковского и к проблеме истины, в том числе научной. Например, он считал истинной свою философию (добавляя, впрочем, что подобная оценка является субъективной), высоко ставил ценность научного знания и научной истины. Ученый неоднократно говорил о «точном знании» и сформулировал ряд положений, которые казались ему несомненными – их «нельзя отрицать». Например: *«Нельзя отрицать, что атому присуща способность ощущать жизнь, когда он входит в состав мозга животного»*; *«Нельзя, таким образом, отрицать, что Вселенная заполнена высшею сознательною и совершенною жизнью»* [1, с. 287]. Некоторые из подобных положений крайне сомнительны, другие не доказаны до сих пор.

Но абсолютной истины, по мнению Циолковского, все же *«нет, потому что она основывается на полном познании космоса. Но такого полного познания нет и никогда не будет»* [2, с. 325]. Наука непрерывно идет вперед, *«отвергает или утверждает старое и находит новое»*, причем *«конца этому не будет»*. Значит, *«истина может быть только условная, временная и переменная»* [2, с. 325–326]. Но в контексте свойственной космической философии антиномичности Циолковский настаивал на существовании абсолютной истины, которая заключается в нашем желании, чтобы *«каждому чувствующему существу было всегда хорошо»* [2, с. 278]. То есть в качестве абсолютной истины выступает этический императив, выражающий благо.

Современная философия, да и культура в целом, переживает глубокий кризис, связанный с оценкой понятия истины. В этом вопросе я разделяю позицию меньшинства, считающего, что отказ

от этого понятия (смысл которого должен, конечно, меняться) означал бы крах всей культуры наших дней [6, с. 69–123].

Антиномично отношение Циолковского и к религии. С одной стороны, он неоднократно утверждал, что учение *Галилейского учителя* решает все его духовные проблемы. Все же духовный опыт Циолковского, выраженный в космической философии, выходил за рамки какой-либо одной религиозной традиции. Наряду с неортодоксально-христианскими мы находим у него и многочисленные нехристианские идеи – буддистские, эзотерические, оккультные (наличие последних сам ученый категорически отрицал). Но – не будем удивляться. В некоторых своих философских сочинениях Циолковский буквально обрушивался на религию. «*Религиозные веры называют свои догматы истиной. Но может ли какая-либо вера быть истиной? Число вер выражается тысячами. Они противоречат друг другу, опровергаются часто наукой и потому не могут быть приняты даже за условную истину*» [2, с. 326]. Подобные высказывания служили даже поводом считать их автора атеистом!

Еще один пример антиномичности космической философии – отношение Циолковского к проблеме свободы. С одной стороны, он провозглашал себя энергичным сторонником демократического устройства будущего, свободы слова, соблюдения того, что впоследствии было названо правами человека. С другой – Циолковский считал, что человек обязан подчиняться воле Вселенной, транслирующей предначертания Причины и целенаправляющей его поступки. Свобода человека может развертываться лишь в пределах этой всепроникающей воли.

Итак, мировоззренческую концепцию Циолковского можно определить как сложное, причудливое, антиномичное сочетание философии и религии, включающее многочисленные и обширные фрагменты научных знаний, зачастую переработанных в метафизическом контексте. Может ли построенная на таких основаниях философская система рассматриваться как образец рациональности, на чем настаивал сам ее автор? Конечно, космическая философия – не какая-то строго логическая система (наподобие гегелевской), а цепь нежестко связанных между собой интуиций, зачастую антиномичных. Откуда мы знаем, например, что основа мира – некий атом-дух, обладающий способностью к переживаниям и т.п.? Циолковский прямо указывает на влия-

ние донаучных образов («остатков разрушенного совершенства, которым обладали наши предки» [1, с. 88], в которых возникают идеи космической философии). Кстати, обращение к бессознательному позволяет понять механизмы формирования образов космоса в различных сферах культуры – научных, философских, художественных. Эти механизмы основаны на сложном сочетании объективного и субъективного. Наука создает наиболее объективные, общезначимые образы космоса, пропуская познаваемую ее средствами космическую реальность через многочисленные фильтры научного метода. Но и они опосредованы образами космоса, возникающими в глубинах человеческой психики. Философские и художественные (живопись, поэзия, литература, музыка) образы космоса в значительно большей мере несут на себе печать человеческой субъективности, хотя она и проявляется в разной степени от творца к творцу, от произведения к произведению. Все эти образы космоса имеют два полюса – физический космос, который нас породил, и психический космос, без участия которого было бы невозможно ни познание, ни создание космических образов.

Однако сложность и антиномичность космической философии в упор не видят критикующие ее неспециалисты. Они всеми силами стремятся «выпрямить» мировоззрение Циолковского, выделить лишь некоторые из заключенных в нем идей, придав космической философии не свойственную ей однозначность. Следует, конечно, заметить, что не все в космической философии антиномично. Есть в ней и ряд таких положений, противоположные которым не выдвигаются. Это, например, принципы монизма, бесконечности, эволюции Вселенной, идея космической экспансии разумных существ и другие.

Метафизика Циолковского основывается на следующих понятиях и принципах:

1. *Причина космоса*, которая находится вне его и «безмерно выше» своего творения. Наш космос – лишь одно из «изделий» Причин, существуют и другие космосы.

2. *Атом-дух* – подлинный «гражданин Вселенной». Это – неделимая основа или сущность мира, составляющая мировую субстанцию. Атом-дух обладает свойством чувствительности. Принцип атомистического панпсихизма – один из фундаментальных в космической философии, если не краеугольный.

3. *Космос: материя, пространство, время, эволюция.* Космос, по Циолковскому, – единый живой организм. Ученый провозглашал принцип монизма, который у него означал единство материального и духовного аспектов Вселенной, единство живой и неживой материи, единство космоса и человека, то есть включенность его в ритмы космической эволюции, выводимость этических норм из метафизики космоса, то есть единство знания и морали. Основопологающим в метафизике Циолковского является принцип бесконечности, который распространяется и на свойства пространства и времени, и на структурную иерархию космических систем, и на ритмы космической эволюции, и на возрастание могущества человеческого разума, и на отсутствие пределов его возможной экспансии во Вселенной. Принцип эволюции и самоорганизации также является ключевым для метафизики космической философии и вытекающей из нее картины мира. Конечно, самого термина «самоорганизация» у Циолковского еще не было, но его смысл выражался словами: «все живо». Это означало: способно к бесконечной самоорганизации и эволюции.

4. *Ноокосмическая иерархия.* По всей Вселенной, считал Циолковский, распространена органическая жизнь. Есть планеты, на которых жизнь значительно старше нашей, обитатели этих планет подобны людям, только более совершенны. Однако большинство обитателей космоса «приноровлено к жизни в эфире», то есть устроены не так, как мы; они состоят из несравненно более разреженной материи. Роль этих «могущественных и мудрых» существ во Вселенной огромна. Они способны изменять мир. Идея эволюции, направляемой космическим разумом, – важная для Циолковского.

С точки зрения современной науки эти мысли пока не находят подтверждения. Более того, сейчас приобрела популярность альтернативная точка зрения – об отсутствии в нашей Галактике высокоразвитых цивилизаций и даже о нашем полном космическом одиночестве. Но проблема остается открытой, научный поиск может принести любые, в том числе ошеломляющие сюрпризы.

Многие положения метафизики Циолковского выглядели архаичными уже в его время. Они, например, вступали в противоречие с неклассической физикой. Ученый негативно отнесся к специальной теории относительности, теории расширяющей-

ся Вселенной, мы не находим у него упоминаний о квантовой механике. Особенно архаична концепция человека: ему отказано в праве быть личностью и предписано действовать так, чтобы доставлять «блаженство» мифическим атомам-духам. Но в рамках своей метафизики Циолковский высказал также идеи и принципы, которые находят сейчас подтверждения. Так, современная инфляционная космология возвращается к образу бесконечной в пространстве и времени Вселенной (Метавселенной), в которой возникает и сосуществует множество мини-Вселенных, или космосов (по Циолковскому). У него мы находим и зародыш идеи относительности бесконечности времени для разных систем отсчета (для Бога, считал он, время существования Вселенной может быть конечным, а для нас оно бесконечно). Прочно вписался в современную культуру сформулированный Циолковским антропный принцип.

Новый и во многом неожиданный смысл приобретает в науке о Вселенной тезис Циолковского «все живо». С одной стороны, возник сценарий самоорганизующейся Вселенной. Он раскрывает механизмы последовательного становления все более сложных структур в коэволюции мега- и микромиров: физический вакуум – кварк – глюонная плазма – атомы – протоскопления галактик – галактики, звезды, планеты – биосфера – антропосфера – социосфера – ноосфера. С другой – выясняется, что в процессах самоорганизации участвует лишь незначительная часть массы нашей Вселенной, Метагалактики (около 1–5%). Но преобладающая часть ее массы (возможно, около 95%) находится в состояниях и формах, наукой пока не изученных («скрытая масса»). О физической природе «скрытой массы» и ее роли в эволюционной самоорганизации Вселенной выдвинут ряд гипотез. Допускается, что она представляет собой смесь нескольких разнородных компонентов. Согласно некоторым предположениям, примерно 60–70% ее может составлять вакуумный конденсат («темная энергия»), 25–30% – неизвестный пока тип элементарных частиц – слабодействующие массивные частицы, небольшую часть – барионное вещество. Следовательно, почти вся масса нашей Вселенной находится либо в состоянии, которое с точки зрения синергетики представляет собой одну из форм хаоса, либо в состоянии остановившемся, «застывшем» на самых ранних ступенях усложнения.

При современном уровне наших знаний складывается впечатление, что «скрытая масса» («темная материя», «темная энергия») к самоорганизации (процессам усложнения, коэволюции) либо вовсе не способна, либо находится пока в состоянии латентном, как бы «законсервированном», либо представляет собой некие эволюционные «отбросы» процессов эволюционной самоорганизации. Любой из этих вариантов, разумеется, резко ограничивает рамки применимости тезиса «все живо».

Не следует ли считать, что прочерчивается некий «магистральный ствол» эволюционной самоорганизации, охватывающий крайне незначительную часть массы нашей Вселенной? Выходит, что Вселенная прошла по «лезвию бритвы» не только в ту кратковременную эру, когда возникло благоприятное для самоорганизации сочетание фундаментальных констант. Ситуация «лезвия бритвы» была характерна и для дальнейших процессов, когда в составе Вселенной разделялись массы, включенные в процесс самоорганизации, и массы, оставшиеся на самых низших уровнях эволюционного процесса. Вселенная проходила по «лезвию бритвы» и в бифуркациях, связанных с возникновением жизни, разума. Все эти моменты по-новому раскрывают жизнь Вселенной, наделяя высказывание Циолковского «все живо» содержанием, выходящим далеко за рамки традиционного эволюционизма.

В свете сказанного процесс самоорганизации, приведший к возникновению мыслящих существ на Земле, а может быть, и в других «краях» нашей Вселенной, вряд ли стоит рассматривать как «эволюционный тупик» (такая точка зрения иногда высказывается). Напротив, разум, как настойчиво подчеркивал Циолковский, является вершиной достигнутого пока уровня организации во Вселенной. Он будет совершенствоваться и в дальнейшем, если ему удастся обуздать различные социальные катаклизмы.

Особенно эвристически ценными оказались пронизывающие метафизику Циолковского два принципа космизма. Один – знаменитый принцип: «*Судьба существа зависит от судьбы Вселенной*» [2, с. 226], который формулируется у Циолковского в связи с эволюционными трансформациями совокупностей атомов-духов (из них состоят разумные обитатели Вселенной). Он сейчас приобрел обновленный смысл, прочно вписавшись в культуру наших дней. Другой – фактически сформулированный Циолковским

(вслед за Н.Ф.Федоровым) дополнительный по своему содержанию принцип: судьба Вселенной зависит от преобразующей деятельности разума, – также не противоречит идеалам современной техногенной цивилизации. Возможно, он будет значим для культуры наступившего тысячелетия.

Итак, устаревшие представления в метафизике Циолковского парадоксальным образом сочетаются с идеями и принципами, намного опередившими свое время. Почему же проходят мимо этого современные критики космической философии нашего ученого?

Этику Циолковский считал центральным разделом космической философии. Именно этика является ценностным стержнем предлагавшихся им преобразований живой природы и общества. Но этика Циолковского глубоко погружена в его метафизику. По его понятиям, представления о добре и зле, этические нормы следует выводить из изучения Вселенной. Одно из основных своих философских сочинений он так и назвал «Этика, или Естественные основы нравственности». Но это не значит, что этика космической философии натуралистична. Основание космической этики составляли также некоторые фрагменты религиозных, философских и научных представлений: радикально переосмысленные Циолковским и дополненные нехристианскими этическими доктринами принципы христианской этики; утверждение, что источником этического начала является Причина космоса. Космическая этика включает и знания, которые можно назвать собственно научными: прошлое и будущее Вселенной, свойства материи и динамика неба, биологическая жизнь. Впрочем, их связь с этическими ценностями прослеживается слабо. Целенаправляющую роль для этических выводов играют и в этом контексте метафизические представления.

Самым глубинным из истоков этики Циолковского является ярко выраженное религиозное, мистическое чувство, которое прорывается во многих моментах космической философии, парадоксальным образом сочетаясь с оценкой церковных догматов как «суеверия». Это – «космическое сознание», проявляющее себя на уровне коллективного бессознательного К.Г.Юнга [7], в которое была погружена рациональная деятельность Циолковского как мыслителя.

Этическая система Циолковского содержит несколько взаимосвязанных уровней. Наиболее фундаментальным из них является *теистический*, который провозглашает в качестве императива «*благоговение*» по отношению к Причине Вселенной, «*послушание*» высшим человекоподобным существам космоса и «*исходящей из них истине, ведущей нас к нескончаемому и великому благу*» [1, с. 298]. Если в христианстве любовь человека к Богу неотделима от представления, что человек – «венец творения», то у Циолковского по сути это место занимает атом-дух. Для христианства заведомо неприемлем призыв к послушанию «космическим махатмам», которые становятся своего рода посредниками между Причиной космоса и человеком и рассматриваются как боги в различных рангах. С точки зрения христианства этот политеизм – не что иное, как язычество, чудовищная ересь. Естественно, неприемлем он и для материалиста, не признающего никаких богов. Далее, неприемлемым должно оказаться и фактическое отрицание свободы воли человека, долг которого – подчиняться воле Вселенной.

На *метафизическом* уровне этики Циолковского формулируется императив «любви к самому себе», или «истинного себялюбия». Но смысл его отнюдь не любовь к себе как личности. По словам Циолковского, «*оно в том – в таких наших поступках, при которых всякому атому Вселенной было бы только хорошо*» [1, с. 324]. Каждого человека посмертно ожидает «*непрерывная радость*» – «*счастье, совершенство, беспредельность и субъективная непрерывность богатой органической жизни*» [1, с. 272]. Но Циолковский сводит посмертную жизнь к бесконечным трансформациям комбинаций атомов-духов, в том числе тех, из которых состоит тело данного человека. Они могут «воплощаться» в тела высокоорганизованных существ космоса, где и будут испытывать «субъективную радость». А времени между воплощениями для них нет, атомы-духи его субъективно не ощущают, хотя бы в физическом смысле прошли миллиарды и более («биллионы биллионов») лет. В этих воплощениях и состоит посмертная жизнь человека. Внутренний мир умершего не воспроизводится, он «истребляется» смертью. Встреч с родственниками или друзьями в загробной жизни не будет, космическая этика отказывает человеку в том, что обещает ему христианство, – в бессмертии души. Отвергая претензии на личное бессмертие, Циолковский включает человека в бесконечные космические круговороты.

Итак, посмертное спасение человека, по Циолковскому, состоит в бесконечной жизни составляющих его атомов-духов, которые он рассматривал как единство материального и духовного начал, сводя к ним и человеческую душу. Загробное счастье обеспечивается для всех — добрых и злых, праведников и грешников. Свои представления ученый считал более утешительными, *«чем обещания самых жизнерадостных религий»* [1, с. 272]. Это вызывало в свое время возмущение и протест у многих христиан, о чем свидетельствуют их письма, публиковавшиеся Циолковским в приложениях к своим философским сочинениям. И в самом деле, «спасение» человека в бесконечных ритмах космической эволюции не имеет ничего общего с христианским спасением.

Но «счастье» и «блаженство», в котором пребывают атомы-духи и их совокупности — разумные существа космоса, не обеспечиваются, так сказать, автоматически. Они должны непрерывно поддерживаться активной деятельностью разума, грандиозной по своим масштабам. Истинная этика сознательных существ космоса, по Циолковскому, *«состоит в том, чтобы не было нигде никаких страданий: ни для совершенных, ни для других незрелых, или начинающих свое развитие животных»* [2, с. 185]. Надо уничтожить повсюду во Вселенной несовершенные зачатки жизни, притом для их собственного блага. Тогда примитивный гражданин Вселенной — атом-дух *«не сможет вселиться в дурное существо, ибо их совсем не будет»* [2, с. 185]. Но поскольку, согласно космической философии, «все живо» и «смерти нет», то и уничтожение жизни по сути невозможно. Смерть означает новое рождение.

На изложенных идеях Циолковского основывается *социально-практический* уровень его этики, включающий максимы, которые отвечают на вопрос: «что я должен делать?» Выдвинутые ученым проекты преобразований имеют целью «благодеяние» атома-духа и коренятся, таким образом, в метафизике автора этих проектов. Вот, например, какие вытекают отсюда *«обязанности для разумных, исполнение которых для них же самих выгодно: если исполнять их — будут счастливы, не исполнять — несчастны»*.

1) Стремиться к безболезненному погашению высшего животного мира, начиная примерно с позвоночных...

2) Стремиться к безболезненному погашению жизни неудавшихся людей. Этого можно достигнуть безбрачием таковых или бесплодными браками.

3) *Совершенствование людей заключением браков между наилучшими людьми, поощрением деторождения таковых и ослаблением деторождения менее совершенных...*

4) *Милосердие ко всему несовершенному, к животным и людям. Например, к людям больным, старым, слабым, маленьким, с несовершенными телами, чувствами, умом и т.д. Если установить жестокость, то и сами когда-нибудь ей подвергнемся и получим справедливое возмездие»* [1, с. 168–169]. Еще одна из самых парадоксальных антиномий космической философии!

Именно к этим идеям односторонне сводят все содержание космической философии те, кто хотел бы назвать Циолковского «космическим фашистом». Но мало того, что подобная процедура вырывает цитируемые рассуждения из контекста и тем самым меняет их смысл. Ведь, с точки зрения ученого, все несовершенные формы живого, подвергнутые «космической селекции», через более или менее длительное время неизбежно возрождаются в новых, более совершенных формах. Циолковский рассматривал это как благо. Для него повышение уровня организации живого не только естественными, но также искусственными способами означало движение к «спасению» жизни и разума в рамках безграничного вселенского счастья. Признаюсь, что и у меня евгенические идеи Циолковского, столь характерные вообще для 20-х годов прошлого века, но не находящие резонанса в современной культуре, вызывают отторжение. Но стоит ли бороться с ними, как с живым и грозным противником, если они остались феноменом по преимуществу архивным? Циолковский хотел сделать человечество счастливым, в этом он видел смысл своей философии.

Да и вся этика Циолковского не нашла какого-либо распространения, не оказала на нашу жизнь сколько-нибудь заметного влияния. Лишь за последние годы она неоднократно подвергалась критическому анализу со стороны изучавших ее специалистов. Говорилось, в частности, что: 1) этика Циолковского имеет значение не для наших современников, а для людей отдаленного будущего, которым и давать ее оценку [8]; 2) значительная часть рекомендаций Циолковского нравственно непривлекательна, в частности, потому, что они дают характеристику разумной силы, которая, опираясь на научные знания, смешивает истину и благо, решая проблемы создания или уничтожения, подавления или

преобразования [9, с. 370–386]; 3) позволяет нам дать с точки зрения космической перспективы нравственную оценку современной этики. Конечно, необходимо видеть антиномичность этической системы Циолковского, соединяющей принципы насилия и свободы с жестоким насилием и несвободой, уничтожением или подавлением «низших» форм жизни. Но позитивная черта его этики – призыв к учету «интересов» атомов-духов, что на языке современной культуры можно было бы переформулировать, как экологический императив. Этические размышления Циолковского об «улучшении» человеческого рода отчасти созвучны современным проектам в области генной инженерии, лечения наследственных болезней, радикального продления человеческой жизни [10, с. 129–156].

Социальная философия Циолковского исходит из идеи, что движущей силой истории человечества являются гении. *«Гении совершали и совершают чудеса. Кому же это неизвестно!»* [1, с. 15]. Гении *«нужны не только для распространения и усвоения уже открытых давно истин, хотя и не использованных людьми, но и для добывания новых. Нравственный и всяческий свет исходит от гениев»* [1, с. 15]. *«Мысли гениев бессмертны так же, как и дела их, потому что и после смерти они продолжают и дают бесконечный и беспредельный плод»* [1, с. 16]. Отсюда как раз и следует, во-первых, что необходимо «улучшение человеческой породы», имеющее целью искусственное увеличение числа гениев. Во-вторых, для этих целей необходим беспредельный рост человечества. По оценкам Циолковского, население Земли может возрасти в тысячи раз, а то и более. Современная футурология не подтверждает такой прогноз. Считается, что к 2050 году население Земли стабилизируется на уровне 10–12 миллиардов человек (проблема выхода в космос при этом не рассматривается).

Социальные утопии Циолковского ценны своим стремлением связать будущее человечества с космической экспансией. Но современная ему социально-философская мысль на них повлияла мало. Мы находим в его философии скорее определенные переключки с утопиями Т.Мора и некоторых других авторов. Критическое переосмысление утопий Циолковского в контексте культуры наших дней – самая неразработанная часть наследия ученого. Заметим, что и в этом разделе своей философии он крайне антиномичен. С одной стороны, подчеркивается необ-

ходимость самой широкой демократии в различных структурах общества – выборность всех должностей, возможность каждому быть выбранным, свобода слова, ненасилие и т.д. С другой – провозглашается жесткая регламентация различных сторон социальной жизни. Например, возможность браков только между членами определенного социального разряда, необходимость получать согласие на деторождение, запрещение размножения «несовершенным» членам общества, преступникам и их родственникам, а также многое другое. Странной выглядит и идея раздельного существования выборных органов для мужчин и женщин.

Цель неуклонного роста народонаселения (для общего повышения уровня организации космоса, увеличения количества гениев) диктует, согласно мировоззренческой концепции Циолковского, необходимость освоения не только всей Земли (ее суши, морей и океанов, ее атмосферы), но и космического пространства. *«Со временем Землю разберут до центра, чтобы образовать жилища и высшие существа, живущие кругом Солнца»* [5, с. 195]. (Впрочем, в духе присущей ему антиномичности Циолковский признавал, что *«заботы о Земле необходимы»* [1, с. 90], так как в нее попадают атомы-духи умерших, которыми продолжается посмертная жизнь людей.) Люди будут *«управлять климатом и будут распоряжаться в пределах Солнечной системы, как и на самой Земле. Будут путешествовать и за пределы планетной системы, достигнут иных солнц...»* [5, с. 249]. Человек изменит свой биологический облик, чтобы не быть привязанным к планетам или искусственной среде космических поселений. В этом смысле и надо понимать известные слова Циолковского, что *«Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели»* [11, с. 196].

Эти представления Циолковского иногда оценивают как предвосхищение модной ныне концепции устойчивого развития. А на мой взгляд, речь идет о чем-то прямо противоположном – неуклонном распространении деятельности техногенной цивилизации на земную и космическую природу с целью все возрастающей ее эксплуатации. Никаких границ для этих преобразований не выдвигается, так как ресурсы космоса безграничны. Должна быть обеспечена непрерывная деятельность ноокосмической иерархии по преобразованию космоса

на протяжении практически безграничных сроков. Современный подход к этому вопросу, как известно, резко изменился. Космическая деятельность ориентируется на сохранение нашей хрупкой «колыбели». Отброшена идея безграничного демографического роста. Хотя создание «эфирных островов» технически вполне реально, сценарий космического будущего человечества сейчас не играет серьезной роли среди сценариев решения глобальных проблем техногенной цивилизации. Напомним, что на заре космической эры мировая космонавтика наряду с освоением в земных интересах ближнего космоса большое внимание уделяла и перспективам выхода человечества в дальний космос, о чем мечтал Циолковский. (Б.Н.Кантемировым [12, с. 119–120] были проанализированы в этом аспекте проекты М.К.Тихонравова [13], а также совместный С.П.Королева и М.К.Тихонравова [14].) Но со временем произошла переориентация космонавтики преимущественно на проблемы, связанные с земными потребностями техногенной цивилизации.

Современная культура призывает ввести определенные экологические ограничения на прогресс космонавтики, переориентировав ее в земных интересах (см., например, работы С.В.Кричевского [15]). Но и сейчас выдвигаются планы экспансии разума в масштабах Вселенной, которые по своей сути очень напоминают идеи Циолковского. Ф.Типлером [16] предложен довольно экстравагантный способ обеспечить бессмертие разума в осциллирующей Вселенной на основе создания принципиально новой технологии. План Тiplера, подобно плану Циолковского, предусматривает заселение Галактики, затем местного скопления галактик, а потом и всей нашей Метагалактики.

Как же следует оценить космическую философию Циолковского? Повторим еще раз: такую оценку следует вырабатывать в историко-философском и футурологическом, а не в политологическом контексте, — даже в тех случаях, когда мы обращаемся к рассматриваемым в ней проблемам социально-политического порядка. Конечно, в истории философии мировоззренческая философия Циолковского имеет значительно более скромный ценностный статус, чем статус его работ по ракетам и космонавтике в истории науки, техники и всей мировой цивилизации XX века, необратимо изменивших не только нашу эпоху, но и будущее че-

ловечества. Если предложенный Циолковским план научно-технического освоения космоса выполняется в зримом приближении (есть, впрочем, и другие мнения), то вклад его философских идей в современную культуру хотя и очевиден, но не однозначен, вариабелен; нельзя их рассматривать как строгие предписания, которым в своем развитии должно неуклонно следовать общество.

Положительной чертой мировоззренческой философии Циолковского является, по моему мнению, стремление создать монистическую философскую систему, в которой рассматриваются фундаментальные проблемы человека и мира, жизни и смерти, истины и заблуждения, добра и зла, свободы и долга, человеческого будущего и т.д. Значительные затруднения для анализа представляет антиномичность этой концепции. Но кто знает, может, такова вообще глубинная природа человеческого мышления. Не следует ли видеть в антиномиях Циолковского диалектику, им самим не подчеркивавшуюся?

Стремясь понять место космической философии среди других подобных систем, мы констатируем, что она сильно отличается от большинства из них, так сказать, выпадает из контекста. Сам Циолковский о других философских системах говорил, что они кажутся ему странными, а их терминология – ненужной. Тем не менее он назвал ряд предшественников, фрагменты взглядов которых странным образом сочетаются с его мировоззрением: Платона, Джордано Бруно, Лейбница, Бюхнера и других. Вот почему его собственная философская система оказывается столь беспрецедентно антиномичной, переполненной парадоксами. Любопытно, что Циолковский не ссыался ни на кого из русских философов, включая Н.Ф.Федорова. Вопрос о том, как он пришел к своим идеям космического будущего человечества – под влиянием философии «общего дела» или же самостоятельно, – остается, я думаю, пока открытым. Слишком различны мотивации и ценностные ориентации обеих этих версий русского космизма. Этические и социально-философские идеи Циолковского также обнаруживают мало признаков влияния мировой философской мысли. Особенно поразительно стремление представить гражданином Вселенной чувствительный атом-дух, мифическим интересам которого должен служить человек. В современной культуре оно приобретает новый смысл – отказ от идеала антропоцентризма, который созвучен идеям критиков техногенной

цивилизации (тогда как сам Циолковский был ее горячим сторонником!). Социальная ценность научно-технического прогресса находится в процессе пересмотра ее современной культурой; его технократические версии, которым отдал столь значительную дань Циолковский, заменяются гуманистическими; укрепляет свои позиции мировоззренческое течение, получившее название биоцентризма. Дискуссионный характер сохраняет идея космического будущего человечества. Сможет ли человек настолько изменить свою биологическую природу, чтобы стать не временным, а постоянным обитателем космических поселений? Сохранится ли человечество как единое целое в процессах космической экспансии? Культура современной цивилизации не имеет обоснованных ответов на эти вопросы. Но их нетривиальность и стимулирующее влияние очевидны¹.

Литература

1. *Циолковский К.Э.* Космическая философия. М., 2001.
2. *Циолковский К.Э.* Очерки о Вселенной. Калуга, 2001.
3. *Циолковский К.Э.* Гений среди людей. М., 2002.
4. Презентизм и антикваризм как дилемма историко-научных исследований // Познание социальной реальности. Теория познания. Т. 4. М., 1995.
5. *Циолковский К.Э.* Промышленное освоение космоса. М., 1989.
6. *Казютинский В.В.* Истина и ценность в научном познании // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века. СПб., 1999.
7. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
8. *Лесков Л.В.* Космическое будущее человечества. М., 1996.
9. *Мапельман В.М.* «Космическая этика» К.Э.Циолковского // *Циолковский К.Э.* Космическая философия. М., 2001.
10. *Казютинский В.В.* Как возможна космическая этика // Космизм: традиции и современность. Труды XXIX чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э.Циолковского. Секция 6. «К.Э.Циолковский и философские проблемы освоения космоса». М., 1996.

¹ Оценка автором космической философии К.Э.Циолковского подробнее изложена в работах:

Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского в контексте русского космизма // *Циолковский К.Э.* Космическая философия. М., 2001;

Казютинский В.В. Космическая философия К.Э.Циолковского на рубеже XXI века // *Циолковский К.Э.* Очерки о Вселенной. Калуга, 2001.

11. *Циолковский К.Э.* Исследование мировых пространств реактивными приборами (1911–1912 гг.) / Избранные труды. М., 1962.
12. *Кантемиров Б.Н.* Циолковский и современные концепции космонавтики // XXXII Научные чтения, посвященные разработке творческого наследия К.Э.Циолковского. Тезисы докладов. М., 1997.
13. *Брыков А.В.* К тайнам Вселенной. М., 1993.
14. *Королев С.П.* (в соавт. с *Тихонравовым М.К.*). О перспективных работах по освоению космического пространства // Творческое наследие академика С.П.Королева. М., 1980.
15. *Власов М.Н., Кричевский С.В.* Экологическая опасность космической деятельности. М., 1999.
16. *Tipler F.* The Physics of Immortality. NY, 1995.

М.М.ШИБАЕВА,

*доктор философских наук, член-корреспондент РАН,
профессор Московского государственного
университета культуры и искусств,
Москва*

РУССКИЙ КОСМИЗМ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ Н.К.ПЕРИХА: МОТИВЫ СОЗВУЧИЯ

Человек есть природное существо, он связан с космической жизнью многими нитями, зависит от круговорота космической жизни.

Н.А.Бердяев

Космизм наш есть специфическое мировосприятие и мироощущение, носящее характер преобладания Вселенского над индивидуальным.

Е.Н.Трубецкой

Веление космической жизни зовет на подвиг светоносный... Колесо жизни насыщается величием Космоса...

Н.К.Перих

В контексте многовекового культурного опыта человечества особое место занимают духовно-нравственные искания и обретения русских философов, богословов и художников (в широком смысле слова). Начиная со «Слова об Истине и Благодати» Иллариона, содержательная емкость и художественно-эстетическое разнообразие отечественной культуры являют собой яркое свидетельство пристального интереса ее деятелей к вопросам метафизического характера – от сущности мироздания до смысложизненных (экзистенциально-аксиологических) проблем бытия.

Сложная сопряженность этих «вечных», а потому и неизменно открытых вопросов с проблемным пространством жизнедеятельности сменяющих друг друга поколений обуславливает традиционную направленность человеческой мысли на определение места людей в дуальном мире *горнего и дольнего, священного*

и мирского, «верха» и «низа», «потустороннего» и «посюстороннего», вечного и бренного. Не следует забывать и о том, что переворот, произведенный Коперником в науке в период Позднего Возрождения, а в Новое время – открытия Лобачевского и Эйнштейна (мимо которых не могли пройти как современные им мыслители, так и многие деятели мировой культуры последующих эпох) чрезвычайно обострили и усложнили саму проблему гармонизации беспредельно-вечного Макрокосма Вселенной и несоизмеримого с ним в своих пространственно-временных параметрах человеческого микрокосма. Не случайно один из ровесников Н.К.Рериха – Николай Бердяев счел необходимым напомнить о том, что *«уже Паскаль испытывал ужас перед бесконечностью пространств и остро почувствовал потерянность человека в чуждом и холодном бесконечном мире»* [1, с. 247]. Апология же принципа относительности не только применительно к картине мира, но и к комплексу экзистенциально-аксиологических проблем заметно активизировала процесс духовно-нравственных исканий.

Естественно, что все сложные переживания (от религиозно-мистических и этических до гносеологических и эстетических) по поводу «дистанции огромного размера» между небесным и земным не могли не вызвать к жизни такой специфический тип духовного опыта и творческой практики, как *антропокосмизм*. Это направление культурфилософской рефлексии и художественной деятельности базируется по сути на поиске возможных путей постижения взаимосвязей Макрокосма Вселенной и индивидуально-личностного микрокосма в целях их упорядочения. По мере развития науки и техники, а также философского типа «освоения» мира все в большей мере и *«глубже пространства и времени человек сознает, – по справедливому замечанию поэта-символиста Вячеслава Иванова, – общее их начало и основу – непрерывность...»* [2, с. 368]. И, осознавая непрерываемость ценностей жизни и ценностей культуры на общепланетарном уровне, люди пытаются определить для себя мировоззренческие ориентиры в отношении «вечных» вопросов своего бытия в «граде земном» в соотнесении его, разумеется, с «Градом Небесным» (Августин Блаженный). Вероятно, этот аспект длительного и исполненного «диалектики приобретений и утрат» (Гегель) процесса поиска ориентиров имел в виду Евгений Николаевич Трубецкой, когда писал: *«Торжество всеединого*

смысла над бессмыслицей может обнаружиться не иначе, как через полное упразднение грани *между потусторонним и посюсторонним*» (выделено мной. — М.Ш.) [3, с. 90]. Отсюда и глубокая убежденность в том, что «человек призван быть на земле *сотрудником в строительстве дома Божия; и этой задаче должна служить вся человеческая культура*» [3, с. 322].

Данный тезис является одним из сквозных для представителей религиозного направления отечественного космизма: в их трудах мотив сакральной заданности особого предназначения человеческого микрокосма, нераздельно-неизбывно связанного и природными, и культурными «нитьями» с Макрокосмом Вселенной, обретает статус специфического концепта. Синтезируя онтологический, гносеологический, историософский, этико-аксиологический подходы к вопросу о смысле существования человечества, мы видим, что концепт этот находится в проблемном пространстве *антропокосмизма*, пристальным и активным интересом к которому отмечен духовно-творческий опыт многих великих деятелей русской культуры. При явной неповторимости и мира человеческой субъективности каждого из них, и личностного «вживания-вчувствования» (Бахтин) в проблематику «Космос и мы, человечество», и, разумеется, авторского стиля воплощения «антропокосмического кредо» обнаруживается и *нечто общее* в их опыте мировоззренческих исканий и культурфилософской рефлексии.

Есть немало оснований полагать, что это общее находит свое проявление в факте поразительного единодушия подвижников русского антропокосмизма по трем ценностно-смысловым моментам: *идее всеединства, принципу креативности и идеалу гармонии, совершенства*. Обостренным вниманием к историософскому, культуротворческому и эстетическому аспектам русского антропокосмизма отмечены труды Н.Ф.Федорова и В.С.Соловьева, Н.А.Бердяева и Л.П.Карсавина, С.Н.Булгакова и П.А.Флоренского, И.А.Ильина и братьев С.Н. и Е.Н. Трубецких. Свой неограниченный вклад в развитие идеи взаимосвязи вселенского и земного, макро- и микрокосма внес и Н.К.Рерих.

Духовно-художественное наследие Николая Рериха свидетельствует, насколько глубоко и продуктивно он — один из величайших подвижников, талантливых художников и оригинальных мыслителей нашей планеты — раскрывал, интерпрети-

ровал и утверждал общечеловеческую значимость ценностей жизни и ценностей культуры под углом зрения антропокосмизма. Не считая оба типа этих ценностей противостоящими друг другу (как это характерно для неокантианцев баденской школы В. Виндельбанда и Г. Риккерта), Н. К. Рерих акцентировал внимание на путях их гармонизации в бытии человечества в условиях беспредельно-вечной Вселенной. Согласно ему, *«то, что человеческие руки разделяют, сама жизнь соединяет. Во времена, когда Восток и Запад условно противопоставляются, сама жизнь формирует основания для единой мудрости»* (выделено мной. – М. Ш.) [4, с. 127].

Достижение же этой мудрости Николай Рерих связывал с двусторонним процессом, который включает оптимальное развитие каждого из составляющих человечество этносов, обладающих, естественно, «лица не общим выраженьем», и их объединение на антропокосмических началах. *«При космическом строительстве, – читаем мы в “Иерархии”, – напрягаются все смещения и каждый народ предопределяет свою карму и свое место в эволюции»* [5, 258]. Таким образом, есть все основания полагать, что философская насыщенность и оптимистическая тональность многогранного наследия, включающего и антропокосмологические мотивы творчества Н. К. Рериха, в определенной мере питались его верностью русской идее всеединства и «все-ленского человечества» (Сухово-Кобылин). Аксиологической (ценностно-смысловой) доминантой и этическим лейтмотивом всего творчества Н. К. Рериха является мысль об объединительном начале всех народов и культур, а установка на космизацию мироотношения органично переплетается с оценкой эволюции как Макрокосма, так и включенного в его беспредельность микрокосма.

Подобного рода пафос был присущ многим ярким мыслителям России, особенно в пору Серебряного века. Вот каково, к примеру, умозаключение одного из замечательных философов конца XIX – начала XX века С. Н. Трубецкого, к которому он пришел в результате поисков ответа на вопрос о соотношении в жизни народов сакральных и фундаментальных ценностей культуры: *«Истина, добро и красота сознаются объективно, осуществляются постепенно лишь <...> в соборном сознании человечества»* (выделено мной. – М. Ш.) [6, с. 16]. Близок ему и

Л.П.Карсавин, утверждавший в труде «Философия истории», что именно *«всеединство душевного бытия и развития нашего <...> есть наш идеал, наша цель, наше должное и наше истинное бытие»* [7, с. 340].

Однако если авторы обоих тезисов раскрывали их применительно к духу и ценностям православия, пронизанного, согласно им, духом космизма, то вклад Н.К.Рериха в концептуализацию проблемы единения Макрокосма Вселенной и микрокосма человека сопряжен с *плодотворным синтезом ряда философско-религиозных подходов* к идее всеединства на всех ее уровнях. Не случайно он считал необходимым напоминать время от времени: *«Я не умаляю ни Запад, ни Юг, ни Север, ни Восток – потому что на практике разделения не существует, и весь мир разделен только в нашем сознании»* [4, с. 182], а потому *«все ступени Культуры ведут <...> за пределы национальных границ»* [4, с. 184]. Такого рода географическое «безразличие» Николая Рериха есть не что иное, как тот тип гуманизма, который, не трансформируясь в феномен космополитизма, способствует освобождению от ряда предрассудков, разъединяющих народы и препятствующих их продуктивному приобщению к этнокультурному многообразию человечества.

Отсюда, вероятно, столь же активный, сколь и «взыскующий» интерес людей самых разных профессий и мировоззренческих позиций к сути и судьбе его многолетних размышлений об истории, реалиях и перспективах культуры человечества в целом и о путях достижения высокого этико-творческого уровня всего спектра познавательных, мистико-религиозных, ценностных и художественно-эстетических отношений каждого из народов на Земле к «сокровищам Космоса» в частности. Не последнюю роль при освоении антропокосмологического пласта духовно-творческого наследия Н.К.Рериха играют, на мой взгляд, такие его особенности, как *пластичность мировосприятия и его диалогичность*: ряд его идей и аргументов вызывает ассоциации не только с Пророками и Учителями далеких культурно-исторических эпох, но и с мыслителями последнего столетия (не говоря уже об именах ярких деятелей русского и зарубежного искусства). Благодаря *поразительному искусству восприятия и правильной оценке* Николаем Константиновичем Рерихом духовно-творческих обретений и нравственных уроков

самых различных хронотопов культуры каждое из его произведений располагает читателя к диалогу по поводу сложнейших проблем, в том числе и антропокосмологических.

Более того, сами труды Рериха по глубинной сути своей являются то *диалогическое пространство*, в которое органично «вписаны» многие Имена и связанные с ними подходы к вопросам о взаимосвязи вселенского и человеческого начал. От Пифагора и Платона до современных ему мыслителей различной этнической и конфессиональной принадлежности – таков диапазон «собеседников» Рериха, с опытом которых он соотносится, руководствуясь следующей установкой: «*Когда безграничен и бесконечен человеческий устремленный порыв, то можно утвердить космическое соответствие*» [8, 780]. В этом диалоге о природных и культурных, а также об экзистенциальных факторах *гуманизации, креативизации и эстетизации* связей Макрокосма Вселенной и микрокосма человека «представлены» – и непосредственно и ассоциативно – ценностно-смысловые оттенки русского космизма. Именно поэтому вопрос о своеобразии космологических воззрений и построений Н.К.Рериха предполагает обращение и к ряду положений, выдвинутых его соотечественниками. Соотносясь же с присущей ему (как, впрочем, и ведущим представителям русского космизма) установкой на синтез сакрального, онтологического, философско-антропологического, гносеологического и эстетического направлений при разработке проблемы взаимосвязи макро- и микрокосмоса, то есть беспредельности Вселенского начала и локально-темпоральной «заданности» существования жителей земли, интересно вспомнить о наиболее близких к учению Рериха подходах некоторых деятелей русской культуры.

В связи с этим отмечу: Ю.М.Лотман, размышляя о месте феномена космизма в отечественной культуре, писал, что мотивы благодарного признания власти высшего творческого и этического авторитета звучат уже в поэзии XVIII века; тема «космос и мы», с одной стороны, ощущается уже в интонациях космической поэзии Ломоносова, где мощными чертами ветхозаветного творца наделяется закон природы, а с другой – в диалоге Бога и человека. И действительно: если вспомнить ломоносовские строки о том, что «*Открылась бездна, звезд полна, / Звездам числа нет, бездне – дна*», то вполне правомерно возводить космологизм, как одну из традиций русской культуры, к XVIII веку, то

есть к классицистско-просветительскому периоду ее развития. Именно в эту пору были явлены Западной Европе такие особенности мировоззрения отечественных просветителей, как стремление к синтезу Знания и Веры и неприятие дисгармонии. Обе эти черты русского опыта «гностического переживания» будут находить свое воплощение в культурных текстах последующих эпох, вплоть до Серебряного века: *«Из хаоса родимого – / Гляди, гляди – звезда. / Из Нет непримиримого / Слепительное Да»* (Вячеслав Иванов).

Заданная творчеством М.В.Ломоносова и Г.Р.Державина гамма тончайших переживаний (от мистико-экстатических до гносеологических и эстетических) не только породила у ряда деятелей русской культуры потребность постичь, а затем и освоить такое беспредельно-вечное явление, как *«небо – книгу между книг»* (Блок), но и активизировала их антропокосмологические искания. Думается, что в русле именно этой установки отечественный космизм изначально развивался – начиная от Любомудров и славянофилов и кончая почвенниками и символистами – как особый опыт гностических переживаний в формах *«сокровенного знания»* и *«верующего мышления»* (Киреевский), *«живознания»* (Хомяков) и *«чувствознания»* (Рерих). В ценностно-смысловом пространстве этого опыта своеобразное место занимает и тот пласт отечественной литературы, для которого характерен повышенный и весьма плодотворный интерес к антропокосмологическому «полю проблем». Он представлен жанром «Дум» и «Венков сонетов» и утопической прозой русских писателей (от «Косморамы» и «4338 года» В.Ф.Одоевского до «Сотворения легенды» Ф.Н.Соллогуба), философской поэзией символистов и акмеистов, стихотворной гранью культурного наследия Н.К.Рериха, духовно-творческой гипотетичностью «Розы мира» Д.Л.Андреева.

Понимание того, что *«Есть Бог и мир. Они живут вовек. / А жизнь людей мгновенна и убога. / Но все в себя вмещает человек, / Который любит мир и верит в Бога»* (Николай Гумилев), обусловило тот этический максимализм русских философов и деятелей искусства, согласно которому живущие на Земле должны помнить: *«Два мира есть у человека: / Один, который нас творил. / Другой, который век от века / Творим мы сами в меру сил»* (Николай Заболоцкий). Помнить для того, чтобы ощутить и как можно полнее реализовать ту особую предназначенность человека,

которую многие деятели мировой культуры трактовали как *сотворчество*. В «зеркале» же русского космизма сотворчество интерпретируется как процесс подвижнического служения идеалу гармонии «верха» и «низа», сакрального и мирского начал в человеческом бытии.

Однако в значительной мере своеобразии русского космизма питалось исканиями мыслителей, их попытками разрешения метафизических вопросов сопряженности бесконечной Вселенной с микрокосмом человеческой субъективности. Прежде чем В.И.Вернадским было создано *учение о ноосфере и о новой метасистеме «Земля – Общество – Космос»*, сколько было философов, богословов, писателей и художников, стремившихся постичь тайну «благого смысла вселенной» (В.Соловьев).

В этой связи напомним о тех духовных исканиях основоположников религиозно-философского направления русского космизма, к которым обращались – так или иначе – создатели Живой Этики.

Вынося «за скобки» ряд моментов явного несовпадения с позицией Н.К.Рериха в философских системах Н.Ф.Федорова (например, его оценка буддизма или проект «о воскрешении отцов сынами человеческими») и В.С.Соловьева (присущая ему идея всеединства апологии христианства без учета объединительных возможностей других вероучений), остановлюсь лишь на общих для них идеях в представлении о перспективах гармонизации вселенного и земного начал. Ведь подобно Рериху и Федорову, и Соловьев воспринимаются до сих пор не только как самобытные мыслители, но и как те футурологи, которые именно с будущим связывали возможности плодотворного решения человечеством ряда проблем антропокосмического характера.

К числу созвучных мотивов в творчестве трех великих мыслителей правомерно отнести прежде всего *тему ответственности микрокосма человека перед Макрокосмом Вселенной*. И в «Философии общего дела» Николая Федорова, и в «Философских началах цельного знания» и «Оправдании добра» Владимира Соловьева, и, наконец, в Учении Живой Этики, к созданию которого был причастен Н.К.Рерих, в центре внимания – проблема преодоления разобщенности людей на основе сгармонизированности в их мировоззрении и жизнедеятельности абсолютных и относительных ценностей, ответственного служения *идеалу всеединства*

человечества в целом. Однако каждый из них по-своему определял «облик» этого идеала и предлагал свой путь осуществления жизненной «сверхзадачи», ответственное отношение к которой возвышает, с их точки зрения, того, кто посвящает ей себя.

Как следует из работ Николая Федорова, в целом составляющих его проект воскрешения всех ушедших поколений, его понимание идеала по сути своей близко к Гегелю: «мерцающая форма лучшей жизни». Идея преодоления смерти через избавление человечества от разобщенности, «неродственности» обосновывается им в качестве ценности-цели и ценности-средства – в ракурсе перспективы достижения *всеединства как «великого синтеза»*. Будучи глубоко убежденным в том, что *«человек не случайное явление во вселенной, а необходимое, чрез которое вселенная переходит в высшее состояние»* (выделено мной. – М.Ш.) [9, с. 259], «московский Сократ» до последних дней своей подвижнической жизни трудился над обоснованием своего проекта на *началах супраморализма*. В соответствии со своей убежденностью в том, что *«только открытие поприща для спасения жизни может освободить человечество от пороков <...> поприща для благородной и спасительной деятельности»* [10, с. 49], Н.Ф.Федоров обращал особое, можно сказать, «взыскующее» внимание на этический аспект «неродственности». Согласно ему, пока не будет родства между поколениями и внутри поколений, в нравственной жизни людей будут сохраняться *«в разных видах и барство и рабство»* [10, с. 140], между тем как *«в родстве полнота жизни, чувства, разума, действия, примирение религии с наукою, искусством, нравственностью...»* [9, с. 254]. Именно поэтому *«внесение во все гармонии, лада, строя должно быть задачей человека»* [10, с. 367]. Не трудно заметить, что идея единения человечества в целях преображения мира на началах гармонии предполагает необходимость синтеза в его жизнедеятельности нравственного и творческого начал.

Вряд ли мог предполагать создатель «Философии общего дела» и концепции «власти психократии» на основе супраморализма, что через два-три десятилетия вдали от России его соотечественник будет подробно обосновывать мысль о том, что *«творчество нарождается устремлением к сродству»* [8, 253], устанавливая *«равновесие между проявлениями жизни»* [8, 256]. Причем в положении Живой Этики о том, что *«совместное*

устремление дает формам психодуховность» (выделено мной. – М.Ш.) [8, 253], обнаруживается ее близость не только Н.Ф.Федорову, но и В.С.Соловьеву.

Действительно, в ряде своих фундаментальных трудов по истории философии, софиологии и этике В.С.Соловьев формулирует и раскрывает ряд тезисов относительно перспектив *«вселенского синтеза общечеловеческой жизни»* [11, с. 194]. Будучи преданным данной футурологической модели и размышляя о путях ее осуществления, философ обосновывал в качестве историко-культурной ценности-цели *«образование всецелой общечеловеческой организации в форме цельного творчества, или свободной теургии, цельного знания, или свободной теософии и цельного общества, или свободной теократии»* [11, с. 177]. При этом он не раз подчеркивал зависимость судьбы этой ценностно-смысловой доминанты многовекового человеческого существования от нравственных факторов, от настроенности на «оправдание добра» посредством творческого отношения к жизни. Отсюда и его тезис: *«Настоящая объективная нравственность состоит для человека в том, чтобы он служил сознательно и свободно этой общей цели»* [11, с. 177].

Нетрудно заметить, что обе цитаты из работ В.С.Соловьева подводят к *идее Всеединства*, органично связанной с космологической интерпретацией сущности и назначения культуры, творимой сменяющимися друг друга поколениями. Сведя воедино онтологический, аксиологический, гносеологический, эстетический и экзистенциальный аспекты культурного опыта, он писал о необходимости формирования нового типа культуры, *«которая ничего не исключает, но в своей всецелости совмещает высшую степень единства с полнейшим развитием свободной множественности. <...> Эта культура будет более чем человеческою, вводя людей в актуальное общение с миром божественным»* [11, с. 175–176]. Вместе с тем, несмотря на то что создание и существование культуры неотрывно от человеческого микрокосма, подлинным субъектом историко-культурного развития, по В.С.Соловьеву, является не человек, а **космический ум**, который *«в явном противоборстве с первобытным хаосом и в тайном соглашении с раздираемого этим хаосом мировую душою или природою, которая все более и более поддается внушениям зиждительного начала, творит в ней и через нее сложное и великолепное нашей Вселенной»* (выделено мной. – М.Ш.) [11, с. 388].

Подобного рода философско-религиозные мотивы в трудах Н.Ф.Федорова и В.С.Соловьева оказались чрезвычайно созвучными духовно-нравственным исканиям Н.К.Рериха, по глубокому убеждению которого *«согласованность космических процессов <...> есть тот связующий принцип, который утверждает священное действо между духом и духом, между духом и планетой, между духом и Космосом, между Космосом и мощью Беспредельности»* [8, 94]. Причем для Н.К.Рериха более чем очевиден особый тип взаимосвязи Макрокосма Вселенной и микрокосма человека: речь идет о креативности, то есть реализации творческих потенций и интенций субъекта «священного действия». Акцентирование внимания на зависимости перспектив гармонизации отношений между двумя уровнями космической реальности от степени реализованности творческого потенциала человека – еще одна особенность антропокосмизма Рериха. Эта особенность предельно сближает его концепцию с воззрениями Л.П.Карсавина и С.Н.Трубецкого на тот тип сопряженности вселенской и земной реальности, в центре которой – человек. Так, согласно автору «Философии истории», в полной мере реализовать идеал всеединства человечество сможет лишь тогда, когда сформируется с помощью религии, философии и искусства как *«всеединое, всепространственное и всевременное существо»* (выделено мной. – М.Ш.) [7, с. 341]. Созвучен ему и Е.Н.Трубецкой, по убеждению которого истинное назначение рода человеческого заключается в том, что *«мы сами призваны быть деятельными участниками соборной жизни»* [3, с. 282], поскольку *«всеединый смысл объемлет и вечное и временное, и безусловное и относительное...»* [3, с. 333].

Обостренное внимание к экзистенциально-аксиологическим аспектам гармонизации Макрокосма Вселенной и микрокосма человека характерно и для многогранного наследия Николая Константиновича Рериха. Раскрывая специфику того типа созидательно-преобразовательной деятельности, который он отождествлял с космическим творчеством, художник-мыслитель имел в виду и особого рода субъекта.

Во-первых, с его точки зрения, прежде чем стать сотворцом «Космического Магнита эволюции», *«человечество должно учиться на переживаниях, исходящих из высших сфер и пережитых на Земле»* [8, 5]; именно такого рода «катарсис» лежит в основе

того оптимального типа мироощущения, которое Рерих назвал *духоразумием*. Во-вторых, необходимо одновременно как сохранение бережного отношения к глубинным пластам этнокультурного опыта, так и чувство исторической перспективы, ибо «если допущена смерть прошлого и запрещено будущее, – писал Н.К.Рерих, – тогда творческая энергия народа оказывается забитой в тупик...» [4, с. 65]. В-третьих, всеми гранями своей подвижнической деятельности на началах *Живой Этики* он убеждал в том, что к *порогу Света* может приблизить лишь «свободное Служение, сердечное почитание и сознательное восхождение» [5, 460].

Возможность осуществления в жизнедеятельности людей высших моментов их реализации в качестве субъекта совершенствования связей между горним и дольным Н.К.Рерих видел в том, что «космическая мощь, которая заложена в каждом импульсе человека и в творческой силе, направлена к сознательному созиданию» [5, 87]. Отсюда и *антропокосмический оптимизм* великого деятеля культуры.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
2. Иванов Вяч. Спорады / По звездам. СПб., 1909.
3. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2001.
4. Рерих Н.К. Шамбала. М., 1994.
5. Учение Живой Этики. Иерархия. М.: МЦР, 1995.
6. Трубецкой С.Н. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М., 1908.
7. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.
8. Учение Живой Этики. Беспредельность. М.: МЦР, 1995.
9. Федоров Н.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М., 1997.
10. Федоров Н.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 1995.
11. Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1988.

Л.М.ГИНДИЛИС,

*кандидат физико-математических наук, действительный член
Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского,
Научно-культурный центр SETI,
Москва*

РУССКИЙ КОСМИЗМ И ЖИВАЯ ЭТИКА

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время проявляется большой интерес к русскому космизму, появилось большое число работ, посвященных анализу этого феномена (см., например, [1]). Термин «космизм» точно не определен и не очень четко очерчен. К космистам относят мыслителей разных направлений. Это и религиозные философы – Н.Ф.Федоров, В.С.Соловьев, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, и представители естественнонаучного направления: К.Э.Циолковский, В.И.Вернадский, А.Л.Чижевский, иногда к ним относят Н.А.Умова и других философов, ученых, деятелей культуры. М.М.Шibaева выделяет в космизме следующие направления: научное, философское, религиозно-мистическое и художественно-эстетическое¹.

Что же дает основание объединить столь непохожих мыслителей в рамках философии космизма? Исследователи дают различные ответы на этот вопрос. Так А.И.Алешин, характеризуя космизм В.С.Соловьева, отмечает такие его черты, как: идея всеединства, тайна сопричастности человека (в его божественной природе) Космосу, идея софийности, значение нравственно-религиозных моментов в эволюции и бытии Космоса [2]. Л.В.Фесенкова, характеризуя космизм как целостную мировоззренческую концепцию, выделяет следующие присущие ему черты: 1) вера в космический прогресс; 2) вера в могущество человеческого разума; 3) активный характер отношений к глобальной эволю-

¹ *Шibaева М.М.* Космизм как предмет духовно-нравственных исканий в России последней трети XIX – начала XX века // Доклад на междисциплинарном научном семинаре «Космическая эволюция Земли и человечества с позиций современной науки и Учения Живой Этики», прошедшем в МЦР 27.02.2003.

ции, ее «космическое делание»; 4) вера во всеислие науки как средства устройства бытия человека; 5) уверенность в возможности достижения общественного идеала, то есть построения человеком справедливого и нравственного общества [3]. В той же работе, подчеркивая акценты, она говорит о присущей космистам **слепой вере** «*в разум, в науку, в прогресс и в активную роль человечества в развитии мира*» [3]. Отмеченные черты в той или иной мере присутствуют в философии отдельных космистов, но не у каждого можно найти полный набор, скорее имеется пересечение *по части* из этих признаков, причем область пересечения для различных групп космистов различна.

Какова же общая характеристика космизма, что такое *космизм*? На мой взгляд, *космизм – это мировоззрение, мироощущение, образ мысли, согласно которому человек есть частица Космоса, неразрывно связанная с ним многими нитями*. Вероятно, это в космизме – главное. В рамках этого общего мироощущения возможны разное отношение, разный подход к решению отдельных онтологических и этических проблем. Более того, при таком понимании космизма его можно распространить и на явления искусства. Таким образом, космизм можно рассматривать как феномен человеческой *культуры*.

Как явление мировой мысли и культуры космизм, несомненно, интернационален. Идеи глубокой связи микрокосма (человека) и Макрокосма (Вселенной) с глубокой древности были известны и широко распространены в различных культурных традициях. Вместе с тем представляется правомерным говорить о *русском* космизме, ибо целая плеяда выдающихся русских философов и мыслителей, творивших на рубеже XIX–XX веков, очень ярко (хотя и по-разному) воплотила идею космизма в своих произведениях.

Одним из ярких представителей русского космизма, несомненно, был Николай Константинович Рерих, хотя исследователи космизма по каким-то причинам часто забывают о нем. Между тем Николай Константинович, «*как и все замечательные люди своего времени, шел впереди своего века. Его мысль была устремлена в будущее. В этом будущем он видел осуществленным великое назначение человека как сотрудника Космических сил и гражданина Вселенной. Он не ограничивал жизнь человека Землею, он видел жизнь на Далеких Мирах и звал к сотрудничеству с ними. Он был твердо*

уверен, что человек выйдет за пределы планеты и вольется в жизнь Дальних Миров. Он считал, что на некоторых из них люди достигли высоких ступеней знания и силы и что землянам можно многому поучиться у них. Устремление к Дальним Мирам он считал фактором, открывающим перед человечеством новые возможности неслыханных достижений в области науки, во всех отраслях знания. Возможности человеческого знания он считал ничем не ограниченными. Он верил в великое светлое будущее человечества» [4, 581].

В этом ключе надо рассматривать и Живую Этику – Учение, принесенное в мир семьей Рерихов. Не случайно оно было дано на русском языке. Предназначенное для всего мира, оно ориентировано прежде всего на Россию¹. Это дает дополнительные основания для соотнесения его с русским космизмом.

Живая Этика представляет собой синтетическое Учение, объединяющее философию, и религию, и науку; оно включает этику и эстетику, практику духовного совершенствования и *йогу* – как руководство для установления связи с Высшими Мирами, с Высшими Космическими Силами и овладения высшими космическими энергиями. Отсюда и другое название Учения – Агни Йога. Живую Этику можно определить как Учение о Мироздании в целом, его устройстве, происхождении и эволюции; о Законах Мироздания; о роли Разумных Сил (Космического Разума) в эволюции Вселенной; о месте человека в Мироздании и тесной связи его с Космосом; об эволюции человека и человеческого общества; о нравственных основах Бытия и путях духовного совершенствования как необходимых требованиях Эволюции.

Содержание Учения изложено в 14 книгах («Листы Сада Мории. Зов», «Листы Сада Мории. Озарение», «Община», «Знаки Агни Йоги», «Беспредельность, ч. 1», «Беспредельность, ч. 2», «Иерархия», «Сердце», «Мир Огненный, ч. 1», «Мир Огненный, ч. 2», «Мир Огненный, ч. 3», «АУМ», «Братство», «Надземное, ч. 1», «Надземное, ч. 2», «Надземное, ч. 3»), изданных в 1920–1930 годы. К ним примыкают «Письма Елены Рерих» (первые два тома которых были изданы в Риге в 1940 г.), а также изданные ранее «Письма Махатм» [5], написанные в 80-х годах XIX века, и труды Елены Петровны Блаватской, прежде всего «Тайная Доктрина».

¹ «В новую Россию Моя первая весть» – Учение Живой Этики. Зов. М.:МЦР, 1994. С. 7.

Важной особенностью Живой Этики является ее ориентированность на науку. «Если учения прошлого реализовывали себя через религию и культовую практику, то Живая Этика воплощалась через науку» [6, с. 7]. Разъясняя это положение, Л.В.Шапошникова отмечает: «Мы живем сейчас в то время, когда на смену старому мышлению и сознанию приходит новое. Мышление религиозное, свойственное Пятой Расе, начинает постепенно преобразовываться в научное. Поэтому Учение Живой Этики, в отличие от предыдущих, реализует себя не через религию, а через науку» [7, с. 92].

Соотношение Живой Этики и космизма рассматривается в работе С.Ю.Ключникова [8]. Рассмотрим следующие аспекты этого отношения: 1) общая идея космизма – связь человека с Космосом, 2) отношение Живой Этики к науке, 3) «преобразование» Космоса и экологические проблемы.

ЧЕЛОВЕК И КОСМОС

Живая Этика трактует о многих проблемах бытия земного, но при этом она пронизана, если можно так сказать, «космическим пафосом». Согласно Живой Этике, Космос является источником жизни на Земле, космические законы управляют земной эволюцией. Следовательно, изучение этих законов является жизненно важным делом для человечества¹. Учение вводит два основополагающих понятия: дальние миры и Беспредельность.

«Как неслыханно красиво мыслить о кооперации с дальними мирами! Эта кооперация, начатая сознательно, вовлечет в орбиту сношения новые миры, и этот небесный кооператив будет расширять бесконечно свои возможности. <...>

Пробуждаясь, помните о дальних мирах, отходя ко сну, помните о дальних мирах» [9, 29].

«Такая очевидность, как дальние миры, совершенно не привлекает человечество. Пора бросить это зерно в мозг людской» [9, 44].

«Одно – отвлеченно рассуждать о дальних мирах, другое – осознать себя участником их» [9, 30].

¹ Ср. у К.Э.Циолковского: «Мы живем более жизнью Космоса, чем жизнью Земли, так как Космос бесконечно значительнее Земли» [Циолковский К.Э. Причина Космоса. Калуга, 1925. С. 9].

«Жажда общения с дальними мирами даст возможность приобщиться к течению Космоса» [10, 51].

«Как растолковать, что без единения миров жизнь на земной коре — нелепость?! Сознание малости и несовершенства Земли может помочь тяготению к дальним мирам.

Не забудем, что мы — микроорганизмы, населяющие складки планеты» [9, 135].

«Необходимо направить человечество на путь к дальним мирам. Такое направление может провести через все насмешки невежества до настоящей действительности. Явление дальних миров преобразит жизнь на коре планеты. Сужденная реальность даст отлив застою мелких мыслей» [11, 135].

Было бы ошибкой рассматривать эти положения как отвлеченные поэтические образы или этические «лозунги». Устремление к дальним мирам связано с самыми глубинными основами Учения. Не случайно говорится: *«Когда зовем в дальние миры, то не для отвлечения от жизни, но для открытия новых путей» [10, 44].* Не следует также противопоставлять земное и космическое. *«Мы радуемся мудрости дальних миров и должны не забывать о мудрости земной» [11, 148].*

Что же такое *дальние миры* в свете Живой Этики? Прежде всего, поскольку говорится о дальних мирах, то должны быть и миры ближние. Применительно к Земле ближние миры — это глобусы земной цепи, или сферы Тонкого Мира Земли. Дальние миры — это планеты Солнечной системы (и планеты других солнц). Каждый дальний мир (каждая планета) представляет собой семеричную *цепь глобусов*, эволюционирующих на различных планах Бытия в многомерном Космосе. Для земной цепи наш земной шар (глобус D) эволюционирует на физическом плане, два других глобуса (С и Е) — на эфирном плане, еще два (В и F) — на астральном (камическом) плане, и последняя пара (А и G) — на ментальном (кама-манасическом) плане. Высшие планеты Солнечной системы эволюционируют на более высоких планах.

Человек так же рассматривается как сложная многомерная система, состоящая из нескольких тел, или *принципов*. Подобное рассмотрение характерно для многих религиозно-философских и теологических систем.

Число принципов в различных системах неодинаково. Христианство выделяет у человека три составляющие: дух, душу и тело.

Живая Этика придерживается *семеричного* строения человека. Плотное тело (с которым люди обычно ассоциируют себя) эволюционирует на физическом плане Бытия, остальные шесть принципов – на тонких планах. Выделение тех или иных принципов в определенной мере условно, поэтому в разных школах используются различные схемы, каждая из которых не должна рассматриваться в качестве непреложной догмы. Обычно выделяют эфирное тело, астральное (или камическое), ментальное тело, буддхическое и атому. Ментальное тело, в свою очередь, разделяется на низший ум (кама-манас) и высшее ментальное тело, тесно связанное с буддхи, – высший манас, или буддхи-манас. Четыре низших принципа: физическое тело, эфирное, астральное и кама-манасическое относятся к смертному человеку; после смерти они постепенно рассеиваются и переходят в материю соответствующих планов, из которой они построены. Высшая триада – Атма, Буддхи и Высший Манас – представляют истинного Человека, его бессмертную Индивидуальность (Ego). Низшие принципы построены из материи земной цепи; высшие принципы образованы энергиями Высших Миров и связывают человека с высшими планетами Солнечной системы. Таким образом, связь человека с Космосом приобретает вполне определенное содержание. Дальнейшее углубление этих представлений можно найти в учении об энергетических центрах (чакрах) человека.

Энергетические центры представляют собой управляющие системы организма. Они пронизывают все тела, все принципы наподобие стержней (или, точнее, вихрей, вращающих пронизываемую ими материю вокруг центральной оси) и оканчиваются в физическом теле соответствующими нервными центрами. Существует центр сердца, центр легких, центр солнечного сплетения, центр темени и др. Всего главных центров человека СЕМЬ, как и семь главных планет Солнечной системы. Каждый такой центр, в свою очередь, подразделяется еще на семь центров; таким образом, общее число управляющих центров человека равно 49. Таково же и общее число планет в Солнечной системе. То обстоятельство, что астрономическими наблюдениями обнаружено только 9 планет, объясняется тем, что остальные в настоящее время эволюционируют на невидимых тонких планах. Человек, таким образом, представляет собой *миниатюрную*

копию Солнечной системы. Центры человека психомагнитными нитями связаны с центрами Солнечной системы – с Солнцем (сердцем системы) и планетами.

Так древняя идея о Микрокосме и Макрокосме и об их тесной связи приобретает вполне конкретное содержание. Следует, однако, иметь в виду важное уточнение, на которое указывает Е.П.Блаватская: «Только каббалисты средневековья, те, кто следовали евреям или одному или двум неоплатоникам, применяли термин “Микрокосм” к человеку. Древняя философия называла Землю Микрокосмом Макрокосма, человека же – результатом обоих» [12, с. 352]. Отсюда следует, что в системе Мироздания человек занимает очень важное положение. Он является *посредником* между Землей и Небом. Человечество, как высший принцип планеты, должно выполнять *определенные космические функции*: оно должно воспринимать энергии Высших Миров и отдавать их мирам нижележащим. В таком космическом метаболизме необходимо участие всего человечества, но пока это доступно немногим.

Добавлю, что, согласно Живой Этике, эволюция человеческих монад протекает по ожерелью из семи планет. Монады приходят в земную цепь с предыдущего дальнего мира и, завершив здесь свою эволюцию, уходят на следующий дальний мир. Земля – только «станция», временное пристанище монад в их эволюционном прохождении по планетам Солнечной системы. Потому прошлое и будущее человечества неразрывно связаны с дальними мирами; они оказывают существенное влияние и на его настоящее.

Согласно космогонической (и теогонической) концепции Живой Этики, наша планета (как и другие планеты) была создана Разумными Силами Солнечной Системы – Иерархией Света. Эти же Силы породили человеческие монады и продолжают руководить эволюцией человечества, *не вмешиваясь в его карму*. На ранних стадиях эволюции люди имели непосредственную связь (общение) с Разумными Силами Космоса. Это нашло отражение в легендах и мифах многих народов. По мере углубления в материю на нисходящей ветви эволюции связь с Высшими Силами постепенно ослабевала.

В романе Ч.Айтматова «Буранный полустанок» имеется очень выразительный образ. Он описывает племя манкуртов, которым надевают особый обруч на голову, чтобы они забыли о своем про-

исхождении. В какой-то мере это отражает состояние современного человечества. В романе железный обруч манкуртов переключается с ракетным «обручем» вокруг Земли, предназначенным отгородить ее от Вселенной – от Разумных Сил Космоса. Согласно Живой Этике, такой обруч вполне реален, только состоит он не из железа. Это система взглядов, оценок, ценностей, идеологии, *эгоистические* мысли и устремления, которые создают ментальный и эмоциональный *обруч человеческой обособленности*. Следует иметь в виду, что Живая Этика рассматривает мысль и чувства как особый вид тонкой материи. Низкие мысли и чувства создают не отвлеченный, а вполне реальный экран, который препятствует проникновению в ауру Земли высших энергий, нарушая тем самым закономерный космический метаболизм.

В книге Учения «Беспредельность» по этому поводу говорится: *«Там, где для геологов кончается земная кора, там для Нас она начинается. Напитанная эманациями ваших действий и насыщенная кристаллами мрака мышления человечества, эта кора представляет сопротивление тверже кремня. Но при неустанном устремлении мысли эта крепкая сфера, окружающая тесными тисками вашу Землю, может, в виде легкого испарения, исчезнуть»* [10, 2]. Развивая эти положения, Н.А.Уранов пишет: *«Ограничивая свою судьбу только пределами планеты, человечество забывает, что планета его только часть космического механизма; что человечество как высший принцип планеты должно выполнять определенные всекосмические функции. Оно должно воспринимать энергии высших миров и отдавать свои энергии мирам нижестоящим.*

“Кровообращение” Солнечной Системы – не поэтическая метафора. Невежество человечества – как тромб сосуда, и наличие этого тромба угрожает многими бедствиями планете и ее человечеству» [13, с. 275–276].

Живая Этика утверждает, что в грядущем, наступающем витке человеческой эволюции утраченная связь с Иерархией Света будет восстановлена. Но это *не означает провозглашение новой религии*. Характерной чертой всех существующих религий является опора на авторитет и неукоснительное следование принятой системе догматики. Живая Этика высоко ставит авторитет Учителя, но опирается не на догмат, не на слепую веру, а на *знание*, на свободную от всех предрассудков, раскрепощенную силу мысли, что сближает Учение с наукой. Характерно следующее высказывание из «Общины»:

«Нам не нужно богопочитания, но известное качество духа, так же как лампа согласованного напряжения» [9, 22]. Поскольку отношение к науке рассматривается как один из существенных моментов в космизме, остановлюсь на этой проблеме подробнее.

ЖИВАЯ ЭТИКА И НАУКА

В последнее время происходит изменение отношения общества к науке. В течение нескольких прошедших веков (начиная по крайней мере с эпохи Возрождения) роль науки неизменно связывалась в общественном сознании с прогрессом человеческого общества; она рассматривалась не только как средство улучшения материальных условий жизни, но и как свидетельство торжества человеческого разума, проявления его беспредельных творческих возможностей. Такое отношение особенно характерно для философии космизма. В наше время эта эйфория сменилась критическим, часто даже *негативным* отношением к науке. Такая перемена связана с тем, что сейчас особенно ярко проявились отрицательные черты созданной с помощью науки техногенной цивилизации. Быстрое исчерпание природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, не говоря уже о создании средств массового уничтожения, поставили человеческую цивилизацию на грань самоуничтожения. Более того, прогресс внешних, материальных форм жизни на фоне деградации духовных ценностей все больше приводит к «дегуманизации» общества, к построению сугубо «машинной» цивилизации. Ответственность за подобное положение вещей современный человек склонен возлагать на науку. Критическое отношение к науке проникло в массовое сознание. **Ругать науку стало модным.** И это несмотря на то, что в переходе к модели экологически защищенного устойчивого развития общества наука играет чрезвычайно важную роль. Собственно, сама проблема устойчивого развития поставлена именно на научной основе.

Одной из причин такого изменения отношения к науке помимо перечисленных объективных факторов является, на мой взгляд, также определенный *субъективный фактор*. Сейчас наука находится в преддверии глубочайших преобразований, накануне ломки всей старой парадигмы, построения новой картины мира. В этих условиях чрезвычайно активизировались деструктивные, разрушительные элементы. Не имеющие опыта научных иссле-

дований, не знакомые с научной методологией, часто не умеющие логически мыслить и не обладающие элементарной дисциплиной мышления, эти люди самоутверждаются в наскаках на науку, разоблачая ее действительные и мнимые ошибки. Маскируя собственное невежество, они облачают свои построения в оболочку наукообразных построений, думая таким образом создать «новую науку». Это сорняк, бурно разрастающийся в пограничных, еще «некультурных» областях знания. Но именно здесь, в этих областях зарождаются и истинные ростки нового знания. Задача в том, чтобы отличить зерно от плевел. С учетом этих обстоятельств рассмотрим отношение Живой Этики к науке.

Несмотря на то что картина Мироздания Живой Этики в целом не укладывается в современную научную парадигму и не пользуется научным признанием, сама Живая Этика не вступает в конфронтацию с наукой. Согласно Живой Этике, все в мире биполярно, все имеет свои положительные и отрицательные стороны. Это справедливо по отношению ко всему сущему, в том числе – к науке. В книгах Учения можно найти немало суровых замечаний в адрес современной науки, вместе с тем мы не только не найдем там отрицания науки, но, напротив, обнаружим **утверждение научного подхода и научного пути в Новый Мир**.

Соотношение Живой Этики и науки требует специального обсуждения, эта проблема достаточно многопланова. Она была проанализирована в работах [14; 15]; интересные соображения по этому вопросу развиваются А.А.Сазановым [16], С.А.Брусиловским [17] и А.В.Московским [18]; в сборнике [19] также можно найти относящиеся к данной теме материалы. К сожалению, рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на этой проблеме подробнее. Ограничусь одной важной выдержкой из «Писем» Е.И.Рерих: *«Мир будущий, мир высший грядет в доспехе лучей лабораторных. Именно лаборатории укажут на преимущество психической энергии человека над всеми до сих пор известными энергиями, но будет уявлена наглядная разница в качестве ее и, таким образом, значение духовности будет установлено в полной мере.*

Познание высших законов подчинит технику духу, и отсюда утвердится и познание высших целей, которое поведет к преобразованию всей материальной природы. Преображенная природа, преображенный дух народа подскажет и новые, лучшие формы устройства жизни» [20, с. 219].

Итак, Живая Этика отводит науке важную роль в грядущем преобразовании мира. Но для этого сама наука должна измениться. Она должна смело отбросить устаревшие догмы, стать более открытой и более одухотворенной. Некоторые тенденции в этом направлении отмечены в уже упомянутых работах [14; 15], а также в работе [21].

Орудием научного познания, как известно, является разум. Поэтому, обсуждая роль науки в развитии общества, необходимо остановиться на значении разума.

РОЛЬ РАЗУМА В ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В последнее время стали высказываться соображения об эволюционной порочности человеческого разума. Л. В. Фесенкова в работе «Русский космизм сегодня» [3] излагает концепцию Н. Амосова, согласно которой человечеству присуща определенная биологическая «порочность», причиной которой является *творческий разум*, приобретенный человеком в процессе эволюции. Неандерталец, живший согласно инстинктам, гармонично вписывался в природу, а человек разумный (*Homo sapiens*) может и не вписаться. «*В творчестве, похоже, заложена погибель человеческого рода*» [22, с. 12]. Замечу, что идея об эволюционной порочности человеческого разума, о тупиковом пути эволюции, приведшем к его появлению, была высказана И. С. Шкловским на Всесоюзном симпозиуме по поиску внеземной жизни (Таллинн, 1981), затем на Международном геологическом конгрессе (Москва, 1984). Статья с обоснованием этой точки зрения была вначале опубликована в журнале «Земля и Вселенная» со ссылкой на Международный геологический конгресс [23] и лишь затем появилась в трудах Таллиннского симпозиума [24]. Л. В. Фесенкова полагает, что подобная точка зрения заслуживает серьезного обсуждения.

Как же решает проблему разума Живая Этика?

Живая Этика считает появление интеллекта важным эволюционным приобретением, но не фетишизирует его. Согласно Живой Этике, Разум, как воплощение Духа, не существует в чистом виде. Он проявляется только через посредство той или иной материи (точнее — духоматерии).

Человеческий разум — манас проявляется через материю камического и буддхического планов, образуя низший *кама-манас* и высший *буддхи-манас*. Интеллект, или рассудочный ум, относится

к кама-манасу. Согласно Н.А.Уранову, низшие слои кама-манаса образуют «животный ум», или «лунный разум», который занят удовлетворением запросов плотного тела и астрала. Высший, или «Солнечный Разум» (Буддхи-Манас), занят усовершенствованием духа, или высшего Его, человека. Между ними находится разум, безразличный и к астралу, и к Буддхи. Это и есть рассудочный ум, интеллект, представляющий собой верхние слои кама-манаса, которые соединяют его с Высшим Разумом. *«Это бесстрастный ум, которому безразлично, служит ли он Земле или Небу, Солнцу или Луне. Он – ОРУДИЕ ПОЗНАНИЯ. Его “страсть” – познавать. Что познавать, для чего познавать – это ему безразлично. Лишь бы познавать. Этот беспринципный исследователь и есть разум современного человечества, его “научная мысль”, в силу невысокого состояния нравственности больше служащая астралу, чем Буддхи»* [25, с. 186]. Вот почему в Живой Этике говорится: *«Интеллект не есть мудрость. <...> Интеллект есть преддверие мудрости»* [11, 508].

Гипертрофированное развитие техники и «машинной цивилизации», негативные последствия чего начинают осознаваться даже на уровне обыденного сознания, вызвано гипертрофированным развитием интеллекта в ущерб развитию духовности. В *чисто рассудочной сфере* человеческий ум не может конкурировать с созданными им самим компьютерами; это направление развития разума, по-видимому, уже близко к исчерпанию. Но человеческий разум обладает неисчерпаемыми потенциальными возможностями, которые начинают проявляться через интуицию, озарения и другие высшие (пока еще мало изученные) формы сознания. **Когда в Живой Этике говорится о Космическом Разуме и его неисчерпаемых, беспредельных возможностях, то имеется в виду не интеллект, а высшие формы Разума.** Это постоянно следует иметь в виду. Возможно, и некоторые космисты не всегда осознанно (а интуитивно) подразумевали под беспредельными возможностями человеческого разума именно творческие способности его высших форм.

КОСМИЧЕСКИЙ РАЗУМ И СТРОИТЕЛЬСТВО КОСМОСА

В Космогонии Живой Этики Разуму отводится первостепенная роль. Он возникает на самых первых стадиях проявления Вселенной из непроявленного состояния – после соединения

Луча Абсолюта с Прегенетической Материей. **«Махат есть первый продукт Прадханы».** В процессе проявления Махат (Космический Разум) дифференцируется во Множестве, оставаясь в то же время *Единым* (Единым Проявленным, в отличие от Единого Неведомого – Абсолюта) благодаря психомагнитным связям между дифференцированными частицами Разума. Таким образом, Космический Разум (Махат) рассматривается как *коллективный* Разум – Иерархия Света. Это и есть тот Демииург, который творит Вселенную в новом цикле ее проявления *в соответствии с Планом Божественной Мысли* (но без предпосылки Божественного Мыслителя). Космический Разум – Демииург создает миры – планеты, звезды, звездные системы, галактики и системы более высокого порядка. Он же населяет их всеми формами жизни.

В мифологическом сознании эти Разумные Творческие Силы рассматривались как Боги. В то же время, согласно некоторым источникам, Боги сами возникают на определенном этапе проявления Космоса. *«Боги появились позже сотворения этого мира. Кто же тогда знает, когда появился мир?»* – говорится в «Ригведах» («Гимн Творения») [26, с. 81]. Живая Этика следует герметической традиции, согласно которой Боги – это бессмертные люди, а люди – смертные Боги. Нет Бога, который бы раньше не был человеком, то есть Боги должны были пройти через человеческую эволюцию. Таким образом, Живая Этика содержит доктрину об *Иерархии* (или Иерархиях) высокоразвитых разумных существ Вселенной, находящихся на различных стадиях эволюционного процесса, в том числе значительно опередивших наше земное человечество. Эта доктрина в определенной мере приближается к идеям К.Э.Циолковского о Космическом Разуме и к современным научным представлениям о внеземных цивилизациях (ВЦ). Важное различие состоит в том, что в понятии ВЦ упор делается на технологические аспекты.

Идея конструирования Вселенной и обусловленная ею идея Конструктора возникает и в современной науке в связи с антропным принципом (АП), а также с проблемой SETI. Известно, какой широкий резонанс вызвала постановка Дж.Уилером вопроса: *«Не замешан ли человек в проектировании Вселенной более радикальным образом, чем мы думали до сих пор?»* [27, с. 368]. По мнению В.В.Казюгинского, в этой формулировке *«скрывается почти невуалируемая автором мысль о надприродном, сверхъестественном*

факторе, который и является ответственным за проектирование такой Вселенной, в которой возможно существование человека» [28, с. 75]. В работе [29] была сделана попытка обосновать мысль о том, что понятия «проектирование», «строительство Вселенной» при определенных условиях вполне допустимы в рамках научного подхода. Речь идет о том, что Разум, будучи важным атрибутом Природы, может быть активным фактором в эволюции Космоса. Этой точки зрения придерживаются не только философы-космисты, но и некоторые ученые. Так, известный американский астроном О.Струве пришел к выводу, что наука в середине XX века достигла такого уровня в изучении Вселенной, когда, *«наряду с классическими законами физики, необходимо принимать во внимание деятельность разумных существ»* [30, с. 264]. Н.С.Кардашев, обсуждая стратегию поиска ВЦ, высказал мысль, что расширение наблюдаемой области Вселенной может быть *«результатом сознательной деятельности суперцивилизаций»* [31]. Еще дальше идет Ф.Хойл, который полагает, что в природе вообще нет слепых сил: *«Здравая интерпретация фактов дает возможность предположить, что в физике, а также в химии и биологии экспериментировал “сверхинтеллект” и что в природе нет слепых сил, заслуживающих доверия»* [32, с. 75]. К выводу о существовании Высшего Разума, обладающего неисчерпаемыми возможностями, исходя из научного подхода, но с разных позиций приходят Г.М.Идлис [33; 34], В.М.Липунов [35], В.В.Струминский [36], Ю.Н.Ефремов [37].

Представляется, что такой Высший Разум, «Сверхинтеллект» Хойла или «Конструктор» Уилера не обязательно должны ассоциироваться с надприродным сверхъестественным фактором. Это может быть **Космический Разум, вписанный в контекст Природы.**

В современных моделях космических цивилизаций (КЦ) рассматриваются различные варианты космокреатики, под которой подразумевается деятельность, направленная на перестройку структуры материального мира, изменение его пространственно-временных свойств и некоторых основных законов. Ряд вариантов космокреатики рассмотрен С.Лемом [38] и Л.В.Лесковым [39]. Последний рассмотрел также модели эволюции, основанные на интеграционных процессах, ведущие к появлению *коллективного разума* КЦ с последующим объединением их в рамках систем более высокого ранга – **Метацвилизаций.** Лесков не рас-

сматривает более сложные системы, но совершенно естественно допустить, что с возникновением Метацивилизаций процесс не завершается и ведет к образованию еще более сложных иерархических структур. Интересные идеи в этом плане развивает в последнее время А.Д.Панов [40]. Согласно его концепции, человеческий разум – лишь промежуточное звено в эволюции материи, за которым следуют более высокие формы организации, более высокие эволюционные ступени. Обобщая закономерности эволюции от Большого Взрыва до возникновения разума и экстраполируя их в будущее, он приходит к интересным выводам о возможных (самых общих) свойствах этих ступеней и их взаимосвязи. Эти идеи подводят нас к представлениям Живой Этики об *иерархическом строении* Космического Разума.

Творческие возможности таких Иерархий поистине безграничны – они могут создавать миры: планеты, звезды, галактики и вселенные... В настоящее время ученые уже начинают (и вполне серьезно!) рассматривать вопрос о том, как можно создать Вселенную в лаборатории! Но если наши ученые пока делают это на бумаге, то другие более развитые Разумные Существа могли бы сделать это на практике. Для существ, обитающих в такой Вселенной, сотворивший их Разум предшествует эволюции, точнее – предшествует *их* эволюции. Но сам он является плодом эволюции предыдущих циклов. Таким образом, понятия «проектирование», «конструирование», «строительство» Вселенной приобретают вполне содержательный смысл, если под Конструктором понимать не Личность, стоящую НАД Вселенной, а коллективный Разум высокоразвитых Космических Иерархий – Космический Разум.

Итак, современные научные представления приводят к идее о существовании Иерархии Строителей Космоса, что является одной из важнейших идей Живой Этики. Разумеется, между научными представлениями и концепцией Учения нет и не может быть полного совпадения, ибо исходные данные о Мироздании у них различны, но близость некоторых научных моделей и Живой Этики несомненна. Важное отличие заключается в том, что, согласно Живой Этике, как мы уже отмечали, Космический Разум осуществляет строительство Вселенной по предначертаниям Божественной Мысли (без предпосылки Божественного Мыслителя) в соответствии с Планом усовершенствования Все-

ленной на данную Манвантару, то есть в данном цикле Ее проявления. В научных моделях эти категории (во всяком случае, в явном виде) не рассматриваются.

Каково же место человека в Иерархии Строителей Космоса? Согласно Живой Этике, человек носит в зерне своего духа частицу Божественного Разума, и ему также уготована роль Строителя Вселенной. Высшее творчество, к которому должен готовить себя человек, – есть творение миров. «Человек есть сужденный создатель мира» [41, с. 376]. «К этому творчеству ведет вас Владыка» [42]. Таким образом, Живая Этика открывает перед человечеством и перед каждым человеком захватывающие перспективы. Но прежде чем они претворятся в жизнь и человек станет Гражданином Вселенной – строителем Космоса, он должен сдать экзамен на «аттестат зрелости». Должен осознать свою роль и свою ответственность, должен пройти по пути совершенствования, на который указывают духовные Учения.

ЭКСПАНСИЯ В КОСМОС

Несовершенство человека, непонимание им своего места во Вселенной, склонность к антропоцентризму привели к нарушению естественных связей человека с окружающим Миром, к отчуждению от Природы. Результатом этого стало ненормальное развитие человеческого общества, свидетелями чего мы являемся. Характерной особенностью современной эпохи является *экстенсивное* развитие по экспоненте (или даже быстрее, чем по экспоненте) нашей земной цивилизации. Самые простые расчеты показывают, что при современных темпах роста народонаселения, энергопотребления и промышленной переработки земного вещества она очень скоро достигнет *пределов развития*, за которыми дальнейший рост станет невозможным. Более строгие математические модели показывают, что при сохранении современных тенденций развития уже в первые десятилетия XXI века наступит критическая ситуация, вызванная истощением ресурсов, падением промышленного производства, резким сокращением количества пищи на душу населения при одновременно сильном загрязнении окружающей среды. По существу, это означает, что **современная техническая цивилизация перестанет существовать**. И в приведенных рассуждениях еще не упоминался кризис куль-

туры. По-видимому, одно связано с другим: современное общество *потребления* быстро идет к краху. Озабоченные повседневными проблемами, люди не вполне осознают это. Одни страны благоденствуют, переживают период относительной стабильности, изобилия товаров, роста производства при высоком уровне жизни населения; это создает *иллюзию благополучия*, но именно необходимость поддержания высокого уровня жизни и связанных с ним темпов роста производства неуклонно ведет нас к гибели. Другие, более бедные страны прилагают огромные усилия, чтобы достичь уровня передовых, и тем самым только приближают трагическую развязку.

В последние годы человечество достаточно ясно осознало эту проблему, что выразилось в концепции перехода мирового сообщества на модель **устойчивого развития**, одобренную официальной конференцией ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году. К сожалению, это осознание пришло слишком поздно. Острота ситуации состоит в том, что «коллапс» должен наступить очень скоро, в течение нескольких десятилетий. Поэтому, если бы даже человечество знало, *как* «повернуть» (или хотя бы приостановить) процесс, обладало бы средствами и волей, чтобы осуществить поворот *сегодня*, — у нас просто не хватило бы времени, ибо всякий процесс обладает определенной инерцией, в силу которой невозможно изменить его немедленно. К сожалению, история после состоявшейся в Рио-де-Жанейро конференции показала, что у человечества, в лице наиболее развитых стран мира, и прежде всего США, нет воли и желания переходить к регулируемому устойчивому развитию. Вот почему некоторые «благоприятные» модели Римского клуба, направленные на предотвращение катастрофы, практически не были реализованы.

Казалось бы, очевидный выход из положения — освоение космического пространства с его «неисчерпаемыми» ресурсами, размещение в нем энергетических установок, производства и населения. Подобные проекты, выдвигавшиеся ранее философами-космистами и имевшие в виду далекую перспективу человечества, сейчас приобрели неожиданную актуальность и начали серьезно разрабатываться [43]. Однако беда (а может быть, судьба) человечества в том, что **на такой рывок в Космос у нас тоже уже не хватает времени**. Экономика Земли похожа на тяжелогруженный транспорт, который на большой скорости мчится по бездо-

рожьё прямо к бездне. Похоже, мы уже проскочили ту точку, где надо было свернуть, чтобы вписаться в «траекторию поворота». И затормозить мы уже тоже не успеваем. Положение усугубляется тем, что никто не знает, где находится руль и тормоз. Тем не менее экипаж и пассажиры настроены весьма благодушно, полагая, что, «когда понадобится», они разберутся в устройстве транспорта и смогут совершить необходимый маневр.

Нарисованная картина не означает непременно гибель человечества (хотя тяжкие испытания для нас, видимо, неизбежны). Если человечество сможет пройти через эти испытания, то **характер развития должен коренным образом измениться**. На смену потребительской технократической цивилизации должно прийти одухотворенное гуманистическое общество, в котором культура будет занимать достойное место.

С учетом остроты ситуации вопрос иногда ставится таким образом: а нельзя ли приложить все усилия и начать энергичное освоение окружающего космического пространства, — быть может, это единственный выход, быть может, успеем? Надежда на возможность длительного экспоненциального развития часто связывается именно с выходом цивилизации в Космос, с освоением космического пространства. Но надо со всей определенностью сказать, что такая надежда совершенно безосновательна. Даже Космос с его, казалось бы, безграничными ресурсами (речь идет о физической Вселенной) *не может «противостоять» экспоненте*. Как показывают простые расчеты, **экспоненциальный рост, будучи ничем не ограниченным, даже при весьма умеренных темпах очень быстро приведет к исчерпанию ресурсов Метагалактики**. Исключение составляет модель Г.М.Идлеса — экспансия цивилизаций не вширь, а вглубь — в глубь материи, в другие квази-замкнутые миры [44]. Но это исключение не опровергает общего положения, ибо речь идет не о физическом, а об *информационном* проникновении.

Впрочем, длительный экспоненциальный рост невозможен и по другим причинам. Чтобы обеспечить постоянно увеличивающийся приток массы и энергии из окружающего пространства, цивилизация должна осуществлять экспансию с постоянно возрастающей скоростью. Когда скорость распространения достигнет скорости света, дальнейший экспоненциальный рост цивилизации прекратится, и она сможет наращивать ресурсы не быст-

рее, чем по закону t^3 [31]. Это будет хотя и более медленное, но по-прежнему *экстенсивное* развитие. И оно возможно лишь в пределах пространства, не занятого другими цивилизациями.

Философы-космисты не рассматривали количественные модели. Для них прежде всего была важна *идея* расселения человечества в Космосе. К сожалению, при этом **не принимались во внимание ни экологические, ни этические проблемы**. Развитие идей К.Э. Циолковского об эфирных городах-спутниках привело к современным моделям построения сфер Дайсона около звезд, к идеям создания «звезд-маркеров», чтобы обозначить, что у данной звезды имеется высокоразвитая цивилизация, и к другим проектам *астроинженерной деятельности*. Надо сказать, что в середине XX века, когда выдвигались подобные проекты, экологическое сознание человечества было еще недостаточно развито. Негативный опыт, накопленный нами за последние десятилетия, убедительно показал, насколько пагубно пренебрежение экологическими проблемами на Земле. Не следует допускать ту же ошибку по отношению к космической среде обитания.

Надо иметь в виду, что все планы по «освоению космического пространства» исходят из представления (антропоцентрического в своей основе), что в каждой планетной системе имеется *лишь одна* обитаемая планета, жители которой вольны распоряжаться ресурсами всей планетной системы, перестраивая ее по своему усмотрению. Но такое представление может оказаться ошибочным. Например, в Солнечной системе возможна даже белково-нуклеиновая жизнь в определенных слоях атмосферы Юпитера и других внешних планет. Сооружение сферы Дайсона вокруг Солнца резко уменьшило бы (или даже вовсе свело бы к нулю) поток солнечной радиации на эти планеты, что привело бы к гибели на них жизни. А каковы могут быть последствия перестройки планетной системы для форм жизни, имеющих иную химическую и физическую природу, — этих последствий мы даже отдаленно не можем себе представить.

Живой Этике чужд подобный подход. «*Рассматривая все окружающее только с точки зрения человеческого сознания,*— пишет Н.А. Уранов, — *человечество ОГРАНИЧИЛО свое восприятие Космоса. Если люди, например, говорят о жизни на дальних мирах, то они имеют в виду существование там именно человеческой жизни. <...> Между тем каждое космическое тело имеет свои формы*

жизни, и разнообразие этих форм беспредельно...» [45, с. 309–310]. «Идущий путем Беспредельности не мечтает размножить человечество до такой степени, когда, пожрав все ресурсы Земли, оно будет вынуждено искать их на дальних мирах. Все дальние миры есть дома, где обитают свои человечества. **ГРАБИТЬ ЭТИ ДОМА РАДИ СВОЕГО БЕССМЫСЛЕННОГО БЕСПРЕДЕЛЬНОГО РАЗМНОЖЕНИЯ** есть перенесение захватнических, грабительских тенденций с планеты в Космическое Пространство. Эта тенденция антикосмична (подчеркнуто мною. – Л.Г.) и, конечно, обречена на уничтожение» [13, с. 52].

Современные ученые и философы также начинают осознавать это.

«Сегодня мы все отчетливее понимаем, что в космосе имеются определенные экологические ограничения, причем пренебрежение к ним чревато гораздо более серьезными последствиями, чем преобразование земной природы. <...> Ясно, что человечество не должно переносить в космос модель неустойчивого развития» [46, с. 45].

Экстенсивное развитие цивилизаций может рассматриваться лишь как временный этап (или как болезнь). По окончании его цивилизация неизбежно должна перейти к устойчивому *интенсивному* развитию. Подобное развитие вовсе не означает застой. Космическая цивилизация представляет собой сложную высокоорганизованную систему, сложный организм, который выполняет определенную функцию в Космосе. Ни один организм не может расти (и не растет) безгранично. Достигая зрелости, он стабилизируется. Если говорить о биологическом организме, то даже во время роста он находится в гармонии с окружающей средой, и эта гармония сохраняется именно потому, что рост организма имеет свои пределы. Только раковые клетки, неограниченно размножаясь, пожирают среду своего обитания. Почему же цивилизация должна быть уподоблена раковой опухоли? Естественно полагать, что по окончании экстенсивной стадии цивилизация переходит в характерное для сложных систем состояние *гомеостатического равновесия* с тонкой регуляцией основных жизненных процессов, с поддержанием жизненно важных параметров в заданных пределах.

Иногда приходится сталкиваться с такой аргументацией (характерной в большей степени для западного менталитета). Движущей силой прогресса является конкуренция. Она приводит к неограниченному, неконтролируемому росту, подобному тому,

который переживает сейчас наша цивилизация. А вот стабилизация будет означать «принудительное» регулирование, она приведет к уничтожению конкуренции, развитие лишится своей движущей силы, и на смену развитию придет застой. Думается, что подобная аргументация связана с абсолютизацией определенной фазы развития цивилизаций. Если мы вновь обратимся к организму (или самоорганизующейся системе) как модели цивилизации, то увидим, что между отдельными частями такой системы, между различными органами нет никакой конкуренции. Напротив, сложная самоорганизующаяся система функционирует на основе тонкого взаимодействия, согласования функций различных ее частей. Значит, конкуренция как движущая сила развития (если она таковой является) есть явление временное. На смену ей должно прийти **сотрудничество**, согласованность, которые обеспечат более высокую стадию развития цивилизаций.

Замечу, что гармония и сотрудничество вовсе не означают прекращения борьбы и всеобщий покой. В Космосе постоянно противоборствуют две силы – сила разрушения, хаоса, проявляющаяся в росте энтропии, и сила созидательная, стремящаяся внести определенный порядок в хаотическую материю, создающая различные формы и структуры. Эту антиэнтропийную функцию выполняют Жизнь и Разум. Потому Космос постоянно сохраняет, говоря словами С.Лема, характер *«поля состязания и борьбы <...> борьбы трудной и небезопасной, но стоящей усилий»* [38, с. 106].

КОСМИЗМ ИЛИ ЭКОЛОГИЯ?

Космизм в его прямолинейной (примитивной) трактовке приводит к противоречию с экологией и этикой. Это является следствием гипертрофированного преклонения перед человеческим интеллектом и его детищем – технократической цивилизацией. Однако было бы неверно шараться от увлечения космизмом к полному отрицанию его ценности и попытками замкнуться на «чисто земных» проблемах. На мой взгляд, совершенно справедливо утверждение: *«Геоцентрическое видение выхода из антропологического кризиса и экологической катастрофы не более чем архаизм, который не вписывается в новую модель поступательного движения цивилизации»* [46, с. 46].

Живая Этика пронизана идеей строительства Космоса и, как мы видели, открывает перед человеком (и человечеством) перспективу участия в таком строительстве. И тем не менее космизм Живой Этики лишен отмеченного противоречия, ибо он не отчуждает человека от Природы, а призывает строго следовать ее законам. Строительство Космоса в соответствии с Планом на данную Манвантару и переустройство его по своему усмотрению без знания основных космических законов – вот разница между истинным космизмом и его примитивными формами, между астроинженерией и космокреатикой. Никто не будет осуждать человека, если он переставит письменный стол в своем кабинете. Но если человек, придя в гости к незнакомым людям, начнет переставлять мебель по своему усмотрению, это вызовет по меньшей мере недоумение. Также осуждение вызовет человек, который, будучи приглашен в сад, начнет вдруг выкорчевывать ценные породы растений. Но садовник, уничтожающий сорняки и больные растения, не вызовет никакого осуждения. Можно представить себе, что способен натворить невежественный человек, если он вдруг начнет нажимать неизвестные ему кнопки на чужом компьютере, стирая ценные файлы и подавая в систему совершенно неизвестные ему команды. Но если программист, создавший эти файлы или эту программу, внесет в нее свои изменения, – это будет совершенно естественно.

Беда человека в том, что он спешит взять на себя роль Космического Садовника и Космического Программиста. Тогда как нам надо еще многому учиться, прежде всего – учиться не противопоставлять себя Космосу, а жить в соответствии с его Законами.

Такой космизм не будет противоречить ни экологии, ни этике и откроет человечеству путь к выживанию.

Литература

1. Русский космизм и современность. М.: ИФРАН, 1990.
2. *Алешин А.И.* Феномен «русского космизма» (природа и исторические трансформации) // Русский космизм и современность. М.: ИФРАН, 1990.
3. *Фесенкова Л.В.* Русский космизм сегодня // Русский космизм и современность. М.: ИФРАН, 1990.
4. Грани Агни Йоги. IX. Новосибирск: Алгим, 1996.
5. The Mahatma Letters to A.P.Sinnett. London, 1923.

6. Шапошникова Л.В. Исторический процесс как космическое явление // Мир Огненный. 1995. № 1/6.
7. Шапошникова Л.В. Из выступления на совещании рериховских организаций 24 марта 1995 г. // Мир Огненный. 1995. № 3/8.
8. Ключников С.Ю. Космические аспекты философского наследия Н.К. и Е.И. Рерихов // Русский космизм и современность. М.: ИФРАН, 1990.
9. Учение Живой Этики. Община. М., 1994.
10. Учение Живой Этики. Беспредельность. Ч. 1. М., 1995.
11. Учение Живой Этики. Знаки Агни-Йоги. М., 1994.
12. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, Сиринь, 1991.
13. Уранов Н.А. Размышляя над Беспредельностью. Вып. 3. М., 2001.
14. Гиндилис Л.М. Живая Этика и наука // Дельфис. 1993. 6/н.
15. Гиндилис Л.М. Живая Этика и наука // Дельфис. 1994. № 1.
16. Сазанов А.А. Осмысление и пропаганда естественнонаучных представлений XX века как фактор развития культуры и духовности в обществе // Мир Огненный. 1995. № 3/8.
17. Брусиловский С.А. Эсхатология: мифы и реальность // Дельфис. 1996. № 1 (6).
18. Московский А.В. Наука, религия, философия и Живая Этика / Лекция в МЦР 24.04.1995.
19. Пути восхождения. Материалы международных общественно-научных конференций (1993–1994). М.: МЦР, 1995.
20. Письма Елены Рерих. В 2 т. Т. 2. Рига, 1940.
21. Гиндилис Л.М. Пирамида физического знания // Дельфис. 1996. № 1.
22. Амосов Н. Как жить, чтобы выжить // Литературная газета (Москва). 18 июля 1990 г.
23. Шкловский И.С. Существуют ли внеземные цивилизации? // Земля и Вселенная. 1985. № 3.
24. Шкловский И.С. Замечания о частоте встречаемости внеземных цивилизаций // Проблема поиска жизни во Вселенной. М.: Наука, 1986.
25. Уранов Н.А. Размышляя над Беспредельностью. Вып. 5. М., 2003.
26. Цит. по: Неру Джавахарлал. Открытие Индии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
27. Уилер Дж. Выступление в дискуссии // Космология: теория и наблюдения. М., 1978.
28. Казютинский В.В. Концепция глобального эволюционизма в научной картине мира // О современном статусе идеи глобального эволюционизма. М.: ИФ АН СССР, 1986.
29. Гиндилис Л.М. Антропный принцип: занимает ли человек исключительное место во Вселенной? // Глобальный эволюционизм. М.: ИФ РАН, 1994.
30. Цит. по: Салливан У. Мы не одни. М.: Мир, 1967.
31. Кардашев Н.С. Астрофизический аспект проблемы поиска внеземных цивилизаций // Внеземные цивилизации. М.: Наука, 1969.
32. Цит. по: Казютинский В.В. Концепция глобального эволюционизма в научной картине мира // О современном статусе идеи глобального эволюционизма. М.: ИФ АН СССР, 1986.

33. *Идлис Г.М.* От антропного принципа к разумному первоначалу // Глобальный эволюционизм. М.: ИФ РАН, 1994.
34. *Идлис Г.М.* Гармония Мироздания // Дельфис. 1994. № 2.
35. *Липунов В.М.* Научно открываемый Бог // Земля и Вселенная. 1995. № 1.
36. *Струминский В.В.* Новое мировоззрение // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 2.
37. *Ефремов Ю.Н., Гиндилис Л.М.* SETI и прогресс астрономии // Астрофизика на рубеже веков. Труды Всероссийской конференции. М.: Янус-К, 2001.
38. *Лем С.* Сумма технологии. М.: Мир, 1968.
39. *Лесков Л.В.* Космические цивилизации: проблемы эволюции. М.: Знание, 1985.
40. *Панов А.Д.* Структурный космологический эволюционизм и программа SETI // Вестник SETI. 2003. № 4 (21).
41. Письма Елены Рерих. В 2 т. Т. 1. Рига, 1940.
42. Учение Живой Этики. Иерархия. М.: МЦР, 1995.
43. *O'Neil G.K.* The Colonization of Space. Phys. Today, 1974. Vol. 27. № 9. P. 32; Mercury, 1974. Vol. 3. N 4. P. 4.
44. *Идлис Г.М.* Закономерности развития космических цивилизаций // Проблема поиска внеземных цивилизаций. М.: Наука, 1981.
45. *Уранов Н.А.* Размышляя над Беспредельностью. Вып. 2. М., 2000.
46. *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* На пути к «устойчивому» освоению Вселенной // Земля и Вселенная. 1996. № 1.

Л.В.ГОЛОВАНОВ,

доктор философских наук, профессор
Российской академии государственной службы (РАГС),
Москва

КОСМИЗМ – ОСНОВА МЫШЛЕНИЯ XXI ВЕКА

«Космизм! Каково! Никто до Циолковского не мыслил такими масштабами!.. Уже одно это дает ему право стать в разряд величайших гениев человечества... Он – человек космических просторов» [1, с. 118] – так, по словам А.Л.Чижевского, восторженно отзывался знаменитый поэт-мыслитель Валерий Яковлевич Брюсов о замечательном «калужском мечтателе», изобретателе и педагоге. *«Поистине только русский ум мог поставить такую задачу – заселить человечеством Вселенную!»* [там же].

Ныне мы без преувеличения можем сказать, что космизм пронизывает весь дух современной эпохи, составляет ее квинтэссенцию.

С успехами космонавтики общечеловеческая практика обрела новые масштабы и координаты – общепланетарное и космическое измерения, кардинальное увеличение человеческой власти над слепыми стихиями материального мира, новое преодоление немоты природы, новое снятие разных форм отчуждения. Вот, по существу, что такое космизм. Это – дальнейшее, более полное и разностороннее развертывание содержательного богатства человеческой сущности. Диалектика раскрытия и осуществления всех ипостасей творчества человека на просторах Вселенной – таков путь дальнейшего восхождения его к подлинной свободе. Все, что мешает этому, – противоречит объективным и неотвратимым императивам широко понимаемой культуры.

Испокон веков человек с душевным смятением и смутным благоговением взирал на окружающий его необъятный звездный мир. Раздумья о нем породили множество фантастических представлений, мистических верований, мифов, но вместе с тем пробудили мысль и к рациональной работе, к анализу ритмически повторяющихся небесных явлений, к попыткам свести первые умозаключения об этом мире к системным представлениям, к гипотетическим суждениям о мироздании вообще и связать их

с земными событиями. Здесь исток науки, здесь ее детство. Здесь же – и зарождение, и становление философии как особой сферы умственной деятельности.

В своем философском употреблении термин «космос» обозначал у древних греков *предельное обобщение всего видимого и невидимого*. Именно в этом смысле под влиянием Платона уже Филон Александрийский (I в. н.э.) говорил об «умопостигаемом космосе». Этот термин мы встречаем у неоплатоников, как, например, у Плотина (III в. н.э.). Вопрос о первопричине космоса в античные времена не поднимался, он возник лишь со становлением христианства, когда вместе с Библией родилась идея личного творца. Что касается космического «центра», то геоцентрическое воззрение держалось вплоть до эпохи Возрождения.

Развитие представлений о составе и строении космоса шло рука об руку с развитием всего естествознания. Изучение звездной вселенной – предмет астрономии, опирающейся на достижения математики и других естественных наук. Методологические же аспекты всего этого базируются на теоретических выводах философской мысли.

Вся совокупность научных данных о космосе говорит о его бесконечности в пространстве и во времени. С возникновением релятивистской космологии распространилась спорная точка зрения на происхождение Вселенной в результате «большого взрыва». В пользу такого взгляда как будто говорят успехи астрофизики, в частности обнаружение так называемого «красного смещения». Не умаляя естественнонаучного значения последних, заметим, что новые трактовки «конечности» Вселенной во времени и пространстве есть не что иное, как теоретические модели, которые не следует объявлять «истиной в последней инстанции». Развитие космонавтики, а с нею и астрономических исследований обогатит науку новыми фактами, которые позволят выдвинуть и новые концепции, и гипотезы, в обсуждении которых востребуются и философские знания.

Следует также иметь в виду, что большинство наших естественнонаучных достижений опирается на опыт, ограниченный земными условиями. Поэтому наши физика, химия, биология в значительной мере геоцентричны, и их теоретические выводы, выходя за рамки своих исходных экспериментальных предпосылок, могут оказаться недостаточными (как, например, известные

представления о «тепловой смерти» Вселенной). В иных, взятых условиях логические умозаключения, безупречные для привычного нам мира, могут оказаться несостоятельными, — это следует иметь в виду, чтобы не слишком увлекаться абстрактными построениями и тем более не абсолютизировать их.

Академические математические выкладки сложнейших уравнений, имеющие бесспорную важность для изошрения математического (теоретического вообще) мышления, имеют свою меру, за которой они могут выродиться в чистые умозрения, не имеющие ничего общего с действительной картиной мира. Как, например, модели эволюции Вселенной с вектором обращения времени, о которых справедливо-критично отзывался космонавт Герман Титов, подчеркивая достоинство космической практики как **непосредственной действительности**, чье значение, несомненно, выше кабинетных упражнений, чреватых мертвящей наукообразной схоластикой, пустоцветом на живом вечнозеленом древе познания. *«Космонавтика предстает в некотором роде идеальным поприщем, на котором происходит взаимное оплодотворение теории и практики, но только последняя имеет примат перед первой. И это отнюдь не умаляет огромной роли теории»* [7, с. 99].

В свете сказанного вызывают сомнения рассуждения теоретиков о предпочтительности «закрытой» (то есть ограниченной в пространстве и во времени) модели Вселенной перед «открытой» (то есть бесконечной и вечной).

Разумеется, философия не может накладывать «табу» на ту или иную точку зрения, — выбор ее за мыслящим существом, но культура, уровень действительной развитости теоретического мышления субъекта познания определяется степенью его философской образованности, философской культуры, сердцевинной, душой которой является материалистическая диалектика. От этого никуда не деться, дабы не запутаться в логических противоречиях.

Вопрос о конечности и бесконечности Космоса — предмет изучения не естествознания и тем более не математики как науки о количественных отношениях и пространственных формах действительного мира. С другой стороны, само по себе накопление фактического (эмпирического) и абстрактно-теоретического материала не может дать исчерпывающего и логически безупречного ответа на этот вопрос. Тут еще необходим и философский

анализ, опирающийся как на естественнонаучные достижения, так и на прочную основу материалистической диалектики, с которой, как кораблю с якоря в непогоду, нельзя срывать, дабы не быть ввергнутым в стихию противоречий и неопределенности.

Бесконечность – одна из наиболее трудных философских категорий, оперировать которой приходится не только космологии, но и другим наукам. В толкованиях ее с античных времен сталкивались в полемике противоположно настроенные умы. Она пугала обыденное сознание – не случайно испокон веков особой религиозностью отличались моряки, которым в их повседневной практике доводилось непосредственно соприкасаться с бескрайним океаном и необъятным небом. Острота восприятия бесконечности возросла с выходом человека в Космос. В связи с этим переосмысливаются и Земля, эта «*колыбель разума*» (К.Э. Циолковский), и призвание человека в беспредельном мире. Выработка рационального, непротиворечивого представления об осваиваемом человечеством Космосе, о Вселенной в целом с учетом разных направлений научного познания и новой (космической) практики – насущная задача современной философии.

За сорок с лишним лет со дня запуска первого советского искусственного спутника Земли представление о самой космонавтике значительно расширилось. Под нею мы понимаем не только совокупность специфических транспортных средств, но и стремительно расширяющуюся отрасль общественного производства, решающую фундаментальной значимости социально-историческую проблему – *освоение человечеством мирового пространства, а с ним – космизацию жизнедеятельности всего земного социума*. Решение большинства глобальных проблем цивилизации непосредственным образом связано с космонавтикой, которая концентрированным образом воплощает в себе сущностные черты научно-технической революции, знаменует становление нового технологического базиса «планеты людей», все более активно реализует ее неуклонно растущий интеллектуальный и материальный потенциал. В ней мы должны признать *новое качество производительных сил общества, восхождение цивилизации на существенно новую ступень*.

Это не может не наложить своего отпечатка на все грани того, что мы называем культурой. Она же – не что иное, как совокупность непреходящих материальных и духовных ценностей

общества, достигнутых в его всестороннем развитии и воплощающихся в человеке. Логика ее прогресса вызвала к жизни саму задачу, именуемую космонавтикой, и обеспечила предпосылки ее решения.

Отвечая коренным объективным потребностям общественного развития, космонавтика способствует и возвышению социальных потребностей человечества, тем самым стимулируя всесторонний рост культуры.

В свое время К.Э. Циолковский заявлял, что освоение мирового пространства неизбежно должно сопровождаться и совершенствованием отношений между людьми, рациональным обустройством их всепланетного общежития (то есть прогрессом социальной культуры), устранением из мира зла и страдания: *«Вы, живя жизнью Вселенной, должны быть счастливы...»* [3, с. 250]. Такова неотвратимая необходимость культуры в широком ее понимании, ее императив.

Все это вызревало исподволь, постепенно, чтобы в последней трети XX века инициировать чрезвычайное приращение материальных и духовных достижений человека.

С каждым научным и техническим достижением существенно меняются восприятие и видение человеком предметного бытия и способы его творческих действий. В результате меняется сам человек. Осмыслить это должным образом можно, только опираясь на философию, социологию, политологию и культурологию, так как эти науки определяют общий взгляд на мир, принципиальное отношение к нему, ценностные ориентиры и дают исходное смысловое обоснование целеустремленной человеческой деятельности. Без них последняя все равно что корабль без парусов и компаса.

Для К.Э. Циолковского это было «альфой и омегой» его исследовательских поисков и технических новаций. *«Многие думают, что я хлопочу о ракете и беспокоюсь о её судьбе из-за самой ракеты, — писал он. — Это было бы глубочайшей ошибкой. Ракета для меня только способ, только метод проникновения в глубину Космоса, но отнюдь не самоцель. Не доросшие до такого понимания вещей люди говорят о том, чего не существует, что делает меня каким-то одноклассником техником, а не мыслителем. Так думают, к сожалению, многие, кто говорит и пишет о ракетном корабле. Не спорю, очень важно иметь ракетные корабли, ибо они помогут*

человечеству расселиться по мировому пространству. И ради этого расселения я-то и хлопочу... Вся суть в переселении с Земли и в заселении Космоса. Надо идти навстречу, так сказать, космической философии!» [1, с. 118].

Именно космической философией занимается 4-е тематическое направление Российской академии космонавтики имени К.Э.Циолковского (РАКЦ), все ее отделения.

Гуманитарные аспекты космонавтики заявили о себе с самого начала – с зарождения самой идеи ее, то есть до возникновения практической космонавтики, когда о выходе человека в Космос можно было только либо мечтать, либо рассуждать в самом что ни на есть общетеоретическом плане. Последнее наиболее выразительно, убедительно и разносторонне представлено в творческом наследии К.Э.Циолковского, в трудах которого помимо умозрительных конструкций содержится и немало конкретных расчетов, на которые он опирался в своих далеко идущих рассуждениях.

Это наследие и по сию пору вызывает неоднозначное к себе отношение и разноречивые толкования: с одной стороны – безудержная, некритическая апологетика, а с другой – филистерский скептицизм, агрессивное отрицание со стороны образованного мещанина.

Однако человечество не потому вышло в Космос, что его «облагодетельствовал» или «сбил с толку на ложное целеполагание» учитель из провинциального захолустья, как это публично пытаются представить некоторые ищущие скандальной известности авторы [2, с. 11], а в силу объективных, неумолимых тенденций и закономерностей научно-технического, индустриального и социального прогресса.

Роль же выдающейся личности в истории (как и истории науки) общеизвестна – это роль повивальной бабки, облегчающей роды нового, выношенного эпохой «под сердцем». При этом наиболее дальновидные умы находят в частном решении, изобретении, открытии широко раздвигаемые горизонты, цепные реакции разнообразных научно-технических и социальных последствий, в том числе, как писал К.Э.Циолковский, «горы хлеба и бездну могущества». В уравнении реактивного движения тела с переменной массой Константин Эдуардович увидел возможность для человечества взорвать геоцентризм общественно-исторической практики и выйти на мировые просторы, не имеющие гра-

ниц. Запуск первого искусственного спутника Земли, космический полет Юрия Гагарина, высадка Армстронга на поверхность Луны и другие «звездные» события знаменовали дерзкие, сопряженные с великим риском шаги человечества на пути осуществления такой возможности.

Мы – свидетели последовательной и ускоряющейся космизации сугубо земной человеческой практики (использование космических средств для решения наземных задач) и одновременно – социализации Космоса (то есть освоения и присвоения его человеком, социумом). И в этом двуедином процессе, закономерном и объективно необходимом, помимо естественнонаучных (фундаментальных, прикладных) и инженерных (конструкторских, технологических, технико-экономических) проблем и задач все более настойчиво заявляют о себе фундаментальные гуманитарные вопросы.

«Царица наук», как порою именуют философию, – не что иное, как наука о мышлении, как специфическая сфера теоретического отражения мира *в категориях предельных обобщений*. Она обуславливает исходные посылки при формировании угла зрения на объективную действительность, выработке критериев общественной практики, определении основополагающих принципов социально значимого творчества, утверждении педагогических (дидактических и теоретико-познавательных) парадигм в системе обучения.

Определением «космическая» применительно к философии подчеркивается важнейший ее признак в новейших условиях – осознание человеком своего места в Космосе, связей всего земного с ним, необходимости выхода человеческой социальной жизнедеятельности во внеземное пространство.

Для К.Э.Циолковского характерна была недвусмысленная определенность *в общем как исходном*. Решал ли он задачи наземных транспортных средств, или преодоления силы земного притяжения, или другие какие-либо специальные вопросы, – в этом *общем* доминантой всегда было высокое нравственное начало.

Сказанное должно быть поучительно для наших современников. Особенно при разработке программных документов широкой социальной значимости, которые должны быть не механическим конгломератом инвентаризируемых текущих задач, а устремленным на перспективу концептуально обоснованным целостно-целым.

Рождение космонавтики, непосредственное инструментальное освоение околоземного пространства и, наконец, выход человека в Космос ознаменовали *качественный скачок* не только в естествознании и технике, но и в философии, в общественном сознании, в историческом прогрессе вообще. Ему предшествовали существенные успехи в естествознании, технике, технологии. Основополагающую, идейную роль сыграли труды наших соотечественников – К.Э.Циолковского, В.И.Вернадского, А.Л.Чижевского и других. Пафос творческой устремленности питали и традиции отечественной духовной культуры.

Со дня основания Российской академии космонавтики имени К.Э.Циолковского тема космизма *как специфического мироощущения и мироощущения*, а также особенности рефлексирующего сознания в априорном предположении неразрывной связи процессов в биосфере и социосфере с Космосом проходит красной нитью через творческие поиски и мероприятия гуманитарного направления РАКЦ, всех ее отделений. Примером тому служит и настоящая конференция.

Космонавтика не только побудила человечество мыслить и действовать планетарными масштабами, но и взорвала геоцентризм в его последнем прибежище – социальной практике, подтверждая многие провидческие идеи К.Э.Циолковского и А.Л.Чижевского, в которых, несмотря на подчас неоднозначные сочетания противоречивых натурфилософских представлений и смелых идеальных построений, пробивалась несоменная гениальность.

Становление и развитие космонавтики не только в России, но и во всем мире было обусловлено закономерностью исторического прогресса, ответом на независимые от чьего-либо сознания или субъективного намерения потребности и вызовы времени.

Ныне космонавтика выступает в роли новой и притом важнейшей органичной компоненты производительных сил общества. Вбирая в себя высшие достижения всех отраслей науки и техники, она явилась квинтэссенцией научно-технической революции, олицетворением самой ее сути, то есть коренных качественных изменений (скачка) в познании и практике, а также воплощения этого в *человеке как субъекте исторического творчества*.

С космонавтикой родился *принципиально новый* вид трудовой, общественно полезной человеческой деятельности, а с нею, соответственно, – и новая специальность: космонавт-профессионал, осуществляющий испытания и эксплуатацию космической техники в космическом полете.

Главная особенность этой деятельности – не просто неизведанность возможных коллизий за горизонтом доселе познанного, необычность вставших практических задач, но и экстремальность физических и прочих условий решения их, не вполне предсказуемых и фактически недоступных для воспроизведения или моделирования на Земле. Отсюда неизбежен риск, чреватый катастрофой для человека. Он сохранился и до сих пор. Этим диктуется и высшая требовательность к задачам обеспечения безопасности космонавта (или космического экипажа) на старте, в космическом полете и при возвращении на Землю. А вместе с тем – жесткие разносторонние нормативы к отбору кадров для пилотируемой космонавтики и их профессиональной подготовки. Словом, с первых шагов новой отрасли встали вопросы *социального характера*, которых до того не знала мировая практика. В этих проблемах и по сей день много непроященного, что составляет предмет заботы не только медиков и биологов, но и психологов и социологов [4].

Общеизвестны возможности, открывшиеся с космонавтикой в природоохранной деятельности, в первую очередь – перманентный глобальный экологический мониторинг биосферы, космическая геоинформатика, космические средства помощи в чрезвычайных ситуациях. Эти достижения трудно переоценить. Плодами космонавтики пользуются все народы мира: спутниковая геодезия, спутниковая навигация, спутниковая метеорология, спутниковая связь, спутниковое телевизионное вещание, спутниковая коммерческая информация, интернет, дистанционное образование, – без этого теперь невозможно представить себе повседневную жизнь «планеты людей».

Соединение достижений космических и информационных технологий интегрирует мировое сообщество в глобальную «деревню», способствует устойчивому развитию. Однако, чтобы избежать неприятных неожиданностей на этом пути в виде непредсказуемой обратной отдачи, необходима усиленная разведка будущего, а в ней без социологов и политологов не обойтись [5; 6, с. 8].

Сегодняшняя космическая деятельность — и в первую очередь пилотируемая космонавтика — кладет начало социализации внеземного пространства. С обживанием Космоса закономерно встают новые вопросы и открываются новые стороны в системе глобальных социальных и политических приоритетов.

В новом свете предстают и классические политэкономические проблемы, новые задачи — перед конкретной экономикой. Так, мы не научились еще должным образом измерять и планировать в денежном выражении совокупную космическую деятельность, оценивать экологический ущерб от нее и учитывать это в соответствующих технико-экономических расчетах; не научились прогнозировать цены на космическую продукцию и космические услуги, исчислять экономический эффект от каждого запуска космического корабля.

Многосторонняя космическая деятельность едина, ее составляющие взаимно обуславливают друг друга. И их конечная цель ориентирована на человека.

Углубление же человеческого ума в Природу в широком смысле слова (не только окружающей среды, но и самого человека) — актуальнейшая из проблем. Оно насущно необходимо — не только с общей, мировоззренческой точки зрения, но и для адекватного понимания *социогенеза* научно-технического прогресса, цивилизации в целом. Без этого невозможна ни выработка стратегии и тактики научно-технического прогресса, ни совершенствование прогнозирования, программирования, планирования, принятия управленческих решений в любой сфере материального и духовного производства. В том числе — и космонавтики.

С общетеоретической точки зрения космонавтика выступает как *общецивилизационная ценность, значение которой выходит за рамки традиционных толкований*. В первом выходе человека в Космос весь мир признал *вызов России мировой истории*. Но, опираясь на наш опыт, всемерно используя наши приоритетные идеи и разработки, этот вызов, к сожалению, ныне перехватывают другие страны. Однако объективная истина истории неумолима в своей прогрессивной поступи. Это питает наш оптимизм и обязывает к еще большей профессиональной и гражданской ответственности перед лицом настоящего и будущего.

Объемы и динамика мировой космической деятельности нарастают, и это требует совершенствования не только отраслевого управления, но и социальной политики в целом. Невозможно ожидать научно-технического прогресса в условиях неблагоприятной экономики. Необходим всесторонний критический анализ сегодняшнего состояния космонавтики, ее роли в общечеловеческом прогрессе, необходимо научное прогнозирование будущего освоения космического пространства. Без привлечения к этому делу гуманитарного корпуса специалистов не обойтись.

Литература

1. *Чижевский А.Л.* На берегу Вселенной. М.: Мысль, 1995.
2. ИГ-Наука. № 9. 2000. 18 окт.
3. *Циолковский К.Э.* Промышленное освоение Космоса. М.: Машиностроение, 1989.
4. *Береговой Г.Т. и др.* Профессиональная деятельность космонавтов и пути повышения ее эффективности / Международная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. ЦПК. Звездный городок. МО РФ: 1993 // Космическая академия. 2-е изд. М.: Машиностроение, 1993.
5. Новая парадигма развития России (Комплексные проблемы устойчивого развития). М.: Academia, 1999.
6. *Короткий Ю.* Надо выходить в Космос – ситуация определяет необходимость корректировки «Повестки дня на XXI век» // Независимая газета. 2000. 2 нояб.
7. *Титов Г.С.* Звездные шаги человечества // Коммунист. 1981. № 6.

Е.П.ЛЕВИТАН,

*доктор педагогических наук, академик РАЕН,
академик РАКЦ, заслуженный работник культуры РФ,
член Союза писателей России,
Москва*

КОСМИЗМ – ЭТО ОБРАЗОВАНИЕ, УСТРЕМЛЕННОЕ В БУДУЩЕЕ

Не являясь профессиональным философом, я не собираюсь анализировать наследие классиков космизма, и русского космизма в частности. Тем более что число выполненных в этой области работ близко к критической массе.

Полвека я занимаюсь проблемами астрономического образования и популяризацией достижений астрономии и космонавтики, что находится в тесном соприкосновении с педагогикой, психологией и философией. Особое внимание в своей работе уделяю практическому результату. На мой взгляд, он имеет важное социокультурное значение, потому что невежество россиян (и не только их) порождает в лучшем случае безразличное отношение к науке вообще (и к астрономии и космонавтике в частности) и открывает дорогу воинствующему, агрессивному мракобесию, одним из знамен которого является *псевдокосмизм* (при этом его апологеты постоянно ссылаются на «законы Космоса»).

Сие парадоксально. Ведь истоки космизма теряются в далекой древности. 2,5 тысячи лет назад древнегреческий философ Анаксагор, вопрошая: «Зачем лучше родиться, чем не родиться?», отвечал: «Чтобы восхищаться красотой Космоса». Доступный непосредственному восприятию, Космос действительно великолепен. Но еще прекраснее его глубинная красота, о которой Анаксагор и не подозревал (он думал, например, что звезды находятся между Луной и Солнцем).

Космизм – широкое понятие, и попыток его дифференциации множество. Например, понимая под «русским космизмом» не только «космическую философию», но и «поток русской

культуры», к космистам нередко относят ученых, философов, литераторов, деятелей культуры, которые в своем творчестве хотя бы «соприкасаются» с Космосом.

И Космос действительно является естественным ядром космизма. Научные (а не мифологические, религиозные и фантастические) представления о Космосе добывает астрономия, в последнее время тесно связанная с космонавтикой, вооружающей ее беспрецедентным методом исследования.

Так уж получилось, что астрономия (в силу ряда причин) стала одной из первых наук, которые родились на заре человеческой цивилизации, и даже была удостоена своей музы — Урании. Многие науки своим появлением прямо или косвенно обязаны астрономии, даже такие, как эстетика, этика и, наконец, философия. Античные философы и Кант вошли в историю астрономии.

Можно допустить некую врожденность (бессознательность) *космического чувства* у человечества и представить себе *космизм* как мироощущение человека, который издавна ощущал себя частью Космоса или даже его миниатюрой (микрокосм). Это объединяло человека с Вселенной, давало силу, укрепляло дух, становилось определенным фундаментом мировоззрения.

Однако *антропокосмизм* прошлого и настоящего не одно и то же. Человек может сравнительно легко вообразить себя причастным к примитивной трехслойной модели Вселенной или к антропоморфной Вселенной. А как быть ему, «человеку с улицы», в наши дни, когда из-за необразованности он не имеет представления о современной астрономической картине эволюционирующей Вселенной? Как представить себя частью того, о чем ты не знаешь по причине бытующей астрономической безграмотности?

Риску высказать гипотезу, согласно которой ликвидация астрономической безграмотности в нашей большой стране (сегодня нас более 145 миллионов — 7-е место в мире, только в Москве проживает 10,5 миллиона человек) необходима не только для формирования у людей иммунитета к расцветающей паранауке, но и для возрождения потерянной духовности.

При чем здесь духовность? И что вообще понимать под духовностью? Неужели только религиозность, начитанность, энциклопедичность, причастность к искусству и т.д.?

Думаю, что все это лишь разные *границы* духовности. Но среди них особое место должна занимать астрономическая грань духовности. Она — основа космического сознания и мышления, потому что здесь речь идет об ощущении человеком своей неразрывной связи с необъятной Вселенной, развитие которой привело на определенном этапе к возникновению Жизни и Разума на Земле (и наверняка не только на ней).

Казалось бы, не так уж сложно просветить народ, обучить школьников и студентов основам науки о Вселенной и т.п. Однако в настоящее время наша система народного образования этому не способствует.

Большинство из вас, вероятно, учили астрономию в школе. Это было обязательным для всех (отметка по астрономии шла в аттестат зрелости). А сейчас астрономия перестала быть «учебным предметом», хотя, к счастью, еще считается нашими педагогическими корифеями «учебной дисциплиной».

Большинство из вас, вероятно, бывали в Московском планетарии. Но для других он уже более 10 лет не работает (хотя, наконец, восстанавливается и, возможно, через 2–3 года станет лучше прежнего).

Большинство из вас выписывали научно-популярные журналы («Наука и жизнь», «Земля и Вселенная» и др.), но сейчас тиражи их упали на два порядка, а то и еще ниже.

Большинство из вас помнят огромный душевный подъем, вызванный запуском Первого искусственного спутника Земли и полетом Гагарина, но мало кто следит сейчас за работой космонавтов и астронавтов на борту МКС. То, что космонавтика стала чуть ли не «рутинным делом», неплохо, — значит, она теперь элемент повседневности. Но потеря интереса к ней чревата возникновением многих проблем, а потому необходимо формировать у людей положительное отношение к освоению Космоса, к космизации многих сфер нашей жизни (от науки и техники до искусства и философии).

Мы не должны остаться в стороне от крупной акции, к осуществлению которой приступают европейские страны. Согласно проекту ESO, будет проводиться широкомасштабный эксперимент (через Интернет, СМИ и т.д.) с целью выявления отношения всех европейцев к космонавтике. Нам это тоже необходимо. И данная конференция в своих итоговых документах могла бы

отразить мое предложение о проведении в нашей стране такой же акции, которую следовало бы начать со школ и вузов.

Несомненно, что не только выяснение истинной картины даст эта *социологическая* акция. Ее результаты, возможно, помогут научной общественности нарушить «сон разума» руководства российского образования и культуры. Ведь, повторяю, без просвещения и образования россиян все тонкоаналитические исследования русского космизма навсегда останутся игрой «чистого разума» занимающихся этим философов. А приближение к ноосферным идеалам будет оставаться лишь мечтой еще очень-очень долго...

И.А.СОСУНОВА,

*доктор социологических наук,
вице-президент Академии экологии «Ноосфера»,
руководитель Центра социальной экологии
и прикладной социологии РЭСИА,
Москва*

СОВРЕМЕННЫЙ КОСМИЗМ: ЕДИНСТВО И МНОГОЛИКОСТЬ

Современная цивилизация оказалась ныне перед проблемой глобального кризиса, достаточно убедительно прогнозируемого учеными. Традиционные пути общественного и экономического развития, эффективность которых весь «индустриальный век» не подвергалась сомнению, в новых условиях явно ведут в тупик. Технократический, бездуховный прогресс не дал личности обещанной свободы, превратив ее в штампованный культурный клон, нанес ощутимый вред природной среде и сейчас продолжает оказывать на нее разрушительное воздействие.

В такие периоды истории особо велика тяга людей к интегральным, наиболее общим идеям, придающим всему происходящему определенный смысл, а главное – дающим достаточно понятную перспективу развития. К числу таких идей, несомненно, принадлежит и космизм.

Понятие «современный космизм» можно рассматривать с различных точек зрения, хотя в первую очередь – это философское направление, имеющее более чем столетнюю традицию. Однако в современных условиях можно утверждать, что у каждого социокультурного слоя сегодняшнего стратифицированного общества есть своя версия космизма: от научной до массово-культурной.

Так, можно с очевидностью говорить о том, что современный космизм для подавляющего большинства наших сограждан – это причудливая смесь нескольких глубоких идей, связанных с единством Вселенной и местом человека в ней. Например, идеи Н.К.Рериха о рассмотрении истории и природы как единого про-

цесса «космической эволюции», чисто научных положений, малопонятных для «человека с улицы», и зачастую околоромантической графомании, сдобренной тоской по мировой гармонии и личному бессмертию.

Если говорить о распространении важнейших идей космизма и их популярности в нашем обществе, то можно констатировать следующее. Наиболее распространенной и среди мировой интеллектуальной элиты, и среди масс населения развитых стран стала сегодня идея коэволюции – совместного развития человека и Природы (Космоса) на основе отказа от антропоцентризма. По сути дела в массовом сознании происходит «геологический» сдвиг. Начинает уходить в прошлое традиционное экологическое сознание инженера, ученого, предпринимателя, администратора, которое, в сущности, было сплавом принципа Ф.Бэкона – наука нужна, чтобы покорять природу, – и позитивного идеала в образе «жюль-верновского» человека – неутомимого исследователя и труженика, мгновенно и безоглядно применяющего свои знания на практике, ограниченного в своих действиях только ресурсными возможностями. Человек после многовекового перерыва начинает снова понимать, что он, так сказать, партнер Природы, а не ее собственник.

Среди различных школ и направлений космизма особой популярностью пользуется так называемый русский космизм, расцвет которого относится к Серебряному веку русской культуры.

Для этого философского течения характерно осознание, что взаимосвязь человека и Космоса – благо, а жизнь по законам Космоса – путь к совершенствованию. В западных философских школах, рассматривающих данные проблемы, пессимизма обычно больше. Например, по взглядам известного немецкого философа Л.Клагеса, человек существовал в гармонии с Космосом лишь до появления «мыслящего Я», а как только оно появилось, мыслящий «гераклитовский человек» вступил в непримиримую и бесконечную борьбу с Природой.

В целом же влияние современного космизма на массовое сознание может быть весьма неоднозначным.

В реальных условиях современного общества космизм – наука в той степени, в которой участвует в создании концептуальных, если угодно – мировоззренческих основ космонавтики, в той степени, в которой участвует в преодолении

«инерции» научных антропоцентристских взглядов на мир. При столкновении же с массовым сознанием у него есть все шансы стать хуже, чем утопией, – полумистическим суррогатом знания. Взять, например, мысль К.Э. Циолковского о том, что человеческая воля – иллюзия, а «истинная, абсолютная власть принадлежит космосу и только ему одному», мысль Н.Ф. Федорова о воскрешении мертвых и т.д. Можно представить, какую «гремучую смесь» для незрелых умов из всего этого можно изготовить.

Но идеи русских философов-космистов конечно же оказывают определенное влияние на современных ученых, а следовательно, опосредованно и на общественное мнение различных групп населения, прежде всего интеллигенции. В конце концов даже несогласие с чем-либо – двигатель развития науки. Если же говорить о прямом положительном влиянии, то можно сопоставить, например, идею Н.К.Рериха о «космической эволюции» и теорию этногенеза Л.Н.Гумилева. Нужно, правда, оговориться, что вообще проблема взаимовлияния ученых очень тонкая и деликатная материя, но представители русского космизма несомненно оставили после себя интеллектуальное поле, стимулировавшее дальнейшие исследования взаимодействия человека и Космоса (Природы).

Разумеется, могут существенно изменить общественное сознание и повернуть его в сторону общемировых глобальных проблем и международные специализированные организации, что, кстати, и доказали известные доклады Римского клуба «Пределы роста» и «Человечество на перепутье». Именно они в начале 70-х гг. прошлого века в значительной степени повернули мировую интеллектуальную, политическую и деловую элиты лицом к экологическим проблемам. Важно только не желать невозможного: никогда изменение отражения действительно принципиальных проблем в общественном сознании путем мгновенного озарения от единичной публикации или симпозиума не происходило. Попросту говоря, в таких сложных процессах неизбежен временной лаг¹ или некоторое запаздывание. Кстати, между упомянутыми докла-

¹ Лаг (от англ. *lag* – запаздывание) – показатель, отражающий отставание или опережение во времени одного явления по сравнению с другим. (Прим. ред.)

дами и Конференцией Рио-92 – около 20 лет, да и дистанцию между интеллектуалом с международным авторитетом и рядовым обывателем тоже следует учесть.

Однако можно с уверенностью констатировать, что «космическое мировоззрение», хотя слишком много в этой сфере не только неочевидного, но и социально опасного, потихоньку прокладывает себе дорогу. Об этом свидетельствует и интерес общественности к этим проблемам.

Во всяком случае у современного космизма есть свой шанс оказать гуманизирующее воздействие на социально расколотое общество и прорисовать черты спасительного будущего.

А.В.ВОДОЛАГИН

доктор философских наук, профессор,
Москва

КАЖУЩЕЕСЯ ВРЕМЯ

(МИСТЕРИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ ГЛАЗАМИ РУССКОГО КОСМИСТА)

«Космическая философия» XX столетия, основы которой были разработаны К.Э.Циолковским, представляет собой модернизированную в свете достижений естествознания космологию древних греков с характерными для нее гилозоизмом и панпсихизмом. Выдающийся русский ученый вполне осознанно возвращался в своих теоретических построениях к архаичным представлениям о космосе как живом существе, о мировой душе как имманентной материи «лучистой энергии», проявляющейся и в психической жизни человека, на которую постоянно воздействуют все силы Вселенной, а также – некие «эфирные существа» иных эпох.

«Я – чистейший материалист», – заявлял Циолковский в 1924 г. в работе «Монизм Вселенной» [1, с. 162]. Посмотрим, в чем же состоял исповедуемый им материализм. *«Материя едина, также ее отзывчивость и чувствительность. Степень же чувствительности зависит от материальных сочетаний. Как живой мир по всей сложности и совершенству представляет непрерывную лестницу, нисходящую до «мертвой» материи, так и сила чувства представляет такую же лестницу, не исчезающую даже на границе живого»* [1, с. 163]. **Отзывчивость** – неотъемлемое, универсальное свойство материи во всех ее проявлениях. **Чувствительность** – отождествляемая Циолковским с психикой – частный случай отзывчивости. Далее начинается самое интересное.

«Отзывчива всякая частица Вселенной. Мы думаем, что она также чувствительна» [1, с. 163]. Это значит, что определенная психическая активность, согласно Циолковскому, присуща и неживой материи. *«Отзывчивы все тела космоса <...> –* твердит он. *– Мертвые тела даже иногда отзывчивее живых»* [1, с. 162]. **Мертвая жизнь, «мертвые души» – все это, оказывается, существует не только в русских сказках и поэмах. «Чувство исчезает, но отзыв-**

чивость остается и у мертвого тела, только она остается менее интенсивной и доступной более для ученого, чем для среднего человека» [1, с. 163].

Умершие не только существуют, они продолжают участвовать в нашей земной жизни, влияя на наши состояния, мысли, решения. *«Хотя, с другой стороны, количество ощущения у мертвого так мало, что мы условно или приблизительно можем считать его отсутствующим» [1, с. 163].* Мы видим, сколь далеко заходит в своем псевдоматериалистическом монизме Циолковский: отвергая на словах *«мистицизм, спиритизм, оккультизм, теософию» [1, с. 158],* он на деле приходит к отрицанию смерти как предела и конца человеческой жизни, рассматривает ее – в духе древнейших эзотерических учений – как трансформацию, переход существа в иной модус бытия. Смерть – видимость прекращения бытия. В действительности **бытие продолжается и после смерти.** Циолковский рассуждает и о *«субъективном времени умерших» [1, с. 175].* Это – «неорганическое» время, течение которого почти незаметно [1, с. 175]. Небытие же – не более чем метафора для обозначения сна или глубокого обморока, в котором пребывает атом в мире неорганическом.

«Я не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей Вселенной, – разъяснял Циолковский свою позицию. – Это свойство я считаю неотделимым от материи. Все живо, но условно мы считаем живым только то, что достаточно сильно чувствует.

Так как всякая материя всегда, при благоприятных условиях, может перейти в органическое состояние, то мы можем условно сказать, что неорганическая материя в зачатке (потенциально) жива» [1, с. 164].

Анализ натурфилософских импровизаций Циолковского позволяет проникнуть в эзотерическое ядро исповедуемой им доктрины **космического панпсихизма.** О какой чувствительности может идти речь применительно к атому, непрерывное бытие которого имеет характер длительности, то есть представляет собой «нескончаемое время»? Тут еще не может быть никакого внешнего восприятия, никакой «рефлексии-в-другое». Но уже есть некое **дорефлексивное, несознаваемое, но «чувствуемое» единство состояний, единство временного потока.** «Неорганическое» время, так сказать, течет через атом. *«Всякий атом щедро одарен временем» [1, с. 164].* Согласно Циолковскому, именно на этом «атомарном»

уровне бытия следует искать реальное единство материи (вещества), энергии (силы) и психики (чувствительности). Очевидно, здесь «нет места» смерти. Значит, любое высокоорганизованное существо в своем собственном бытии в принципе может достигнуть ярко чувствуемого и отчетливо сознаваемого бессмертия. Это, в частности, возможно в случае полного отождествления человеческого «Я» с одушевляющей его тело энергией текущего времени. Именно к такого типа «экстазу времени» стремились участники древних мистерий.

«Субъективное время – нечто совсем иное, – отмечал Циолковский. – Это кажущееся время, испытываемое организмами. У одного и того же существа оно протекает с разной скоростью. Оно идет то быстро, то медленно – в зависимости от окружающих впечатлений, душевного состояния или состава мыслей. Оно зависит от характера деятельности мозга. Во сне оно протекает быстрее. Но и тут его ход зависит от обилия сонных видений. В крепком усыплении, без сновидений, субъективное время почти незаметно. Еще незаметней в обмороке...»

Нам и не так интересно субъективное время низших существ, так как космос, в общем, переполнен жизнью даже высшею, чем человеческая.

Для низшей жизни места почти не остается. И человеческое состояние, как мы видели, есть полуживотное, переходное, младенческое и занимает незаметное место в космосе.

Господствует зрелая жизнь, и она-то нас более всего интересует.

Так же интересно представление о субъективном времени умерших, то есть атома в неорганическом теле, атома в воздухе, воде, почве. Это еще более преобладающее состояние материи» [1, с. 175].

Смерть, по мысли Циолковского, есть выход за пределы «кажущегося времени», которое всегда сопряжено с болезненными переживаниями, страданиями, и экстатическое вхождение в свет «высшей жизни», преисполненной космического счастья и радости. *«Уходящего из жизни ожидает непрерывная радость», – утверждал он, подобно Сократу [1, с. 189]. Речь шла, как и у древних, о радости, связанной с обретением космического сознания, о «восторге от созерцания бесконечной жизни мира» [1, с. 189]. Умирая, человек расстается с «иллюзией единого существа» [1, с. 191], каким он якобы был в модусе «кажущегося времени», и продолжает существование уже в качестве элемента космической жизни.*

«Люди склонны думать, что все умирает, как умирают они сами, — говорил Циолковский. — Под смертью они подразумевают вечное погасание жизни или состояния. Это одна из иллюзий ума, называемая антропоморфизмом, или уподоблением окружающего явления жизни человека» [1, с. 166]. Подобно Фридриху Ницше, Циолковский пытался выйти в своем мышлении за пределы «человеческого, слишком человеческого» (ницшеанские мотивы в его работах присутствуют), разбить основы антропоморфической метафизики индивидуальности и на пути возвращения к категориям античной натурфилософии обрести «спасительное знание» о жизни и смерти («Знание сделает нас счастливыми» [1, с. 195]).

«Мозг и душа смертны, — констатировал русский ученый. — Они разрушаются при конце. Но атомы или части их бессмертны, и потому сгнившая материя опять восстанавливается и опять дает жизнь, по закону прогресса еще более совершенную» [1, с. 166]. Закон прогресса — один из немногих реквизитов устаревшей метафизики XVIII века (назвавшей себя Просвещением), от которого Циолковский не смог избавиться (как и от «материалистической иллюзии») и который мешал ему принять истину «вечного возвращения», схваченную в прозрениях «осевого времени» досократиками и заново открытую Ницше.

Нужно отметить, что Циолковский в своих натурфилософских исканиях постоянно проявлял колебания, склоняясь попеременно то в сторону поверхностного позитивизма и сциентизма, то в сторону несовместимого с современным естествознанием архаичного мистицизма. Эти колебания, экзистенциально мотивированные христианской жадой победы над смертью, тем не менее свидетельствовали о **начавшемся в сфере духа изменении образа человека, сформированного христианской традицией**. Космологическая утопия Циолковского отмечена печатью несчастного, разорванного сознания, тоскующего по какому-то немислимому вселенскому счастью и недостижимому единодушию всех существ — и живых, и умерших. Она сигнализирует об утрате современным человеком животворящей связи с божественным Логосом — космическим Христом, привносящим в земную жизнь вододушевляющую нас целесообразность и осмысленность. В этом плане Циолковский, как и порвавший с христианским платонизмом Ницше, оказался на грани срыва в порождающую время «Бездну туманную», в неодухотворенную эйдосами ночь Безумия.

Создатель христоцентрической космологии Пьер Тейяр де Шарден различал в научном сообществе *тех, кто не видит, и тех, кто видит*, называя первых плюралистами, вторых – монистами [2, с. 143]. Очевидно, Циолковского, как последовательного мониста, можно отнести к категории видящих. Он видел главное – **единство эволюционирующей Вселенной**. Признавал **психоэнергетический характер этой эволюции, ее пронизанность универсальной волей – «волей Вселенной»**. Однако «материалистическая иллюзия» помешала ему различить духовное измерение космогенеза, его смысловую направленность и скрытую телеологию.

В своем теоретизировании Циолковский вышел далеко за пределы мыслимого, с точки зрения *соматика*-материалиста, но, оставаясь по своей ментальной конституции *психиком*, он все же не смог испытать возможности ноосферного мышления *пневматика*, хотя и стремился выйти на уровень пневматологических прозрений. Свое сложившееся в этих попытках мировоззрение Циолковский совершенно точно назвал панпсихизмом. В связи с этим мы можем говорить об ограниченности и незавершенности волонтаристической космологии Циолковского. Постулируя существование «абсолютной воли» Вселенной, он игнорировал такую сущностную характеристику воли, как целеполагание, поэтому духовно-телеологическое измерение космогенеза выпадало из его поля зрения. В результате человек (в предложенной Циолковским картине мира) оставался в беспредельной пустоте космического пространства один на один со скучной идеей прогресса, без памяти о своих прошлых жизнях и без перспективы осмысленной духовной жизни.

«Воля Вселенной» в толковании Циолковского оборачивалась, таким образом, шопенгауэровским слепым хотением или шелеровско-бергсоновским «жизненным порывом», лишенным какой-либо смысловой ориентации. Намеченный в такого рода волонтаристической космологии выход за пределы «кажущегося времени» означает не более чем очередное падение человеческой души в Бездну бессмыслицы, возвращение в языческий Хаос.

Литература

- 1 Циолковский К.Э. Гений среди людей. М., 2002.
2. Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М., 1992.

А.Н.КОЧЕРГИН,

*доктор философских наук, профессор ИПКП МГУ,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАКЦ,
Москва*

А.А.КОЧЕРГИН,

*сотрудник Института общей генетики,
менеджер фирмы КОЛМИ*

НООСФЕРА: PRO ET CONTRA

Факт вступления человеческой цивилизации в качественно новое по сравнению с предшествовавшими этапами ее развития состояние становится все более очевидным. Одним из показателей, затрагивающим основные системы жизнеобеспечения современного общества, является возникновение и интенсификация глобальных техногенных процессов — процессов создания искусственных систем, процессов энерго- и массообмена и преобразования вещества, процессов связи и т.д. Ориентация цивилизации на человека как единицу военного приложения и элемент технологического процесса, рассматриваемый в качестве средства получения экономической прибыли, задает развитию этой цивилизации такие целевые установки, при которых остается лишь подсчитывать шансы человечества на выживание. Наличие такой ориентации таит в себе угрозу существованию цивилизации. Техносфера усиливает интенсивность своего воздействия на биосферу, являющуюся общепланетарным жизнеобеспечивающим средством. Техногенное влияние на среду обитания человека подошло к критической черте. Угроза глобального уничтожения жизни приобрела столь реальные очертания, что в структуре современных ценностей в качестве главной в планетарном масштабе выступает сама жизнь.

В этих условиях необходимо осознание человечеством гибельности сугубо техногенного пути развития цивилизации. Сейчас представление о том, что можно думать о собственном

благополучии, не думая о жизненных возможностях животного и растительного мира, дискредитировало себя. Реальный учет запускаемых человеком глобальных техногенных процессов должен подвести к необходимости изменения системы ценностных ориентаций общества, его целевых установок. Эпоха чисто потребительского отношения общества к природе закончилась. Человечество должно осознать, что его выживание обусловлено прежде всего изменением самого характера его отношения к природе. Общество может развиваться в той мере, в какой это позволяют возможности природы. Реализация этих надежд ассоциируется с установлением ноосферы, означающим переход от материально-ориентированной к духовно-ориентированной цивилизации (в которой сознание будет определять бытие) и устойчивому развитию (понимаемому как способность человечества аккумулировать свободную энергию для купирования негативных последствий техногенной деятельности). В связи с этим возникает проблема обоснованности и возможности создания ноосферы, ее решения с учетом всех «за» и «против».

Прежде всего речь пойдет о том, в какой мере современная экологическая ситуация обуславливает необходимость ноосферы.

В принципе нельзя ограничить использование природы для нужд общества. Все, что есть в природе, так или иначе может быть использовано человеком, если не сейчас, то в будущем. Все зависит от уровня развития научных знаний и используемых природо-преобразующих средств. Но ни одна сила природы не может быть использована обществом раньше, чем для этого созреют необходимые практические и теоретические предпосылки. Хотя в отличие от животных человек обладает способностью к целенаправленной осознанной деятельности, ни одна цель не может быть достигнута без применения природных законов, сил и предметов. Все человеческие потребности, интересы и цели детерминируются условиями материальной жизни, включая и окружающую человека природную среду. И если бы они были оторваны от этих условий, то никогда не были бы удовлетворены. В действительности потребности человека являются отражением материальных условий и всегда ориентированы на них. А поскольку деятельность общества по удовлетворению своих потребностей предполагает использование природы, то без учета этого фактора ни одна потребность человека не может ни возникнуть, ни быть удовлетворенной.

Процесс использования природных ресурсов, связанный с удовлетворением потребностей общества, носит противоречивый характер. С одной стороны, этот процесс ведет к накоплению общественного богатства и к улучшению материальных условий жизни людей, с другой – к истощению природных ресурсов, возникновению экологического кризиса и, следовательно, к ухудшению условий жизни общества. Это противоречие в острой форме проявляет себя в условиях нерационального природопользования, при нарушении гармонии между обществом и природой. Отсюда следует, что удовлетворение общественных потребностей не должно осуществляться за счет уничтожения природы. Более того, перспективные интересы общества в отношении природы должны быть поставлены выше интересов непосредственной сиюминутной выгоды. Но возможно ли это, и если да, то в какой мере и при каких условиях?

Конец XX – начало XXI в. со всей очевидностью демонстрируют тот факт, что природа глобально реагирует на техногенную деятельность человечества. Техногенная цивилизация переживает глобальное кризисное состояние во многих проявлениях. В европейской культуре существует мощная традиция, согласно которой панацеей от всяких кризисов выступает наука, научно-технический прогресс. Однако сейчас становится ясно, что одной науке с этим кризисом справиться не удастся. В связи с этим возникает потребность трезво оценить уроки техногенной цивилизации, ее целевые ориентации, системы жизнеобеспечения, переосмыслить характер отношений общества и природы.

В современную эпоху природа начинает входить в структуру производительных сил в качестве всеобщего предмета труда. Ориентация на комфорт как высшую ценность дала толчок к развитию техногенной цивилизации, появлению глобальных техногенных процессов. Поскольку развитие технологии имеет свои закономерности, которые действуют в любых социально-экономических системах, то экологическая проблема коснулась всех стран независимо от их социально-экономического устройства. Ускоренное наращивание средств производства затронуло существенные экологические связи биосферы, охватило все ее структурные и функциональные уровни. Поэтому понимание предметов природы как природных объектов, которые еще необходимо с помощью социальной деятельности

вводить в процесс труда, не соответствует современному состоянию процесса взаимодействия общества и природы. Процесс производства из локального взаимодействия с отдельными биогеоценозами перерастает в процесс, охватывающий биосферу в целом. Биосфера во всей совокупности внутренних взаимосвязей стала всеобщим предметом труда. Природа начинает выступать как целостная подсистема, и, независимо от того, входят ли все ее элементы непосредственно в процесс производства, она становится многофункциональной. Если рассматривать процесс труда с точки зрения предмета труда, то и средства труда, и предметы труда выступают средствами производства. Система «общество – природа», реализуемая в производстве, приводит в согласование целостность общественной деятельности с целостностью биосферы. В процессе развития производственной деятельности общество начинает взаимодействовать не с локальными участками биосферы, а с биосферой в целом. Как целостная система со своими специфическими законами функционирования, биосфера требует единой стратегии общества в природообразующей социальной деятельности, а значит, консолидации социальной деятельности по отношению к природе в глобальном масштабе. По сути мы имеем дело с перерастанием социально-природной проблемы в проблему социальную. Научно-технический прогресс характеризуется прежде всего тем, что экологические проблемы становятся все более социальными. Они включаются в структуру внутренних связей системы «общество – природа», и их решение невозможно без учета всех элементов целостной системы. Иными словами, решение экологических проблем входит неотъемлемой частью в более широкую проблему оптимизации взаимоотношений в системе «природа – общество – личность». Отсюда вытекает необходимость согласованного решения проблемы отношений разных типов: «общество – природа» и «человек – общество». Оптимизация системы «общество – природа» требует, таким образом, овладения тремя противоречивыми сущностями, тремя видами природы: внешней природой, социальной природой и внутренней природой человека. Незрелость, несоответствие одного из компонентов уровню развития системы в целом тормозят ее дальнейшее совершенствование.

Возникновение глобальных техногенных процессов привело к тому, что экологическая проблематика все больше входит во все сферы и уровни общественного сознания. В связи с этим начинается осознание необходимости пересмотра многих ценностных установок техногенной цивилизации с точки зрения достижения гармонического взаимодействия общества и природы. Гуманизм больше не может трактоваться как эгоизм вида *Homo sapiens*, поскольку именно такая трактовка привела в конечном счете к экологическому кризису, повреждению природной среды глобальными техногенными процессами.

Сейчас можно констатировать, что острота проблемы взаимодействия общества и природы превзошла ожидаемую по существовавшим оценкам. Возникавшие не базе того или иного сценария прогнозы общего экологического сдвига оказывались все же локальными. Дело в том, что незнание суммарного механизма повреждения естественной среды обитания антропогенными факторами у многих исследователей породило иллюзию слабого влияния человека на громадную планетную устойчивость. Господство одно- или малопараметрических моделей нарушения биосферного равновесия усиливало эту иллюзию и локализовало внимание на поверхлежащих фактах. В стороне от изучения остались вопросы деформации геофизического портрета Земли в электромагнитном отношении, изменения физико-химических условий в ионо- и магнитосфере, порождения новых сейсмонагруженных районов, мирового картирования техноэнергетического давления, существования мегаполисов как геофизических аномалий и т.п. Время, просуммировав отдельные поражающие факторы, сформировало реальный «наземный сценарий» биосферной деформации, все более возрастающей по мере реализации мировых тенденций промышленного роста. Этот «сценарий» возник в результате взаимодействия «встречных пучков» геологических и технологических процессов. Внедрение технологических процессов в совокупность геологических процессов обозначило качественно новый этап глобального конфликта человека и природы.

В настоящее время естественное целостное эволюционное развитие нашей планеты по ее пространственно-временной траектории пересеклось с траекторией совокупной человеческой деятельности. Эта деятельность, организуемая психологической

готовностью людей использовать свою активность в «борьбе с природой» в целях «экономических и военных выгод», приобрела глобальный и тотальный характер. Глобальность такой деятельности заключается в том, что техногенная концепция преобразования природы воплощена в человеческих действиях, масштаб которых соизмерим с масштабом тех или иных геологических процессов или превосходит его. Усиленная мобилизация вещества и энергии в производственных процессах становится доминантой творческого напряжения людей и объяснением их предназначения. Тотальность этой деятельности заключается в том, что результаты техногенной экспансии адресуются каждому дышащему существу планеты. Из всех возможных альтернатив организации жизни на планете человеком избран путь преобразования природы в таких нормах и при таких скоростях, которые обеспечивали бы его благо. С помощью средств массовой коммуникации эти нормы соответствующим образом ориентируют массовое сознание. Поэтому современные формы и способы преобразования природного состояния планеты основываются на психологическом настрое людей следовать этим нормам. А это значит, что темпы развития техносферы не только нарушают биогеоценотические системы, но и со все большей активностью внедряются в область человеческих возможностей. Человек, таким образом, все с большей психологической готовностью и полнотой стремится к усилению мощности техносферы. Таким образом, можно сказать, что центральным продуктом антропогенной деятельности, ускоряемой научно-техническим прогрессом, является техносфера, развивающаяся по законам максимизации информо- и энергоемкости на элементарный шаг технического прогресса. Именно этот факт лежит в основе наращивания скорости становления техносферы и интенсивности ее разрушающего воздействия на биосферу, геологическую среду и геокосмос.

Масштаб включения человечества в быстро протекающие глобальные технические процессы сейчас беспрецедентен, что заставляет землян быть предельно внимательными к возможным последствиям этого для цивилизации. Более того, и сам процесс развития техногенной цивилизации является процессом с короткой памятью. Наряду с отсутствием адекватных возможным последствиям прогнозов по глобальному преобразованию планеты,

ситуацию усложняет также установление приоритета для разработок с минимальным временем от замысла до реализации. Этот искусственный отбор технических реализаций по признаку малых затрат времени профилирует качество и темп роста техносферы. Механизм селекции по принципу «скорости» приходит в противоречие с основными средами обитания человека. Опережение, которое демонстрирует современная техногенная цивилизация при колоссальных темпах разрастания техносферы, выводит из органичного единства со средой обитания человеческую жизнь, в том числе с биосферой, частью которой является сам человек. Современная техногенная цивилизация представляет собой систему, не допускающую приемлемого реального прогноза, поскольку процесс роста техносферы не имеет предшественника, а вся ее память является оперативной. Любой же биологический вид – это процессы с большой памятью. Это же характерно и для геологических процессов. Отсутствие достаточно полной модели сценария, определяющей не только начальное, но и конечное его состояние, не позволяет дать достаточно четкое представление о возможном исходе развития цивилизации.

Исторические примеры прошлых цивилизаций свидетельствуют об очаговом характере воздействия человека на окружающую среду. Сейчас ситуация принципиально иная. Массовое энергопотребление в прошлых цивилизациях не имели общепланетарного и тем более космического масштаба. Переход к техносфере привел очаговые цивилизации к своеобразной унификации. Сцепленность глобальных процессов антропогенного характера и нарастающая мощь их давления на планету и геокосмос являются важнейшей характеристикой современной цивилизации. Возникновение альтернативы данному способу взаимодействия цивилизации со средой затруднено именно тем, что в природе техногенной цивилизации не заложена иная возможность, кроме той, которую она реализует. Поэтому процесс сохранения цивилизации является скорее процессом ее преобразования.

Сложность ситуации, в которой оказалась современная техногенная цивилизация, актуализирует необходимость разработки программы гармонизации отношений человека и окружающей среды с позиций коэволюции. Потребность в гармонизации отношений между обществом и природой, насыщенная

практическая необходимость постоянного контроля над этими отношениями в целях повышения их качества предполагают постановку и решение ряда задач.

Прежде всего необходимо обеспечить получение такого знания, которое позволит нейтрализовать возникшее несоответствие между масштабом знания по изъятию и разрушению компонентов биосферы с масштабом знания об их искусственном и естественном восстановлении. Кроме того, необходимо уравновесить и правовые возможности применения этого знания. Иными словами, во взаимоотношениях человека и биосферы необходимо выйти из кризиса, при котором знание об использовании природы намного превосходит знание о способности сохранения и улучшения среды обитания. Для того чтобы в среде обитания предотвратить антропогенное накапливание нециклических веществ, приводящих к возникновению техноприродных соединений с неясными и вредными для природы свойствами, необходимо иметь четкое представление о механизмах этого накапливания.

Антропогенная система мобилизации и использования энергии характеризуется растратой энергосодержания биосферы и ее окружения. Поскольку используются самые концентрированные виды энергии и осуществляется перевод энергии высокого качества в тепловую энергию или направленную против организованности биосферы работу, энергетическому хищничеству необходимо противопоставить альтернативный подход, заключающийся в разработке и применении систем, способных улавливать и концентрировать солнечную энергию. Энергетическая основа человеческой деятельности подлежит коренной переориентации в сторону защиты и расширения жизненного процесса на планете в его полном объеме. Должна быть остановлена техническая и военизированная селекция древа жизни. Для этого важно осознать, что процесс смены поколений вооружения является мощным генератором создания технических средств глобального значения, поскольку требует глобальных же процессов комплексации производства, максимизации энергопотребления и концентрации интеллектуальных потенциалов и подчинения их необходимости создания систем вооружения. И если учесть, что отсутствует верхний предел для обозначения театра военных действий (по вертикальному и горизонтальному срезам планеты) и энерговыделения при испытании новых систем вооружений,

а также то, что испытания проводятся вне точных оценок географических реакций в частном и интегральном планах, в результате чего создается сложная и геофизически непредсказуемая обстановка, то вывод о ликвидации военного источника безудержного разрастания техносферы альтернатив не имеет.

Земля как составная часть Солнечной системы характеризуется параметрами планетно-космической организованности. Интенсивное воздействие на геокосмос меняет космические свойства Земли и вид ее связи с другими системами. Общее видоизменение биосферы как звена закономерности эволюции геосфер неизбежно вызовет ответные реакции и нашей планеты, и всей Солнечной системы. Поэтому первоочередным является тщательное изучение последствий воздействия на геокосмос, который, по существу, является механизмом взаимосвязи с космической средой и источником изменения климатического и органического характера. Выявление и оценка поражающих воздействий на плазмосферу теми или иными техническими средствами должны быть равнозначны запрещению этого вида воздействия.

В настоящее время человечество не располагает знанием относительно того, какое пороговое значение дезорганизованности биосферы вызовет общепланетную реакцию Земли и как на эту реакцию отзовется естественный механизм Солнечной системы. Можно предполагать, что механизмы равновесия Солнечной системы введут в действие корректирующие процессы, уравнивающие общепланетное состояние. Характер этой коррекции еще более предположителен. Но важно знать, какие звенья биологической пирамиды Земли в биосфере будут подавлены этими процессами. Ведь Земля со своей плазмосферой участвует в целом наборе электромагнитных ритмов, особенно в классе солнечно-земных взаимосвязей. Если допустить, что эти ритмы включены в режим функционирования биосферы (например, магнитовосприимчивыми клетками организмов), то такую коррекцию можно ожидать на языке электромагнитных воздействий, хотя можно допустить и иную его природу. Человечество пока не имеет знаний о том, включены или нет механизмы стабилизации Солнечной системы.

Необходимо решение вопросов о тонких электромагнитных процессах в организменной модели Земли, о целостности и кооперативности развития геосфер с учетом пространственно-вре-

менных особенностей органического и неорганического мира. Необходимо более глубокое знание о вещественном составе и динамике биосферы и других сфер планеты. Необходимы учет, оценка и нейтрализация уже произведенных деформаций био- и геосфер. Требуют решения острые вопросы, связанные с восстановлением объема планетного фотосинтеза и его наращивания в перспективе как естественного источника энергии. В контексте задач по солнечно-земным взаимосвязям потребуются решение вопроса о внешней (солнечно-системной) функциональной роли биосферы и ее взаимосвязи с плазменными оболочками Земли. Эти вопросы прямо связаны с новым поколением космических задач человечества уже не в плане «покорения космоса», а в плане его понимания и включения в совместную эволюцию. Козволюционные требования с необходимостью нацеливают на более глубокое понимание природы (не только с точки зрения «что еще можно взять», но и с позиций повышения биосферной организованности и среды, окружающей биосферу), общества и их взаимодействия, на создание информационно прогнозирующих систем. Все это потребует новых подходов в познании и новых форм организации знания: функционального и системного подходов, регионального принципа экологических исследований, глобального моделирования эколого-экономических систем.

Обострение экологического кризиса побудило многих исследователей связать выживание цивилизации с устойчивым развитием. Но само понятие устойчивого развития единой интерпретации не получило. В качестве возможных способов сохранения устойчивости биосферы стали предлагаться такие, как: ограничение био- и энергопотребления, ограничение численности населения и его потребностей, переход на модель развития с опорой на опережающее образование с целью предвидения и предотвращения катастроф и т.д. Важность данных способов сохранения устойчивости биосферы не вызывает сомнений. Еще Мальтус представлял жизнь человечества заключенной внутри своеобразного «экологического треугольника», одна вершина которого означает количество живущих в каждый данный момент времени людей с их потребностями, вторая – разведанные ресурсы, третья – существующие технологии. Нормальная жизнь общества зависит от равновесия этих вершин: как только увеличение количества людей и их потребностей превышает возможности их удовлетво-

рения за счет имеющихся ресурсов и технологий, в обществе срабатывает механизм стабилизации, сбрасывающий нагрузку на природную среду путем уменьшения числа живущих людей (эпидемии, войны и т.д.). Поэтому приведение численности населения и его потребностей в соответствие с возможностями их удовлетворения – необходимое условие сохранения устойчивости биосферы. Для принятия нужных в этом отношении решений необходимо и опережающее образование, предполагающее выработку нового сознания. При таком подходе концепция устойчивого развития оказывается обращенной лишь в будущее. Однако заглянуть в будущее человека, не зная его прошлого, механизмов эволюционного развития, подлинного места в биосфере, невозможно. Эволюционно обусловленное место человека в биосфере может быть установлено только с учетом пройденного им ранее эволюционного пути. Поэтому концепция устойчивого развития своим основанием должна иметь принцип эволюционно обусловленного экологического развития.

В настоящее время существуют две точки зрения на состояние биосферы. Одна из них исходит из того, что эволюция биосферы продолжается. Другая рассматривает происходящие в биосфере изменения как свидетельство ее деградации. В последнем случае речь идет о том, что за последнее столетие с лица Земли исчезли (или близки к этому) до 25 тысяч видов высших растений и более тысячи видов позвоночных животных. Для сохранения биологического разнообразия, являющегося условием прогрессивной эволюции, необходима организация неистощительного природопользования. Суть его в том, что человек одновременно является творцом и субъектом истории своей хозяйственной деятельности, порождающей в природных видах те же самые, регистрируемые в его собственных популяциях, генетические процессы. Это эволюция к двум предельным состояниям структуры: панмиксии – свободному скрещиванию особей в пределах популяции и крайней подразделенности – когда стираются либо чрезмерно гипертрофируются межпопуляционные различия. Процесс первого типа характерен для народонаселения зарубежной Европы, где происходит «свертывание» межпопуляционных различий и нарастание внутривидового полиморфизма, а процесс второго типа характерен для коренных монголоидных популяций Северной Азии и Америки.

Эти процессы являются платой за «цивилизацию» в первом случае, за «примитивный образ жизни» – во втором. Оба они ведут к снижению приспособленности или даже деградации, приближая системы популяций к крайним пределам поддержания ими своей целостности. Поэтому взаимодействие человека с природой должно строиться так, чтобы не разрушать системную организацию популяций, а удерживать внутреннее, межпопуляционное генное разнообразие на оптимальном уровне. А это предполагает, во-первых, сохранение генетического разнообразия уцелевших популяционных систем в процессе их промысла и искусственного воспроизводства; во-вторых, восстановление систем, структура которых уже нарушена; в-третьих, создание новых систем популяций в регионах, в которых имеются для этого необходимые естественные и экономические условия. При этом данные принципы рассматриваются как пригодные для любых уровней биологической организации, включая экосистемный. Важнейшим условием стабильности любой экосистемы является саморегуляция через взаимодействие относительно независимых структурных компонентов, обменивающихся друг с другом информацией о собственном состоянии и о состоянии окружающей среды, о том, что лишь на основе сохранения, восстановления и имитации исторически обусловленных направлений и интенсивности этих информационных потоков возможны как длительное существование охраняемого или вновь создаваемого сообщества, так и его способность целесообразно реагировать на внешние воздействия, не выходящие за пределы исторического оптимума.

Приоритет, отдаваемый цивилизацией техногенным ценностям, означает по сути дела отказ от более высокоорганизованной среды обитания в пользу менее организованной, от устойчивого жизнеобеспечения к неустойчивому. Техническое жизнеобеспечение строится на быстропротекающих высокоэнтропийных процессах с короткой памятью. Это обеспечение само нуждается в живой биосфере. И если биосфера будет разрушена, то прекратится и техническое жизнеобеспечение. Поэтому цель введения биосферы в ценность первоочередного характера является делом не только естественным, но и неизбежным. Производственные возможности общества подлежат строгой ориентации на защиту, расширение и развитие жизни во всем ее многообразии. Жизнеори-

ентирующие концепции, выработанные коллективным разумом на базе междисциплинарных усилий, должны преобразовать исторически сложившуюся систему неограниченного потребления и научить людей жить в соответствии с реальными возможностями, а не по принципу «после нас хоть потоп». Необходимо создание новой системы отношений, в которой паритет потребностей человека и возможностей природы в поступательном развитии общества наложит разумные ограничения на безудержную экономическую экспансию той части человечества, которая попирает не только законы природы, но и элементарные нормы гуманизма. Иначе говоря, в дальнейшем цивилизация должна управлять не только воздействиями на природу, но и воздействиями на само общество. Преобразование системы выработки целей общества должно опереться на новое мировоззрение, новые смыслы в оценке человека, природы и их совместной эволюции. Потребуется глобальное биосферное образование, вырастающее из понимания путей выхода из общепланетного «разбаланса». Разрушительная мощь техногенных воздействий подлежит срочной и повсеместной нейтрализации, которая должна опереться на уважение жизни, уважение природы со стороны всего человечества.

Итак, человечество подошло к такой черте своего развития, когда природа «напомнила» ему, что оно — ее составная часть. Поэтому без последствий нарушение ее законов не остается. Человек же, хоть он и *sapiens*, пока разумно самоорганизоваться не сумел. Он нарушил целый ряд биологических законов: запрет на внутривидовое истребление, запрет на ограничение численности вида, нарушил межвидовой баланс, снял ограничения в воздействиях на абиотическую¹ среду, трансформировал потребность от необходимости к полезности, от полезности к желанию, от желания к прихоти, престижу, моде и т.д., то есть перевел потребность из объективной «категории» в субъективную. А это и создало ситуацию, в которой остается лишь подсчитывать шансы на выживание. Для реального использования этих шансов человеку необходимо научиться подчинять свои социально-экономические устремления общевидовым, даже общебиологическим интересам. Ему необходимо осознать, что отношению к природе

¹ Абиотические факторы среды — совокупность условий неорганической среды, влияющих на организмы. (*Прим. ред.*)

как к объекту пришел конец – он должен научиться относиться к природе как к самому себе. В этом и заключается шанс на выживание. Стихийное развитие цивилизации закончилось, сознание должно определять бытие. Поэтому у человечества альтернатив трансформации современного состояния экологического сознания в ноосферу нет.

Поскольку единая трактовка понятия ноосферы в настоящее время отсутствует, необходимо уточнить его смысл. Целесообразнее всего осуществить это в рамках его трактовки В.И.Вернадским, стремившимся придать этому понятию научный характер (в отличие от трактовок Э.Леруа и П.Тейяр де Шардена). В.И.Вернадский трактовал ноосферу двояко: как возникшую с появлением человека и как становящуюся ведущим фактором дальнейшего развития человечества. В контексте проблемы выживания человечества нас больше будет интересовать второй аспект. По мысли В.И.Вернадского, именно переход в будущем биосферы в ноосферу на основе науки, разума позволит достичь такой формы организованности взаимодействия общества и природы, которая создаст условия, необходимые для сохранения и дальнейшего развития человечества. Наука, разум, мораль, система ценностных установок общества должны обрести качественно новое содержание, обеспечивающее возможность создания таких условий. Для современного мира, раздираемого политическими, экономическими, идеологическими, религиозными и т.п. противоречиями, необходима выработка таких принимаемых всеми людьми, государствами, конфессиями и т.д. мер, которые обеспечивали бы устойчивость биосферы как необходимого условия выживания и устойчивого развития человечества.

В качестве необходимых условий становления ноосферы В.И.Вернадский выдвигал следующие:

- 1) заселение человеком всей планеты;
- 2) резкое преобразование средств связи и обмена между странами;
- 3) усиление связей, в том числе политических, между всеми странами;
- 4) начало преобладания геологической роли человека над другими геологическими процессами, протекающими в биосфере;
- 5) расширение границ биосферы и выход в космос;
- 6) открытие новых источников энергии;

- 7) равенство людей всех рас и религий;
- 8) увеличение роли народных масс в решении вопросов внешней и внутренней политики;
- 9) свобода научной мысли и научного искания от давления религиозных, философских и политических построений и создание в государственном строе условий, благоприятных для свободной научной мысли;
- 10) продуманная система народного образования и подъем благосостояния трудящихся, создание реальной возможности не допустить недоедания и голода, нищеты и чрезвычайно ослабить болезни;
- 11) разумное преобразование первичной природы Земли с целью сделать ее способной удовлетворить все материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения;
- 12) исключение войн из жизни общества.

С выполнением первого и второго условий принципиальных трудностей нет. Третье условие можно считать выполняющимся. Четвертое условие выполняется, хотя и весьма противоречивым образом. Относительно выполнения пятого условия ситуация такова. В.И.Вернадский границы биосферы не считал постоянными. Он подчеркивал их расширение в прошлом как итог выхода живого вещества на сушу, появления высокоствольной растительности, летающих насекомых, а позднее летающих ящеров и птиц. В процессе перехода в ноосферу границы биосферы должны расширяться, а человек должен выйти в космос — начало этому положено. Что касается дальнейшего освоения космоса, то это во многом будет зависеть не только от материальных возможностей, но и от желания и воли людей. Человек, будучи существом космопланетарным, обречен на освоение космоса. Шестое условие, связанное с открытием новых источников энергии, уже сейчас следует считать частично выполненным за счет освоения атомной энергии. Освоение термоядерной реакции также считается принципиально достижимым. Седьмое условие пока не достигнуто, но существенные сдвиги в направлении его достижения уже имеются. Дальнейшее развитие процесса глобализации будет способствовать его реализации. Восьмое условие пока выполняется в странах с парламентской формой правления. С развитием демократии оно будет реализовываться все

больше и больше. О полном выполнении девятого условия пока говорить трудно, особенно применительно к странам, где ученый часто вынужден искать не истину, а спонсора. Однако есть основания утверждать, что с выполнением этого требования в принципе дело не безнадежно. Десятое условие можно считать выполненным в основном применительно к «золотому миллиарду». В горизонте развития современной науки принцип автономности пока невыполним, поэтому полная реализация данного условия остается проблематичной в практически обозримое время. Вместе с тем следует учесть предупреждение В.И.Вернадского о том, что процесс перехода биосферы в ноосферу не может происходить постепенно и однонаправленно. Одиннадцатое условие пока не может считаться выполненным (в том числе и в России). Здесь мы встречаемся с принципиальной трудностью, речь о которой пойдет ниже. Двенадцатое требование тоже пока не выполнено. Вообще пока не ясно, может ли оно быть выполненным в современных условиях, когда богатые и сильные страны навязывают бедным и слабым свои ценности, что с неизбежностью рождает фундаментализм и противодействие глобализации в той форме, в какой она навязывается этим странам.

Важно учесть еще два обстоятельства. Первое касается сроков успешной трансформации наличной формы экологического сознания в ноосферу. Осознать глобальную опасность экологического кризиса и не дать ему перерасти в глобальную экологическую катастрофу – значит поумнеть. Однако сейчас проблема даже не в том, захочет ли человечество поумнеть, то есть изменить свои ценностные ориентации и целевые установки, а в том, успеет ли оно это сделать за время, отделяющее его от глобального экологического коллапса. Массовое сознание, а экологическое особенно, весьма консервативно. И как бы ни был высок интеллектуальный уровень элиты общества, принимаемые ею традиционными средствами попытки изменить ценностные установки с учетом интересов природы (следовательно, и долговременных интересов человечества) могут наталкиваться именно на сопротивление со стороны массового сознания. Поэтому сейчас и необходимы самые энергичные меры в области экологического образования, воспитания и законодательства, без которых человечество просто не успеет «поумнеть».

Экологическому воспитанию и законодательству здесь принадлежит важная роль — от элиты общества, в числе прочего, потребуется утверждение аскезы образом жизни. Второе (самое главное) касается самой принципиальной возможности трансформации экологического сознания в ноосферу. Вся история человечества может быть рассмотрена с точки зрения борьбы индивидов, социальных групп и т.д. за повышение уровня комфортности жизни, иными словами, с позиции столкновения эгоистических устремлений людей. Эгоизм человека уходит своими корнями в его биологическую природу, то есть человек как существо социальное по своей сути остается существом биологическим по своей природе. Природа любого субстрата определяет комплекс его свойств. Это касается и природы биосубстрата. Но кто измерил возможности трансформации свойств человеческого сознания, возникшего на основе биосубстрата, из эгоистических в альтруистические? В этом суть проблемы.

В свое время ответ на этот вопрос пыталась дать евгеника, а в настоящее время — генная инженерия. Если учесть, что общее направление социальной эволюции в рамках концепции ноосферы В.И.Вернадского выражается в стремлении человека как вида превратиться в конструктора биосферы, то положительное решение вопроса о необходимости вмешиваться в наследственность человека не выглядит неприемлемым. Поэтому постановка вопроса о том, будет ли соответствовать генофонд человечества его новым задачам, является принципиально важной. Совершенно новые условия существования будут обуславливать необходимость совершенствования самого вида в направлении приспособления к этим условиям. Данную проблему можно проиллюстрировать на примере попыток искоренения асоциального поведения в обществе.

На протяжении всей истории человечества остро стоит проблема асоциального поведения части его представителей. С древнейших времен все сообщества пытались создать не только эффективную систему карательных мер для борьбы с преступностью, но и выработать систему воспитания, удерживающую от совершения преступных деяний не страхом наказания, а внутренними «тормозами». Формировать в сознании людей эти «тормоза» были призваны прежде всего педагогика и искусство. Сейчас становится ясным, что исторический опыт человечества демонст-

рирует неудовлетворительную эффективность в борьбе с проявлениями асоциального поведения существующей системы воспитания и данных конкретных наук о человеке: количество и тяжесть преступлений с течением времени не обнаруживает тенденции к их снижению. Объяснить этот факт возможно лишь наличием серьезных изъянов в самой природе человека, неадекватностью принятой в последнее время в обществе системы воспитания. Отсюда и попытки связать особенности поведения человека с его наследственностью, определяемой его биологической природой.

Попытки научного осмысления данной проблемы относятся к концу XIX века, когда выходом книги Фрэнсиса Гальтона «Исследования о способностях человека» ознаменовалось рождение евгеники, задача которой усматривалась в изучении влияний, улучшающих наследственные качества человека. Но только в 30-х годах XX века евгеника получила возможность опереться на методы генетики. Однако судьба самой дисциплины, ориентированной на улучшение наследственных качеств человека, вследствие расистских установок ее автора оказалась весьма драматичной. Появление генной инженерии, способной своими методами исправлять генетические дефекты и создавать организмы с заранее заданными свойствами, стало менять ситуацию. Генноинженерные методы открыли принципиальную возможность конструировать индивидуальные генетические программы, контролировать генотип человека, чьи поведенческие признаки и характеристики во многом определяются его генетической структурой. Каждый – уникален своим набором и комбинацией генов. Гены, ответственные за поведенческие признаки, обладают значительной амплитудой модификационной изменчивости, широким диапазоном нормы реакции на воздействие окружающей среды. Задача состоит в том, чтобы «нащупать» оптимальную точку (зону) внутри рамок нормы реакции, задаваемых «поведенческими» генами, и подвести человека как носителя определенной комбинации данных генов возможно ближе к «генетико-поведенческому оптимуму», исключая асоциальное поведение. Тот факт, что определенный процент преступников не удастся перевоспитать, свидетельствует о том, что у таких индивидов весь диапазон нормы реакции генотипа, включая «генетико-поведенческий оптимум», не выходит за пределы «асоциальных рамок». Из этого следует, что для более или менее

радикального решения проблемы асоциального поведения усилий лишь педагогики и искусства недостаточно — необходима профилактика появления, образно говоря, «фатально преступных генов». В качестве средств подобной профилактики методы селекции не могут использоваться по моральным соображениям. Методы же генной инженерии могут предупреждать появление нежелательных комбинаций генов.

Несомненно, что техническое осуществление подобного вмешательства в наследственность весьма сложно, ибо в обозримом будущем вряд ли удастся создать эффективный инструментарий для манипуляции генами и хромосомами. Сейчас можно лишь строить предположения относительно того, каким образом будут производиться «генетические прививки» — будет ли это внутриутробный скрининг генотипа новообразованной зиготы с последующей (в случае необходимости) его коррекцией, или будут накладываться ограничения на процессы кроссинговера (взаимообмена гомологичными участками) хромосом в ходе образования гамет; или же будут выработаны иные способы предотвращения нежелательных генных комбинаций. Кроме того, необходимо учитывать фактор времени — средства выживания должны появиться раньше, чем произойдет глобальный экологический коллапс.

Итак, выживание человечества и реализация устойчивого развития, понимаемого как способность человечества аккумулировать свободную энергию для купирования негативных последствий техногенной деятельности, возможно лишь на пути перехода биосферы в ноосферу. Для этого потребуются не только достижения науки, но и изменение исторически сложившихся ценностных ориентаций общества. В настоящее время всех необходимых и достаточных условий для этого перехода нет. Реальность в настоящее время такова, что ноосферу следует понимать как символ веры, символ надежды на выживание. Стремление к реализации этого символа надежды должно стать общим делом цивилизации. В противном случае человечество действительно явит собой тупиковую ветвь эволюции, тем самым лишив себя будущего.

Литература

1. Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*. М., 1988.
2. Вернадский В.И. *Научная мысль как планетное явление*. М., 1991.

3. *Дмитриев А.Н., Кочергин А.Н.* Шансы на выживание. М., 1992.
4. *Кочергин А.А.* Генетика и поведение // Теоретическая и прикладная культурология. М., 1999.
5. *Кочергин А.А., Кочергин А.Н.* Устойчивое развитие и ноосфера // Социально-философские аспекты ноосферной динамики России. Иваново, 2000.
6. *Кочергин А.Н.* Экология и техносфера. М., 1995.
7. *Кочергин А.Н., Марков Ю.Г., Васильев Н.Г.* Экологическое знание и сознание. Новосибирск, 1987.

ИСТОРИКО-НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

13 мая 2003 г.

А.В.ИВАНОВ,

*доктор философских наук,
профессор Алтайского государственного
аграрного университета,
Барнаул*

Т.А.АРТАМОНОВА,

*аспирантка Алтайского государственного
аграрного университета,
Барнаул*

ЭВОЛЮЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.С.СОЛОВЬЕВА

С именем гениального русского философа и незаурядного поэта В.С.Соловьева не без основания связывают создание первой самобытной русской философской системы, имевшей общемировое культурное значение и предугадавшей многие ключевые ходы философской мысли XX века. Однако отличительная черта гения – быть всегда современным и порождать такие идеи, глубина которых открывается только в свой исторический срок. Важнейшей из таких идей русского философа, не привлекавшей сколь-нибудь серьезного внимания исследователей вплоть до последнего времени и лишь сегодня обнаружившей свою актуальность, является его эволюционная концепция.

Для прояснения сути соловьевских эволюционных идей обратимся к его знаменитой работе «Оправдание добра». Она достаточно подробно проанализирована в историко-философской литературе, но преимущественно в этических, правовых, социологических и историософских аспектах. Метафизическое же содержание этого труда великого русского философа до сих пор остается в тени. Одной из таких важных метафизических идей как раз и является беспрецедентная попытка В.С.Соловьева органически и непротиворечиво соединить научно-эволюционные и христианские представления о космической эволюции. Попытка, которая и сегодня – в эпоху все углубляющегося

диалога науки и религии – будет квалифицирована большинством ученых, богословов и философов как эклектическая. А ведь русский ученый работал на излете самого атеистического века в истории человеческой цивилизации – XIX, в условиях господства материалистических и позитивистских идейных установок! В своем метафизическом дерзании и жажде обретения духовного синтеза отечественный мыслитель опередил не только свое время, но фактически весь XX век, хотя во временных рамках последнего и работали мыслители, весьма близкие В.С.Соловьеву по духу. Помимо всей русской традиции «метафизики всеединства» к числу таких идейно близких В.С.Соловьеву мыслителей можно отнести француза П.Тейяр де Шардена, англичанина А.Н.Уайтхеда, немца М.Шелера, индийца Шри Ауробиндо Гхоша.

Как же понимает процесс эволюции В.С.Соловьев и в чем он оригинален?

В «Оправдании добра» автор рассматривает эволюцию Космоса как процесс *«всемирного совершенствования»* [1, с. 267] и выделяет пять царств-ступеней на этой великой лестнице жизни: минеральное, растительное, животное, человеческое и Царство Божие. Каждое из них характеризуется повышением *«бытия с точки зрения нравственного смысла, осуществляемого в богоматериальном процессе»* [1, с. 267]. *«Камни и металлы, – пишет В.С.Соловьев, – отличаются от всего прочего своим крайним самодовольством и консерватизмом; если бы от них одних зависело, природа никогда бы не вышла из непробудного сна, но зато без них ее дальнейший рост не имел бы твердой почвы и опоры. Растения в неподвижных грезах тянутся к свету, теплу и влаге. Животные, при посредстве ощущений и свободных движений, ищут полноты чувственного бытия: сытости, полового исполнения – и радости существования (их игры и пение). Природное человечество кроме всего этого разумно стремится посредством наук, искусств и общественных учреждений к улучшению своей жизни, действительно совершенствует ее в различных отношениях и, наконец, возвышается до идеи безусловного совершенства. Человечество духовное или от Бога рожденное не только понимает умом, но и принимает сердцем и делом это безусловное совершенство как действительное начало того, что должно быть во всем, и стремится осуществить его до конца, или воплотить в жизнь всего мира»* [1, с. 268].

В процессе эволюции каждое последующее царство не просто механически сменяет предыдущее, а органически вырастает на его основе, где каждое нижестоящее является материальной базой – как бы несущей основой¹ – вышестоящего царства. Так, без минеральной основы не было бы растительности, растительность – основа существования животного мира, животные органы и клетки – необходимые элементы телесной жизни человека. Более того, каждая последующая ступень включает все предыдущие на правах подчиненных моментов. По мысли В.С.Соловьева, почти в полном согласии с диалектико-материалистической концепцией развития происходит процесс «собираения вселенной», где высшая ступень включает в себя все низшие, но сама не сводима к ним. Общая же картина эволюции и здесь и там напоминает конус, имеющий отчетливую направленность к появлению человека. Однако на этом сходства между соловьевской теорией эволюции и марксистской диалектико-материалистической теорией заканчиваются. Если бы великий русский философ ограничился подобным взглядом на сущность эволюции, то был бы даже на порядок ниже марксизма, ибо последний, как известно, сумел вскрыть ряд важных и объективных диалектических закономерностей развития, кстати, не оцененных по достоинству в русской религиозной философии, за исключением разве что А.Ф.Лосева.

Однако В.С.Соловьев развивает подход, имеющий свои несравненные преимущества по сравнению как с марксизмом, так и с общенаучными взглядами на эволюцию как на прогрессивное движение от низшего к высшему. Несмотря на то что высшие формы эволюции действительно организуются на базе низших и появляются в историческом времени вроде бы после них, по В.С.Соловьеву, было бы в корне неверно думать, что низшее порождает высшее, выступает его генетической причиной. С точки зрения русского философа, порядок истинно сущего отнюдь не тождествен порядку явлений, и ничто так часто не обманывает нас, как именно эмпирическая очевидность. На самом же деле именно высшее предшествует низшему и организует его и никогда не может быть объяснено из последнего.

¹ Т.е. то, что способно на себе нечто нести, но само по себе является вторичным и несущественным с точки зрения переносимого содержания.

«Жизнь есть некоторое новое положительное содержание, – замечает В.С.Соловьев, – нечто большее сравнительно с безжизненной материей, и выводить это большее из меньшего – значит утверждать, что нечто в действительности происходит из ничего, т.е. чистую нелепость» [1, с. 272]. Эволюция, феноменально разворачиваясь от простого к сложному, производит материальные условия для организации высших систем, но *«собственное положительное содержание высшего типа не возникает вновь из небытия, а существуя от века, лишь вступает (в известный момент процесса) в другую сферу бытия, в мир явлений»* [1, с. 274]. Образ высшего, по В.С.Соловьеву, из метафизического – **идеального** – состояния лишь переходит на проявленный план, до этого активно формируя из будущего свои материальные несущие основы в настоящем. **Это подобно тому, как если бы идеальная цель «наводила» материальные причины для того, чтобы реально сбыться.**

Так, для своей высшей цели – актуально реализовавшегося Богочеловечества Вселенная должна последовательно пройти через минеральное, растительное, животное и человеческое царства. Именно этой сверхвременной высшей целью космического процесса определяется и общая логика мирового развития, и его конкретные исторические этапы.

Н.О.Лосский, анализируя различные теории эволюции, определяет теорию В.С.Соловьева как супранатуралистическую, учитывающую материальные условия эволюции и добавляющую к ним идеальную основу. Эта теория *«берет от естествознания всю фактическую сторону эволюции, но, сверх того, она усматривает в фактах ценностную и смысловую сторону их. Замысел Вл. Соловьева есть одна из попыток идеал-реалистической религиозной философии выработать целостное миропонимание, содержащее в себе синтез науки, философии и религии»* [2, с. 326]. Собственный взгляд на развитие у Н.О.Лосского весьма близок к концепции В.С.Соловьева. Он лишь делает больший упор на собственную активность и свободу эволюционирующих монад – основных субъектов космического процесса. В сущности, русские мыслители последовательно экстраполируют принципы целевой детерминации, имеющие основополагающее значение для человеческого бытия, на нижележащие слои мирового целого. В самом деле, если человек твердо поставил себе цель –

скажем, получить высшее образование, то этот идеальный образ будущего будет определять его важнейшие поступки в настоящем (успешная сдача в срок экзаменов, посещение вуза и т.д.), словно наводя движущие материальные причины для своего реального осуществления. Конечно, здесь можно было бы возразить, что образ будущего существует-то в индивидуальной человеческой голове именно в настоящий момент времени, поэтому о будущем здесь можно говорить лишь в виртуальном смысле. Однако этот аргумент убедителен только для того, кто отрицает объективное и непосредственное существование мысли вне индивидуальной человеческой головы, а также возможность обратного детерминирующего влияния этой мысли на индивидуальный творческий процесс. Между тем подобные особенности существования мысли все более признаются современной наукой, в частности физикой, равно как и то, что «пространство мысли» и события, которые в нем происходят, предшествуют событиям в реальном физическом пространстве и времени. Планирующая мысль, таким образом, выполняет функции целевой детерминации, притягивающего «пункта Омега», если воспользоваться выражением П.Тейяр де Шардена, близкого по духу В.С.Соловьеву.

В некотором смысле целевая детерминация, как детерминация будущим, противоположна причинной связи, как детерминации прошлым, а любой момент настоящего времени – всегда точка пересечения двух этих линий детерминации. Показательно, что чем выше эволюционный уровень развития – тем, по-видимому, больший удельный вес и значение в его бытии начинает играть именно целевая детерминация вплоть до Богочеловеческого уровня, когда все действия человека в настоящий момент времени сознательно и свободно подчиняются высшим эволюционным целям Вселенной и, соответственно, находятся «за кругом» необходимого действия причин прошлого (кармы в восточной терминологии).

Возникает естественный вопрос: предоставляет ли современная наука факты для подтверждения справедливости подобных соловьевских супранатуралистических эволюционных идей?

Обратимся к наследию В.И.Вернадского. Он, ссылаясь на открытие американского ученого Джеймса Даны, еще в начале

прошлого века пишет о направленности эволюции живого вещества, которая определяется процессом цефализации, то есть неуклонным и планомерным усложнением и усовершенствованием нервной системы живых организмов, приведшим к появлению разума. Не есть ли это реализация определенной целенаправленно развивающейся программы? Почему эволюция живого вещества действительно не порождает бесконечного множества форм, а направляет это многообразие по определенному руслу? Например, у животных существует определенное число конечностей, а строение скелета, сердечно-сосудистой, пищеварительной систем и т.д. развивается по единому типу филогенетического усложнения. Почему существует отчетливая векторизованность процессов антропогенеза с быстрой «выбраковкой» тупиковых форм типа гигантопитека и практически полным отсутствием «промежуточных звеньев» эволюции, где бы были отчетливо видны и типично животные, и типично человеческие черты?

Все это заставляет задуматься о целенаправленном развитии биосферы, которая в недрах своего «сознания» хранит образ будущего и с каждым эволюционным витком приближается к нему. Здесь «магнит будущего», существующий в особом метафизическом пространстве, определяет пространственные направления развития в настоящем; идеально-информационное содержание предшествует своему материальному воплощению; высшее структурирует и направляет развитие низшего. Думается, что сегодня наука вплотную подошла к опытному исследованию и теоретическому объяснению реальных механизмов воздействия будущего на настоящее, о которых говорил В.С.Соловьев. Мы имеем здесь дело с классическим случаем философского «забегания вперед», когда наука все более подтверждает правоту интуиций философского гения.

Прежде всего укажем на антропный космологический принцип. В настоящее время в различных формулировках его принимает большинство космологов и астрофизиков. В своей сильной версии он гласит, что Вселенная устроена таким образом, чтобы на определенном этапе ее эволюции появился наблюдатель. Иными словами, базовые структуры и константы мегамира таковы, что с необходимостью приводят к появлению мыслящего существа, способного осуществлять рациональную

реконструкцию ее истории и выступать в роли ее фундаментального сознательного эволюционного фактора. Отсюда вытекает вся современная доктрина так называемого «глобального эволюционизма», где соловьевская идея эволюционного преобразования человека и достижение им «богочеловеческого» статуса уже не кажется религиозной утопией. Скорее утопичной становится идея человека как сугубо планетарного и плотского существа, если учесть становящийся все более осмысленным и интенсивным поиск наших собратьев по разуму во Вселенной. По крайней мере сегодня ни один трезвомыслящий человек уже не осмелится беспепелляционно заявить, что в Космосе не может быть живых существ, превосходящих современного человека по своему интеллектуальному и духовному уровню.

Весьма мощным подтверждением фундаментальности и универсальности феномена «детерминации будущим» являются также достижения современной синергетики. Она, занимаясь изучением самоорганизации сложных систем, оперирует таким понятием, как «точка бифуркации». Такие точки характеризуются максимальной нестабильностью и неопределенностью. Именно в таких точках происходит ветвление будущих сценариев развития системы, а цели ее эволюции зафиксированы в определенных структурах – «аттракторах» развития. Каждый аттрактор создает как бы «конус притяжения», и, выбирая то или иное направление развития, мы попадаем под притягивающее воздействие его сил. Стоит попасть на аттрактор в точке бифуркации, как процесс развития вновь приобретает линейный и во многом предсказуемый характер.

Авторы синергетических теорий, совершивших буквально переворот в науке, не случайно пишут о том, что *«идеальная сторона существует до своего появления в реальном мире, “духовное” определяет развитие “недуховного”. Настоящее определяется не прошлым, а будущим»* [3, с. 88]. Для них, как и для В.С.Соловьева, непроявленное, носящее идеально-информационный характер, является внутренним свойством системы, определяющим цели и направление ее развития.

Но есть один принципиальный пункт, в котором приверженцы синергетической картины мира и гениальный русский философ расходятся во взглядах. Этот вопрос – о Первоначале Вселенной, о Высшем принципе, или Первопричине существо-

вания нашего мира. Если для В.С.Соловьева «условия явления происходят от естественной эволюции природы, являемое – от Бога» [1, с. 274], то для последователей синергетической парадигмы саморазвитие Вселенной осуществляется «без Бога <...> хотя некое скрытое начало определенно имеется» [3, с. 88].

И все же многие современные ученые, особенно физики, приходят к выводу о том, что логика рассмотрения всех форм эволюции требует наличия Высшего начала, что подтверждает видение Соловьева и близких ему авторов. Так, Г.М.Идлис пишет, что «данная последовательность возможных основных уровней естественной самоорганизации материи имеет исчерпывающий характер и с необходимостью заикликуется на высшем – антропном уровне, где наряду с типичными разумными индивидуумами обнаруживается <...> особо выделенный предельный и вместе с тем исходный элемент с бесконечными интеллектуальными потенциальными возможностями – божественно всемогущий уникальный всеобъемлющий самообусловленный Высший Разум, который, в отличие от обычных конечных элементов материи, заведомо не может быть продуктом ее естественной самоорганизации, а выступает в качестве необходимого всеобщего первоначала и предела, оставаясь – несмотря на две свои ипостаси – принципиально единым, самотождественным, неизменным» [4, с. 47].

Такое сближение научной и религиозно-философской картин мира свидетельствует о том, что они могут реально восполнить друг друга и, возможно, образовать в будущем единое русло познания, подтверждая тем самым еще одно предвидение Соловьева о том, что только синтез науки, религии и философии способен обеспечить «цельное знание» и осуществить «положительное всеединство» и в жизни, и в социальном бытии, и в творчестве человека.

Говоря о принципиальном характере «детерминации будущим» и наличии идеальных сценариев развития в каком-то гипотетическом «информационном пространстве» (в «пневматосфере», по выражению П.А.Флоренского, или в «семантическом пространстве», говоря языком В.В.Налимова), отметим роль личностей самих ученых и философов в познании этих «планов будущего бытия». Можно предположить, что идеальный образ будущего, постепенно реализуясь в настоящем,

на первоначальном этапе требует интуитивного восприятия и лишь в дальнейшем получает строгое рациональное оформление. В связи с этим по-новому вырисовывается роль пророков и провидцев: поэтов, художников, духовидцев, как бы низводящих доселе трансцендентное содержание в земные пределы и приоткрывающих перед остальными людьми завесу грядущего. Не серая масса, а гении и духовидцы формируют аттракторы эволюции. И здесь все решает вовсе не количество, а именно качество, прежде всего качество творческой мысли.

Отсюда возьмем на себя смелость также утверждать, что и крупные философы, наделенные высшим даром умозрения, в своих трудах не столько отражают закономерности настоящего и постигают глубинный смысл прошлых событий, но прежде всего пролагают пути в будущее, формируя аттракторы духовного и интеллектуального притяжения народов. Благодаря им образ грядущего становится доступнее для массового осознания и анализа, переходит из области неясных томлений и чаяний в область логического и рационального знания. Философски схваченная и отрефлектированная Идея уже потом обсуждается публицистами, литераторами и политиками, переводится на язык политических лозунгов, находит отражение в художественных образах и научных исследованиях.

Многие великие русские философы наряду с В.С.Соловьевым обладали этим — подлинно метафизическим — даром проникновения в будущее и, что самое важное, собственной жизнью, высокими нравственными принципами, активной гражданской позицией непосредственно старались воплотить провозглашаемые идеи. Будучи лично воплощенными и подтвержденными, идеи еще активнее формировали и направляли настоящее, придавали ему истинные цели и смысл. Для всех русских мыслителей спасительное будущее было однозначно связано с нравственным и духовным совершенствованием человека или, по выражению В.С.Соловьева, с воплощением Богочеловеческого братства на нашей заплутавшей Земле. **Не может быть подлинного развития человечества без сознательной устремленности к нравственному идеалу и совершенству** — таков последний и, быть может, важнейший эволюционный завет основателя русской традиции «метафизики всеединства».

Литература

1. *Соловьев В.С.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1988.
2. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995.
3. Синергетика. Интервью с академиком С.П.Курдюмовым // Дельфис. 1996. № 1.
4. *Идлис Г.М.* От антропного космологического принципа к единому всеобщему разумному первоначалу на высшем уровне самоорганизации материи // Тезисы докладов 1-й Международной конференции «Алтай. Космос. Микрокосм». Барнаул, 1993.

Е.Н.МОЛОДЦОВА,

кандидат философских наук,

Институт истории естествознания и техники РАН,

Москва

БУДДИЗМ КАК УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИИ

Любое древнее учение целостно, космично и экологично, поскольку под экологией, в точном значении этого греческого слова, понимается учение о доме, а под общим домом разумеется Космос как целостное и живое существо, одной из составных частей которого является человек. И необходимо отметить, что корни такого мировидения уходят в столь далекую древность, что просто теряются в ней, представляя собой один из древнейших архетипов человеческого сознания, приходящих ниоткуда и не уходящих никогда.

Буддизм, особенно в его тибетской форме, которую мы и делаем объектом своего изучения, полностью донес до наших дней теорию абсолютного единства Космоса и его проявления, тождества Творца и Творения, сохранив на своем долгом пути все свои эзотерические аспекты. То, что утрачено древнегреческими философами, делая их тексты во многом «темными», отчего «темным» называли уже Гераклита Эфесского, можно прочитать в писаниях тибетского буддизма, по сей день почитаемых, изучаемых и применяемых на практике в традиционной культуре Тибета.

Основой и истоком буддистского Космоса, согласно буддизму, является Великая Сияющая Пустота, Шунья, некое исходное, но также и предельное состояние, которое великий индийский мудрец Патанджали, автор базового как для индуизма, так и для буддизма текста «Йога-сутра», обозначает термином Кайвалья (Изоляция) и определяет его как самозамкнутую энергию интеллекта (чити-шакти) [1, с. 203]. Интересно, что великий христианский мыслитель, исихаст Дионисий Ареопагит, ученик апостола Павла, определяет Первоначало, которое он именует Богом, как *«самосверхблагость, которая, будучи умом и обращенной к себе цельной энергией, является единственно чистым умом, каковому*

чуждо привносимое понимание, каковой мыслит совершенно самостоятельно» [2]. Итак, самозамкнутость, самодостаточность, интеллект и энергия – вот исходные характеристики Первоначала, Бога, Творца. Но здесь встает постоянный вопрос: зачем нечто (или ничто), абсолютно самодостаточное и самозамкнутое, творит Космос со всеми его обитателями, разворачивая Вселенную в пространстве и времени? А дело в том, что энергия этого абсолютно чистого ума творческая, импульс творения заложен в самой его основе, так что выбор между *творить* и *не творить* совершенно невозможен. На каноническом религиозном языке при этом говорится, что Будда, Бог или Аллах передает себя в мир, движимый неотъемлемо присущим ему импульсом безграничной любви и сострадания.

Кроме того, во всех мистических учениях, будь то буддизм в его тибетском варианте, православный исихазм или исламский суфизм, к основным характеристикам этого божественного Первоначала, называемого ли именем Аллаха, Будды или Бога, принадлежит абсолютное Единство. Мистики всех времен и народов воспринимают это Первоначало, непосредственно соединяясь с Ним, а потому их видения одинаковы, поскольку, как мудро сказал митрополит Платон, *«наши земные перегородки не достигают до неба» [3, с. 613].* И так же мудро говорит Великий Учитель суфизма Ибн аль-Араби об искусственности разделения Единого Космического Первоначала по отдельным религиозным учениям: *«Придерживающийся исповедания славословит того Бога, коего исповедует и с коим связал душу свою. Но им содеянное к нему и относится и славословит он самого себя... А бог исповедания создан рассмотревшим его, а значит, он – его создание, славословя исповедуемое им, он славословит самого себя. Посему он порочит исповедуемое другими, а будь справедлив – не поступил бы так... Бог исповеданий доступен определению, он – тот бог, которого вместило сердце раба его. Абсолютного же Бога не вмещает ничто...» [4, с. 287].*

Итак, мистикам достоверно известно, что Первоначало, то есть исходный Космос, абсолютно едино и представляет собой умную творческую энергию, лишённую параметров пространства и времени, то есть точку. Буддизм добавляет к этому тезис о том, что Первоначало абсолютно пусто, и говорит о нем как о Великой Сияющей Пустоте, Шунье. Да, но от чего пусто это Первоначало?

Оно пусто от самобытия, от какой-либо определенности, к нему неприменимы характеристики существования или несуществования, субъекта или объекта, а также любые другие возможные утверждения. Великая Пустота лежит за пределами познавательных возможностей нашего разума и вне возможностей словесного выражения. Постичь, вернее, достичь ее можно лишь в собственном опыте, в собственном мгновенном переживании, посещающем человека в особых состояниях сознания, потому и передать свое переживание можно не в словах, а лишь введя ученика в такое состояние, для чего существуют веками отработанные техники. Слова же и письменные тексты, через которые пытаются зафиксировать свое переживание Пустоты достигшие ее, служат лишь одной цели — указать на существование этого Великого Ничто в качестве единственной истинной реальности, порождающей все остальное в качестве Великой Иллюзии.

Повинуясь заложенному в ней творческому импульсу, Великая Пустота начинает разворачиваться вовне, превращаясь из точки, содержащей в себе все мыслимые и немыслимые возможности, в проявленный Космос, который как целое столь же абсолютно пуст, равно как пусты и все его составные части. И часть и целое равным образом пусты от самобытия, от отдельного независимого существования, поскольку имеют взаимозависимое происхождение, будучи включены в изначальную и бесконечную сеть взаимозависимости от причин, от частей и от обозначений мыслью. Истиной этой сети является Пустота, которая включена в эту сеть взаимозависимого происхождения изначалью. Здесь нет некоего основообразующего, субстанционального существования, ибо любое звено этой цепи пусто от собственной сущности. С точки зрения буддистской школы Мадхьямика Прасангика, в этой сети у вещей нет собственных характеристик и ни одна вещь из сети взаимозависимого происхождения не является более фундаментальной, более основополагающей, чем любая другая. Все они расположены на одном уровне, и среди них нельзя обнаружить последней неделимой частицы, последнего предела — его просто нет.

Поразительные совпадения с таким пониманием мира демонстрирует нам современный физик Джеффри Чу, сформулировавший свой знаменитый бутстрэпный, «шнурочный» подход. Ученый предлагает рассматривать Вселенную как динамическую

цепь взаимосвязанных событий, отказываясь от сведения ее к набору фундаментальных сущностей, констант. Он считает, что в мире отсутствуют какие-либо фундаментальные, неизменные сущности, законы, уравнения, а потому нет никакой иерархии включенных в эту мировую «шнуровку» уже не вещей, а событий. Все во всеобщей зависимости равно друг другу, в том числе и сознание, и все находится в постоянной динамике – потяни за один «шнурок», и изменится вся цепь взаимосвязей. Так что совершенно напрасно искать в ней последнюю, неделимую, фундаментальную частицу – таковой просто не может быть. Любое происходящее событие немедленно сказывается на всех других, все течет, все изменяется. Ухватывая фрагмент, сознание искусственно останавливает изменение, фиксируя то, что уже не существует, ибо уже прошло. Ничто не существует самостоятельно, ничто не имеет самобытия, ничто не является первоосновой – вернее, Ничто является первоосновой этой цепи, и оно лишено как существования, так и несуществования.

Согласно буддистскому учению, ум – столь же пустой от самобытия, как и любая другая вещь, и имеющий своей сущностью одинаковую для всех Пустоту, находящуюся во всем и содержащую в себе все, – выделяет фрагментарные куски в сети зависимого происхождения и, не будучи соответствующим образом очищен, то есть преобразован, рассматривает их как отдельные вещи, приписывая им в силу своего неведения самостоятельное бытие. Одним из таких выделенных по неведению фрагментов оказывается и наше большое «Я», наша личность, якобы противостоящая миру. В итоге таких умственных выделений человек живет в мире отдельных фрагментов, в раздробленном мире, из частей которого нельзя сложить целое. Если же преобразовать свой ум так, что он станет пустым от самого себя, то он непосредственно постигнет целостность всей сети взаимосвязей, абсолютную истину Пустоты, с которой соединится, познавая весь мир по любому его фрагменту.

Дело в том, что любой фрагмент сети взаимозависимого происхождения несет в себе информацию о целом, то есть о всесодержащей и всепорождающей Пустоте. И здесь мы вновь находим аналог современным построениям науки. Согласно введенной Бенуа Мандельбротом теории фракталов, фрактал – это структура, состоящая из частей, подобных целому, и имен-

но фрактал интерпретируется как составляющая единой структуры мира. Вселенная во всех своих точках и на всех своих уровнях состоит из фрактальных систем, которые везде подобны самим себе. То же самое мы имеем и в голографии, где голографические подобиya воспроизводят в себе свойства и функции реального объекта, более того, любая часть в них сохраняет все свойства целого.

Индийцы любят говорить, что можно странствовать по миру в поисках знания, можно создавать множество лабораторий, преследуя истину, но так и не обрести искомого, а можно просто сосредоточить свой блуждающий ум в одной точке и, не сходя с места, одномоментно познать все. Для этого лучше всего смотреть внутрь себя, *«поскольку во всем бытии нет ни единой сущности, ни единой мельчайшей частицы, которые не соединились бы с тобой тонкими связями, протянувшимися от них к тебе и от тебя к ним»* [5, с. 37], — пишет суфийский мистик Ибн аль-Араби, который также считает, что *«всякая часть мира есть совокупность мира»* [4, с. 228].

Но вот, наконец, когда мы описали Космос, свернутый в точку, посмотрим, как он разворачивается в буддистском учении.

Из Великой Пустоты первым проявляется свабхавикакаяя, первое тело будды, тело универсальной сущности. Оно персонифицируется в образе Ади-будды, первичного будды, сущности всех будд и бодхисаттв. В ходе медитации Ади-будды возникают следующие уровни строения Космоса. (Кстати, под медитацией в тибетском буддизме понимается предельное сосредоточение всех энергий и управление ими, и потому естественно, что акт медитации обладает творящей и преобразующей силой.)

Следующим возникает дхармакакаяя, тело истины, второе тело будды, манифестирующее себя в пяти формах. Это тело всепронизывающее и всеобъемлющее, оно является сферой алайявиджняны, сознания-хранилища, универсального сознания. В этой сфере сознания, в ноосфере, накапливается память обо всех прошлых делах и сохраняются «следы» всех протекших способов ментальной деятельности, запечатлеваясь в васана, в некотором специфическом виде энергии. Из этого неоспоримо следует, что любой наш поступок и любая мысль воздействуют на Космос в целом, сохраняя или разрушая его. По сравнению с первым телом будды дхармакакаяя является более грубой, сгу-

щенной энергией, к тому же разделенной на пять потоков, на пять элементов, на пять будд. Центральным является элемент акаша – всепронизывающая субстанция, реагирующая на каждую мысль, сохраняя ее и в то же время отражая, посылая обратно к помыслившему в виде последствий мысли. Поэтому акаша переводится и как эфир, и как пространство, причем пространство отождествляется с умом, мыслью, сознанием. Укажем здесь на то, что шейх суфизма Ибн аль-Араби также вводит в свои рассуждения представление о некотором промежуточном между Богом и миром пространстве Маанан, где существует знание до его выражения в слове, до его выражения в обретенной форме, причем пространство это бесконечно, и извлечение знания, смысла из этого пространства тождественно воплощению вечного бытия во времени.

Элемент акаша и олицетворяющий его дхьяни-будда Вайрочана расположен в центре, будучи самой сущностью дхармакайи. Остальные элементы – земля, вода, огонь и воздух – расположены по кругу и каждый из них олицетворен определенным дхьяни-буддой. Дело в том, что каждый будда обладает истинной сущностью, единой для всех будд и бодхисаттв, а каждое их воплощение представляет собой лишь явленный след их истинной сущности, ибо они могут воплощаться в любое существо. Следует сказать, что каждый из пяти элементов есть элемент-энергия, находящийся в непрерывном круговом и вращательном движении, и каждый человек, каждое живое существо и каждое место в мире пронизаны всеми пятью энергиями, связывающими их со всеми космическими процессами и реалиями, но в каждом конкретном случае одна из них является доминирующей. Впрочем, такой взгляд на мир характерен не только для буддизма. Исследуя православный исихазм, В.Н.Лосский отмечает, что *«святые отцы называли энергии лучами Божества, пронизывающими весь тварный мир»* [6, с. 57], и видели их во всем и вне всего.

Далее божественные энергии сгущаются еще больше, и возникает третье тело будды, самбхогакайя, тело наслаждения, в котором помещаются пять бодхисаттв, духовных сыновей дхьяни-будд. И наконец, в процессе сгущения энергий возникает четвертое тело будды, нирманакайя, где помещаются наши земные будды, духовные сыновья дхьяни-бодхисаттв. В нирманакайя разыгрываются все наши земные мистерии.

Высокодуховные существа из мира людей как магнитом притягиваются светом Великой Пустоты, стремясь вновь слиться с ней, свернуть все иллюзорное разнообразие сотворенного, вымедитированного космоса к его исходной точке Единства. Следует сказать, что и сам сотворенный космос вынужден через строго определенные громадные периоды времени сворачиваться в исходной точке, чтобы обновить свои энергии и обрести новые формы в новой конфигурации сети всеобщей взаимосвязи.

Поражающие воображение совпадения в понимании глубинных структур Космоса представителями столь различных духовных традиций, как тибетский буддизм тантры, православный исихазм и исламский суфизм, а также, что еще более поразительно, представителями современной науки, говорят о глубинной истинности вырисовавшейся картины и о том, что всякое новое есть лишь хорошо забытое старое, а потому современная наука многому может научиться у более древних традиций знания.

Литература

1. *Дионисий Ареопагит*. О небесной иерархии. СПб., 1997.
2. Harvard Oriental Series, v. 17. Cambridge, 1927. IV. 34. Sutra.
3. *Источник живой воды*. СПб., 1997.
4. *Ибн Араби*. Геммы // *Смирнов В.А.* Великий шейх суфизма. М., 1993.
5. *Ибн Араби*. Мекканские откровения. СПб., 1995.
6. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия восточной церкви. М., 1991.

В.Н.ЯГОДИНСКИЙ,

*Международный институт космоторчества А.Л.Чижевского,
Москва*

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕЛИОБИОЛОГИИ, ЕЕ ЗАЩИТА И РАЗВИТИЕ В ГЕОГРАФИИ

Становление гелиобиологии – теории солнечно-биосферных связей можно подразделить на три основных этапа:

1. Разработка Александром Леонидовичем Чижевским проблемы зависимости биологических процессов от космических факторов. Эти исследования обобщены им в 1924–1938 годах в серии публикаций, основной из которых была монография «Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца» (1930).

2. В период 1939–1964 гг. в силу известных причин развитие этой проблемы в нашей стране было приостановлено. И лишь в 1952–1964 гг. Н.С.Щербиновскому удалось преодолеть запреты и составить прогноз миграций саранчи по солнечным циклам. За рубежом в то же время наблюдался бурный рост гелиомедицинских исследований (см. сводку А.Л.Чижевского, 1964). Весьма важной вехой было изучение Б.Хвистендалем (Швеция) связи эпидемий полиомиелита и других инфекций с интенсивностью полярных сияний, как известно, зависящей от солнечной активности (1930–1950).

3. Настоящий период исследований (после 1965 года) характеризуется серьезным оживлением гелиобиологических поисков, которое было вызвано началом космических полетов человека. Именно тогда по рекомендации А.Л.Чижевского мы с Ю.В.Александровым (оба – единомышленники Александра Леонидовича) опубликовали в бюллетене Пулковской обсерватории статьи по гелиоэпидемиологии гриппа и клещевого энцефалита, объяснив пути и механизмы влияния солнечной активности на развитие эпидемий. Это стало первой научной акцией в защиту идей А.Л.Чижевского, проведенной профессиональными эпидемиологами на конкретных материалах очагов инфекций.

Своеобразной платформой для консолидации исследований в такой междисциплинарной области знаний, как гелиобиоло-

гия, стало Географическое общество, в Приамурском филиале которого мы с Ю.В.Александровым основали Комиссию солнечно-земных ритмов. На ее базе проводилась координация усилий по созыву Первого Всесоюзного совещания по гелиобиологии — оно состоялось в сентябре 1965 года в астрофизической обсерватории АН Латвии. Был выпущен первый в истории науки сборник трудов по солнечно-биосферным связям. С этого и началось широкое изучение проблем гелиобиологии, проведение научных конференций и издание их материалов. Иными словами, стала создаваться научная школа гелиобиологов, чему активно способствовали и наши организационные и исследовательские работы.

Результаты изучения этой колоссальной по масштабу и значимости общенаучной проблемы отражены в работе Б.М.Владимирского и Н.А.Темурьянц «Влияние солнечной активности на биосферу — ноосферу» (М., 2000).

Далее мы касаемся только результатов собственных исследований по изучению солнечнообусловленной цикличности биологических явлений на различных территориях (на модели эпидемий). Дело в том, что поиск солнечно-земных связей затрудняется автономностью природных процессов в различных регионах Земли, вследствие чего эти связи маскируются и видоизменяются. Это фактически сводит на нет возможности использования гелиобиологических корреляций с целью прогнозирования циклов в биосфере.

Для анализа были собраны большие массивы статистических данных, охватывающих более 20 000 лет, и обработаны на ЭВМ по программам выявления скрытых периодичностей (в основном методы корреляционно-спектральных функций).

В результате математического исследования динамики инфекционных болезней в различных областях земного шара за длительное время установлено, что цикличность присуща всем группам инфекций при условии их массового распространения и носит многоритмичный характер с преобладанием периодов в 3, 5, 8, 11 и 14 лет. Единство структуры цикличности при заболевании с различными механизмами передачи возбудителя свидетельствует о единой причине ее возникновения.

Цикличность эпидемического процесса варьируется в своих показателях вблизи некоторого среднего значения и меняется в зависимости от места и времени его развития. Но при этом прослеживается тенденция к регулярному зональному проявлению отдель-

ных биологических циклов, что приводит к синхронизации динамики процесса на больших территориях на протяжении многих лет.

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ИНФЕКЦИОННЫХ БОЛЕЗНЕЙ ПО ТЕРРИТОРИИ

Действительно, на протяжении 60-х годов XX века прирост заболеваемости туляремией попеременно регистрировался в областях, приуроченных преимущественно к бассейнам крупных рек. В 1964 году такой прирост по сравнению с 1963 годом наблюдался в основном на северо-западе РСФСР и в Красноярском крае, а также в бассейне р. Дон. В следующем году увеличение заболеваемости отмечено в бассейнах рек Волги и Урала, в Тюменской области, а в 1966 году этот процесс захватил Якутию и некоторые области Забайкалья. В 1967 году все указанные районы оказались вне зоны прироста заболеваемости, которая как бы отодвинулась к периферии основного нозоареала. Однако с 1968 года снова началось оживление природных очагов болезни и связанное с этим увеличение заболеваемости на крайнем северо-западе страны и в Тюменской области с прилегающими к ней районами. В 1969 году на западе страны остались лишь разрозненные очажки прироста заболеваемости, но она возросла в Якутии, а на следующий год – в районах Хабаровского края и на о. Сахалин, затем снова возобновился цикл активизации очагов туляремии в Западной Сибири (рис. 1).

Подобный тип географической изменчивости течения эпидемического процесса на смежных территориях может быть проиллюстрирован и на примере некоторых антропонозов¹, решающее значение в распространении которых имеют социальные факторы, в частности миграция населения.

Скорость охвата территорий инфекциями, распространившимися из какого-либо «эпицентра», различна в зависимости от географических (например, островное положение) и социальных (главным образом транспортные связи, с одной стороны, и профилактические мероприятия – с другой) условий. В силу этого на разных участках территории возникновение эпидеми-

¹ Антропоноз – *биол., мед.*, группа инфекционных заболеваний, возбудители которых способны поражать только человека (напр., грипп, тифы, дифтерия, сифилис и др.).

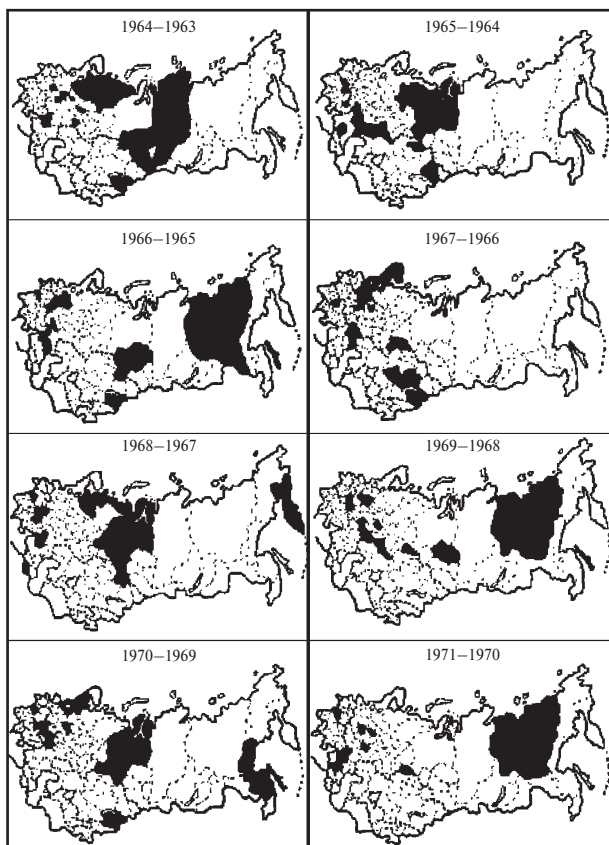

Рис. 1. Зоны прироста заболеваемости туляремией в СССР в сравнении с предшествующим годом

ческих волн будет наблюдаться с каким-то сдвигом по времени. Иное положение создается при инфекциях, постоянно «обитающих» в той или иной местности. В этом случае эпидемические подъемы могут провоцироваться самыми различными факторами, характерными для данных мест, прежде всего — множеством восприимчивого населения. Такие подъемы происходят фактически одновременно на крупных территориях.

Таблица 1. Средние показатели цикличности эпидемического процесса и некоторых природных явлений

	Число исследованных		Выявленные гармоника продолжительности циклов, годы				
	лет	рядов					
Дифтерия	2777	50	3,3	5,6	8,4	11,5	14
Скарлатина	2053	47	3,2	5,5	8,0	11,3	14
Корь	1449	32	3,1	5,4	8,0	11,0	14–15
Коклюш	1065	22	3,2	5,7	8,6	11,2	14–15
Оспа	623	14	3,5	5,5	7,5	11,3	14
Цереброспинальный менингит	484	12	3	5,5	8	10,6	14
Грипп	284	4	2–3	5–6	8	10	13
Брюшной тиф и паратифы	1528	29	2,9	5,4	8	10,6	14
Полиомиелит	1032	22	2,8	5,5	8,0	11,5	14
Холера	322	4	3	6	–	10	15
Инфекционный гепатит	67	2	4	6	–	10	–
Сыпной и возвратный тифы	355	8	3	6	8	11	13
Малярия	199	4	3	6	8	–	–
Сибирская язва	219	6	3	6	8	–	–
Чума	65	1	4	6	–	10	–
Атмосферное давление и температура воздуха, по данным Н.А.Хаминова (1970)	3975	78	3,4	5,8	8,4	11,1	14,7
Циркуляция атмосферы, по данным В.Ф.Логина (1967)	1539	36	3,7	5,5	7,9	10,6	14,8
Сток рек, по данным Э.И.Саруханяна и соавт. (1971)	599	7	2,8	6,5	–	10,1	14,3

Все это формирует непрерывный амплитудно- и фазово-модулированный спектр колебаний и создает впечатление о несходстве динамики эпидемий и их цикличности в разных областях. В своей основе такие особенности аналогичны особенностям распределения разных циклов в отдельных физико-географических районах. В целом же цикличность эпидемического процесса имеет достаточно устойчивую структуру, сходную по характеру с циклами ведущих климатообразующих явлений на Земле (табл. 1).

СИНХРОННОСТЬ ЭПИДЕМИЧЕСКИХ ПОДЪЕМОВ НА БОЛЬШИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Рассмотрим особенности динамики заболеваемости на различных территориях при отдельных нозологических формах и при их сочетаниях.

Так, судя по табл. 2, сходство кривых динамики кори, коклюша, скарлатины и дифтерии проявляется в следующих общих для них максимумах заболеваемости:

1881	1890	1900	1910	1920	1930	1940
1883	1892	1904	1913	1924	1933	1943
1887	1897	1907	—	1928	1938	1946

Как видим, эти годы отличаются одной характерной особенностью: они приурочены примерно к одним и тем же порядковым годам десятилетий.

Весьма показательно, что в целом по СССР единовременные подъемы заболеваемости наблюдались в некоторые годы сразу при 50% регистрируемых нозологических форм, отличающихся как по механизмам передачи, так и по другим показателям, включая комплекс профилактических мероприятий (В.Б.Нестерова, В.Н.Ягодинский, 1973). Это говорит о том, что в указанные годы действуют особые условия распространения инфекций.

При этом особый интерес представляют те эпидемические подъемы, которые возникают практически одновременно на больших территориях. Так, в 1950–1970 годы подъемы заболеваемости дизентерией на обширных территориях совершались практически одномоментно. Это наводит на мысль, что при инфекциях, постоянно встречающихся на данных территориях, в отдельные сезоны создаются особо благоприятные условия для распространения возбудителя.

Таблица 2. Годы подъёмов заболеваемости детскими инфекциями в Московской области

Корь	Коклюш	Скарлатина	Дифтерия
1881	1881	1881	1881
1883	1884		1883
1887	1887	1887–1888	1888
1890	1889–1890		1890
1892	1892	1892	1893
1894			1895
1897	1896	1897	1897–1899
1900	1900–1902	1901	1901
1904	1905	1904	1904
1907			1906
1909–1911	1908–1909	1909–1910	1910
1913–1914–1916	1912–1914	1913–1915	1914–1916
		1920	1920
1919–1920	1919–1920	1924–1925	1924
1924	1923–1926	1930	1931
1929–1931	1928		
1933	1933	1936	
1935			
1938	1937–1939		
1940–1941	1941		1939–1940
1943	1943		1943
1946	1946	1946	

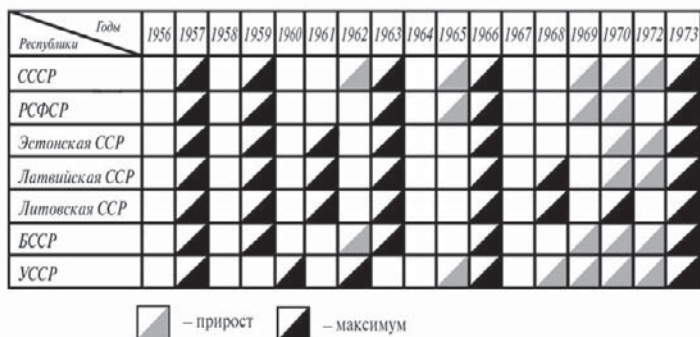

Рис. 2. Единовременность прироста заболеваемости дизентерией по отдельным территориям СССР в разные годы

Данный вопрос представляет исключительный практический интерес и в плане прогноза. Среди возможных факторов, приводящих к единовременным циклическим подъемам заболеваемости на больших территориях, наиболее вероятно действие солнечной активности (рис. 3).

Рис. 3. Изменения заболеваемости дизентерией в СССР
(1 – в отклонениях от средней)
и солнечная активность (2) за 1955–1969 годы

На модели динамики эпидемии в различных областях земного шара за длительное время установлено, что цикличность в биосфере носит многоритмичный характер с преобладанием периодов в 3, 5, 8, 11 и 14 лет. При этом прослеживается зональное проявление отдельных циклов, что приводит к синхронизации динамики процессов на больших территориях. Наиболее важным фактором цикличности является солнечная активность, воздействие которой на биосферу опосредовано климато-географическими условиями.

О.А.ЛАВРЕНОВА,

*кандидат географических наук,
старший научный сотрудник научного отдела МЦР,
Москва*

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ: ОТ ЗЕМЛИ К КОСМОСУ

НООСФЕРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.И.ВЕРНАДСКОГО
И ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Мысль о тесной взаимосвязи человека и Вселенной, человека и Планеты приобрела особую значимость в современном миропонимании благодаря русскому космизму. Нашим великим соотечественником В.И.Вернадским была разработана концепция ноосферы, на которой базируется большинство современных научных трудов о Земле и человеке.

Учение В.И.Вернадского о ноосфере констатировало глобальные и порой катастрофические изменения Земли, происходящие под воздействием человека, но предполагало созидательное, а не разрушительное влияние человеческого разума на среду обитания – как соответствующее по своей направленности геологическому процессу. *«...Важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках, мы его не выпустим»* [1, с. 242]. Ручательством дальнейшего существования мировой цивилизации Вернадский полагал интернациональность науки и *«сознание нравственной ответственности ученых за использование научных открытий и научной работы для разрушительной, противоречащей идее ноосферы, цели»* (выделено мною. – О.Л.) [1, с. 45].

В концепции Вернадского были заложены основы энергетического мировоззрения, приобретающего все больше сторонников в современной науке. Ученый писал о том, что преобразование биосферы в ноосферу идет с помощью особого рода энергии – *энергии человеческой культуры*, или культурной био-

геохимической энергии [1, с. 126], которая проявляется как геологическая сила в изменении окружающей среды с помощью земледелия, скотоводства, промышленности.

Не менее, чем прямые преобразования облика Планеты, значимы изменения качественных характеристик ее пространства. В понятие ноосферы как пространства, видоизменяемого энергией культуры, Вернадским были заложены возможности глубинного осознания процесса этого взаимодействия, которые раскрываются только сейчас.

Существование культуры в географическом пространстве выражается не только в его освоении и обустройстве среды обитания, но также в его осмыслении и осмыслении своего места в нем. *«...В одном из своих значений слово “место” в русском языке — это не что иное, как плацента. Такая языковая интерпретация локуса и отношений с ним в терминах материнской связи не случайна. Давая имена урочищам, поселениям или улицам города, ставя памятники, сохраняя легенды и предания, человек символически организует бывшее для него безличным пространство, претворяя его в место своей жизни»* [2, с. 22]. В результате *«культура идеально переустраивает физическое пространство, сообщает ему структуру и смысл»* [2, с. 5].

Освоение географической оболочки и превращение ее в знаковую систему проходит через этап формирования культурных ландшафтов.

Развивая концепцию В.И.Вернадского о ноосфере, современная наука изучает культуру и географическое пространство в их единстве, обозначая его как культурный ландшафт. Несмотря на то что понятие «культурный ландшафт» в географической науке довольно размыто, существует определение культурного ландшафта Ю.А.Веденина, соответствующее ноосферной концепции. Согласно этому определению культурный ландшафт рассматривается как *«целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей»* [3, с. 9].

Традиционные системы природопользования и формы застройки на протяжении веков создавали культурные ландшафты,

гармонично вписанные в окружающую среду и организованные по аналогии с космологическими представлениями той или иной национальной культуры.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК КОСМОГРАФИЯ

Как полагает современная антропология, именно осознание Божественного закона явилось изначальным импульсом семиотизации пространства, имеющей разную форму выражения в различных культурах. Превращение среды в знаковую систему, где в роли знака выступают географические объекты или элементы культурного ландшафта, а в роли означаемого – архетипы, трансцендентные понятия и категории и соответствующие символы, создает религиозно-мифологическую, или сакральную, географию. В результате складывается символическое понимание пространства, где карта мира становится иконой, отражающей традиционное мирозерцание и различными своими частями выражающей на плоскости картину мироздания.

С эпохой великих географических открытий в европейских культурах начался процесс накопления реальных знаний о географическом пространстве, вытеснивших иконографичность представлений о мире. Но остались архаические символические значения отдельных географических объектов и территорий, в какой-то степени сохраняющие память о мире-иконе и священном тексте.

Иконографическое представление о мире отражается и во внутренней организации культурного ландшафта стран. Так, проведенные исследования отражения географического пространства в русской поэзии XVIII – начала XX в. [4] показывают, что культура России имеет территориальную организацию, сходную с иконической. Горизонтальные оси пространства – основные реки европейской части России (Волга, Днепр, Дон). Вертикальная ось, соединяющая Землю с Небом, проходит через Москву, являвшуюся сердцем культуры дореволюционной России. Голова России – столичный Петербург, одновременно являвшийся ее инфернальным полюсом. Урал в религиозно-мифологическом контексте представляет собой рубеж, отделяющий цивилизованный мир от территорий относительно дикой природы, Космос от Хаоса. За ним существует хаотичное (с точки зрения европейской России) пространство потенциальной мощи страны – Сибирь.

По сути стратегия «прочтения» культурного ландшафта как священного текста возрождает культурную метафору периода рукописных книг: «мир — книга» и «книга — икона мира». Подобным образом конструируется среда обитания, так как человек создает вариативную смысловую сеть из статичных элементов ландшафта [5].

Наиболее распространенные трансцендентные символы в той или иной форме присутствуют в каждом локальном культурном ландшафте и не требуют особых пояснений для постороннего зрителя, владеющего языком религиозно-мифологических пространственных символов. В русской культуре, например, дорога — полисемантический символ Пути. Река рассматривается в качестве «стержня» локальной вселенной, а также — Мирового Пути [6, с. 176]. Холм, самое высокое место в поселении, обычно освященное храмом, монастырем, — символ устремления Земли к Небу, молитвы, и собственно храм — *«наиболее обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания»* [6, с. 93] как такового. *«Храм <...> мал до ничтожества сравнительно со Вселенной, им изображаемой; но в этом ничтожестве <...> смертное, ограниченное существо силлось изобразить и даль, и ширь, и высь необъятную, безграничную, чтобы водворить в нем все, что в природе слепой являлось живым лишь на мгновение»* [7, с. 83].

Несмотря на универсальность способов семиотизации природного ландшафта, наиболее насыщены смыслами и полисемантически те места Земли, где в силу географических (высота над уровнем моря, широта горизонта) и культурных особенностей человек объективно ощущает дыхание Космоса. Например, рай — самое сокровенное понятие христианской культуры — в Средневековье имел свое место на географической карте мира и располагался в Индии [8]. Мифологическое и религиозное сознание человечества, являющееся основой традиционной культуры, издревле играло ведущую роль не только в соединении человека с инобытием, но и в «сцеплении» пространства Планеты с многомерным пространством Космоса. *«Религаре — сказано было еще в древности. Свойство причинности и следствия — закон сцепления Вселенной — принадлежит тому же явлению связи с Беспредельностью. Неразрывными узлами связано человечество с Космосом. Нетрудно установить ту непреложную точку, где все встречается — земные накопления и наслоения высших сфер. Волею Космоса все тяго-*

теет друг к другу. Все устремляется к обоюдному творчеству» [9, 23]. Свойство человеческого сознания таково, что, даже когда некоторые наиболее возвышенные понятия религиозной философии (если рассматривать религию как связь Земли с Космосом) столь высоки, что не могут иметь определенных координат в религиозно-мифологической картине мира, они приобретают пространственные характеристики, сходные с географическими. Так, самое трансцендентное явление буддийской культуры, нирвана, иногда рассматривается в буддийских текстах как некое место. Возможно, подобным образом метафора преодоления пространства ставится в один ряд с духовным преодолением.

Особый случай превращения ландшафта в священный текст возникает при упоминании его и его элементов в Священном писании. В результате происходит «сращение» священного текста с культурным ландшафтом. Такой сакральный ландшафт символизирует собой не космологические категории, а события священной истории. Такой ландшафт-текст вызывает естественную необходимость его «прочтения». В средние века в христианской культуре зародилась традиция паломничества к святым местам. *«Сакральное, т.е. освященное церковью как обладающее особой святостью, пространство вызывало желание посетить его. Для благочестивого христианина паломничество представляло единственную и ни с чем не сравнимую возможность соприкоснуться со святынями. В отличие от мусульманства, христианство не обязывало каждого верующего совершить паломничество, однако многообразными способами подталкивало его к этому. <...> Наряду с максимально сакрализованным центром, Иерусалимом, существовало множество местных, локальных. Некоторые из них также пользовались широкой известностью в христианском мире»* [10, с. 111]. Паломники «прочитывали» через географию Святой земли священную историю. Примером такого «прочтения» может служить «Описание Святой Земли» Иоанна Вюрцбургского [11]. *«География Святой Земли у Иоанна — это, собственно, новозаветная история, припоминая паломником по мере его перемещения в пространстве»* [10, с. 112]. И по сей день места, связанные с жизнью и смертью Иисуса Христа, пророков и святых, при правильном их «прочтении» становятся ландшафтами-мистериями, в результате путешествия по которым паломники символически повторяли крестный путь Спасителя или мученический и полный откровений путь святого.

Таким образом, географическое пространство естественным образом включается в семиосферу – семиотическое пространство культуры, «*внутри которого единственно возможны семиотические процессы*» [12, с. 444]. Семиосфера определялась Ю.М.Лотманом и как «*синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением*» [13, с. 4]. Знак, символ – исконный язык культуры, позволяющий выразить Несказуемое в трехмерном физическом мире, несущий в ограниченных земных формах безграничность Беспредельности. В реальном географическом пространстве посредством Культуры проявляются импульсы и категории трансцендентного Неизреченного. Символизация пространства, призванная отражать в ландшафте категории Духа, есть изменение качества реального пространства путем проявления в ней иной реальности, мира более высоких измерений – мира идей, эйдосов, архетипов.

Символизирование пространства культурой приводит к тому, что не только освященное жизнью праведника место, но и просто обжитый ландшафт становится мандалой, иконой, священной книгой, в которой читаются законы мироздания. Умение «читать» подобные «священные тексты» в ландшафте подразумевает овладение их метафорическим языком, предполагающим не столько знание знаков, сколько представление об означающем. Для владеющего этой системой понятий перемещение в пространстве превращается в «чтение» сакральной космографии.

Современные ученые, подтверждая тезис В.И.Вернадского о потенциально созидательном значении научной мысли, начинают осмысливать географическое пространство, преображенное культурой в икону Космоса.

Теоретическая и творческая мысль, основанная на целостном понимании роли культуры в созидательном преображении пространства, воплощается в программы развития культурного ландшафта. Создаются уникальные региональные программы, основанные на ноосферном подходе и концепции культурного ландшафта, – такие, например, как комплексная стратегия развития Горного Алтая [14]. В этом отношении начинает оправдываться предвидение Вернадского о созидательной роли науки в процессе преобразования биосферы в ноосферу. Творческая, созидательная мысль ученых, владеющих сокровенным языком

культуры, способна преобразовывать географическое пространство «в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы». Но это пока только намечающаяся возможность грядущих преобразований. Новый виток осмысления и преобразования пространства – всего лишь один шаг человечества к ноосфере.

ФИЛОСОФИЯ ЖИВОЙ ЭТИКИ

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЧЕЛОВЕКА И ПРОСТРАНСТВА, КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.К.РЕРИХА

Осознание и ощущение инобытийности в реальном географическом пространстве – особое качество человеческого мышления. Такое мышление представляется наиболее творческим в процессе преображения пространства Культурой. Мысль творцов Культуры помогает остальному человечеству приобщиться к образному, одухотворенному пониманию пространства Планеты, являющемуся ступенькой к космическому мироощущению. Творцы Культуры изменяют стереотипы человеческого мышления, в том числе и пространственные, способствуют осознанию на уровне национальной и мировой культуры некоторых особо важных регионов и мест Планеты, где в наибольшей мере проявляются категории Духа в реальном пространстве. Места, освященные жизнью святых и праведников, великих творцов Культуры, в национальной и мировой культуре обретают сакральное значение. В таких местах изменяется восприятие окружающего мира, на первом плане сознания оказываются категории, весьма слабо задействованные в повседневной активности человека, – мысль устремляется к извечным законам мироздания, приобретает космический размах. Можно говорить об ассоциативной силе воздействия таких памятных, или «намоленных», мест, но, учитывая силу воздействия на личность, налицо объективное преображение пространства магнитом человеческого духа.

О подобном взаимоотношении человека и пространства Планеты и Космоса говорится в творческом наследии Рерихов, в книгах Живой Этики. Философия Живой Этики, родившаяся из синтеза культур Востока и Запада, принесла человечеству новое энергетическое мировоззрение во всей его полноте, которое

не только позволяет прикоснуться к проблематике взаимодействия Земли и Вселенной, но и открывает величественную картину множественности миров. Она раскрывает значение Красоты и Культуры в эволюции человечества и Планеты. Философия Живой Этики свидетельствует о возможности со-творчества человека с Космосом. Находясь на поверхности Земли, человек способен творить, улавливая импульсы Космоса, тем самым преобразуя пространство Планеты.

Согласно концепции Живой Этики, в преображении планеты наиболее действенной оказывается духовная, а не механистическая энергия культуры. Философские и духовные искания человечества можно рассматривать как основной фактор качественного изменения Планеты. Культура в том ее значении, о котором писал Н.К.Рерих – *«Культ-Ур – значит Почитание Света»* [15, с. 45], – представляет собой проявление, материализацию реалий без-образных категорий Духа, проявившихся в духовном творчестве людей. Такая материализация, например в виде памятников культуры, опять же, как магнит, притягивает к себе потоки людей, на несколько мгновений или на всю жизнь изменяя их мировосприятие. *«Магнит, с точки зрения Живой Этики, – это, прежде всего, энергия, притягивающая к себе другую энергию. Форма и структура магнита может быть самой разной, так же, как и качество энергии, которую он в себе несет. Магнитом, например, является энергия духа»* [16, с. 81]. Магнит человеческого духа *«пре-творяет идеи пространства в действие»* [17, ч. 3, II, 7], соединяет пространство наиболее возвышенных эйдосов и архетипов с реальным географическим пространством.

Поэтому так значимы передвижения и действия в пространстве Планеты великих людей, пассионариев, как называл их Л.Н.Гумилев, учитывая их объективное воздействие на окружающую реальность.

Особое значение в осмыслении земной поверхности Культурой имеют путешествия, когда «проживается» и описывается жизненное пространство других национальных культур. От уровня понимания символических ключей национальной культуры зависит качество описания ее культурного ландшафта, его включение в мировую культуру на новом уровне. В этом случае путевой дневник становится описанием сакрального образа мира национальной культуры, отражением особенностей ее космическо-

го мироощущения и даже духовным откровением. Для открытия не только кодов культуры, но и символики красоты природного и культурного ландшафта особую роль играет культурный багаж личности путешественника. Проникновение в запредельное через ворота природного пейзажа, насыщенного символикой связанных с ним культур, доступно лишь человеку, вполне владеющему семиотическими кодами культуры. Напротив, человек, несущий в себе жесткую систему восприятия собственно культурной или религиозной традиции, не способен адекватно увидеть и описать иной культурный ландшафт. Так, в эпоху крестовых походов путевые заметки крестоносцев не несли в себе сведений о национальном ландшафте Палестины, представляя исключительно прочтение священной истории. Красота Святой Земли и ее возвышающая сила оставались за рамками повествования [18].

Фигура Н.К.Рериха особенно выделяется в числе великих путешественников и творцов, внесших немалый вклад в осознание пространства Планеты мировой Культуры. Н.К.Рерих своим творчеством нес человечеству принципиально новое ощущение и понимание пространства, осмысление его одновременно в эстетическом, историческом, мифологическом и космическом ракурсах. В его творческом наследии запечатлены уникальные пространственно-временные сочетания. В ландшафте с одинаковой легкостью им читались прошлое и потенциальное будущее, его творческой мыслью соединялись разные концы света. Например, в одном из литературных пейзажей художником строится через пространство мост, устремляющий мысль читателя в сферы Духа, от Оби до легендарного Шамбатииона, упоминавшегося в Ветхом Завете: *«Во все небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота стремилась широкая Обь. Великая Обь – родина жены и змия.*

Шамбатиион-река стремительно катит по порогам и камням. Кто не пострашится, перейдет ее. А на другой стороне живут люди М. М – самая священная буква алфавита, она скрывает имя грядущего. Каббала помнит Шамбатиион. Катит камни – катунь настоящая. И не построен еще город на месте новом» [19, с. 279].

Н.К.Рерих как никто другой умел прочувствовать сакральность пространства национальной культуры и внести в него свое собственное, обновляющее понимание синтеза. Живописным полотнам Н.К.Рериха присуще изображение пространства в са-

мой сокровенной его динамике — в устремленности к духовному фокусу Планеты, в причастности Культуре и Красоте. Основная тема изображаемого великим художником ландшафта (на полотне или на писчей бумаге) — его насыщенность общечеловеческими духовными символами, связь с заповедной страной Духа.

Творчество Н.К.Рериха, равно как художественное, так и философско-литературное, приоткрывает завесу над сокровенной, космической символикой пространства Планеты в богатстве ее национальных культур. В живописных и литературных творениях Н.К.Рериха очень важно несказанное и несказуемое. Несказуемое пронизывает географическое пространство, наполняет его значимыми и многозначными местами, в которых происходит соединение Земли и Космоса, истории и легенды. Не случайно пересечение географического и духовного пространств занимает особое место в ландшафтных описаниях Н.К.Рериха. На многих живописных его полотнах отсутствует линия горизонта — она оказывается скрытой либо горными хребтами, либо светящейся дымкой, скрадывающей непреложность границы между землей и небом. Его литературным произведениям также свойственно отсутствие горизонта. Это ощущение безграничности пространства проходит красной нитью через все творчество Николая Константиновича, от восклицания царевича из его сказки: «Не вижу границ!» до путевых заметок с маршрутов его азиатских экспедиций. Путевым дневникам Н.К.Рериха свойствен взгляд за горизонт: *«И киргиз указывает на дымчатый, розоватый северо-восток — там великая Такла-Макан! Там захороненные города. Там Куча — столица бывших тохаров. <...> Дальше, там, на склонах гор, Карашар — древнее место. Там долго до сокрытия находилась, по свидетельству китайских историков, чаша Будды, перенесенная в Карашар из Пешавара. А еще дальше — отроги Небесных гор и полунезависимые калмыки, помнящие свою историю, свои горы, пастбища и священные горы. А еще дальше — великий Алтай, куда доходил Благословенный Будда»* [19, с. 132]. В этом лаконичном и красивом описании рефреном звучит слово «дальше», устремляя взгляд читателя-зрителя поверх горизонта, призывая его обратиться к распределенным в пространстве историко-культурным и духовным вехам.

Н.К.Рерих не только отразил наиболее сакральные ландшафты Азии на своих полотнах и принес в европейскую культуру особую

цветовую гамму Азии и философское понимание ее природных и культурных ландшафтов. В литературных произведениях Н.К.Рериха очерченная лаконичными фразами пластика ландшафтных форм, ощущение открытости пространства, звуковой ландшафт даны в контексте космических легенд Востока, выражая смысловую индивидуальность ландшафтов, обозначаемую современными учеными как «*смысл места*» [20]. Судя по удивительно прочувствованным описаниям, Н.К.Рерих был не чужд умению Востока применять «*экстериоризацию чувствительности не только к отдельным личностям, но <...> и как бы к целым местностям*» [19, с. 288].

Особая любовь связывала великого русского художника и самые величественные горы Планеты. «*В Гималаях кристаллизовалась великая веданта. В Гималаях Будда вознесся духом. Самый воздух Гималаев пропитан духовным напряжением – истинная Майтрея Сангха*» [19, с. 316]. Гималаи стали источником высоких откровений великого сына России, они навсегда запечатали его творчество на скрижалях великих человеческих свершений.

Согласно Рериху, человек, художник, становится со-творцом сил, создавших Планету в ее первоначальном виде. Творческое сознание художника преображает мир не только на полотне. О Гималаях справедливо можно сказать, что они стали обителью не только земной, но и космической красоты благодаря творчеству таких людей, как Рерихи и их Учителя.

* * *

На переломном этапе рубежа тысячелетий человечество вновь выбирает свой путь. Культура – или бескультурье, разрушение – или созидание. Выбор очень драматичен, так как если путь Культуры ведет человечество к созданию ноосферы, то окончательный отказ от этого пути грозит гибелью не только биосфере, но и всей Планете в целом. Только когда язык Культуры станет всеобщим, когда каждый человек станет со-творцом Космоса, своим творческим сознанием трансформируя окружающее пространство, «читая» его как книгу Божественных откровений и своей светоносной мыслью заносая на ее страницы новые письмены, возможно, только тогда можно будет сказать, что ноосфера состоялась и пространство земной поверхности Планеты действительно преобразовано в сферу Разума.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
2. *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: изд-во Пермского университета, 2000.
3. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
4. *Лавренова О.А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX в. (геокультурный аспект). М.: Институт Наследия, 1998.
5. *Штейнс В.В.* Человек и культурный ландшафт // Интеллектуальные ресурсы развития научно-технического прогресса. Тезисы докладов и сообщений. Нальчик, 23–27 мая 1988 г. М., 1988.
6. *Топоров В.Н.* Река / Мифы народов мира. В 2 т. Т. 2. М., 1988.
7. *Федоров Н.Ф.* Как может быть разрешено противоречие между наукою и искусством? / Русский космизм. М., 1993.
8. *Miller K.* *Maprae mundi. Die altesten Weltkarten.* Stuttgart, 1895–1896.
9. Учение Живой Этики. Беспредельность. М.: МЦР, 1995.
10. *Мельникова Е.А.* Образ мира. М.: Янус-К, 1998.
11. *Johannes Wirzburgensis.* *Descriptio terrae sanctae* // PL. 1854. T.155. Col.1053–1090. Пер. на англ. яз.: *Description of the Holy Land by John of Würzburg (A.D. 1160–1170) A.Steward.* L., 1890.
12. *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб., 1998.
13. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996.
14. Теория и практика организации международной биосферной территории (на примере сети ООПТ Горного Алтая). Барнаул, 1999.
15. Знамя Мира. М.: МЦР, 1995.
16. *Шапошникова Л.В.* Веления Космоса. М.: МЦР, 1996.
17. Учение Живой Этики. Озарение. М.: МЦР, 1994.
18. *Бизэ А.* Историческое развитие чувства природы. СПб., 1890.
19. *Рерих Н.К.* Алтай – Гималаи. Рига, 1992.
20. *Datel R., Dingemas D.J.* *Environmental perception, historic preservation and sense of place* // *Environmental perception and behavior.* Chicago, 1984.

А.Г. НАЗАРОВ,

*доктор биологических наук, академик РАЕН,
директор Экологического центра ИИЕТ им. С.И.Вавилова РАН,
председатель Отдела проблем изучения биосферы РАЕН,
Москва*

Е.В. ЦУЦКИН,

*заведующий Центром комплексного природного мониторинга
Калмыцкого института социально-экономических и правовых
исследований, директор Археологической лаборатории*

ЕДИНСТВО ПРИРОДЫ И КОСМОСА В МИРОВОЗЗРЕНИИ К.М.БЭРА

Карл Максимович Бэр (1792–1876) – ученый с мировым именем, один из крупнейших естествоиспытателей XIX столетия. По определению В.И.Вернадского, он был естествоиспытателем в широком смысле этого слова: *«Сто лет тому назад он сделал великое открытие, завершившее многовековую работу естествоиспытателей, – он открыл яйцо млекопитающих... Через тридцать лет после этой работы Бэр опубликовал <...> другое обобщение, так называемый закон Бэра – объяснение характера берегов вращением Земли. Простая идея, связывающая геологические и географические явления с общими свойствами планеты, имела огромные последствия и была более важной, чем думал сам Бэр.*

Два столь разнородных обобщения характерны для его личности. Они не случайны. Они связаны с работой того типа великих естествоиспытателей, какими являлись и Дарвин, и Кювье, и Ламарк, и Гарвей, и Реди, и Аристотель. У всех них найдем такие, кажущиеся нам случайными, разносторонние обобщения и искания.

Они связаны с тем поразительно глубоким чувством единства Природы, единства Космоса, которое проникало всю их личность. Закон Бэра, открытие яйца млекопитающего, законов развития животных для Бэра были проявлением одной и той же Природы, разными формами единого» [1, с. 229–230].

Трудно назвать существенные природные явления, которые не привлекли бы внимания этого выдающегося ученого. Разностороннего и целенаправленного исследователя занимала и живая и неживая Природа. Ему было свойственно понимание гармонии Природы, космическое мироощущение жизни. Как никто другой из великих естествоиспытателей, подчеркивал В.И.Вернадский, К.М.Бэр был проникнут ощущением и глубоким сознанием «единства Природы как космического создания», и это единство Космоса, прежде всего, выражалось для него «в связи живого, Жизни, с окружающей косной материей» [1].

Наиболее ярко мировоззренческие принципы К.М.Бэра проявились в исследованиях Каспийской экспедиции. Его интерес к изучению Каспийского моря и прилегающей территории был связан с его воззрениями о зарождении жизни в море, функционировании системы море — суша как планетарной и космической целостности.

Переселившись в 1834 году из Кенигсберга в Россию после повторного избрания действительным членом Петербургской Академии наук, К.М.Бэр посвящает себя изучению комплексных проблем географии и приобретает опыт экспедиционных исследований. В 1837—1840 годах он исследовал русский Север — Новую Землю, Кольский полуостров и Финляндию, где изучал ихтиофауну и рыболовство. В 1837 году составил проект обследования берегов Аральского моря, призывая обратиться к еще не изученным районам Каспия, выяснить, впадала ли в него когда-то Амударья и можно ли восстановить этот Великий водный путь. На Земле нет края, отмечал ученый, который в нашу эру подвергался бы природным изменениям в такой степени, как район Каспийского и Аральского морей.

Признанный к этому времени одним из выдающихся биологов XIX века, К.М.Бэр был и крупнейшим географом-путешественником. Он посвятил несколько лет (1853—1857) исследованиям Каспийского бассейна, уделяя при этом значительное внимание изучению Калмыцкой степи. Появившиеся в результате путешествий труды К.М.Бэра и других членов Каспийской экспедиции содержали ценные сведения по географии, геологии, геоморфологии, океанологии, гидрографии, гидрологии, лимнологии, геохимии, зоологии, биологии, экономики, этнографии, археологии и др. Эти исследования — не только значительная веха

в истории изучения Волго-Каспийского бассейна и Калмыцкой степи, открывшая новый этап и давшая импульс к дальнейшему комплексному изучению Прикаспийского региона, но и важный в методологическом отношении подход к целостному исследованию других географических регионов Европы и Азии.

Кстати, когда К.М.Бэру было предложено возглавить экспедицию по исследованию Каспийского бассейна [2–7; 11], он прежде всего подготовил Программу отряда естествоиспытателей. Во введении к ней ученый отмечал, что нельзя ограничиваться поверхностным рассмотрением причин, а научные исследования необходимо осуществлять со всей полнотой и последовательностью, так как результаты работ могут вызвать интерес во всем мире. Поскольку фауна Каспия отлична от животного мира всех других морей, а способы рыболовства там иные, чем в Европе, подчеркивал естествоиспытатель, то требуется *«получение достоверной информации относительно наиболее рационального способа хозяйственного управления уникальным водным бассейном»* [8, с. 47].

14 июня 1853 года экспедиция К.М.Бэра выехала из Петербурга.

Ее участниками были: в качестве статистика – ботаник Н.Я.Данилевский, известный своими работами в области демографии, статистики, агрономии, географии, климатологии, гидрографии [9]; в качестве техника – выпускник Дерптского университета со степенью кандидата сельского хозяйства А.Я.Шульц, принимавший участие вместе с К.М.Бэром в исследовании Чудского озера и изучении состояния рыболовства в Финляндии и Швеции; в качестве рисовальщика-препаратора – К.И.Никитин. Позже, в начале 1854 года, в качестве помощника естествоиспытателя к ним присоединятся московский ботаник Н.М.Семенов, уволившийся в конце того же года, и прикомандированный министром государственных имуществ П.Д.Киселевым к экспедиции его советник В.И.Иславин. Вместо уволившегося Н.М.Семенова на семь месяцев 1855 года был прикомандирован учитель биологии Астраханской гимназии К.И.Вейдеман.

Особое место в исследованиях Каспийской экспедиции занимает изучение феномена Калмыцкой степи.

Хотя официальной задачей экспедиции было обследование рыболовства на Волге и Каспии, К.М.Бэр проявлял глубокий ин-

терес к природе Калмыцкой степи, этнографии и культуре населяющих ее народов, способам ведения хозяйства, который не ослабевал весь период его работы в экспедиции.

Термин (и понятие) *Калмыцкая степь* в качестве содержательного термина свободного пользования известен с начала XVII века. В трудах П.С.Палласа и С.Г.Гмелина начала и середины XVIII века встречаются названия «Калмыцкая», «Киргизско-Калмыцкая» и «Киргизская» степи. Во всех случаях имелась в виду обширная территория Южной степи между реками Урал (на востоке) и Дон (на западе) и до района Кавказских Минеральных Вод на юге. К началу проведения исследований Каспийской экспедицией понятие Калмыцкой степи территориально несколько сузилось, но по-прежнему охватывало обширные степные пространства Волго-Донского междуречья. В дневниках К.М.Бэра описание встреченных им калмыцких поселений и кочевий относится к районам нижнего течения Волги, долинам рек Маныч и Калаус, Ергенинской возвышенности, Сарпинской низменности, Черных земель и северо-западного побережья Прикаспия. Здесь кочевали не только калмыки, но и татары Поволжья, казахи, ногайцы и даже некоторые племена туркмен.

В целях изучения этого уникального географического региона К.М.Бэр в сентябре 1853, июне 1854, январе и мае 1856 годов совершил путешествия в глубинные и приморские районы Калмыцкой степи.

Путевые дневниковые заметки К.М.Бэра отразили впечатления от поездок по малоизученным тогда территориям нашего государства, к которым относилась и территория Калмыцкой степи. В изображении местных нравов и обычаев он не имел причин что-либо утаивать или приукрашивать, упоминая о том, чего нельзя узнать ни из научных трудов, ни из его писем. Непосредственность и индивидуальность, раскрывающие характер путешественника, соединились с документальностью. Наряду с научной информацией он регистрировал сопутствующие факты, почерпнутые из разговоров с местными жителями, прочитанных книг, архивных документов. В качестве источника он использовал и фольклор.

Первое упоминание о калмыках встречается у К.М.Бэра в путевой заметке от 5 августа 1853 года, когда по дороге к горе Большое Богдо экспедиция остановилась у кошары, «*обитатели*

которой, калмыки, ушли со стадами на пастбище». А на следующий день руководитель экспедиции соприкоснулся с главной святыней калмыцкого народа – горой Большое Богдо. Символична его памятная запись об этом событии: «*6 августа рано утром на восходе солнца уже можно различить Большое Богдо. <...> Прекрасное утро и прекрасная дорога*» [10, с. 83]. В возвышенном состоянии духа К.М.Бэр верхом обследовал сначала «*низкую вершину, на которой еще недавно калмыки устраивали жертвоприношения*», отметив, что «*теперь они эту пустынную местность совсем покинули*». Здесь он нашел несколько интересных растений, осмотрел родник, приобрел раковину аммонита, отметил, что «*много саранчи спустилось в расщелины Богдо, и ни одной не оказалось на сочных, тучных лугах*» [10, с. 85]. «*Седьмого утром я еще раз взбираюсь на Богдо*», – делает прощальную запись ученый [10, с. 84].

Переправившись на левый берег Волги в станице Копановской, К.М.Бэр, наблюдая процесс вытягивания невода, делает еще одну запись: «*Тарань и чехонь вовсе не берут, а отдают калмыкам. Калмыки располагаются вблизи места, где ловят рыбу, и калмыцкие дети прибегают к моменту поднятия невода из воды со своими ручными сетями. На наших глазах три такие сетки заполнялись одной только чехонью*» [10, с. 87]. Отплыв 23 августа 1853 года из Астрахани при сильном встречном ветре, естествоиспытатель уважительно пишет в дневнике о трудолюбии и стойкости калмыков-гребцов, называя их «нашими»: «*Нужно было сильно грести, что и делали наши восемь калмыков. Из них шесть гребцов выполняли свою работу с рвением, без перерывов и пререканий. <...> Мы сами настояли на том, чтобы сделать привал*» [10, с. 89]. На ватаге Сапожникова наняли других калмыков. «*Наши калмыки не взяли с собою ни хлеба, ни чая; надо было их накормить*» [10, с. 89]. В записи ученого от 12 сентября 1853 года есть упоминание о Лаганской ватаге и указано, что она расположена в 40 верстах от Ватажной. А 15 сентября того же года он делает лаконичную запись: «*Сегодня воскресенье. Русские отдыхают. Ловят только калмыки*» [10, с. 93].

14 сентября 1853 года К.М.Бэр и члены экспедиции обследовали соседнюю с Ватажной бухточку, о чем он делает следующую запись: «*Затем мы посетили жилища калмыков. В них есть кровати, но вместо одеял они покрыты рогожей и тростниковыми циновками, около кроватей корзины из тростника, называемые “ута”. Видели калмыцкие священные письма, а также знамя с ритуальной надписью.*

Калмыки платят ежегодно подать тридцать пять рублей ассигнациями, то есть десять рублей серебром, и еще родовому старшине — (зайсангу) один рубль ассигнациями.

Встречается несколько явных метисов. Говорят, что калмыков вовсе не огорчают такие отклонения со стороны их жен. Большие злоупотребления при сборе податей, а также со стороны священников, которые в случаях болезни требуют от калмыков коров, овец и т. п.» [10, с. 93–94].

Из Четырехбугорной 16 сентября 1853 года члены экспедиции «вышли на двух лодках при очень резком ветре. На веслах были калмыки. Подошли к пароходу и тут же отправились к Бирючьей косе» [10, с. 95]. Из Икряной ватаги, позавтракав в 10 часов, 3 ноября 1853 года отправились, по приглашению Ф.Ф.Пальцева, на Камызячий учуг и уже в одиннадцать часов были на месте, «проплыв примерно тридцать пять верст на узкой лодке с десятью гребцами-калмыками» [10, с. 107]. 17 декабря 1853 года, пишет К.М.Бэр, К.Глич и Беккер «вызвались собрать для меня черепа калмыков и татар, окаменелые бычьи кости значительных размеров. Один бычий череп они принесли тут же. Он, казалось, имел не все кости, однако был значительно больше, чем у всех живущих ныне быков. Рога совершенно такие же, как у украинского быка, но совсем не выгнуты вперед, как у ископаемых» [10, с. 110].

Символично, что на обратном пути в Петербург К.М.Бэра согревал калмыцкий тулуп. Именно на нем остановил свой выбор академик, когда 17 декабря 1853 года в Царицыне «принесли еще тулуп из шерсти калмыцких черных кудрявых овец, но запросили за него сорок рублей серебром, в то время как в Сарепте мне говорили, что такая вещь должна стоить рублей десять. <...> Пришлось, наконец, заплатить двадцать пять рублей, ибо дальше мерзнуть я не хотел» [10, с. 111].

Запись 20 марта 1854 года: «Я видел несколько калмыцких черепов и приобрел несколько штук. Я купил у Глича восемь черепов и еще один девятый (калмыцкий)». 22–26 марта 1854 года еще: «Изучал здешние черепа и делал выписки из Цвика, Хунвовица и из истории Сарепты» [10, с. 118].

14 мая 1854 года К.М.Бэр описывает посещение Калмыцкого Базара: «С помощью попечителя заказали калмыцкую палатку за сто пятьдесят рублей серебром. Она устроена из [фраза оборвана. — Е.Ц.]. Мы осмотрели маленький (калмыцкий) храм. Видели здесь несколько

знакомых нам и ряд незнакомых предметов, например, сосуд с освященной водой, и в нем пучок павлиньих перьев; молитвенные барабаны, которые посредством шнура приводятся во вращательное движение, подобно волчкам.

Калмыцкий Базар расположен на отчетливо выраженном, но невысоком бугре, вытянутом с востока на запад, или, вернее, на *WS*. Он имеет по обеим сторонам низины, которые теперь были наполнены водой: северная из Волги, а южная – полой водой. Последняя, однако, при сильном разливе Волги тоже могла соединяться с ней. Далее отсюда ясно видны несколько бугров с впадинами между ними. Они кажутся вытянутыми с *hN* на *hS* (к сожалению, судить об этом можно только по солнцу)» [10, с. 135]. В этот же день он делает пометку на полях: «Лес в окрестностях владений князя Тюменева-младшего» и на листе: «Князь Тюменев-старший попытался сеять рожь в Астраханском округе. Сделал ли он то же самое и на принадлежащей ему плодородной земле, богатой травами, не знаю» [10, с. 136].

10 июня 1854 года К.М.Бэр вместе с К.Гlichem первый раз выехал в глубь Калмыцкой степи.

Исходя из анализа научного (литературного), картографического и эпистолярного наследия К.М.Бэра можно выделить следующие основные направления его географических исследований Волго-Каспия и Калмыцкой степи:

1. Изучение Волго-Каспийского бассейна, дельты Волги, побережий Каспия в связи с проблемой кормовой базы для увеличения прироста каспийской сельди и других рыбных ресурсов.

2. Изучение эколого-географических и экономических условий проживания прибрежного населения Северного и Западного Каспия («прибрежных калмыков») в связи с рыбохозяйственным освоением акватории моря.

3. Изучение географо-геоморфологических особенностей Волго-Каспийского региона, Кавказа, условий произрастания флоры и распространения фауны полупустынных и сухостепных территорий Калмыцкой степи.

4. Исследование проблемы взаимосвязи бассейнов Черного и Каспийского морей и возможности их соединения по долине Маныча.

5. Изучение этнографических особенностей, быта, хозяйства и духовной культуры калмыков в различных географических районах Прикаспийского региона.

В каждое из выделенных направлений географических исследований Калмыцкой степи К.М.Бэр вносит свою тонкую наблюдательность, острый незаурядный ум, умение по отдельным разрозненным наблюдениям и заметкам нарисовать общую целостную картину развития настоящего и прошлого изучаемого региона.

Хотя официальной задачей экспедиции было обследование рыболовства на Волге и в Каспийском море в техническом, статистическом и естественно-историческом отношении, прежде чем приступить к достижению цели, К.М.Бэр собрал с членами отряда огромный документальный и коллекционный материал по Волго-Каспийскому бассейну. Он сформулировал необходимость *целостного географического изучения* Каспийского региона и наметил пути его осуществления [13].

Именно к этому периоду относятся наиболее значимые географические открытия и исследования К.М.Бэра. Вслед за П.С.Палласом и Оммер-де-Эллем он изучал физико-географические условия Прикаспийской низменности. Дал лучшее для того времени описание Каспия, охарактеризовал Урало-Волжскую, Понтийско-Каспийскую, Мангышлакскую степи, соленые почвы Закавказья [12, с. 306–307]. Первым составил правильное описание Маныча, установив, что кроме реки Западный Маныч в южной части Астраханской губернии есть еще другая – Восточный Маныч, отделяющий Астраханскую губернию от Ставропольской. Уточнил направление реки Сарепты. Регулярно проводил серьезные метеорологические наблюдения и ретроспективный анализ климата. Лично картографировал ряд географических объектов, таких, как Дарминский озерный край, обновил серию карт, делал чертежи и зарисовки. Изучал геологическое строение берегов Каспийского моря и Кумо-Манычской впадины.

Одним из крупных общегеографических достижений К.М.Бэра в области геоморфологии, сделанных им на основе исследований в Калмыцкой степи, является выделение, подробное изучение, определение литологического состава пород и установление протяженности (до сотни и более километров) крупных валобразных элементов рельефа, вытянутых в широтном направлении и получивших позже название «Бэровские бугры».

Впервые естествоиспытатель замечает бугры за Сероглазинской станцией 11 августа 1853 года, следуя в Астрахань. «*Вблизи Волги видны продолговатые формы холмов*», — пишет он и отмеча-

ет вдали еще один, поросший кустарником [10, с. 87]. На следующий день делает новую пометку о том, что близ станции Дурной «на некоторых волжских островах тянутся продолговатые холмы» [10, с. 88].

Исследуя дельту Волги, 24 августа 1853 года К.М.Бэр заносит в дневник еще одно ценное наблюдение: «Я мог ясно убедиться, что все бугры, лежащие как направо, так и налево, тянулись с востока на запад. <...> Все эти бугры сложены, по-видимому, из твердой глины» [10, с. 89]. А 10 сентября 1853 года, проплывая Бахтемир, отмечает: «Несколько бугров, которые мы видим, направлены с востока на запад. Очень часто восточная оконечность бугра бывает значительно выше, но не всегда. На западной стороне реки это наблюдается почти без исключения, на восточной – реже» [10, с. 91]. 12 сентября 1853 года члены экспедиции отправились из ватаги Сапожникова к Четырехбугорной, «по пути осмотрели еще многие бугры. Чаще всего они направлены с востока на запад. Когда их удавалось хорошо рассмотреть, почти всегда южная сторона оказывалась отлогой, наветренной, а северная – подветренная» [10, с. 93].

Внутреннее строение бугров К.М.Бэр исследовал как в поперечном (по линии север – юг), так и в продольном сечении (по линии восток – запад). Так, 3 мая 1854 года близ ватаги Княжной ученому удалось найти и зарисовать бугор, где «на западной обрывистой стороне его отчетливо видны пласты. Все они склоняются к югу» [10, с. 132]. А 8 мая того же года он обследовал неподалеку от Семирублевой Красный Бугор, обнаженный по длине. «Пласты, как и следовало ожидать, сперва поднимаются, а затем снова постепенно уходят вниз» [10, с. 134].

14 мая 1854 г. на пути к станции Дурновской К.М.Бэр анализирует генезис бугров: «Начиная с пятнадцатой версты, мы ехали мимо неправильно разбросанных холмов, часть из них была совершенно лишена растительности, следовательно, это был чистый наносный песок. Они следовали друг за другом без системы, и среди них часто попадались низкие, вытянутые к hS. Мне кажется весьма вероятным, что эти холмы образовались из выветрившихся прежних бугров» [10, с. 135].

Изучением строения и происхождения этих загадочных форм рельефа К.М.Бэр будет заниматься на протяжении всего экспедиционного периода. Ученый видел в них доказательство внезапной убыли моря. Гипотеза о резком падении уровня моря бурно

обсуждалась географами, как и теория происхождения бугров [13]. Позднее о Бэровских буграх утвердилось представление, что это дюнные образования, сложившиеся под влиянием северо-восточных ветров из песка, выбрасываемого Волгой. По мнению современных исследователей, ареалы Бэровских бугров имеют структурно-тектоническую приуроченность [14]. Бэровские бугры, генетически связанные с долиной Пра-Волги, имеют большое значение в процессах колебания Каспийского моря, в создании преобладающего облика рельефа Юго-Восточной Калмыкии, ее гидрологического режима и особого микроклимата, способствуя формированию почвенно-растительных ассоциаций. В настоящее время правительством Республики Калмыкия и администрацией Астраханской области они объявлены памятником природы и взяты под охрану.

Гидрологические изыскания позволили К.М.Бэру выявить названную позже его именем закономерность взаимосвязи русловых процессов с формой речных долин. Ученый кропотливо собирал данные о русловых процессах, особенностях деформации русла и поймы Волги. Кроме Волги он изучал такие реки, как Болда, Сарепта, Кура, Терек, Малка, Аракс, Свяга, Бахтемир, Камызяк, Прорва, Таловка, Сулак, Акуша, Маныч, Улан-Зуха, Калаус, Клязма, а также учел переданные ему натуралистом Э.Э.Баллионом наблюдения близ Хвалынска. В большой работе, оставшейся неопубликованной, ученый подробно рассуждал о значении наносов, поступавших с водой со всей площади водосбора. К мысли о связи деформаций речного русла с движением наносов геоморфологи пришли только в 20-е годы XX века [15, с. 73]. Причину же обмеления устья рек, их деформации и смещения К.М.Бэр усмотрел в стремлении речного потока смещаться к западу.

На асимметричность поперечного профиля речных долин обратил внимание еще М.В.Ломоносов [16, с. 472; 17, с. 57]. Мысль о связи русловых процессов с вращением Земли – «*последствии Гюйгенсовой силы*» [18, с. 200] – первым высказал путешествовавший по Сибири П.А.Словцов. Позже об этом стало известно К.М.Бэру. Он развил объяснения асимметричного строения берегов рек, текущих в меридиональном направлении, и сформулировал общий закон формы русла рек: степень влияния боковой силы зависит от угла, составляемого направлением течения реки с меридианом. Он сделал вывод, что в реках северного полуша-

рия вода под влиянием силы Кориолиса отстает в движении от суши и прижимается к правому берегу, который становится обрывистым, от левого же вода отступает, превращая его в равнину. Об этом законе К.М.Бэр впервые сообщил в кружке своих астраханских друзей [10, с. 494].

Ж.Бабинэ, узнавший об открытии Бэра, сформулировал этот закон несколько иначе, хотя суть осталась прежней: вращение Земли воздействует на все реки, а не только на текущие в меридиональном направлении. Он учел давление, оказываемое водой на берега вследствие вращения Земли, и определил его величину относительно давления, передаваемого на речное дно. И К.М.Бэр, и Ж.Бабинэ приписали силе Кориолиса действие, которое она может производить только при наличии других факторов [19; 20; 21; 27]. Так называемый «закон Бэра» в 20-е годы XX века привлек внимание А.Эйнштейна [22].

Исследуя геодинамические процессы, К.М.Бэр выделил две категории колебания Каспия: *сезонные*, зависящие от речного стока, и *вековые*, обусловленные, по его мнению, тектоническими движениями – поднятием и опусканием морского дна, разделив тем самым взгляды своих современников Э.Эйхвальда и Э.Ленца. Эту точку зрения позже отстаивали М.М.Жуков и В.П.Колесников. Другие исследователи объясняли колебания уровня моря климатическими факторами [8, с. 52–53].

К.М.Бэр впервые организовал комплексные исследования гидрологических и гидробиологических свойств Каспия, провел обширные гидрографические и гидрохимические работы, определил соленость вод, динамику солености и влияние солености на морскую фауну; районировал море, высказал гипотезу о том, что уменьшение размера моллюсков обусловлено обеднением морской воды солями; отстаивал теорию унаследованного происхождения солей в почве степей от древнего моря, тогда как более распространена была теория о пресноводности Каспийского моря, получившем соль из окружающей степи. Создал теорию о самоосаждении поваренной соли на дне залива Кара-Богаз-Гол, опираясь на материалы Г.С.Карелина [23].

В 1853–1854 годах К.М.Бэр стал первооткрывателем дельты Волги. Так как для рыбного хозяйства и биологии проходных рыб особый интерес представляла динамика волжской дельты, он описал дельту в период половодья и прилегающую к ней террито-

рию. «*Настоящая дельта Волги*, — писал ученый, — *под которой я понимаю почву нового наносного образования, начинается ниже Астрахани*» [24]. А Н.Я.Данилевский за начало дельты принимал «приверх» Бузана.

К.М.Бэр также первым приступил к исследованию проблемы пресноводных ериков и ильменей как элементов волжской дельты, попытался их квалифицировать по принципу: постоянные или изменяющиеся по площади. В подступных ильменях, наименее подвергавшихся влиянию реки, нашел реликтовую фауну — каспийских ракообразных; сделал ряд палеонтологических открытий в области малакологии.

Системно-организованный, комплексный подход К.М.Бэра к реализации целей и задач Каспийской экспедиции ознаменовал новый этап развития ихтиологии, когда исследования приобрели практическую направленность, стали комплексными, рыбопромысловыми. Им был уточнен состав ихтиофауны Каспия, внесены поправки в ее систематику, проведены сравнительно-анатомические исследования видов малоизученных рыб. Естествоиспытатель смог составить экосистемную модель взаимодействия суши с водными бассейнами, близкую к современным представлениям о трофических связях в водоемах [25, с. 377–382].

Корректность экспедиционных исследований позволила отвергнуть идеи вымирания животного мира в Каспийском море.

Исследуя влияние промысла на рост рыбы и ее запасы, К.М.Бэр доказал, что хищнический характер промысла подорвал потенциал воспроизводства, и со времени путешествия П.С.Палласа количество добываемой зрелой рыбы и икры в Каспии уменьшилось, а вылов маломерной — возрос. Ученого возмущало также варварское уничтожение некоторых видов рыб, например, тысячи пудов высококачественной сельди.

Еще Петр I приказывал солить каспийскую сельдь. Улов ее был огромен. Однако сельдь, или бешенку, считали чуть ли не сорной рыбой, и тысячи пудов высококачественной сельди закапывали в землю, а в лучшем случае использовали для жироотопления. По совету руководителя Каспийской экспедиции промышленники попробовали солить ее. Крымская война, приостановившая импорт голландской сельди, способствовала сбыту астраханской. Так Россия благодаря рекомендации К.М.Бэра

получила ценный пищевой продукт, а рыбопромышленники расширили объем вылова, приступив к массовому лову частиковых пород. Куринские промыслы славились богатым уловом миног, использовавшихся для освещения вместо свечек. Ученый же предложил миног мариновать, используя прибалтийскую технологию. Рыболовство на Тереке К.М.Бэр советовал развивать в низовьях, а на Волге – в ее верховьях, запрещая лов в период икрометания.

Проблематика рыболовства разрабатывалась экспедицией многосторонне – не только с ихтиологической, экономической, но и этнографической точек зрения. Много внимания руководитель исследований уделял изучению образа жизни и облика народов, населявших Поволжье и берега Каспия, особенно прикаспийских калмыков.

К.М.Бэр одним из первых осознал значимость архивных исследований. По его поручению была собрана обширная информация статистического, натурального и изустного характера, позволившая создать объективную картину промыслового хозяйства и экономики. Он изучал способы хозяйствования, материальную и духовную культуру, быт населения ловецких и иных поселений. Его интересовали традиционные способы, орудия и места лова, их влияние на биологию рыб и их запасы, возможности обновления приемов рыболовства, филологические аспекты, связанные со словарной работой – сопоставление народных названий рыб с научной терминологией. Комплексный охват сведений представлялся К.М.Бэру как особая надобность для *«составления возможно более полной истории рыбной ловли в Каспийском море и в его притоках»* [10, с. 48].

Накапливая и систематизируя материалы экспедиции, К.М.Бэр проявил себя как истовый собиратель коллекций. В 1853–1857 годах им были собраны обширные геологические, зоологические, палеонтологические, археологические, этнографические и антропологические (краниологические) коллекции, поступившие в музей Петербургской Академии наук.

К.М.Бэр был не только крупным ученым, но и выдающимся просветителем. Щедро делился своими знаниями, опытом, стремился довести результаты экспедиционных исследований до самых широких слоев общества. Внес много предложений по рационализации рыбного промысла, обработке рыбы, ее хранению,

распространению новых форм хозяйствования. Организовал Естественно-исторический музей и помогал устройству Ботанического сада в Астрахани.

Вокруг личности К.М.Бэра сложился круг натуралистов-естествоиспытателей Астрахани, Сарепты, Камышина и других городов, а сама Каспийская экспедиция стала серьезной школой формирования научных кадров, продолживших изучение научных проблем Волго-Каспийского региона. Главный помощник К.М.Бэра Н.Я.Данилевский за капитальные исследования о рыболовстве в России был удостоен большой Константиновской медали – высшей награды Русского географического общества. А.Я.Шульц изучал бассейн Черного и Азовского морей, по рекомендации К.М.Бэра около десяти лет возглавлял Астраханское Управление рыбными и тюленьими промыслами, служил в Министерстве государственных имуществ.

Методологическая значимость фундаментальных исследований К.М.Бэра определена тем, что труды Каспийской экспедиции заложили основы комплексного подхода биолого-географической науки и оказали огромное воздействие на все поколения исследователей в нашей стране [1; 8; 10; 12; 13].

К.М.Бэр, человек энциклопедического ума, многогранного таланта, активной гражданской позиции, принадлежал к типу российской интеллигенции с присущим ему, как натуралисту-естествоиспытателю, космическим мировоззрением. Он прекрасно понимал, что без знакомства с лучшими достижениями мировой культуры, без знания истории невозможно, занимаясь узкой научной специализацией, понять место в системе Природы. Целый раздел программы К.М.Бэр отводит естественно-историческим задачам экспедиции – от фундаментальных до прикладных. Ученый пишет, что убывль уловов *«побуждает нас перейти к естественноисторическому разделу исследований экспедиции, указывая на необходимость принять во внимание не только биологию рыб, но и всю природу Каспийского моря»* [10, с. 48]. Чувство единства Природы и Космоса у К.М.Бэра выражалось в острой потребности изучения Земли как целого. Благодаря этому он не только блестяще выполнил поставленные перед экспедицией рыбохозяйственные задачи, но и осуществил комплексное исследование сопряженных с Каспием степных и полупустынных областей Юга России. Комплексность мировоззрения К.М.Бэра – маршруты в глу-

хую степь, казалось бы, совершенно далекие от целей Каспийской экспедиции, связаны с желанием понять не только законы природы, но и духовную и хозяйственно-материальную культуру проживающих здесь народов в органической связи. Особый интерес К.М.Бэр проявил к *калмыцкому народу* – представителю *иной культуры*, чье мировоззрение было близко ему. Логически в круг его интересов вошла природа степи и формирующие факторы: климат, географические условия, исторические традиции. Этим ученый во многом перекликается с всеобъемлющими устремлениями и мировоззрением Николая Константиновича Рериха, наблюдавшего состояние религии, обычаев и следы великого переселения народов. Так же, как и К.М.Бэра, его влекла глубинная степь.

Космизм мировоззрения К.М.Бэра отразился и в его религиозных чувствах. Природное начало, гармония природных явлений в нем – доминировали. Его неприятие вероучений, обрядности, молитв, церковных институтов, образа не позволяет называть его христианином в буквальном смысле, а скорее указывает на его сходство с древним пантеистом, кем он и был фактически. В путевом дневнике Бэра содержится целый ряд интересных, порой критических и ироничных записей о буддизме, о христианских праздниках, о его отношении к религии.

Оценку подвижнической деятельности К.М.Бэра как путешественника, географа и мыслителя дали крупнейшие отечественные ученые. П.П.Семенов (позже названный «отцом современной географии и статистики в России») высоко оценил его исследования в Каспийском бассейне, найдя их *«оригинальными и открывающими новые перспективы для географической науки»* [28, с. 8]. Кстати, главе Каспийской экспедиции 13 ноября 1861 года в Отделении физической географии Русского географического общества была единогласно присуждена Константиновская медаль. Академик Л.С.Берг, внесший большой вклад в изучение динамики Каспия и его ресурсов, так оценил значение исследований Каспийской экспедиции К.М.Бэра: *«Научные и практические результаты экспедиции были громадны, а некоторые имели мировое значение»* [26, с. 176].

Но наиболее полно мировоззрение К.М.Бэра охарактеризовал академик В.И.Вернадский, возглавивший в 1927 году Бэровскую подкомиссию при Комиссии по истории знаний. Свое

историко-научное исследование о единстве природного и космического начал в научном мировоззрении К.М.Бэра нам бы хотелось завершить прекрасным высказыванием этого гениального естествоиспытателя современности:

«Бэр имел свое, ни с кем из современников не сходящееся представление о Природе, о сущем. Он был проникнут до конца глубоким сознанием ее единства и ее значения. Он глубже, чем кто-нибудь до него и, может быть, после него, понимал, понимал всем существом своим, связь всего и в частности то, что сейчас выявляется нам в геохимии — связь живого с окружающей косной материей. У Бэра мы должны искать наиболее глубокие проявления тех идей естествознания, которые связаны с идеей “гармония природы”, как тогда говорили, “порядка природы”, как мы теперь говорим.

Благодаря этому своеобразию и глубине мысли и сознания целого, работы Бэра не устарели...

В них много найдет неожиданного каждый, кто к ним обратится...

Человек широчайшего образования, огромной честности в научной работе, мысль которого останется живой столетия, как мысль великих натуралистов — Аристотеля, или Гарвея, или Реди, — Бэр был человеком цельного мировоззрения, и ничто человеческое ему не было чуждо...

В Петербурге николаевского времени жил великий естествоиспытатель и великий мудрец.

Это исторический факт огромного значения в создании нашей культуры, хотя немногие современники это сознавали.

Это начинают понимать потомки» [29, с. 8–9].

Литература

1. Вернадский В.И. Памяти академика К.М. фон Бэра / Статьи об ученых и их творчестве. М.: Наука, 1997.
2. ЦГИА, ф. 735, оп. 3, № 10, л. 36–37.
3. ЦГИА, ф. 735, оп. 3, № 10, л. 91–92.
4. АГО, ф. 1–1852, оп. 1, № 36, л. 1–8 об.
5. АГО, ф. 1–1852, оп. 1, № 36, л. 49–56.
6. ААН, ф. 129, оп. 1, № 599, л. 1–2.
7. ААН, ф. 129, оп. 1, № 601, л. 1–21.
8. Соловьев М.М. Бэр на Каспии: Каспийская экспедиция 1853–1856 гг. под руководством академика К.М.Бэра. М.–Л., 1941.

9. АГО, ф. 1—1852, оп. 1, № 36, л. 46 и об.
10. *Бэр К.М.* Записки о путешествиях для исследования рыболовства на Каспийском море и на Волге // Научное наследство. Т. 9. Л.: Наука, 1984.
11. ААН, ф. 1, оп. 1а, № 88, § 70.
12. Переписка Карла Бэра по проблемам географии. Л.: ЛО Наука, 1970.
13. *Есаков В.А.* Академик К.М.Бэр и его роль в развитии географической науки // Изв. АН СССР. Сер. геогр. М.: МГУ, 1975. № 5.
14. *Аристархова Л.Б.* Еще раз о происхождении и причинах локализации Бэровских бугров // Изв. АН СССР. Сер. геогр. М.: МГУ, 1980. № 4.
15. *Попов И.В.* Загадки речного русла. Л., 1967.
16. *Ломоносов М.В.* Краткое описание путешествий по северным морям / *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.—Л.: АН СССР, 1952.
17. *Федосеев И.А.* Развитие гидрологии суши в России. М., 1960.
18. *Словцов П.А.* Письма из Сибири (1821) // Московский Телеграф, 1827, ч., отд. 1, № 11.
18. *Словцов П.А.* Письма из Сибири // Московский Телеграф. Ч. XV, отд. 1. М.: изд. Н.Полевого, 1827.
19. *Леонтьев Г.И.* Об асимметрии речных долин и «законе Бэра» // Вопросы физической географии. Сб. 4. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1971.
20. *Мюрсепп П.В.* Закон Бэра — Бабинэ и французы // *Folia Vaeriana*, 1978. Т. 3. Таллинн, 1978.
21. *Бэр К.М.* Почему у наших рек, текущих на север или на юг, правый берег высок, а левый низмен? // Морской сборник. Т. 27. Отд. III, № 1. 1857, янв. Часть неофициальная.
22. *Эйнштейн А.* Причины образования извилин в руслах рек и так называемый закон Бэра // Успехи физических наук. Т. 59. Вып. 1 (перевод с немецкого издания 1926 г.).
23. *Карелин Г.С.* Дневник путешествия 1832—1836 гг. по северо-восточному берегу Каспийского моря // Записки ИРГО ОГ. Т. X. 1883.
24. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. II. СПб., 1860.
25. *Карзинкин Г.С.* К.М.Бэр и проблема биологической продуктивности водоемов // Вопросы ихтиологии. Т. 1. Вып. 3 (20). 1961.
26. *Берг Л.С.* Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.—Л., 1946.
27. *Берг Л.С.* П.А.Словцов и закон Бэра // История русских географических открытий. М.: АН СССР, 1962.
28. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Каспийские исследования и исследования о состоянии рыболовства в России // Записки ИРГО. Кн. 1. 1862.
29. *Вернадский В.И.* Памяти академика К.М. фон Бэра // Первый сборник памяти Бэра. Труды Комиссии по истории знаний. 2. Л.: АН СССР, 1927.

И.А.РЕЗАНОВ,

*доктор геолого-минералогических наук,
Институт истории естествознания и техники РАН,
Москва*

ГЕОЛОГИЯ И КОСМИЗМ

Если рассматривать космизм как проблему взаимосвязи между процессами, происходящими на нашей планете, и космическими явлениями, то тогда следует различать две стороны этой взаимозависимости: 1) влияние Космоса на земные процессы; 2) возможное влияние человечества на окружающее его космическое пространство. Той и другой проблеме посвящена моя книга «Жизнь и космические катастрофы» (изд-во «Агар», 2003), по материалам которой и построено настоящее сообщение.

Начнем с проблемы влияния Космоса на Землю. Основные сведения нам об этом дает геология, расшифровывающая историю планеты за 4,5 млрд лет ее существования. В горных породах сохранилась информация обо всех аномальных физических или химических событиях, происходивших на Земле, в том числе о тех, причиной которых было воздействие космических сил.

Главным источником космического воздействия на земные процессы было Солнце. Сначала вокруг него обращалось десять планет. Все они вместе с Солнцем образовались из газопылевого облака, состоящего на 98–99% из водорода с примесью гелия. Стувившееся облако превратилось в Солнце, а из его остатков сформировались планеты. Гравитационное сжатие запустило «термоядерный реактор» на Солнце. Подувший от возникшей звезды «солнечный ветер» разогнал с ближайших планет окружавшее их гигантское водородное одеяло. Ближайшие к Солнцу планеты (Меркурий и Венера) полностью «оголились» к концу их образования. На третьей (Земле) водорода сохранилось лишь полпроцента сравнительно с ее массой, на четвертой (Марсе) – приблизительно 3–5%, на пятой (Фэптоне) – около 30%, а на шестой (Юпитере) и седьмой (Сатурне) почти весь водород так и остался «прилепленным» к планетам.

Солнце постепенно увеличивало светимость, лучи его, достигая планет, подогревали остатки их водородных покрывал, что повышало температуру водорода, и он начал улетучиваться. Внешнее давление на планеты, создаваемое атмосферой, понижалось. Это и стало причиной самой крупной за всю историю Солнечной системы космической катастрофы – взорвалась пятая планета Фаэтон. Водород давил на нее с силой 50–70 тысяч атмосфер! Когда большая его часть улетучилась, внешнее давление на планету снизилось, и она не выдержала: внутреннее давление газов ее разорвало! Но первоначально разрушилась не вся планета. Сначала с нее была сброшена ее мощная кора, достигавшая в толщину 50–100 км – скопившиеся под корой газы отбросили ее. Да так сильно, что часть обломков этой коры разлетелась по всей Солнечной системе, образовав на планетах и спутниках гигантские ударные кратеры диаметром до 1000 км. Наиболее полно следы этой космической катастрофы фиксированы на Луне. Гигантские кратерные бассейны, позже залитые базальтовой магмой (лунные «моря»), образовались 4 млрд лет назад, когда обломки отброшенной коры Фаэтона «перепахали» всю поверхность Луны. Эта космическая катастрофа отразилась и на земной жизни (см. ниже).

Что же происходило с Фаэтоном, лишившимся коры? Снижение давления и обилие газов привели к плавлению его мантии, возникновению в расплаве мельчайших капель (0,2–1 мм), которые впоследствии, закристаллизовавшись, превратились в маленькие сферы. Мы называем их хондрами, широко распространенными в метеоритах. После срыва коры мантия Фаэтона долго оставалась расплавленной. Остыл и закристаллизовался лишь внешний ее слой. И вот на нем-то и появилась жизнь! Расплавленная мантия извергала массу газов: воду (в газообразном состоянии), углекислоту, метан, аммиак и др., собравшихся в тонкий слой между водородной атмосферой и застывшей корочкой. В этом слое все необходимые для возникновения жизни химические соединения были в концентрированном виде, а высокое давление водородной атмосферы в тысячи раз ускоряло синтез как первичных молекул (аминокислот и др.), так и полимеров (предшественников белков и нуклеиновых кислот). Катастрофа создала обстановку, в которой поверхность полуразрушенного Фаэтона стала гигантской фабрикой по производству разнооб-

разных органических соединений, из которых спонтанно возникла жизнь. В обломках Фаэтона (в метеоритах) обнаружены минерализованные останки бактерий, неотличимые от современных. Обилие окисленных соединений свидетельствует, что бактерии продуцировали кислород. Дальнейшая утечка водорода вновь понизила внешнее давление на Фаэтоне, и внутреннее газовое давление его окончательно разрушило. Пояс астероидов остался немым свидетелем космической катастрофы.

Хотя после катастрофы прошло 4 млрд лет, обломки погибшей планеты из пояса астероидов до сих пор прилетают на Землю в виде железных и каменных метеоритов. Мелкие разрушаются атмосферой, а более крупные образуют на поверхности нашей планеты ударные кратеры (астроблемы). Наиболее крупные из достоверно установленных имеют диаметр 100–200 км. Так, кратер Чиксулуб в Мексике, образовавшийся 66 млн лет назад, имеет диаметр 180 км. С его падением связывают экологическую катастрофу. 100 км достигает Попигайская астроблема¹ на севере Сибири, образовавшаяся 36 млн лет назад. Катастрофу может вызвать и падение кометы, что имело место в 1908 году в бассейне Нижней Тунгуски в Сибири.

Падение отдельных астероидов или комет способно опустошить территорию размером с целую страну, однако это не повлечет за собой коренного изменения в биосфере. Опустошенная территория вновь заселится растениями и животными, мигрирующими из тех мест, где последствия «космического пришельца» проявились слабо. Но катастрофа, вызванная распадом Фаэтона, оказала сильнейшее влияние на земную жизнь. На Земле условия, необходимые и достаточные для возникновения жизни, сложились к концу ее аккреции, то есть 4,6–4,5 млрд лет назад. Под покровом водородной атмосферы накапливались газы вулканических извержений, которые и стали материалом для образования протоболитов и нуклеиновых кислот. Тем же путем, что и на Фаэтоне, возникла жизнь и на Земле, но произошло это приблизительно на 500 млн лет ранее. Ко времени разрушения Фаэтона земная жизнь успела сильно продвинуться в своей эволюции.

¹ Астроблема – геол., геологическая структура, образовавшаяся на поверхности Земли от падения массивного *метеорита* или *астероида*. (Прим. ред.)

Бактерии продуцировали гигантское количество углеродистых соединений, о чем свидетельствуют мощные толщи графитовых сланцев среди древнейших земных пород. Продуцировали они и кислород, благодаря чему в водоемах появилась окисленная сера (сульфаты), восстанавливаемая бактериями до сульфидов. Мы знаем об этом, изучив изотопный состав серы в древнейших породах. Среди многочисленных отпечатков бактерий в графитовых сланцах обнаружены С.И.Жмуром формы, идентичные современным диатомеям. Это позволяет допустить существование в то далекое время ядерных клеток (эукариот). Количество биогенного углерода, накопившегося в первые 500 млн лет земной истории, превышает все то, что произвела жизнь за последующие 4 млрд лет.

Катастрофа, случившаяся с Фаэтоном, пагубно отразилась на земной жизни. Падавшие на Землю его обломки разрушались высокоплотной атмосферой, перемешивая ее и нагревая, поскольку вся кинетическая энергия «пришельцев» преобразовывалась в тепло. В результате нагревшаяся атмосфера улетучилась. Жизнь лишилась экрана, предохранявшего ее от ультрафиолетовых лучей Солнца, и стала вымирать. Сохранились лишь цианобактерии на дне водоемов да метаногены (хемолитоавтотрофы), жившие в подземных водах. Катастрофа с Фаэтоном остановила развитие биосферы минимум на полтора миллиарда лет. Лишь с эпохи 2,5–2,2 млрд лет возобновляется ускоренное ее развитие. Причем и здесь не обошлось без влияния Космоса. Имеются в виду колебания светимости Солнца. До эпохи 2,5 млрд лет назад у нас пока нет каких-либо сведений о колебаниях солнечной активности, но с названного времени уменьшение светимости Солнца было причиной возникновения на Земле глобальных оледенений. Первая гляциоэра, состоявшая из нескольких ледниковых периодов, была 2500–2200 млн лет назад. Затем наступил длительный перерыв, когда в течение полутора миллиардов лет оледенений не зафиксировано. 900 млн лет назад оледенения возобновились и стали происходить с интервалом 50–100 млн лет вплоть до настоящего времени.

Оледенение, наступившее 2,3 млрд лет назад, заставило цианобактерии искать новый источник энергии для выживания, и им стал солнечный свет (появился механизм фотосинтеза кисло-

рода), что стало причиной появления эвкариот и многоклеточных организмов. Оледенение 600 млн лет назад способствовало появлению крупных мягкотелых животных (вендский период), предшествовавших «биологическому взрыву» – возникновению морской скелетной фауны.

Постепенный рост кислорода в гидросфере и атмосфере позволил сформироваться озоновому экрану, предохранившему живое от ультрафиолетового излучения Солнца. Жизнь смогла выйти на сушу, но возникавшие периодически похолодания (снижение светимости Солнца) продолжали служить регулятором биологической эволюции. По мнению ученых, разделяющих теорию эволюции Дарвина, ледниковые эпохи в последние 2–3 млн лет способствовали формированию из обезьяны человека. В современное нам время даже относительно небольшие колебания солнечной активности влияют на самочувствие людей и, как показал А.Л.Чижевский, провоцируют конфликты в обществе.

Катастрофические последствия для землян может иметь вспышка сверхновой звезды поблизости от Солнечной системы. Поток жесткого (в том числе рентгеновского) излучения может возрасти в сотни раз и разрушить озоновый слой, что вызовет губительное для всего живого ультрафиолетовое облучение. Опасным для землян может быть и эпизодическое (через ~100 млн лет) попадание Солнечной системы в неблагоприятные места в Галактике, где возможны частые падения на нашу планету кометного материала.

Итак, несмотря на то что наша планета защищена от внешних воздействий ионосферой, атмосферой и озоновым экраном, влияние Космоса на биосферу ощущается постоянно, и задача ученых – максимально полно расшифровать его, научиться прогнозировать и предупреждать.

Другая сторона космизма – это влияние человеческого разума на Космос и, прежде всего, проблема освоения человеком космического пространства. Безусловно, создание орбитальных станций и спутников перспективно во многих отношениях, оно позволяет изучать природные условия на Земле, осуществлять космическую связь, определять координаты пунктов и т.д. В дальнейшем в Космосе будут созданы условия для производства ряда специфических материалов, получения и потребления солнечной энергии и т.д.

Во всех этих случаях освоение ближнего Космоса проводится для потребности землян, и такие работы следует приветствовать. Однако автор категорически выступает против заселения людьми Луны, планет, астероидов, против прожектов использования их каменного материала для получения тех или иных химических элементов. Человек – это часть биосферы, основой которой служат микроорганизмы. Создать за пределами Земли биосферу, идентичную земной, невозможно, а в измененной биосфере человек не выживет.

Основа биосферы – это одноклеточные микроорганизмы и растения. Первые участвуют в жизнедеятельности животных (и в том числе человека), выполняя различные биохимические функции – пищеварения, обмена веществ и т.д. Вторые служат пищей, поставляя сотни различных органических соединений, необходимых для нормальной жизнедеятельности млекопитающих. Сокращение их числа, например аскорбиновой кислоты (витамина С), приводит к заболеванию (цинге). Без биосферы человек может существовать лишь ограниченное время, когда он запасся нужными продуктами и находится в капсуле, поддерживающей необходимое давление, температуру, химический состав воздуха. Вне биосферы и при других физических и химических параметрах среды человек жить не может.

Возможно ли создание на других небесных телах биосферы, идентичной земной, и физических, химических условий, аналогичных земным? Увы, нет! Возьмем в качестве примера Марс. Если там существует бактериальная жизнь, то человеку туда лучше не соваться! Генетический код и химический состав тамошних бактерий, вероятно, построены по тому же принципу, что и у нас, но полного совпадения ожидать нельзя – расположение различных аминокислот в белках хотя бы в чем-то различно, и марсианская жизнь окажется несовместимой с земной. Уничтожить или переделать марсианскую биосферу невозможно. Если люди попытаются «подогреть» атмосферу Марса, используя солнечную, термоядерную или другую энергию, то марсианские микробы воспользуются этим и расплодятся.

Если своей органической жизни на Марсе нет, то перенести туда земную жизнь в принципе возможно. Но для того, чтобы она хоть как-нибудь там развивалась, необходимо поднять среднюю температуру поверхности Марса от -60° хотя бы до 0°C . На это по-

требуется гигантское количество энергии и время, исчисляемое тысячелетиями. И все равно аналогичную земной биосферу там не создать. Условия жизни для человека на постоянно подогреваемом Марсе в неполноценной биосфере всегда останутся намного хуже, чем на Земле.

Земля окружена двумя защитными оболочками, спасающими живое от разрушительных сил Космоса. Одной из них является атмосфера. Ее плотный слой разрушает все падающие на Землю метеориты и кометы с массой менее 10^{11} кг. В условиях марсианской атмосферы разрушаются метеориты в 10^8 кг, то есть в тысячу раз меньше. На Луну и на астероиды попадает все, что прилетает из Космоса. С уменьшением размеров метеоритов число их возрастает в квадрате. Значит, на малых небесных телах частота падений будет значительной и представит реальную опасность для искусственных сооружений и находящихся в них людей. Чтобы предохраниться от возможных падений, нужно будет строить дорогостоящие «блиндажи».

Кислород, содержащийся в земной атмосфере, создает озоновый экран, предохраняющий живое от ультрафиолетового излучения Солнца. Как космические скитальцы обезопасят себя от ультрафиолетового облучения на Марсе, Луне, астероидах?

Вторая защитная оболочка Земли – радиационные пояса Земли. Они предохраняют нас от обладающих высокой энергией протонов и других частиц, поступающих из Галактики и от Солнца. Как жители Марса или Луны, лишенных радиационных поясов, или обитатели астероидов будут предохраняться от космического излучения высоких энергий, вызывающих во всем живом необратимые явления, способствующие мутагенным процессам?

За то время, пока Марс будут готовить к переселению туда людей, тратя на это последние земные ресурсы, на Земле завершится катастрофа, вызванная истощением минеральных ресурсов, загрязнением, демографическим взрывом и т.д. Да и переселить-то на Марс (площадь которого в три раза меньше земной) можно будет лишь меньшую часть человечества. На других небесных телах вообще невозможно создать условия, приемлемые для жизни людей.

Человек может добраться до Луны, Марса, астероида. Но находиться там он может только в скафандре или в капсуле, и только непродолжительное время, а затем должен возвратиться на

Землю. За пределами нашей планеты невозможно создать среду, в которой *Homo sapiens* мог бы нормально эволюционировать как вид. Любые изменения физической, химической, биологической обстановки приведут к необратимым процессам у оказавшихся в Космосе людей и тем более у их потомства. В качестве примера назовем невесомость. Она вызывает избыточное кровенакопление в верхней части тела, приводит к детренированности мышц опорно-двигательного аппарата, при этом уменьшается плотность костной ткани, нарушается регуляция сосудистого тонуса кровеносной системы, образуется новый уровень водно-солевого баланса в организме, изменяется иммунная и другие системы.

Любые отклонения от привычного для нас химического состава атмосферы, гидросферы, почвенных условий не останутся без последствий для здоровья. Но уязвимее всего окажется неполнота искусственно созданной биосферы – отсутствие в «эфирном городе» на астероиде или на Марсе даже относительно небольшого числа видов микроорганизмов нарушит нормальное биологическое функционирование человека, приведет к болезням, вырождению, гибели.

Та деформированная прокариотная¹ биосфера, которую попытаются создать в «эфирных городах» на Луне, Марсе или астероидах, будет «мстить» людям за то, что нарушены миллионами лет формировавшиеся условия ее существования. Появятся новые формы микробов, куда более опасные, чем те, что вызвали «болезнь легионеров» в Атланте (США) в 1978 году, когда были изменены температурные и химические условия их жизни в системе водоснабжения одного из городских отелей.

Без окружающей его биосферы человек долго прожить не сможет. А перенести в Космос земную биосферу, не изменив ее, невозможно!

Космизм, возникший на рубеже XIX и XX веков, быстро распространившийся в ушедшем столетии, отталкивался от определенной суммы наблюдаемых человеком явлений. В данном случае от успехов в космонавтике – запуске орбитальных и межпланетных аппаратов. Но космизм выходит за пределы возможного и воздвигает «воздушные замки», уводя своих приверженцев от ре-

¹ Прокариоты – *биол.*, организмы, лишенные оформленного ядра и не претерпевающие деления по типу *мейоза*. (*Прим. ред.*)

альной картины окружающего их мира. Космизм, вернее идея экспансии в космос, отвлекая мысли людей от разрушаемой ими планеты, обещает другую, безграничную и вечную жизнь в каком-то далеком пространстве на каких-то замечательных искусственных планетах: там у людей не будет проблем, там можно расселить любое количество человеческих индивидуумов, хоть сотни миллиардов.

Вся история Земли и история жизни на ней противоречат идее переселения на другие планеты – ресурсы планеты, создававшиеся миллиарды лет, ограничены; в большинстве своем не возобновляемы; условия жизнеобеспечения, при которых *Homo sapiens* может прогрессивно эволюционировать, возможны только на Земле. Попытка расселить человечество по другим планетам только приблизит экологическую катастрофу, ибо на расселение будут потрачены последние остатки ресурсов планеты, а противоестественные условия жизни в Космосе лишь ускорят деградацию человека как биологического вида.

Религиозным фанатикам время от времени удается заманить верующих на самоуничтожение (сжигание, отравление и т.д.). Точно так же идеи о переселении на другие планеты, о внеземном рае космических цивилизаций отвлекают жителей нашей планеты от забот по сохранению естественной среды, способствуют утверждению порочной позиции: подумаешь – загадили планету! Вот улетим в Космос и там обретем вечное процветание и вечный покой.

Земля – это наш дом. И другого для этого человечества не будет!

С.В.КРИЧЕВСКИЙ,

*космонавт-испытатель, кандидат технических наук,
старший научный сотрудник, действительный член
Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского,
Экологический центр ИИЕТ им. С.И.Вавилова РАН,
доцент кафедры экологии и управления природопользованием
Российской академии Государственной службы
при Президенте РФ,
Москва*

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМ АЭРОКОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В современных исследованиях мировоззрения человека, картины мира, сфер деятельности, включая аэрокосмическую деятельность (АКД), все большее внимание уделяется парадигмам, концепциям, стратегиям деятельности, которые эволюционируют в процессе развития.

Эволюция парадигм, концепций, стратегий и соответствующие закономерности являются важным предметом исследований, без изучения которого невозможно получить целостное представление о сфере деятельности, картине мира. Эти исследования важны как для понимания мировоззрения людей, так и для его корректировки, для его обогащения новым содержанием, включая формирование космического мировоззрения, которое является темой нашей конференции.

Кратко рассмотрим основные аспекты эволюции парадигм АКД, поскольку они хорошо отражают космическое и аэрокосмическое мировоззрение в единстве теории и практики. Под парадигмой деятельности будем понимать совокупность основных идей, принципов, приоритетов, позиций деятельности.

Применительно к парадигмам деятельности, по аналогии с подходом Т.Куна к научным парадигмам [12], можно сделать за-

ключение, что в общем случае есть три этапа (стадии) эволюции парадигм деятельности, то есть собственно АКД, равно как и других сфер деятельности:

- 1) «допарадигмальный» (то есть «додеятельностный»);
- 2) формирование исходной парадигмы деятельности;
- 3) смена исходной парадигмы деятельности на новую и последующее периодическое обновление парадигм.

Таким образом, в отличие от формализации процесса смены научных парадигм по Т.Куну [2; 12] и в дополнение к ней, применительно к сложной сфере технической деятельности (АКД и др.), мы имеем два взаимосвязанных «парадигмальных» процесса:

- 1) смена парадигм самой сферы деятельности (то есть парадигм деятельности);
- 2) смена научных парадигм, на основании (на базе) которых создается, а затем исследуется реальная сфера деятельности.

Оба этих процесса достойны единого специального исследования.

Эволюция парадигм деятельности соответствует смене исторических этапов самой сферы деятельности. Под парадигмой аэрокосмической деятельности (АКД) будем понимать основной принцип, приоритет, определяющий сущность, содержание и направленность данной сферы деятельности человечества на конкретном этапе развития.

АКД внесла и вносит значительное и все более возрастающее воздействие на человека, общество и природу, без нее немыслима современная цивилизация и ее будущее. Однако эти воздействия не являются только позитивными, — АКД сопровождается и негативными воздействиями и последствиями, в том числе экологическими. Поэтому исследования АКД должны носить комплексный, объемный характер, охватывая максимум аспектов, в том числе методологические, исторические, социально-экологические и другие.

Развитие АКД имеет свои этапы и закономерности, каждому этапу соответствует своя парадигма. Усиление, нарастание АКД можно представить как смену парадигм, которые, в свою очередь, отражают сущность системы «человек — общество — природа» и закономерности ее эволюции.

АКД непосредственно связана с исследованием и использованием аэрокосмического пространства (АКП), охватывающего

атмосферу Земли и внеземное космическое пространство. Структура АКД, объединяющая воздухоплавание, авиацию и космонавтику, является сверхсложной, распределенной в пространстве Земли и Космоса, совокупностью технических и природных объектов и людей, связанных в единую открытую социотехноприродную макросистему глобального масштаба.

Применительно к АКД мы имеем дело со специальной аэрокосмической техникой (наземными объектами и летательными аппаратами) и соответствующими технологиями, специально предназначенными для исследования и использования АКП. Это пространство (аэрокосмос) является «целевой» природной средой, в которой осуществляется АКД. Однако наземная часть АКД осуществляется с активным использованием природной среды Земли, более того – именно за счет Земли как общего базового ресурса продуцируется и производится основная часть АКД.

Развитие АКД – это расширение исследованной, освоенной и используемой области АКП и контроля за этим пространством со стороны земной цивилизации в результате активности человечества, осуществляемой посредством аэрокосмической техники и технологий. Важным социально-технологическим критерием уровня развития АКД является возможность и способность людей совершать полеты, то есть пребывать вне Земли.

В развитии АКД можно выделить три основных этапа и три парадигмы, которые им соответствуют:

1. «Доаэрокосмический» этап – парадигма социально-технологического («додеятельностного») запрета на освоение аэрокосмического пространства – Неба (там жили боги, попытки людей летать, существовать вне Земли социально были «вне закона», так как нарушали существовавшую систему табу, запретов, ограничений, а технологический уровень не позволял осуществлять АКД). Условная граница конца этапа для Европы – XV–XVII вв.

2. Аэрокосмический «доэкологический» («досоциально-экологический») этап – парадигма неограниченной экспансии в АКП, направленная на покорение природы, достижение безграничного господства в Небе (научно-технического, военно-политического, экономического). Начало этапа (условно) – XVII–XVIII вв., когда начались полеты людей на воздушных шарах и других летательных аппаратах. Темп развития АКД в основном определялся темпом развития технологий. Пик актив-

ности АКД был достигнут в 70–90-х гг. XX в. в результате бурного развития авиационной и ракетно-космической техники и деятельности.

3. Аэрокосмический «экологический», или «социально-экологический», этап – новая экологическая, социально-экологическая парадигма АКД в эпоху глобализации, направленная на развитие АКД при достижении баланса с другими сферами деятельности и с природной средой, минимизацию вредных воздействий и последствий через систему соответствующих стимулов и ограничений (парадигма баланса и устойчивого развития). Начало этого этапа фактически совпадает с границей XX–XXI вв. Кроме экологического аспекта в качестве ограничителя и модификатора АКД проявился новый аспект – терроризм (события в США 11 сентября 2001 года).

Несоответствие парадигмы и конкретной АКД реальным возможностям и ограничениям системы «человек – общество – природа» вызывает рост социально-экологических и других противоречий. Завышенные ожидания, связанные с перспективами и результатами развития АКД, негативные воздействия и последствия АКД ведут к неэффективному расходованию ресурсов, нарастанию социально-экологических и экономических проблем общества, росту рисков, ущерба и т.п. Эти аспекты отражены, например, в работах [1; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 14 и др.].

В этой связи более подробно обратимся к главным вопросам: о сущности, целях, приоритетах, последствиях деятельности на примере части АКД – космонавтики, космической деятельности, то есть ракетно-космической деятельности (РКД), воплощающей и реализующей на практике «космическое мировоззрение» и соответствующую ей парадигму. Причем рассмотрим это в контексте земных проблем, баланса земной и космической деятельности [см. также анализ предыстории и состояния социально-экологических проблем космической деятельности в работах 8; 9].

Зачем необходима космическая и ракетно-космическая деятельность? И что важнее: ракеты или люди? Верные ответы, казалось бы, вполне очевидны и давно известны. Ракета – это всего лишь техническое средство для достижения целей космонавтики. Истинные цели космонавтики общественно значимы: достижение всеобщего благополучия, избавление от опасностей – катастроф, голода, болезней и т.п. Однако реализовать цели космонавтики

можно только при совершенной общественной организации человечества. Именно так считал К.Э.Циолковский еще в начале XX века, и я с ним согласен. Причем с современных научных позиций ракета – далеко не самое лучшее средство. С экологической точки зрения ракета – это «космический паровоз» с коэффициентом полезного действия всего 1–3% (доля полезного груза), остальная часть стартовой массы (90% – топливо и 7–9% – конструкция) превращается в отходы, создавая вредные воздействия и последствия. Риск аварий – 1–5%, то есть из 100 запусков от 1 до 5 аварийные. Эти и другие свойства ракеты определяют опасность и расточительность всей сферы РКД.

Заканчивается безальтернативный, чисто ракетный этап в развитии техники и технологий космической деятельности. И сами ракеты, и вся РКД должны претерпеть существенные изменения под воздействием экологических, экономических и других ограничений, которые, кстати, активно стимулируют разработку и внедрение принципиально новых техники и технологий.

Но проблема не только и не столько в ракете. Практическая космонавтика развивалась и пока движется по социально-экологической «траектории», далекой от оптимальной. Современная РКД далека от идеала по крайней мере по четырем основным аспектам: 1) явное несовершенство социальной организации человечества; 2) сверхмилитаризация; 3) чрезвычайная дороговизна техники, проектов и программ; 4) опасные экологические воздействия и последствия.

Выдающиеся мыслители – английский историк А.Тойнби и японский религиозный деятель Д.Икеда еще в 70-е годы XX века обсуждали проблему гонки космических исследований с гуманитарных позиций. Вот их оценка: *«Самая острая потребность нашего времени – облегчить бедствия, поражающие Землю. Даже самый крупный успех в космосе будет бессмысленным, если его достигнуть за счет принесения в жертву благосостояния жителей нашей собственной планеты... В сегодняшних условиях космические исследования представляются не имеющей оправдания расточительностью, потому что проводятся за счет бедных. Думаю, что будущее поколения впоследствии осудят их как антиобщественную причуду богатого меньшинства...»* [3, с. 213–214]. Это высказывание, на мой взгляд, вполне можно отнести не только к РКД, космонавтике, но ко всей сфере АКД.

Таким образом, в XXI веке необходима новая парадигма космонавтики и всей АКД, основанная на «надотраслевой» точке зрения, системе социально-экологических приоритетов и ограничений, балансе земной и космической деятельности [6]. Ядро новой парадигмы – ускоренная экологизация техники и деятельности. Причем это не модная самоцель, а мощная стратегия повышения эффективности АКД путем ограничения ее неблагоприятных воздействий и последствий.

Парадигма АКД является основой ее стратегии, отражает сущность развития АКД и содержит информацию об общей направленности, алгоритме реализации деятельности и ее модификации на данном этапе, отражает общую картину мира. Парадигма АКД является, в том числе, и основой для разработки адекватной экологической политики. Об этом подробнее – в работах, выполненных автором в ИИЕТ РАН [7; 8; 11].

Важно заметить, что 1-му этапу деятельности и 1-й парадигме была свойственна «земная» точка зрения и соответствующая картина мира. На 2-м этапе при 2-й парадигме возникла «космическая» точка зрения. Ее как мировоззренческую основу для развития космической техники и деятельности сформулировал К.Э.Циолковский [15; 16], и произошло радикальное изменение картины мира. На современном – 3-м этапе деятельности при 3-й парадигме возникли «синтетическая» точка зрения и соответствующая картина мира [10].

Вполне очевидно, что смена парадигм и этапов деятельности в сфере АКД происходит по классическому философскому сценарию в виде цикла: «тезис («додеятельностный» запрет) – антитезис (неограниченная экспансия) – синтез (достижение баланса)», затем, возможно, последует новый цикл.

В смене парадигм и этапов деятельности отражаются и особенности, и закономерности эволюции техники и технологий. В контексте современного технического развития это отражение становится все более актуальным социально-экологическим, мировоззренческим и даже этическим аспектом, и все более важным объектом исследования. Этому аспекту посвящена, например, работа немецкого исследователя Х.Ленка [13].

Таким образом, исследование методологических, исторических, социально-экологических аспектов эволюции парадигм АКД дают целостное представление о структуре, внутреннем

состоянии, приоритетах, стратегии и других аспектах развития АКД, об эволюции этой сферы деятельности, о ее взаимодействии с другими областями деятельности, о месте АКД в научной картине мира. Это позволяет не только получить новые научные знания, но и скорректировать развитие АКД, повысить ее «пользу», ее эффективность и одновременно минимизировать негативные последствия.

Вместе с тем такой подход и анализ эволюции парадигм АКД позволяют и заставляют критически относиться к космическому мировоззрению как к наилучшему и универсальному мировоззрению, которое является, претендует или может стать «новым мышлением XXI века», как это поставлено и звучит в теме всей нашей конференции.

Представляется, что такие претензии космического мировоззрения на абсолютный приоритет вряд ли состоятельны, по крайней мере – в чистом виде. Как и другие «мировоззрения», которые являются своеобразными парадигмами (например, экологическое мировоззрение и экологическая парадигма), космическое мировоззрение является важной, но всего лишь одной из составных частей общей, – очень сложной и противоречивой, – современной «синтетической» картины мира. Это необходимо учитывать в процессе формирования космического мировоззрения и при проведении соответствующих исследований.

Литература

1. Аэрокосмическая деятельность и общество. М.: ИИЕТ РАН, 1996.
2. *Горохов В.Г.* Концепции современного естествознания и техники: М.: ИНФРА-М, 2000.
3. Диалог Тойнби – Икеда. Человек должен выбрать сам. М.: ЛЕАН, 1998.
4. *Кричевский С.В.* Аэрокосмическая деятельность и безопасность: философско-методологические и социальные проблемы // XXXII научные чтения, посвященные разработке творческого наследия К.Э.Циолковского. Тезисы докладов. М.: ИИЕТ РАН, 1997.
5. *Кричевский С.В.* Космическая деятельность: итоги XX века и стратегия экологизации // Общественные науки и современность. 1999. № 6.
6. *Кричевский С.В.* О балансе земной и космической деятельности (философско-методологические и социально-экологические аспекты) // XXXVI научные чтения, посвященные разработке научного наследия и развитию идей К.Э.Циолковского: Тезисы докладов. Калуга: Эйдос, 2001.

7. *Кричевский С.В.* Экологическая история космической станции «Мир» // Конверсия в машиностроении. 2002. № 6.
8. *Кричевский С.В.* Актуальные вопросы обеспечения экологической безопасности ракетно-космической деятельности // Экологическая безопасность России. Материалы Всероссийской конференции по экологической безопасности. М.: МПР РФ, 2002.
9. *Кричевский С.В.* Люди важнее ракет // Зеленый мир. 2003. № 5–6.
10. *Кричевский С.В.* Парадигмы аэрокосмической деятельности (исторические и социально-экологические аспекты) // XXXVIII научные чтения памяти К.Э.Циолковского: Тезисы докладов. Калуга: Эйдос, 2003.
11. *Кричевский С.В.* Экологическая безопасность и экологическая политика аэрокосмической деятельности (актуальные вопросы новейшей истории) // Годичная научная конференция 2003 г.: Тезисы докладов ИИЕТ РАН. М.: Диполь-Т, 2003.
12. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
13. *Ленк Х.* Размышления о современной технике. М.: Аспект Пресс, 1996.
14. *Михайлов В.П.* Ракетные и космические загрязнения: история происхождения. М.: ИИЕТ РАН, 1999.
15. *Циолковский К.Э.* Путь к звездам. М.: АН СССР, 1961.
16. *Циолковский К.Э.* Очерки о Вселенной. М.: ПАИМС, 1992.

В.П.МИХАЙЛОВ,

кандидат технических наук ИИЕТ РАН,

Москва

ИСТОРИКО-НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНЖЕНЕРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ОСВОЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)¹

В обоснование необходимости и целесообразности освоения космического пространства и в практическое изучение и освоение его внесли посильный вклад представители различных наук – физики, философы, врачи... Однако решающая роль в осуществлении этого проекта принадлежит инженерам и другим представителям материально реализуемых, практически создающих специальностей.

Все, что мы знаем об уже осуществленных мероприятиях или о перспективах освоения космоса – философских, экономических, энергетических, производственных, туристических, иммиграционных и прочих проектах человечества по освоению космического пространства, в том числе по использованию потоков солнечной энергии, неисчерпаемых запасов железа, никеля, воды в форме льда, – все это строится пока еще на логически неверной предпосылке. Многие ошибочно считают, что человек уже прочно и надежно утвердился в космическом пространстве – может там продолжительно проживать и эффективно работать. Сложилось представление, что мы можем независимо от Земли обеспечивать в космосе жизнь многих людей, воспроизводить население и т.д. Но для достижения всего этого необходимы еще значительные усилия человечества, и прежде всего – ракетно-космических инженеров и других инженерно-технических работников.

Подобный прием анализа виртуальных достижений космонавтики – взгляд на ее возможности с вершины еще не свершившихся событий, достижений – разумеется, важен. Он позволяет

¹ Настоящая публикация – развитие исследований автора [1, 2].

уяснить потенциальные возможности этого вида человеческой деятельности, являясь в какой-то степени прогнозом. Таким методическим приемом искусно пользовался К.Э. Циолковский. В его рукописи «Космические путешествия», хранящейся в архиве РАН, читаем: *«Излагаемое предполагается осуществленным, хотя оно еще не осуществлено»*.

Однако не менее важен для истории науки, естествознания и техники другой прием: выяснение и анализ последовательности действительно имевших место, а не мнимых событий, проявлений, фактов. Он позволяет уяснить недеформированную историческую действительность, достоверные знания. В частности, до сих пор в историко-технической науке не были известны самостоятельные исследования, ставящие целью выяснение знаний исключительно о парциальном вкладе в историю космонавтики и ракетно-космической техники представителей инженерных специальностей, о значении предпринятых ими усилий. Не были четко скорректированы задачи космических и ракетных инженеров и техников, ранее уже решенные другими исследователями и способствующие общему прогрессу в этой области деятельности, сокращающие путь к реализации намеченных программ.

Справедливо и то, что без предшествующих работ специалистов из иных областей знания у инженеров-ракетчиков не было побудительных мотивов к практическому созданию космических кораблей и аппаратов. Сама же эта специальность – инженер-ракетчик – не появилась бы в сфере деятельности человечества, если бы идея космического полета со временем не вызрела до такой степени, что стали возможны попытки ее реализации. Это произошло только на рубеже XIX–XX вв.

К этому времени усилиями мыслителей других специальностей уже во многом удалось обозначить и уяснить следующие понятия:

- Что такое космический полет?
- Что для этого нужно?
- Куда надо лететь?
- Что там за среда в физическом смысле? И т.д.

Первичное толкование части этих вопросов и проблем дошло до нас из древней Греции. Ее жрецы задолго до Рождества Христова пришли к такому важному понятию, как *эфир*, среда, находящаяся выше или на границе земной атмосферы. Для нас пока

еще точно не известно, в результате чего и как возникло это понятие. В греческой мифологии эфир – верхний лучезарный слой воздуха, где проживают боги. По представлениям того времени, он обладал какими-то неизвестными свойствами. По понятиям жрецов, эфир заполнял пространство между Землей и Солнцем, присутствовал между планетами Солнечной системы, сами планеты двигались в эфире.

Но каков ответ в связи с этим на основной вопрос: обладает ли эфир свойством оказывать лобовое сопротивление движущимся планетам? Очевидно, жрецы рассуждали так: если это вещественная среда, то она должна обладать каким-то сопротивлением. Если она обладает сопротивлением, тогда планеты должны терять скорость в своем вековом движении. Но они из года в год не увеличивали периода своего обращения вокруг Солнца. Это говорило о том, что лобового сопротивления их движению, по видимому, нет.

Повторно интерес к сущности эфира возник в XVII веке. Рене Декарт (1596–1650), французский физик, математик и философ, дал более научное обоснование и толкование гипотезы «эфир» (эфир световой). У Р.Декарта он занимал все пространство, являлся носителем гравитационного и магнитного полей, обладал свойством «близкодействия» тел. Не вдаваясь в изложение эволюций и особенностей понимания термина «эфир» разными представителями ученого сообщества, отметим, что этот вопрос так и остался невыясненным до середины XX века. Тем не менее предложенная жрецами модель существующего в космическом пространстве межпланетного вакуума (разрежения) оказалась насколько приемлемой для дальнейших представлений о возможности проникновения туда различными способами, настолько и работоспособной. Понятие «эфир» существовало до рубежа второй и третьей четверти XX века. В начале XXI века термин «эфир» еще используется в обиходе как синоним космического пространства.

После выявления для практических знаний, интегрально сложившихся к рубежу первой и второй половины второго тысячелетия, в какой-то мере приемлемой модели межпланетной среды в виде «эфира» (следствие из этого: раз там живут боги, там может существовать и человек) стало необходимым, хотя бы в первом приближении, разрешить проблему – как там, в эфире, удержат-

ся на выбранном месте, можно ли на эфир опереться как на достаточно твердый предмет, как не свалиться обратно на поверхность Земли – из повседневного опыта человек ведь знал, что все падает на Землю.

К разрешению проблемы удержания тела в космическом пространстве человечество подошло в XV веке. Николай Коперник (1473–1543), как известно, объяснил видимое движение небесных светил вращением Земли вокруг своей оси и обращением планет вокруг Солнца, то есть свойством движения. Стало понятно, что основа существования планеты в пространстве – это ее движение. Иоганн Кеплер (1571–1630) выяснил, что Солнце находится в одном из фокусов эллиптической орбиты планеты и является источником ее движения. Исаак Ньютон (1643–1727) разработал теорию движения небесных тел. Он создал основы небесной механики, открыл закон всемирного тяготения. Из учения вышеупомянутых основоположников небесной механики вытекало важное утверждение, что если какое-либо материальное тело, заброшенное в эфир с Земли, «желает» оставаться в космическом пространстве, то оно должно двигаться там, находиться в полете как любое естественное космическое тело.

На рубеже 30–40-х годов XVII века Эванджелиста Торричелли (1608–1647) обнаружил наличие атмосферного давления и вакуума. С тех пор понятия «эфир» и «космический вакуум» постепенно начали ассоциироваться друг с другом.

Таким образом, в космонавтику, или в звездолетание, как выражались в первые годы XX века, пришли понятия орбитального полета, орбиты движения, орбитальной скорости и т.д. Более того, Ньютон в 1731 году в труде «Системы мира» описал выведение материального тела с поверхности Земли на орбиту спутника путем сообщения ему необходимой для этого скорости движения.

Теоретически вопрос полета в космос был решен. Осталось только найти техническое решение, техническое средство, при помощи которого его можно было бы осуществить.

С того момента решение проблемы космического полета перешло в стадию инженерного созидания. Однако в то время еще не было сильного побуждающего стремления для осуществления полета человека в космос. Тогда космическое пространство не считалось местом будущего проживания человечества. Правда, существовал научный интерес, так же как и спортивный, тури-

стический. Подобный подход не стимулировал инженерного подхода к разрешению этой проблемы. Поиски технических средств происходили медленно, безрезультатно, без значительного социального заказа общества.

В то время не было какого-либо технического средства для сообщения искусственному телу – скорости движения около 8 км/сек. Лучшим из того, чем располагало человечество в области достижения значительных скоростей движения, были артиллерийские орудия. Они сообщали снаряду скорость приблизительно 0,5 км/сек. Но масса артиллерийских снарядов была незначительной, не превышающей нескольких десятков килограммов, и это также не способствовало возрастанию интереса к ним как к космическим транспортным средствам. К тому же нагрузки и ускорения, испытываемые снарядом в полете, оказались настолько большими для него, что, по расчетам К.Э.Циолковского, впервые осуществившего их в 1903 году применительно к задачам космического полета, это «хрупкое» тело не выдержит их и разрушится, погибнет.

Одним словом, инженеры в период с XVIII века, когда с некой достоверностью стало известно, каким способом можно «держаться» в космосе, и до первых десятилетий XX века не могли предложить какого-либо приемлемого технического средства для достижения космической скорости. Следовательно, они не могли обеспечить космический полет.

Рубеж XIX–XX веков охарактеризовался появлением как движущего мотива полета в космическое пространство, так и предложением возможного, наиболее перспективного технического средства. Автором обоих был К.Э.Циолковский. В первом случае он выдвинул уже известную в религиях разных конфессий идею бессмертия человечества. Во втором – известное ныне техническое средство, ракету. В качестве мотива необходимости космического полета второго плана он обосновал идею овладения «даровой» энергией – энергией Солнца. Таким образом, обе идеи не оригинальны сами по себе, но оригинально их сочетание – «бессмертие – ракета».

Надо выделить еще две особенности: полет на ракете в космическое пространство до К.Э.Циолковского, правда, с туристическими целями и в литературном произведении, осуществил в XVII веке французский писатель Сирано де Бержерак. В 1897 г.

И.В.Мещерский в работе «Динамика точки переменной массы» заложил основы ракетодинамики, объясняющие причины движения ракеты. Очевидно, К.Э.Циолковский был знаком с трудами И.В.Мещерского. Во всяком случае, он вывел собственную формулу скорости ракеты, но только для варианта отбрасывания массы ракеты (рабочих газов двигательной ракетной установки), а не одновременного приобретения и отбрасывания массы, как это было у И.В.Мещерского. Формула К.Э.Циолковского для практического определения скорости движения одноступенчатой ракеты в безвоздушном пространстве оказалась более удобной и простой, чем формула И.В.Мещерского.

Прикидочные расчеты параметров космической ракеты в одноступенчатом варианте, по-видимому, вызвали у К.Э.Циолковского уныние. Для достижения космической скорости у земной цивилизации не было ракетного топлива, обеспечивающего необходимый разгон ракеты, стартовая масса ракеты оказалась очень большой и т.д. Если судить строго, то формула К.Э.Циолковского подтвердила, что на практике в то время достичь космической скорости было скорее невозможно, чем возможно. Интересен вопрос: знал ли об этом К.Э.Циолковский? По-моему, он не мог не знать, так как сам рассчитывал параметры движения космических ракет на основе этой формулы. Но К.Э.Циолковский в 1903 году, очевидно, сознательно не обратил внимания читателей своего труда на эту неблагоприятную неопределенность. Возможно, у него были веские основания и соображения [1, с. 69–76.].

Может быть, это одна из причин, почему ученый обратился к продолжению публикации своих трудов по космонавтике только в 1914 году – через одиннадцать лет после выхода первой работы. Историки техники усматривают и другие возможные признаки значительного временного разрыва публикаций К.Э.Циолковского по ракетно-космической тематике. Упомянем только часть его высказываний, выражающих озабоченность и неуверенность ученого в выбранном направлении прогресса. «Для удаления в межзвездное пространство фунта груза надо почти полтора фунта нефти», «Энергия нефти очень немного недостает для полного удаления ее массы от Земли» [3, с. 112]. Уже из этих фраз следует, что процесс освоения космического пространства, по К.Э.Циолковскому, ограничен, так как количество нефти на планете конечно. Жидкий кислород, жидкий водород и другие синтетические ком-

поненты ракетного топлива требуют для своего изготовления значительных количеств энергии других природных источников. Поэтому «перегонка» последних в ракетное топливо затратна. Озабоченность К.Э.Циолковского по этому поводу до сих пор имеет основания.

Исследованиями К.Э.Циолковского и других ученых в первой трети XX века было показано (хотя они на эти особенности явно и не обратили внимания читателей), что Земля плохо «приспособлена» к осуществлению космических ракетных полетов с ее поверхности. Выяснилось, что на Земле в естественном состоянии нет необходимого по энергонасыщенности количества жидкостей, могущих использоваться в качестве ракетного топлива. Даже вариации отдельных компонентов, объединение их в «топливные пары» не всегда обеспечивает необходимую скорость истечения. Для решения проблемы эффективности ракетного топлива пришлось разработать искусственные компоненты: жидкий кислород (водород в таком же состоянии), несимметричный диметилгидразин (гептил) и др. Оказалось, что нет и достаточно прочных, но вместе с тем легких конструктивных материалов. Подтвердилось, что Земля обладает сравнительно плотной и протяженной атмосферой, преодоление которой ракетой-носителем требует большого расхода бортового топлива. Существенно земное притяжение, на преодоление которого также расходуется энергия ракеты-носителя. Обнаружился и ряд других негативных факторов.

В этих условиях единственно возможный способ полета в космическое пространство зиждился только на инженерном искусстве и знаниях. Опираясь на них и развивая их в процессе проектирования ракетно-космических систем и комплексов, ученые и инженеры смогли преодолеть ряд проблем. Это сделало возможным реальное осуществление космических ракетных полетов. Но инженерам пришлось конструировать на грани невозможного и возможного. В тех условиях пришлось пойти на ущемление некоторых общечеловеческих ценностей: допустить повышенную опасность для жизни космонавтов и, как выяснилось позже, точечное, но существенное загрязнение окружающей природной среды. На осуществление космических программ пришлось выделять значительные материальные средства, ущемив интересы общества.

Тем не менее работа К.Э.Циолковского 1903 года оказалась в теоретическом и конструкторском плане вполне достаточной для представления в первом приближении облика и конструктивных особенностей жидкостной космической ракеты. В том же году ученый графически изобразил ее схематический вид. Аналогией ей в какой-то степени служили известные в то время схемы и конструкции артиллерийского снаряда и пороховой ракеты. Схематический вид ракеты К.Э.Циолковского имел сравнительно отдаленное сходство с современными ракетами-носителями, а конфигурацией напоминал геофизическую одноступенчатую ракету. Все это нисколько не умаляет вклада К.Э.Циолковского в развитие ракетно-космической техники. Со сделанного им графического изображения ракеты (в современной терминологии — общий вид) начинается история инженерного проектирования и конструирования современных ракет-носителей с жидкостными ракетными двигателями (ЖРД).

Если судить более строго, то конструкцию ракетного космического корабля еще в 1893 году предложил немецкий инженер Герман Гансвиндт. Это был проект пилотируемого корабля с твердотопливным ракетным двигателем. В связи с тем, что твердотопливные двигатели, по общему мнению ракетных специалистов, с точки зрения осуществления космического полета считались неперспективными вплоть до 60-х годов XX века, факту появления проекта Г.Гансвиндта не придавалось достойного историко-технического значения. Однако достигнутые во второй половине XX века успехи химии твердых ракетных топлив стимулируют пересмотр ранее сложившихся представлений в сторону более широкого использования этого проекта для создания маршевых двигательных установок ракет-носителей. И такой проект, возможно, займет более значимое место в истории ракетно-космической техники и космонавтики [4]. Вместе с тем повышается и историко-техническая значимость проекта Н.И.Кибальчича, предлагавшего, как известно, твердое ракетное топливо для полета в атмосфере планеты. В его проекте были предложены другие, передовые по тому времени, схемные и конструктивные решения: устройство порохового ракетного двигателя, управление полетом корабля путем изменения угла наклона двигателя, программный режим горения топлива, обеспечение устойчивости корабля в полете и др., позже нашедшие практическое воплощение в космонавтике.

Было бы неправильным считать, что исполнение в материале проектов как Г.Гансвиндта, так и Н.И.Кибальчича привело бы к осуществлению полета. Они оказались бы неработоспособными в связи с тем, что сведения по конструкции, содержащиеся в описаниях, были недостаточными для их воссоздания в металле. Наша цель подчеркнуть, что схемы и наброски конструкций ракетных летательных аппаратов для полета человека как в космос, так и в атмосфере планеты появились уже в конце XIX века.

Несмотря на вклад в дело космонавтики и ракетного движения Г.Гансвиндта и Н.И.Кибальчича и на то, что сведения об их проектах стали широко известны общественности намного позже, чем они были оглашены авторами, никто не отрицает, что ракетно-космическая техника и космонавтика начинаются именно с теоретической работы К.Э.Циолковского 1903 года. Его следует считать одновременно как теоретиком-математиком космонавтики (следующим подобным теоретиком космонавтики был М.В.Келдыш, расцвет деятельности которого в космонавтике пришелся на 50–70-е годы XX века), так и инженером-ракетчиком. Его высказывание 1903 года подтверждает, что он – инженер-ракетчик (проектировщик), разрабатывающий «общие виды»: *«Представим себе такой снаряд: металлическая продолговатая камера (форма наименьшего сопротивления), снабженная светом, кислородом, поглотителями углекислоты, миазмов и других животных выделений, – предназначена не только для хранения разных физических приборов, но и для управляющего камерой разумного существа... Камера имеет большой запас веществ, которые при своем смешении тотчас же образуют взрывчатую массу»* [3, с. 27].

Однако обоснование возможности ракетного полета в космическое пространство происходило в начале XX века со значительными теоретическими затруднениями. Об этом можно судить даже по первой работе К.Э.Циолковского 1903 года, в которой в доказательство своей правоты ему пришлось рассмотреть широкий круг вопросов и решить в первом приближении много научно-технических проблем.

Ракетное и космическое инженерное искусство начало интенсивно развиваться с 10-х годов XX века, последовательно решая практические задачи. Стали вырисовываться архитектура и составные элементы космического ракетного комплекса, составные конструктивные агрегаты ракет-носителей, прежде всего ракетные двигатели.

Усилия в инженерном ракетно-космическом искусстве стали складываться и приумножаться. Так, К.Э.Циолковский в начале XX века изыскивал способы увеличения скорости полета ракеты за счет применения компонентов топлива «жидкий кислород плюс жидкий водород». В то время оба компонента еще не вышли из стадии или полупромышленного изготовления, или из стадии лабораторного. Ученый настойчиво предлагал осуществлять дополнительный начальный разгон ракеты-носителя, в том числе при помощи разнообразных наземных средств, изыскивал оптимальные траектории подъема в земной атмосфере.

Французский инженер и ученый Р.Эно-Пельтри (1881–1957), экспериментируя с ракетными топливами, предложил использовать атомную энергию для движения ракеты. Однако идея атомной энергии для движения космических кораблей и ракет не нашла еще своего воплощения из-за токсичного воздействия выброса двигателей в окружающую природную среду и научно-технической сложности осуществления идеи. Вместе с тем она не потеряла перспективу применения, особенно в длительных межпланетных перелетах. Велик вклад Эно-Пельтри в создание и совершенствование аэрокосмической техники: он получил около 200 патентов на свои изобретения в этой области. Биографы отмечают, что он всего несколько месяцев не дождался до воплощения мечты своей жизни – запуска первого искусственного спутника Земли [4].

Американский физик Р.Годдард (1882–1945) большое внимание уделил разработке инженерных проблем ракетостроения и конструирования так называемых «высотных» экспериментальных ракет, созданию ракетных полигонов (космодромов) и их инфраструктуры. В 1926 году он впервые в мире осуществил запуск опытного летательного аппарата, получившего движение при помощи экспериментального жидкостного ракетного двигателя. Тем самым была подтверждена работоспособность идеи движения ракет с использованием ЖРД. Он плодотворно занимался усовершенствованием ракет, проверяя свои идеи экспериментальными запусками. Идеи Р.Годдарда получили признание в 214 патентах. Это подтверждает их работоспособность и актуальность [4].

Не менее важными для развития ракетно-космической техники были работы немецкого инженера Г.Оберта. В 1923 году он предложил использовать для полета в космос не одно-, а двухступенчатую ракету-носитель. Двух- и более ступенчатые ракеты

были широко известны в фейерверочном искусстве. Удачное заимствование известного ранее технического решения применительно к ракетам-носителям для космонавтики оказалось революционным. Введение в схему ракеты-носителя двух и более самостоятельных ракетных блоков (ступеней), работающих в полете, как правило, один за другим, решало проблему достижения космических скоростей на основе знаний и технологий, известных в то время. Использование двух- и более ступенчатых ракет способствовало снятию или понижению степени необходимости решения ряда проблем. Была положительно разрешена существующая в ракетно-космической технике неопределенность в достижении космических скоростей при помощи ракеты-носителя. Стали несколько менее напряженными требования по энергетике ракетного топлива: вместо «экзотического» для того времени топлива «жидкий кислород плюс жидкий водород» стало возможным использовать получаемые полупромышленными способами «жидкий кислород плюс винный спирт (или керосин)». Стало также возможным удовлетвориться имеющимися или перспективными конструкционными материалами. Определилась в первом приближении стартовая масса перспективных ракет-носителей – около 1 тысячи тонн. Подобная величина массы оказалась не самой большой среди тех, которые имели другие инженерные сооружения – корабли, башни (например, «Эйфеля А.Г. башня» около 9 тысяч тонн), мостов, виадуков и др. [4].

Итак, усилиями инженеров работоспособность и осуществимость ракетного космического полета была окончательно доказана в середине 20-х годов XX века.

Таким образом, в период с конца XIX и до конца 20-х годов XX века инженерам и ученым удалось найти и обосновать схему и конструкцию технического средства, что сделало возможным достижение космической скорости (при начале движения с земной поверхности). Решение оказалось простым и тем самым гениальным – ракета, но «*ракета грандиозная и особенным образом устроенная*» [3, с. 26]. И самое важное – к ответам, полученным ранее на вопросы: что там (в космосе) за среда? как там удержаться, чтобы не упасть обратно на Землю? – добавился ответ еще на один вопрос, замыкающий логическое построение – как туда (в космос) добраться и на чем?

Вместе с тем благодаря искусству инженеров наша цивилизация в тот период обогатилась знаниями и технологиями, определившими прогресс человечества в течение всего XX века. Среди них: в первом приближении были найдены и определены работоспособные схемы виртуальной ракеты-носителя и возможные конструктивные решения некоторых ее агрегатов и узлов. Была названа наиболее приемлемая по тому времени «пара» компонентов топлива. Доказано, что двухступенчатая ракета-носитель, построенная из имевшихся в то время в распоряжении человечества конструкционных материалов, в принципе создаваема. С того же времени инженерное искусство в ракетно-космической технике и космонавтике начало развиваться по значительному количеству самостоятельных направлений и в разных странах. Прежде всего усилия инженеров-ракетчиков были обращены на создание работоспособных ракетных двигательных установок. Инженеры приступили к разработке и обоснованию необходимой инфраструктуры ракетно-космической техники и космонавтики — орбитальных станций, космических кораблей, наземного оборудования и т.д.

Выявлению и анализу развития инженерного искусства в космонавтике по этим и другим направлениям должен быть посвящен ряд самостоятельных, отдельных исследований.

Зародившееся на рубеже XIX—XX веков инженерное искусство ракетно-космической техники и космонавтики явилось третьей, но сравнительно самостоятельной составляющей человеческой деятельности на пути изучения и освоения космического пространства.

Литература:

1. Михайлов В.П. Вклад К.Э.Циолковского и других отечественных ученых в развитие техники пуска ракет // Из истории авиации и космонавтики. Вып. 50. М.: ИИЕТ СССР, 1984.
2. Михайлов В.П., Аспарухов Г. Введение в ракетно-космическую технику. София (НРБ): Техника, 1982 (на болг. яз.).
3. Пионеры ракетной техники. Н.И.Кибальчич. К.Э.Циолковский. Ф.А.Цандер. Ю.В.Кондратюк. М.: Наука, 1964.
4. Пионеры ракетной техники. Г.Гансвиндт. Р.Годдард. Р.Эно-Пельгри. Г.Оберт. В.Гоман. М.: Наука, 1977.

Б.С.ЗЛАТЕВ,
*аспирант Института ядерных исследований
и ядерной энергетики,
София, Болгария*

О ПРИМЕНЕНИИ ЗАКОНА ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПРОЦЕССУ

Закон золотого сечения в формулировке немецкого ученого середины XIX века Адольфа Цейзинга гласит: *«Если целое, разделенное на неравные части, должно являться по форме своей прекрасным, то меньшей части необходимо относиться к большей именно так, как большая относится к целому»* [Цит. по: 13, с. 464].

Формулировка эта касается исключительно эстетики, и закон золотого сечения предстает перед нами законом красоты. И действительно, присутствие пропорции золотого сечения в шедеврах архитектуры и изобразительного искусства является давно установленным фактом.

Хотя существует гипотеза о присутствии золотого сечения в пропорциях пирамиды Хеопса [18] и с большой степенью достоверности можно считать, что золотое сечение было известно еще в Древнем Египте, самые ранние из дошедших до нас сведений о нем содержатся в древнегреческом тексте – в «Началах» Евклида. Во II книге «Начал» дается геометрическое построение золотого сечения, а далее Евклид применяет золотое сечение при построении правильных пятиугольников и десятиугольников, а также 12- и 20-гранников в стереометрии. Несомненно, что золотое сечение было знакомо грекам задолго до Евклида, так как построение правильного пятиугольника и геометрические построения, равносильные решению квадратных уравнений, осуществлялись еще пифагорейцами [10, с. 6].

В 1202 году гениальным итальянским математиком Леонардо Пизанским (Фибоначчи) был введен в европейскую науку носящий его имя числовой ряд Фибоначчи, который начинается нулем и единицей, а каждый следующий член равен сумме двух предыдущих:

0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144...

В пределе к бесконечности отношение двух последовательных членов ряда Фибоначчи дает золотое сечение:

1 : 2 = 0,5000000	21 : 34 = 0,6176470
2 : 3 = 0,6666667	34 : 55 = 0,6181818
3 : 5 = 0,6000000	55 : 89 = 0,6179775
5 : 8 = 0,6250000	89 : 144 = 0,6180555
8 : 13 = 0,6153846
13 : 21 = 0,6190476	φ = 0,618033988750

Интерес к золотому сечению особенно усилился в эпоху Возрождения в связи с его применением в геометрии, скульптуре, живописи и архитектуре. Великий математик Лука Пачоли написал о золотом сечении и его удивительных свойствах замечательную книгу «Божественная пропорция». Иллюстрации к книге сделал Леонардо да Винчи, который ввел и сам термин «золотое сечение». Иоганн Кеплер называл его «Божественным сечением» и считал его наряду с теоремой Пифагора одним из двух бесценных сокровищ геометрии.

В конце XVIII – начале XIX в. были обнаружены проявления золотого сечения во многих процессах растительного и животного мира. Среди авторов этого периода видное место занимает Цейзинг, который, несмотря на свою эстетическую формулировку, по справедливому замечанию П.А.Флоренского, «с произведений искусства беспредельно распространил золотое сечение на явления биологические, акустические, химические, астрономические и, следовательно, явно выводит свой принцип из области эстетики в область космологии» [13, с. 483].

Эта универсальность закона золотого сечения, подвергнутая острой критике в XIX веке, нашла полное подтверждение в следующем столетии. На сегодняшний день уже известен ряд закономерностей, основанных на золотом сечении и связанных с ним рядом Фибоначчи и логарифмической спиралью из области естественных наук – ботаники, зоологии, химии, физики, астрономии, и искусства – живописи, музыки, поэзии, архитектуры¹... Постоянно увеличивается объем математической литературы по этим вопросам. Золотое сечение привлекает к себе внимание философов.

¹ Более подробную информацию об этих закономерностях можно найти, например, в [10].

В чем же причина такой универсальности? В третьей части цикла «У водоразделов мысли» П.А.Флоренский задает этот вопрос и отвечает на него: «Если закон золотого сечения есть закон красоты, то почему должны подчиняться не только произведения изящных искусств, но и произведения природы (по обычному воззрению), не зависящие в своем строении от творческой воли человека? Было бы столь же чуждо произведениям искусства не подчиняться этому закону, как и произведениям природы ему подчиняться, если бы золотая пропорция была пропорцией именно эстетической. Но мы знаем, что ей подчинены явления природы, и, следовательно, золотая пропорция эстетической бывает в своем частном или, точнее, вторичном причинении, но не в своем первоисточке. Нельзя сказать, что прекрасному свойственно подчиняться эстетическому закону Цейзинга, но должно сказать, напротив, что подчиняющееся закону золотого – прекрасно, ибо закон золотого сечения есть закон жизни, а жизнь прекрасна» [13, с. 484]. И далее: «Закон золотого сечения действительно осуществлен в природе. Но сфер или планов его осуществления много, и тогда встает вопрос об общем начале этих осуществлений. Это начало есть бытие в своем явлении. Другими словами, золотое сечение есть закон **ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ**, и именно, как уяснено ранее, выражает строение **ЦЕЛОГО** как такового. Этим устанавливается смысл занимающего нас закона» [13, с. 485].

Работы П.А.Флоренского по золотому сечению, включенные в цикл «У водоразделов мысли», являются новым этапом в осмыслении этого универсального природного закона. Вплоть до начала XX века исследовались преимущественно пространственные отношения, основанные на золотом сечении, отношениями же временными, как отмечает ученый, несправедливо пренебрегалось (единственным исключением здесь, пожалуй, является музыка). Закон золотого сечения рассматривается Флоренским как связанный с понятием полюсов, которые суть начало и конец явления идеи и в пространственном, и во временном смысле. Он пишет: «В пространстве – полюсы суть вход и выход, во времени – начало и конец, рождение и смерть. Явление идеи надо представлять себе как деятельность, наполняющую пространство между полюсами как в смысле временном, так и в смысле пространственном, то есть как вихрь в среде, как силовую трубку, как вихревое напряжение среды. Строение этого напряжения выражает

закон целого, идею. Но подобно тому, как всякая силовая линия, как всякая вихревая нить, входя в данную среду и выходя из нее, существует не только в ней, но и вне ее, в иной форме, смыкаясь в себя кольцом, так, надо думать, и целое, являясь в пространстве и времени отрезком, на самом деле смыкается в себя, проходя области над временем и над пространством, и в этом смысле не имеет ни начала, ни конца <...> Принцип золотого сечения свидетельствует об единообразности прироста трубки. Как ни прирастает явление, оно остается себе подобно, оно не меняется в характере роста. Инвариантность роста – вот смысл закона золотого сечения» [13, с. 469].

П.А.Флоренский обратил внимание на важное свойство золотого сечения. Если в одну сторону от разделенного в золотом сечении отрезка отложить бесконечную последовательность отрезков, каждый из которых меньше предыдущего и длина которого соотносится с длиной предыдущего в золотой пропорции (в пропорции золотого сечения), то сумма длин этих отрезков равна длине большей части первоначального отрезка. Полученное таким образом целое, разделенное на бесконечную последовательность отрезков, относящихся друг к другу в золотой пропорции, называется золотым вурфом. П.А.Флоренский называет его Totum Absolutum – абсолютным целым, в отличие от первых двух членов последовательности, которые являются Totum Relativum – целым относительным.

Точки, в которых смыкаются отрезки золотого вурфа, называются узловыми точками. Для целей нашего исследования мы пронумеруем их рядом естественных чисел. Началу золотого вурфа будет соответствовать ноль, а его концу – бесконечность. Второстепенными узловыми точками будем называть узловые точки каждого отдельного отрезка, в свою очередь рассматриваемого как Totum Absolutum, и будем обозначать их двумя числами – номером начала соответствующего отрезка и собственным порядковым номером. Если рассматривать отрезок $[0, 1]$ на числовой оси, то узловая точка с индексом n, k будет иметь координату:

$$t_{n,k} = 1 - \varphi^{n+1-k} (\varphi^{n+1-k} - \varphi^k)$$

Сам П.А.Флоренский исследовал расчленение времени золотыми сечениями на примере трагедий Софокла и литургии [13, с. 498–500]. Позже некоторыми авторами были исследованы

произведения Вергилия, Пушкина, Лермонтова и других великих поэтов, и применимость закона золотого сечения была установлена и для них. Важные моменты в литературных и музыкальных произведениях оказались совпадающими с узловыми точками золотого вурфа, если рассматривать все произведение как Totum Absolutum.

Таблица 1. Основные узловые точки на интервале (0, 1)

n	$t_{n,o}$
0	0
1	0,381966011
2	0,618033988
3	0,763932022
4	0,854101966
5	0,909830056
6	0,94427191
7	0,965558146
8	0,978713763
∞	1

Но нельзя не признать удивительным тот факт, что вплоть до конца XX века не была исследована применимость закона золотого сечения к историческому процессу. А если такие исследования и были, то они остались не замеченными ученым миром и были преданы забвению. Между тем, исходя из применимости этого закона как к биологическому миру, так и к произведениям разумной человеческой деятельности, мы вправе предположить, что и исторический процесс, являющийся проявлением коллективной человеческой деятельности

(хотя и не однозначно разумной, но во всяком случае содержащей в себе долю разума), должен подчиняться тому же самому закону золотого сечения.

Пионерскими в этом отношении, по-видимому, являются работы Ю.Л.Щаповой [16], которая исследовала хронологию древнейшей истории – от начала антропогенеза до начала новой эры – и доказала, что продолжительности последовательных археологических эпох пропорциональны членам ряда Фибоначчи, взятым в обратном порядке. На основании полученных результатов ею выведен коэффициент ускорения в развитии человечества (равный приблизительно 1,6), который можно естественным образом связать с золотым сечением, так как оно является пределом отношения двух последовательных членов ряда Фибоначчи. Обнаруженная закономерность открывает новые возможности в разработке периодизации и общей хронологии развития человечества.

Но если закон золотого сечения применим к историческому процессу в планетарном масштабе для интервалов времени порядка сотен тысяч и миллионов лет, то должно представлять интерес исследование исторического процесса в локальных масштабах в пространстве и для меньших временных интервалов. Однако для исторического процесса уже известен выведенный А.Л.Чижевским морфологический закон, согласно которому исторические события распределены во времени неравномерно и специфическим образом синхронизированы с 11-летним циклом активности Солнца [14, с. 312]. Чтобы по возможности избежать искажения предполагаемых нами пропорций, желательнее для начала исследовать интервалы во времени, превосходящие как минимум на два порядка 11-летний цикл солнечной активности, то есть длительностью более 1000 лет. Важно также, чтобы хронология исследуемого объекта была достаточно хорошо изучена и чтобы даты его истории были установлены также с наибольшей точностью. Это необходимо для того, чтобы достоверно отличить золотую пропорцию от близких к ней пропорций $3/5$ и $2/3$.

Осуществленные нами исследования истории Византии, Арабского халифата, Османской империи, средневековой Болгарии, Китая, Японии, Эфиопии показали, что узловыми точками золотого вурфа, в соответствующем масштабе наложенного на

временную ось и ориентированного на ней в направлении уменьшения отрезков, соответствуют важным событиям в истории каждого из исследуемых государств.

На основании хронологических таблиц истории названных государств мы составили таблицы, аналогичные таблице Ю.Л. Шаповой, в которой длительность археологических эпох сопоставляется с членами ряда Фибоначчи.

Для построения золотого вурфа достаточно знать начало и конец исследуемого интервала. Если соответствующее государство продолжает существовать и поныне, то есть если конец исследуемого периода не известен, а также если нельзя определить его начало, золотой вурф лучше всего выстроить по двум важнейшим историческим событиям, данные которых определены точно, и попробовать поместить между ними разное количество узловых точек. Эти две даты мы будем называть опорными. Один из полученных таким способом вариантов дает совпадение остальных узловых точек с другими важными историческими событиями, и таким образом, золотой вурф определяется однозначно. В тех случаях, когда государство продолжает существовать, конец периода его существования нельзя определить даже приблизительно и можно построить несколько разных вариантов для части золотого вурфа в зависимости от того, какие узловые точки принять за главные и какие — за второстепенные.

Проиллюстрируем наш метод результатами, полученными для конкретных государств. Жирным шрифтом в таблицах отмечены опорные даты.

ВИЗАНТИЯ

В качестве опорных дат для Византии выбраны 395 год н.э. — разделение после смерти императора Феодосия Римской империи, в восточной части которой и образовалась Византийская империя, и 1453 год — взятие турками Константинополя, ее столицы. Эти даты соответствуют периоду, который охватывает большинство целостных трудов по истории данного государства. Три узловые точки (1, 7 и 10), помещенные между ними, на первый взгляд не связаны с историей Византии, но значение указанных событий для Византийской империи не подлежит сомнению.

Коронование в Риме Карла Великого было прямым посягательством на претензии Византии и ее императора на исключительность монаршей власти. Значение коронавания Карла для Византии было столь велико, что, по словам А.А.Васильева, «начиная с 800 года, можно впервые говорить о Восточной Римской империи...» [3, с. 360].

Неудавшееся восстание Бедредина Симави и его ученика Мустафы Берклюдже имело одной из своих целей уравнивание в правах христианского и мусульманского населения Османской (Оттоманской) империи, что означало бы в некоторой степени сохранение в новом государстве христианской традиции.

Поход Владислава III Варненчика был одной из наиболее значительных попыток остановить экспансию Османской Турции и освободить захваченные турками христианские земли.

Таблица 2. Золотой вурф Византии

№	По золотому вурфу	События
0, 0	395 г.	395 г. После смерти императора Римской империи Феодосия его сын овья, Аркадий и Гонорий, получили в управление: Аркадий – восточную часть империи со столицей в Константинополе, а Гонорий – западную, со столицей в Риме [19, с. 45].
0, 1	549 г.	549–550 гг. Война с остготами, разорение Рима Тотилой [3, с. 199].
0, 2	645 г.	642–645 гг. Завоевание Александрии арабами [19, с. 96].
0, 3	704 г.	705 г. Восстановление Юстиниана Второго на императорском престоле с помощью болгар [19, с. 119].
1, 0	799 г.	800 г. Коронование Карла Великого в Риме императорской короной [19, с. 154].
1, 1	895 г.	894 г. Вторжение болгар во Фракию, поражение византийской армии в битве у Адрианополя [19, с. 213].
1, 2	954 г.	952 г. Наступление византийской армии на восток от Евфрата [19, с. 235].
1, 3	990 г.	991 г. Война с Болгарией [19, с. 255].
2, 0	1049 г.	1054 г. Окончательное разделение западной и восточной церквей [19, с. 279].
3, 0	1203 г.	1204 г. Завоевание Константинополя крестоносцами и разорение его [19, с. 344].
3, 2	1262 г.	1262 г. Никейская империя отвоевывает Константинополь [19, с. 371].

4, 0	1299 г.	1299 г. Морская война с Венецией – Византия теряет значение первостепе нной морской державы [19, с. 404].
5, 0	1358 г.	1359 г. Осада Константинополя турками [19, с. 442].
6, 0	1394 г.	1394 г. Осада Константинополя турками [19, с. 454].
7, 0	1417 г.	1416 г. Восстание Бедреддина Симави и Мустафы Берклюдже в Осма нской империи [12, с. 18].
8, 0	1430 г.	1430 г. Взятие Фессалоники турками [19, с. 463].
9, 0	1439 г.	1439 г. Флорентийская уния [19, с. 465].
10	1444 г.	1444 г. Неудачный поход Владислава III Варне нчика на турок [19, с. 468].
∞	1453 г.	1453 г. Взятие Константинополя турками [19, с. 472].

АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ

Таблица 3. Золотой вурф Арабского халифата

№	По золотому вурфу	События
0, 0	632 г.	630–632 гг. Образование арабского государства [9, с. 626].
0, 1	752 г.	739–750 гг. Восстания против династии Омейядов в Ираке, Сирии и Ир ане [9, с. 626]. Конец 749 г. Аббасид Абу -аль-Аббас Саффах провозглашен хал ифом в Куфе [9, с. 626]. 750 г. Конец династии Омейядов [2, с. 25].
0, 2	825 г.	833 г. Учреждение гвардии гулямов при халифе аль -Мутасиме [9, с. 626].
0, 3	871 г.	869 г. Начало восстания зинджей в Нижнем Ираке и Хузистане (восстание продолжалось до 883 г.) [9, с. 627].
0, 4	899 г.	890–906 гг. Восстание карматов в Ираке [9, с. 627]. 894–899 гг. Восстание карматов в Бахрейне [9, с. 627]. 900–902 гг. Восстание карматов в Сирии [9, с. 627].
1, 0	945 г.	945 г. Прекращение светской власти халифов [9, с. 627; 946 г. – 2, с. 28].
1, 2	1065 г.	1055 г. Вступление сельджуков в Багдад [2, с. 30; 9, с. 627]. 60-е годы XI в. Междоусобицы и мятежи тюрокской гвардии в Египте [9, с. 627].
2, 0	1138 г.	1132 г. Восстановление светской власти аббасидских халифов в Б агдаде [9, с. 627].
3, 0	1258 г.	1258 г. Взятие Багдада Хулагу -ханом Монгольским. Гибель аббасидского халифата [2, с. 34; 9, с. 627].

4, 0	1332 г.	1330–1331 гг. Посольство в Египет от индийского султана Мухаммеда ибн Тоглука. Признание индийским султаном номинального верховенства халифата [2, с. 45].
5, 0	1378 г.	1388 г. Конец правления индийского султана Фирузшаха II – последнего султана Индии, признававшего номинальное верховенство аббасидских халифов [2, с. 46].
6, 0	1407 г.	1412 г. Последняя попытка вручить светскую власть в Египте халифу династии аббасидов – Муста'ину. В том же году Муста'ин отказывается от светской власти [2, с. 40].
∞	1450 г.	1447 г. Конец правления Шахруха (младшего сына Тимура) – последнего признанного халифом большинством царей мусульманского мира (кроме Египта) [2, с. 48].

БОЛГАРИЯ (ПЕРВОЕ ЦАРСТВО)

По сравнению с Византией и Арабским халифатом Первое Болгарское царство просуществовало недолго (337 лет), но тем не менее две главные узловые точки связаны с преодолением двух наиболее крупных кризисов в его истории.

Таблица 4. Золотой вурф Первого Болгарского царства

№	По золотому вурфу	События
0	681 г.	681 г. Переселение болгар в Мизию под предводительством хана Аспаруха. Начало существования Первого Болгарского царства [11, с. 107].
1, 0	810 г.	811 г. Война с Византией. Разорение болгарской столицы византийским императором Никифором. Поражение Византии [11, с. 134].
2, 0	889 г.	889 г. Неудачная попытка князя Владимира Раста восстановить язычество в Болгарии [11, с. 174].

3, 0	969 г.	968 г. Поход Святослава Киевского на Болгарию [11, с. 218]. 972 г. Взятие болгарской столицы византийцами [11, с. 219].
4, 0	1001 г.	1001 г. Опустошительный поход византийского императора Василия на Болгарию [11, с. 228].
∞	1018 г.	1018 г. Конец существования Первого Болгарского царства [11, с. 232].

ОТТОМАНСКА ИМПЕРИ

Таблица 5. Золотой вурф Оттоманской империи

№	По золотому вурфу	События
0, 0	1299 г.	1299 г. Возникновение независимого Османского княжества [9, с. 631; 12, с. 13].
0, 1	1388 г.	1389 г. Битва на Косовом поле [9, с. 631; 12, с. 14].
0, 2	1443 г.	1444 г. Неудачный поход Владислава III Варненчика на турок. Битва при Варне [12, с. 19].
0, 3	1477 г.	1476 г. Окончательное присоединение Валахии к Турции [12, с. 13].
1, 0	1532 г.	1529 г. Первая осада и поражение под Веной [9, с. 631; 12, с. 28].
2, 0	1676 г.	1673 г. Поражение турок в битве с польскими войсками (полковник Ян Собеский) под Хотином [9, с. 631]. 1677 г. Вторжение турок на Украину [12, с. 44] 1683 г. Вторая осада Вены и поражение турок [9, с. 631; 12, с. 44].
3, 0	1765 г.	1768–1774 гг. Русско-турецкая война [9, с. 631].
4, 0	1820 г.	1821 г. Национально-освободительное восстание в Греции. 1821–1823 гг. Турецко-персидская война [9, с. 631; 12, с. 73].
5, 0	1845 г.	1853–1856 гг. Восточная (Крымская) война [12, с. 87].
∞	1909 г.	1908 г. Начало Младотурецкой революции [12, с. 117]. 1909 г. Низложение султана Абдул-Хамида II [12, с. 122].

КИТАЙ

В качестве опорных дат для Китая выбраны битва с арабами при Таласе (751 г.) и дата подписания Нанкинского мирного договора после Первой опиумной войны. Интерес здесь представляет то, что совпадающей с узловой точкой золотого вурфа оказывается и дата битв китайцев с римлянами у Таласа в 36 г. до н.э., на значение которой обратил внимание Л.Н.Гумилев [7].

Таблица 6. Золотой вурф Китая (одна из возможностей)

№	По золотому вурфу	События
0	37 г. до н.э.	36 г. до н. э. Битва с римлянами при Таласе [7, с. 215].
0, 1	263 г. н.э.	265 г. Вэйский военачальник Сыма Янь объединил страну после усобиц и основал династию Цзинь [8, с. 52].
1	751 г.	751 г. Битва с арабами при Таласе. Поражение императорских войск. Китай лишается всякого влияния на Великом шелковом пути [8, с. 86].
2	1239 г.	1235 г. Начало походов монголов на Китай [8, с. 123].
3	1541 г.	40-е годы XVI в. Начало португальской колонизации Китая [8, с. 149].
4	1727 г.	1723–1735 гг. При третьем маньчжурском императоре Юнчжэне были закрыты иностранные фактории и более 300 христианских церквей; изгнание миссионеров [8, с. 183].
5	1842 г.	1839–1842 гг. Первая опиумная война [8, с. 191].
6	1913 г.	1912 г. Последний монарх империи Цин, последний Пу И, отрекается от престола [8, с. 245].

ЯПОНИЯ

Таблица 7. Золотой вурф Японии (одна из возможностей)

№	По золотому вурфу	События
0	694 г.	701 г. Кодекс Тайхоре, в котором получили окончательное оформление реформы по эдикту от 646 года, свидетельствующему о большом влиянии на Японию феодального Китая [17, с. 13]. 710 г. Завершено строительство новой столицы Нара. Переезд в нее императорского двора и правительственных учреждений. Нара становится культурным и религиозным центром. В результате реформ Япония становится объединенным государством с центральным правительством [17, с. 13].
1	1218 г.	1221 г. Восстание Го-Тоба [17, с. 27].
2	1542 г.	1542 г. В Японию попадают первые португальцы. На о. Кюсю появляются португальские купцы и миссионеры [17, с. 40].
3	1741 г.	1741 г. Сегун Йосимунэ поручает японским ученым изучить голландский язык, что положило начало распространению <i>рангаку</i> – «голландской науки» (под этим названием в Японии стала известна европейская наука) [17, с. 63].
4	1867 г.	1867 г. Сегун подает в отставку и передает свою власть императору [17, с. 77].
5	1945 г.	1945 г. Бомбардировка Хиросимы и Нагасаки атомными бомбами. Безоговорочная капитуляция Японии. Император Хирохито отрекается от своего божественного происхождения [17, с. 183].

ЭФИОПИЯ ДО НАЧАЛА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ В 1784 ГОДУ

Основной проблемой при составлении таблицы для Эфиопии является неуточненность дат многих исторических событий, происшедших до 1531 г. Тем не менее золотой вурф прослеживается достаточно четко.

Таблица 8. Золотой вурф Эфиопии

№	По золотому вурфу	События
0	1122 г.	?
0, 2	1278 г.	1268 или 1270 г. «Год священного союза» между императором и церковью [1, с. 61].
1, 0	1375 г.	?
2, 0	1531 г.	1531 г. Разорение Эфиопии во время Тридцатилетней войны (1529–1559) [1, с. 145].
3, 0	1628 г.	Император Сусныйос принимает католическую веру. Религиозная война 1628–1632 гг. [1, с. 189].
4, 0	1687 г.	Бунт Йисхака-Поджигателя – самый крупный мятеж в XVII веке [1, с. 181].
∞	1784 г.	1784 г. Начало феодальной раздробленности Эфиопии [1, с. 239].

Хотя полученные результаты ни в коем случае не могут являться категорическим доказательством в пользу применимости закона золотого сечения к историческому процессу, они представляют интерес в качестве основы для обширного статистического исследования хронологических таблиц, составленных для тех государств, история которых изучена достаточно хорошо.

Проведение такого статистического исследования интересно и тем, что в случае подтверждения формы, в которой закон золотого сечения применим к историческому процессу (золотой

вурф, в котором направление времени соответствует уменьшению отрезков), оно подтвердило бы и полярность вектора исторического времени (по В.И.Вернадскому [4, с. 108; 5, с. 53]), и тем самым – подтверждением концепции В.И.Вернадского о неотделимости закономерностей в развитии ноосферы от закономерностей, имеющих место в других естественных процессах. *«Для нас, натуралистов, развитие мысли в ходе времени неизбежно представляется такой же частью изменения природы во времени, какой является эволюция химических элементов, космических тел, животных и растительных форм, – это столь же научно закономерный процесс, ничем не отличающийся от других естественных процессов»*, – писал В.И.Вернадский [6, с. 102].

Так как, по Вернадскому, полярность вектора времени характерна именно для живого вещества, а с его концепцией о живом веществе тесно связана теория Л.Н.Гумилева о зарождении и развитии этносов [7, с. 316–325], представляет интерес попытка объяснения полученных результатов (если они подтвердятся статистически) и в контексте теории Л.Н.Гумилева. При этом необходимо подчеркнуть, что эта теория дает временные рамки для существования отдельного этноса и ориентировочную продолжительность отдельных этапов его развития [7, с. 339].

Установление применимости закона золотого сечения к историческому процессу дало бы веские основания предложить периодизацию истории отдельных государств, основанную на этом универсальном природном законе. Кстати, в рассмотренных нами золотых вурфах отрезки, разделенные узловыми точками, часто соответствуют общепринятым историками периодам.

Закон золотого сечения, в отличие от морфологического закона для исторического процесса, выведенного А.Л.Чижевским [13], не обладает трансляционной инвариантностью. Установление применимости трансляционно неинвариантного закона к историческому процессу дало бы возможность использовать его для проверки предлагаемых некоторыми авторами (Н.Морозов, А.Фоменко) «альтернативных хронологий», исключая из общепринятой хронологии периоды, кратные продолжительности цикла активности Солнца. Инвариантность закона А.Л.Чижевского по отношению к сдвигам хронологии на периоды, кратные солнечному циклу и, в частности, на предложенный Н.Морозовым период в 333 года, была отмечена еще самим А.Л.Чижевским [15, с. 391].

Заманчивой представляется возможность использования подобной закономерности для прогнозов на будущее. Однако неизвестно, являются ли установленные нами узловые точки действительно главными, или же они второстепенны для периода времени (и соответственно, для золотого вурфа), большая часть которого находится в будущем. Это значительно сужает потенциальную возможность прогнозирования, хотя и не уничтожает ее совсем.

Литература

1. *Бартницкий А., Мантель-Нечко И.* История Эфиопии. М.: Прогресс, 1976.
2. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 6. Работы по истории ислама и Арабского халифата: Халиф и султан. М.: Наука, 1966.
3. *Васильев А.А.* История Византийской империи, время до крестовых походов (до 1081 г.). СПб.: Алетейя, 1998.
4. *Вернадский В.И.* Время // Вопросы философии. М., 1966. № 12.
5. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
6. *Вернадский В.И.* Принцип симметрии в науке и в философии // Вопросы философии. М., 1966. № 12.
7. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993.
8. История Китая с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1974.
9. История стран зарубежной Азии в средние века. М.: Наука, 1970.
10. *Коробко В.И. Примак В.Н.* Золотая пропорция и человек. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1992.
11. *Мутафчиев П.* История болгарского народа (на болг. языке). София: БАН, 1986.
12. *Новичев А.Д.* Турция. Краткая история. М.: Наука, 1965.
13. *Флоренский П.А.* Сочинения. В 4 т. Т. 3 (1): У водоразделов мысли. М.: Мысль, 1999.
14. *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни. М.: Мысль, 1995.
15. *Чижевский А.Л.* На берегу Вселенной. М.: Мысль, 1995.
16. *Шапова Ю.Л.* Археологическая эпоха: Хронология, периодизация, ряд Фибоначчи // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». М.: РАН, 2002. № 30.
17. *Эйдус Х.Т.* История Японии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1968.
18. *Beard R.S.* The Fibonacci Drawing Board Design of the Great Pyramid of Gizeh. *Fibonacci Quarterly*, Feb. 1968. P. 85–87.
19. *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen: G.H.Beck, 1963.

В.Л.БУДИНА,
студентка РГПУ имени А.И.Герцена,
Санкт-Петербург

ЗЕМНАЯ И НЕБЕСНАЯ ГАРМОНИЯ

*Кто точно соблюдает требования Наши, тот ухо
приложит к гармонии явлений.*

Зов. Январь 14, 1921

Со словом *гармония* связываются слова *мир* и *счастье*; гармония — это то, к достижению чего человек стремится всегда, даже не отдавая себе в этом отчета.

Гармонии может достичь как отдельный человек, так и некоторое общество (от нескольких человек до населения планеты в целом). Причем индивидууму стать гармоничным гораздо проще, чем сообществу, поэтому не случайно именно те, кто хотел обрести гармонию в себе, старался хоть на некоторое время уединиться в пустынной местности.

Примеров гармоничных людей история дает хоть и ничтожно мало, но все же гораздо больше, чем примеров гармоничных обществ. Последних настолько мало, что возникают сомнения в возможности достижения такой гармонии в принципе.

Таким образом, возможность достижения гармонии либо отрицается совсем, либо выносится за пространственно-временные границы, в инобытие (этот вариант называется *эсхатологией*), либо утверждается, что достижение ее возможно на планете Земля. На мой взгляд, проект, в котором провозглашается возможность достижения гармонии на Земле, есть утопия в подлинном смысле этого слова.

Создатель утопического проекта основывается на эмпирических законах и чувственно-рассудочной природе человека, при этом отрицая существование других законов или каким-либо образом учитывая те из них, по которым строится небесная гармония.

Для действительного приобщения человека к гармонии ему необходимо перестать ограничивать свое миропонимание законами, по которым существует, «живет» наша планета Земля, эмпирическая вселенная, которая неотделима от мира инобытия, мира небесной

гармонии. Но ни в коем случае не должно произойти возвращение к первобытному синкретизму. Для древних людей Вселенная гармонична на всех уровнях, Небо они не отделяют от Земли. Боги и их дети ходят по земле, люди попадают в царство мертвых и в обители богов, при этом скорее Небеса «срисовываются» с Земли, чем наоборот. Так, боги греков – просто более совершенные люди, которые имеют семьи, ссорятся, мирятся, обманывают друг друга и т.д.

Не земное мышление должно быть основой для понимания Неба, а принципы космической гармонии должны быть осознаны как определяющие и включающие в себя законы материи. Не может быть пропасти между Вселенскими законами и законами человеческой жизни. Только в подражании Вселенской гармонии возможна земная, и только в этом случае она достижима, так же, как и человек может стать истинным человеком только через подражание Богочеловеку.

Семен Людвигович Франк писал: *«Быть ведомым – божественный принцип: он необходим человеку, потому что, будучи предоставлен собственной изоляции, он обречен на самоуничтожение. Однако истинное, окончательное ведение человеком есть ведение его Богом, вернее Богочеловеком, который взывает к каждой человеческой личности, созданной по образу и подобию Божию, для того, чтобы человек умел сам собой руководить. А это, опять-таки, возможно лишь с помощью Богочеловека. Всякое иное руководство человеком – при помощи авторитета, строгости, воспитания, привития ему порядка и дисциплины – все это хорошо, необходимо, полезно – но только при условии, что это руководство основано на первичном ведении человека Богом, выводит оттуда свою власть и компетентность. В любом другом случае – это демоничность!»* [1, с. 250].

О том же можно сказать иначе: если при построении земной гармонии теряется связь с Богом, с инобытием, то желаемая утопия фактически становится антиутопией. Распознать момент такого превращения чрезвычайно трудно. Только тот, кто осознает и вмещает принципы небесной гармонии, может выявить произошедший разрыв. Однако можно говорить о ряде принципов, нарушение которых чаще всего приводит к искажению земной гармонии и которые всегда присутствуют в построении утопии. Если не рассматривать утопию и антиутопию как литературные жанры, то различие между ними сводится к утверждению или нарушению в них этих принципов. Что за принципы имеются в виду?

1. Прежде всего – принцип свободы воли. Если ее нет, то речи о гармонии уже не может быть. Если некое социальное образование не дает проявить свободу элементам, из которых оно составлено, то результатом может стать замедление вплоть до остановки эволюции как самих элементов, так и данного образования в целом. А все, что не прогрессирует, неизбежно будет деградировать.

Об этом сказано уже очень много, хотелось бы только привести слова из Учения Живой Этики: *«Всякая насильственность осуждена. Насильственное рабство, насильственный брак, насильственный труд возбуждают возмущение и осуждение. Но из всех насилий самое преступное и уродливое зрелище являет насильственная община»* [2, 219].

Воля – это активная составляющая человеческого сознания, которая становится действенной силой в борьбе с собственным невежеством и недостатками при условии целостности устремления и правильного выбора поляризации. Лишение человека свободы воли подменяет внутреннее внешним, фундаментальное – поверхностным, живородящую творческую энергию – застывшими формами рассудка.

Рассудок не знает свободы воли. Для него человек предстает природным и полностью подчиненным законам феноменального мира существом. Источник свободы человека находится в мире ином, ноуменальном, рассудку недоступном.

2. Следующее исходное положение – принцип признания индивидуальности. В Космосе мы видим беспредельное разнообразие явлений, которые гармонично входят в единую систему и не могут быть исчерпаны рассудком.

На нарушении принципа индивидуальности (идее тотальной уравниловки) построен роман Е.И.Замятина «Мы». Справа и слева сквозь стеклянные стены, писал Евгений Иванович, герой как бы видел самого себя, свою комнату, свое платье, свои движения повторенными тысячу раз [3].

С точки зрения рассудка любая индивидуальность излишня, она есть всего лишь не согласующаяся со здравым смыслом ошибка или уродство.

Отрицание этого принципа приводит к отрицанию творчества. Поэтому роман Е.И.Замятина с необходимостью заканчивается Великой Операцией, которая лишает людей фантазии и остатков индивидуальности, – теперь они абсолютно одинаковы и машиноподобны.

Искажение этого принципа и сведение всего разнообразия к одинаковости приводит к результатам, подобным тем, что получаются при нарушении свободы воли.

3. И третий принцип – это принцип общего блага. В нем тесно увязаны все три момента – принцип действия во имя общего блага включает в себя первые два. В самом деле, если общее благо заменяется благом личным, то неизбежно умалется и свобода, и индивидуальность остальных.

Именно с появлением самости у граждан идеального государства Платона оно перестает быть совершенным и справедливым, а правление лучших (аристократия) заменяется правлением ищущих славу (тимократия).

Там, где самость, не может быть сотрудничества, происходит размежевание и распад. *«Это губительное качество так владеет человеком и так действенно по своей энергетике, что любой уровень мышления или сознания может оцениваться по тому, способствует он или препятствует его развитию. Наличие или отсутствие самости в носителях любой социальной системы или явления характеризует их этическую сердцевину»*, – пишет Л.В. Шапошникова [4, с. 66].

При создании любой утопии общему благу всегда уделяется большое значение. Во всех классических утопиях подчеркивается, что достижение гармонии и справедливости возможно только в том случае, когда целью является всеобщее благо.

Известно, что самым богатым на социальные утопии веком в истории Европы оказался XVIII век, в котором вера в человеческий разум (а точнее было бы сказать, в человеческий рассудок) стала абсолютной. Считалось, что совершенное общество основывается на здравом смысле, то есть на очевидных, непротиворечивых, а главное – ясных просвещенному человеку законах. Выдвигался идеал просвещенной монархии или республики во главе с неким мудрецом, который, основываясь на своем разуме, ведет народ к благоденствию.

Как любая рассудочная (а следовательно, абстрактная) социальная конструкция, утопия века Просвещения доказала свою несостоятельность. Естественное ее развитие привело к тому, чего никто из просветителей не желал: достижение великого идеала – свободы, равенства, братства – оказалось невозможным без террора и гильотины.

Другая попытка построить утопию, опираясь на земные (причем далеко не все) законы, сопровождалась еще более кровавым террором. Я говорю про попытку построения коммунизма в нашей стране.

Обычно из этих неудач делается вывод о невозможности воплощения земной гармонии вообще. Но говорить так – то же самое, что утверждать невозможность построения дома в принципе, исходя из того, что без учета приливов на берегу моря построить дом не удастся. Мы знаем, что *«неудача одной общины должна быть поводом к новым общинным строениям»* [2, 226].

В наше время люди особенно критично относятся к утопии. Это и не удивительно: никакой другой век не принес столько разочарований и кризисов. Именно XX век породил феномен антиутопии, который противостоял не какому-то конкретному утопическому проекту, а самой идее утопии. Убедительно демонстрировалось, как последовательно проведенная утопическая идея приходит к своей противоположности и сама себя опровергает. К сожалению, критики подходили к идее утопии столь же рассудочно, как и те, кто на протяжении всего прошлого века старался реализовать этот идеал на практике. Но при этом единственно доказанной была невозможность земной гармонии, основанной на рассудке, а не невозможность земной гармонии в принципе.

Литература

1. Франк С.Л. Легенда о Великом Инквизиторе // О Великом Инквизиторе Достоевский и последующие. М., 1991.
2. Учение Живой Этики. Община. М.: МЦР, 1994.
3. Замятин Е.И. Мы // Утопия и антиутопия XX века. М.: Прогресс, 1990.
4. Шапошникова Л.В. Град Светлый. М.: МЦР, 1999.

А.В.СКИБА,

*аспирант, Институт археологии,
Киев, Украина*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДУХ КАК УЧАСТНИК ПЛАНЕТАРНЫХ СДВИГОВ: ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЗРЕНИЯ ИВАНА ФРАНКО

В контексте формирования космического мышления особого внимания заслуживают идеи украинского поэта и ученого, доктора философии И.Я.Франко (1856–1916). К сожалению, его научное и философское наследие до сих пор остается малоизученным.

Все творческое наследие Ивана Франко было неразрывно связано с его общественной позицией. Этим во многом обусловлена и форма, в которой им были выражены его идеи. Наиболее волнующие самого автора касались темы будущего. Они мощно зазвучали в его поэзии. Именно поэтическая форма могла быть воспринята непосредственно, эмоционально и широко.

Тема грядущих планетарных сдвигов и пробуждения человеческого духа пронизывает творчество этого выдающегося поэта. В цикле «Веснянки» надвигающиеся перемены в духовной и социальной жизни народов он уподобляет благодатной грозе и неудержимому весеннему обновлению природы. Вот второе стихотворение цикла:

*Гремит! Благодатная пора наступает,
Природу роскошная дрожь пронимает,
Ждет жаждающая земля плодотворного ливня,
И буйный ветер над нею гуляет,
И с запада черная туча летит –
Гремит!*

*Гремит! Тайная дрожь пронимает народы, –
Верно, благая волна наступает...*

*Миллионы ждут перемены счастливой,
Те тучи – будущего плодоносного тени,
Что человечество, словно красная весна, обновит...
Гремит!¹*

1880

В стихотворении автор радостно-взволнованно изображает стихийное, охватившее народы беспокойство и ожидание перемен, ожидание лучшего будущего. Образ грозы и весеннего возрождения земли подчеркивает природный, а не социальный характер мощных «волн», пробуждающих миллионы.

Будущее поэту видится как более высокая действительность. С нею связано обновление природы и человека. В следующем стихотворении из цикла «Веснянки» Франко пишет:

*Встань,
Встань, пахарь! Уже отгудели ветры,
Проскрипел мороз, уже миновала зима!
Любо дышит воздух нежным трепетом;
Словно у девушки, пробуждающейся ото сна,
В груди радостно бьется здоровая,
Молодая кровь,
Так и грудь земли дышит-движется
Силой дивною, жительной².*

*Встань пахарь, встань!
В счастливое время сей золотое зерно!
С трепетом любви мать добрая
Обнимет его,
Кровью теплою вскормит его,
Бережно взрастит его.*

*Гей же, братья! У кого сердце чистое,
Руки сильные, мысли честные, –*

¹ Здесь и далее подстрочные переводы сделаны мною. – А.С.

Произведения И.Я.Франко «Гімн. Замість прологу» и «Веснянки» (II, III) приводятся по изданию: Иван Франко. 3 вершин і низин. Вірші та поеми. К., 1990. С. 3–6.

² В цитатах здесь и далее выделено мною. – А.С.

Пробудитесь!
Встаньте, слушайте всемогущий
Зов весны!
 Сейте в головах думы вольные,
 В сердцах жажду братолюбия,
 В грудях смелость к великому
 Бою за добро, счастье и свободу всех!
 Сейте! На теплую, на живую пахоту
 Упадут семена мысли вашей.

1880

В беспокойном движении, охватившем Землю и населяющие ее народы, Франко видит знак того, что наступило *счастливое время* для тех посевов, которые дадут лучшее будущее. И эти посе­вы он связывает с людьми, у которых *чистое сердце, сильные руки и честные мысли*.

В осмыслении поэтом-философом исторических сдвигов ключевое место занимает явление духа. Именно человеческий дух отзовется встречным действием на приближение обновляющего будущего. Концепция мыслителя в полной мере раскрывается в стихотворении «Гимн. Вместо пролога»:

Вечный революционер —
Дух, рвущий тело в бой,
 Рвущий за прогресс, за счастье и свободу, —
 Он живет, он еще не умер.
 Ни экзекуции поповские,
 Ни царские темницы,
 Ни войска муштрованные,
 Ни орудия грозные,
 Ни шпионское ремесло
 Его в могилу не свело.

Он не умер, он живет!
Хоть тысячи лет назад родился,
Но лишь вчера распеленался,
И полный силы идет,
 И распрямляется, и крепнет,
 И спешит туда, где светает;

*Словом сильным, как трубою,
 Миллионы кличет за собою, —
 Миллионы радостно идут,
 Ведь это голос духа слышен.*

*Голос духа слышен всюду:
 По мужицким курным хатам,
 По ремесленным станкам,
 По местам горестей и слез.
 И где только он раздастся,
 Сгинут слезы, скорбь, несчастья,
 Сила родится и смелость
 Не рыдать, а добывать,
 Хоть сынам, раз не себе,
 Долю лучшую в борьбе.*

*Вечный революционер —
 Дух, наука, мысль, воля —
 Не уступит мраку поля,
 Не даст сбиться с пути теперь.
 Злая развалилась руина,
 Покатилась лавина,
 И где та в мире сила,
 Чтоб ее остановила,
 Чтобы погасила, как огонь,
 Развидняющийся день?*

1880

У Ивана Франко дух выступает не как отвлеченное понятие или метафора, но как движущая, преобразующая сила, реальная, а не абстрактная. Упоминание *духа* в одной строке со словами *наука, мысль, воля* ставит его в один ряд с конкретными жизненными явлениями и в то же время объединяет эти понятия между собой. Дух озаряет, он же дает силы для переустройства во всех областях жизни. Франко завершает свое произведение образом *развидняющегося дня*, утверждая непреложность обновляющих планетарных сдвигов, субъектом которых предстает *вечный революционер — дух*.

Мысли И.Я.Франко, в особенности понимание им феномена духа и его сопряженности с планетарными явлениями, отражающимися на духовной и социальной жизни народов, во многом созвучны с идеями Учения Живой Этики, созданным в 20–30-х годах XX столетия. *Красная весна* Франко перекликается с *Весной священной* Стравинского и Рериха. Их роднит отклик человеческого духа на пробуждение Природы.

Произведения из цикла «Веснянки», стихотворение «Гимн. Вместо пролога» были написаны И.Я.Франко в 1880 году. Исторические события, которые произошли спустя несколько десятилетий и были ознаменованы мощными социальными и национально-освободительными движениями, а также принципиально новыми явлениями в науке, искусстве, философии, которые меняли человеческое сознание и получили название *Духовной революции*¹, подтвердили предчувствия и прозрения украинского поэта и мыслителя.

Творчество Ивана Франко можно рассматривать как существенный вклад в формирование космического мировоззрения в конце XIX – начале XX века, который заключается в новом понимании феномена человеческого духа, в осмыслении его взаимодействия с планетарными явлениями пространственно-энергетического характера.

¹ Термин введен в научный оборот Л.В.Шапошниковой.

ИДЕИ КОСМИЗМА В ПЕДАГОГИКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

20–21 мая 2003 г.

Д.Д.ЗУЕВ,

*учитель, профессор, членкор РАО,
лауреат премии Президента РФ в области образования,
Москва*

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

В своем выступлении я буду опираться на опыт собственной жизни, на опыт моей семьи и всего рода Зуевых (а я знаю фрагменты жизни и деятельности восьми поколений этого рода, преданно служившего Отечеству). Поступаю так, ибо полностью разделяю прозвучавшее здесь утверждение Ш.А.Амонашвили о том, что «педагогика есть личностное состояние человека», и прежде всего его духовное, нравственное состояние. Что «педагогика – прямой путь восхождения к Богу».

Я только что закончил, как редактор, работу над удивительной книгой Б.М.Неменского – народного художника России, члена Российской академии образования – «Приглашение к диалогу. Борис Неменский: друзья, ученики, соратники» [10]. За неприятно-затянутым, ненавязчивым названием книги скрыто богатое оригинальными и актуальными мыслями содержание. В ней глубокий гуманист Б.М.Неменский развивает свое понимание сути педагогики XXI века, наполняя школьную программу той высокой духовностью, без которой немислима педагогика вообще и тем более педагогика познания глубинных тайн изобразительного искусства.

Отсюда его ход «от содержания пластического (профессионального) к содержанию духовному». Отсюда глубина его программы, которая в руках учителя становится мощным фактором питания духовной оси (воспитания!) ребенка, включающей в себя «рациональное и ассоциативно-образное, эмоционально ценностное (иррациональное. – Д.З.) восприятие мира», позволяющей раскрыть в себе и для себя картину мира и выразить ее в своем творчестве.

Идя своим путем, экспериментируя и формируя идеологию нового учителя в сфере изобразительного искусства, Б.М.Неменский пришел к тому же выводу, что и выдающийся ученый наше-

го времени академик РАН Н.Н.Моисеев – человек, много сделавший для того, чтобы сформулировать пути выхода не только из экологического кризиса, в котором задыхается природа Земли, но и из духовного кризиса. А последний, как смерч, втягивает в свою разрушительную стихию миллионы и миллионы человеческих судеб и жизней. В своих философических заметках «На пути к нравственному императиву» Н.Н.Моисеев пишет:

«Мир человека – это неразрывная связь рационального и иррационального: интуиции, инстинктов непредсказуемости или нелогичности поведения и т.д., и т.п. Этот духовный мир, иррациональная сущность человека, по-видимому, принципиально не объяснимы. Мы можем лишь говорить о том, что влияет на его формирование. И она – иррациональность человека – крайне индивидуальна...»

И путь в этот мир иррационального лежит через постижение прекрасного, познание искусства...»

Отсюда его утверждение: *«Я думаю, что ключ, способный открыть дверь в будущее человечества, окажется синтезом разума и иррационального начала, заложенного в людях. От того, как коллективный разум сможет опереться на иррациональное начало, и зависит судьба человечества и планеты»* [11].

Выводы Н.Н.Моисеева синхронно перекликаются с философскими и психолого-педагогическими положениями о сути школы XXI века, сформулированными академиком РАО Ш.А.Амонашвили и изложенными им в «Трактате о начальной ступени образования, основанного на принципах гуманно-личностной педагогики» – в его «Школе Жизни». Смысл этих положений, основанных на допущении четвертого измерения в процессе образования подрастающего поколения, – в признании Души ребенка как реальной субстанции, реальности духовного мира, Высших Сил [1, с. 13].

Работая над книгой Неменского, я вновь вернулся к мысли, удивительно четко сформулированной выдающимся философом, педагогом Сергеем Николаевичем Булгаковым в конце XIX века в работе «Природа в философии Вл. Соловьева»: *«Возможно ли мировоззрение, стоя на почве которого можно было бы быть и материалистом, т.е. мыслить себя в реальном единстве с природою и человеческим родом, но вместе с тем утверждать и самобытность человеческого духа с его запросами, с его постулатами о сверхприродном, божественном бытии, освещающем и осмысливающим со-*

бою природную жизнь? Таков вопрос, который глубоко затаен в душе у многих и многих людей нашего времени» [3, с. 620].

Вдумайтесь в эти строки.

Во времена С.Булгакова надо было «затаивать в душе» право на материалистическое мышление.

Позднее, после Октября, не могло быть и мысли о «божественном бытии».

Сегодня в России, наконец, обрела реальность подлинная свобода совести, а значит, пришло время извлечь этот вопрос из тайников души и ответить на него со всей определенностью, положив этот ответ в основу Новой педагогики России XXI века!

«Сегодня появилась возможность (необходимость существования давно) начать движение к вершинной педагогике, – утверждает профессор Санкт-Петербургского педагогического университета Е.В.Любичева, – не движение к ней “снизу”, со стороны предметной деятельности, а движение “сверху”, со стороны духа. Без этого не может быть ни покаяния, ни Духовного возрождения, ни выпрямления Духа. Поэтому-то так важно “вернуть” Дух из изгнания и начать исследования духовной деятельности, духовного образования, исследования духовных слоев или пластов сознания» [8, с. 87].

Б.М.Неменский одним из первых российских педагогов пришел к пониманию сути «вершинной педагогики» и, как я уже говорил, наполнил свою программу той высокой духовностью, без которой немыслима педагогика вообще и тем более педагогика познания глубинных тайн изобразительного искусства.

В свое время Михаил Шолохов задал Сталину вопрос:

– Зачем Вы, Иосиф Виссарионович, позволяете так безмерно себя превозносить? Славословия, портреты, памятники ведь без числа и где ни попадя...

И услышал ответ:

– Что поделаешь? Людям нужно **божка!**..

Для Сталина не прошло бесследно обучение в Духовной семинарии. Он создал удивительную идеологию, где был бог-отец – Ленин, бог-сын – Сталин и бог-дух святой – марксистское учение. И демонстрации – крестные ходы, и портреты вождей – иконы и хоругви, и заповеди в виде «Морального кодекса строителя коммунизма». Он был уверен, что нужен «божок»...

«Так это было на земле...»

Моя первая награда — медаль с барельефом Сталина «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Не скрою — он был для меня тогда богом! Другого бога у меня не было...

Образ Всевышнего, который ласково и нежно создавала в моей душе в раннем детстве мудрая бабушка, был заслонен октябрятскими звездочками, пионерскими галстуками, комсомольскими лозунгами и постепенно полностью затемнен уже вполне сознательной Верой в светлое коммунистическое Завтра, в которое я с 16 лет свято верил, которое защищал и строил самоотверженным трудом.

Вот эта Вера, убежденность в том, что надо служить высоким идеалам, — а таким идеалом для меня было светлое коммунистическое Завтра, — спасла меня в один из суровых моментов моей жизни. Спасла тогда, когда, закончив в 1950 году с отличием двухгодичную областную партийную школу и являясь кандидатом на пост секретаря Куйбышевского обкома комсомола, я как «сын врага народа» (ранее Сталин говорил, что «сын за отца не отвечает»!!!) был отправлен в деревню, расположенную у самой границы с Оренбургской областью, работать культпросветработником (к счастью, разрешили учительствовать) без права перемены места жительства. Нет нужды говорить, как страшно переживал я в первые годы, это, как мне тогда казалось, падение. Это теперь я понимаю, что Господь послал мне не только очередное испытание, закаляя тем самым мою веру и волю. Он вернул меня в Учительство, дал познать всю глубину, сложность, радость и ответственность этой миссии на самом светлом и чистом участке этого поприща — в сельской школе. Он на долгие годы уравнивал меня с теми, кого с партийных и комсомольских трибун мы, владельцы этих трибун, называли народом.

Но и тогда я не потерял веру в идеалы Коммунистической партии, со сцены провозглашая ей славу стихами В.Маяковского:

*Партия — рука миллионнопалая,
сжатая в один
громающий кулак!!!*

Более того, я даже нашел в трудах Ленина оправдание того, что произошло со мной. Цитирую по памяти и потому не беру в кавычки, но ручаюсь за смысл:

Построение нового коммунистического общества – это борьба. Борьба кровавая и бескровная, насильственная и мирная, хозяйственная и административная против Сил и Традиций старого мира!?

Так сказал великий Ленин, а это бог-отец! И если, рассуждал я, Силами старого мира были мои предки – губернаторы и генералы, то я – их Традиция. Да к тому же еще и «сын врага народа». Значит, найди свое место в этой напряженной борьбе, смиришься и делай *все*, что только *можешь*, во имя этого светлого коммунистического Будущего!

Так я и делал. Все в моем районе пели и плясали. Пели светлые русские песни, читали чистые светлые стихи, утверждали величие партии! А я, плюс ко всему, учил детей истории, учил верить в то, что придет это светлое Завтра. Чтобы прокормить трех детей, держал хозяйство, завел корову, для которой косил траву на сено и скирдовал его «из 10-го воза» для себя. Поясню: учителя и другие представители сельской интеллигенции, имевшие в своих хозяйствах коров, для того, чтобы прокормиться, во время каникул косили в колхозе траву для заготовки сена: 9 возов в колхоз – один себе (на корову надо 6 возов!). А чтобы получить законченное высшее образование и более приличную зарплату (партийная школа дала мне «незаконченное», а с заочного отделения Куйбышевского педагогического института я был отчислен как «сын врага народа»), я единственный раз в жизни скрыл свое происхождение, написав в анкете, что являюсь сыном крестьянина-бедняка из Псковской губернии (где при Екатерине и Павле предок мой Харитон Лукич Зуев был гражданским губернатором). Это позволило беспрепятственно поступить на заочное отделение Московского государственного университета (куда ездил на сессии два раза в год, пользуясь как учитель правом бесплатного проезда), которое и закончил с отличием через шесть лет. Так *было определено*, что, прожив в ссылке семь лет, я не потерял ни одного года!

А к этому времени состоялся XX съезд КПСС. Отца реабилитировали. Я – на три года секретарь сельского райкома партии; затем на 10 лет – заведующий Куйбышевским (ныне Самарским) областным отделом народного образования (около двух тысяч школ, 25 тысяч учителей). Потом – «за длинный язык» (критиковал постоянно министерство за то, что не вовремя поставляются

школьные учебники, что печатаются они на газетной бумаге) – 25 лет директорствовал в издательстве «Просвещение», – был членом коллегии министерства просвещения России. Добавлю сразу: именно в это время стал профессором педагогики, членком Российской академии образования, получил звание «Заслуженный работник культуры России». Как это могло случиться с человеком, оставшимся с пяти лет круглым сиротой, а с 15 лет не имевшим рядом ни одного взрослого родного человека? Как? Если бы Советская власть дважды так безжалостно не отнеслась к моей судьбе, – можно было бы сказать: это народная власть помогла сироте! Но...

Моя конкретная жизнь позволяет утверждать, что каждый из нас несет от рождения свою жизненную задачу, свою Миссию, *которую он должен реализовать и неизбежно реализует, если жизнь его будет пронизана искренней верой, наполнена высокой духовностью...* А это уже явление космическое...

Но это я понял потом.

А тогда? Тогда я искренне нес свою Веру, реализуя ее в миллионах миллионов школьных учебников и книг для учителей и учащихся. Стремясь помочь каждому учителю, каждому ученику, мы в издательстве «Просвещение» разработали теорию книжного комплекса: стали издавать серии книг для учителей и школьников по каждому предмету, *помогая учителю выйти в своем творческом поиске на личность школьника.*

На пути этих исканий я встретился с Шалвой Александровичем Амонашвили. О нем я узнал из статьи в газете «Правда», написанной честным и талантливым журналистом, Олегом Матяиным, заступившимся за директора Тбилисской школы № 1, который вел непонятный для местных властей эксперимент, выдумав какую-то гуманно-личностную педагогику.

Вот она-то, эта педагогика, и привлекла меня. Я пригласил Шалву Александровича в «Просвещение», и в результате нашей встречи возникло удивительное содружество, результатом которого было появление знаковой для конца XX века книги, предназначенной учителю, – «Здравствуйте, дети!». Книга эта стала мировым бестселлером 80–90-х годов прошлого века – только в «Просвещении» она вышла почти миллионным тиражом. А затем вышли в свет и две другие книги трилогии – «Как живете, дети?» и «Единство цели», переведенные на многие иностранные языки.

Но до триумфа было далеко...

Как только вышла первая книжка «Здравствуйте, дети!», а там на цветном форзаце мы поместили несколько фотографий и на одной из них был изображен Шалва Александрович, который, присев на корточки, что-то шептал на ушко очаровательной первокласснице, – меня вызвали в ЦК КПСС и учинили в секторе школ разнос с пристрастием.

– Это что, товарищ Зуев, за *гуманно-личностная* педагогика?! Вы что, товарищ Зуев, Макаренко не читали, Вы что, не знаете, что в основе деятельности школы, класса лежит коллектив?!..

– А это что такое, товарищ Зуев, – у Вас учитель на корточках сидит перед учеником, опускаясь до его уровня?!!

– А потом, где пионерская символика, почему учащиеся без пионерских галстуков!!!...

Ну, этим меня достали. И смилив гордыню, я начал терпеливо и очень вежливо разъяснять:

– что в ребенке А.С.Макаренко видел, прежде всего, личность, а коллектив использовал для наиболее эффективного на нее воздействия;

– что учитель не опускается до уровня ученика, а поднимает ученика до своего уровня, позволяя видеть в нем – учителе – равного ученику человека;

– что до того, чтобы носить пионерские галстуки, в этой книге дети не доросли, ибо речь идет о детях шестилетнего возраста;

– и что книга-то о грузинской школе, работающей с шестилетками, и замыслена и издана в связи с тем, что России предстоит перейти на обучение детей с шестилетнего возраста, а своего опыта у России в этом нет;

– и что, конечно, будут и пионерская организация имени В.И.Ленина, будут и красные галстуки, когда дети подрастут, но это будет в третьей книге...

Должен откровенно сказать, что, не обеспечивая издательство «Просвещение» к этому времени всю страну учебниками вовремя; не издавая мы уже в то время библиотеки для учителей, для учащихся; не будь «Просвещение» победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании и не получи оно в тот год переходящего Красного знамени ЦК КПСС и Совета Министров, – не так просто ушел бы я из Большого Дома!..

Слово свое мы сдержали: в третьей книге трилогии «Единство цели» Шалва Александрович показал блистательную работу школьной пионерской организации и старшего пионерского вожатого (образ которого списал с себя!), вся книга была наполнена правильной коммунистической идеологией.

Я искренне продолжал верить в эти идеи и 50 лет честно служил идеям Партии. Я никогда не выходил из Партии, не рвал и не выбрасывал партбилета (и сейчас храню его как реликвию своей жизни...).

Но... Случилась трагедия моего поколения – Партия сама ушла от нас. Эта «рука миллионнопалая» из-за бездарности и глубочайшей безнравственности ее высшего руководства разжалась, расслабилась – и распался бывший монолит, КПСС, рассыпался в одно мгновение...

Вера, которую я вынашивал 50 лет, рухнула! Я испытал, в полном смысле этого слова, духовную драму, которую переживал (да чего греха таить, и сейчас переживаю), как трагедию России, крайне тяжело.

Что спасло? Именно в это время моя старшая дочь – заведующая отделением кремлевской больницы – «подняла на ноги» крупного работника органов безопасности. Видимо, в процессе его стационарного лечения у них был разговор обо мне, о моей судьбе, о моем отце. И вскоре после его выздоровления я был приглашен на Лубянку, мне дали ксерокопию дела моего отца, крупного военачальника Ленинградского военного округа, расстрелянного в 1931 году. Ксерокопия была неполной, но и то, что я прочитал, повергло меня в шок. Я узнал, как глумились над отцом и как стойко держался он своей веры, веры в величие России. Я понял, что мой отец – высокообразованный, преданный Родине, израненный в боях за ее целостность и независимость, офицер гвардии Преображенского полка принял новую власть. Поверил, что это народная власть, и много сделал для ее укрепления. И этот 40-летний, в полном расцвете сил человек, искренний христианин, был уничтожен тупыми, ничтожными людьми безо всякой вины перед этой властью, уничтожен по воле...

«Вы правы, дорогой мой, все, что случилось с папой, [так. – Ред.] страшно и горько, что нельзя понять, за что уничтожили сильного, гордого, нужного родине человека.

Ах, Дима, Дима! Трудно ответить, за что! Конечно, ни за что!

У каждой революции очень тяжелая поступь, ее чугунные сапожищи всегда давят без разбору правых и виноватых. Но у нашей революции поступь не только тяжкая, но еще на редкость бессмысленно жестокая и неуклюжая. После смерти Владимира Ильича эту поступь направлял полупомешанный маньяк, азиатский сатрап, который согнул страну в бараний рог и перед которым ползали в страхе на карачках с полными штанами его соратнички, у которых не хватило мужества пресечь кровавую карусель. Дрожая за свои шкуры, они бросали в жертву злобе сумасшедшего сотни тысяч невинных. В эту страшную мясорубку попал и Ваш папа, как попали многие папы, братья, отцы, мужья, сыновья, близкие и далекие, которых уже не вернуть, которых только можно вспомнить добром и с любовью».

Эту цитату я привел из написанного 1 августа 1957 года письма Бориса Лавренёва, знавшего моего отца.

Но, так или иначе, клин был выбит клином. Я поехал в Ленинград, пришел в Свято-Преображенский собор, в котором крестили, венчали и отпевали не одно поколение моих предков, и где я был крещен в православную веру; заказал и отстоял молебен по невинно убиенному отцу; впервые за свою жизнь исповедовался и надел крест, который никогда не сниму до смерти. Я обрел новую веру (нет, скорее, вернулся к старой, детской, наивной, но искренней) и, наверное, тоже впервые в жизни задумался над тем, что же это такое – ВЕРА!?

Уже позднее, работая над «Антологией гуманной педагогики», ознакомился я с удивительно мудрыми мыслями протоиерея Александра Меня, которые очень многое мне объяснили, утвердили меня в правоте моей веры и оправдали многое в прошлом. Вот они:

«Что такое вера?» – спрашивал протоиерей Александр Мень и отвечал: «Каждый человек – даже если он не знает о Боге или отрицает его – в глубине души тянется к чему-то прекрасному, совершенному, что дает смысл жизни, перед чем можно преклониться».

«Как свойственно людям дышать, мыслить, чувствовать, так свойственно им и верить в идеал. Убеждение в том, что есть что-то высшее, дает нам силы существовать» [9, с. 115–116].

Я твердо, глубоко убежден в том, что, только разобравшись в себе, можно понять, что происходит в мире, что, только познав

себя, мы вправе чему-то учить других, быть учителем. Беда нашей школы состоит в том, что учитель, в массе своей, в себе, в своей душе до конца не разобрался. Как же ему разобраться в душе ученика?! Да и зачем ему в эту тонкую материю вдаваться! Есть учебный план, есть стандарт. Будь любезен, *заучи это* и ответь мне, а я поставлю тебе отметку! «Роль учителя заключается в том, чтобы контролировать, как ребенок дома выполнил задания, данные ему учителем на уроке!» – заявила моей дочери учительница английского языка, когда та пришла к ней посоветоваться по поводу двойки, поставленной педагогом в дневник моему внуку за то, что в первый день после каникул он не принес на урок старую исписанную тетрадь, а принес чистую новую.

Ситуация в этом плане усложняется тем, что православная церковь – ведущая конфессия России, – оправляясь от тех страшных ударов, которые были нанесены ей за годы коммунистической диктатуры, далеко не всегда находит правильный путь к сердцу учителя – наиболее массового образованного пласта нашего общества, призванного формировать идеологию нового поколения. И не случайно мне трижды приходилось отбивать нападки представителей церкви на книги «Антология гуманной педагогики», а также книги Ш.А.Амонашвили, которые они прямо называли сектантскими!

Усложняется эта ситуация еще и тем, что в многонациональной и многоконфессиональной стране во многом нет ясности во взаимоотношениях между православием и усиливающим свое влияние исламом («На консолидацию ответим объединением»). Да и в самом христианском мире не обходится без явных противоречий.

А все это происходит на глазах учителей, родителей, детей, которые и без того находятся под непрерывным, мощным пресингом самой отвратительной бездуховности, круглые сутки обрушиваемой на наши головы средствами массовой информации.

Что можем мы – учителя, искренне обеспокоенные будущим наших учеников, нашей российской общеобразовательной школы, противопоставить наступлению бездуховности?

Глубоко убежден, что одним из путей выхода из того положения, в котором находится сегодня наша школа, является осмысление положений трактата Ш.А.Амонашвили «Школа жизни», формулирующего основные принципы гуманно-личностной

педагогике и намечающего реальные пути их реализации. В основе этого трактата лежит четко сформулированное Н.А.Бердяевым положение о том, что человек – существо двуединое. Этот русский педагог-философ писал: *«Человек был и на протяжении всей истории остается двойственным существом, сопричастным двум мирам – высшему Божьему миру, который он в себе отображает, миру свободному и миру природно-естественному, в который человек погружен, судьбы которого он разделяет и который многими путями действует на человека и связывает его по рукам и ногам настолько, что сознание его затемняется, забывается высшее происхождение его, сопричастность его к высшей духовной действительности»* [2, с. 63].

Но это не открытие Н.А.Бердяева. Святоотеческая литература сохранила нам мысли христианского подвижника Ефрема Сирина (ок. 303–373), который в своем трактате «О добродетелях и страстях» прямо писал:

«Надобно знать, что поелику человек двойственен, т.е. состоит из тела и души, то и чувства имеет двоякие. Есть пять чувств душевных и пять чувств телесных. Душевные у мудрецов называются силами души... Отсюда происходят двоякие добродетели и двоякие пороки. И всякому человеку весьма необходимо знать в ясности, какие есть добродетели душевные, и какие добродетели телесные, а также какие душевные и какие телесные страсти» [13, с. 107].

Развивая эту мысль, гениальный русский педагог К.Д.Ушинский подчеркивал, что нравственное чувство живет в каждом из нас точно так же, как и чувство личности, чувство эгоизма. Но тогда, как нравственное чувство, благороднейшее и нежнейшее растение души человека, требует большого ухода и присмотра, чтобы вырасти и окрепнуть, чувство эгоизма, как всякий бурьян, не требует ни ухода, ни присмотра и, не обуздываемое время, скоро подавляет все лучшие и нежнейшие создания.

Отсюда вывод Константина Дмитриевича: *«...влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его личных интересов»* [12, с. 94–95].

И если мы считаем себя адептами классической педагогики, если мы ставим перед собой задачу работать в русле гуманного педагогического мышления, мы, *прежде всего*, должны дать на-

шим воспитанникам представление о благороднейших и нежнейших растениях души человеческой, помочь им взрастить в себе эти столь необходимые для человека качества.

А они беспредельно просты, бесхитростны. Перечислим их языком Ефрема Сирианина.

Добродетели душевные: мужество, благоразумие, целомудрие, справедливость, вера, надежда, любовь, великодушие, терпение, доброта, негневливость, правдолюбие, свобода, сострадательность, милосердие, щедрость, почтительность...

Добродетели телесные: воздержание, нестяжательство, несамолюбивость, довольство малым, собственноручное упражнение в рукоделии и всякий телесный подвиг..

Столь же понятны и столь же просты в детстве и юности для преодоления Страсти.

Страсти душевные, которые омрачают «око душевное, т.е. ум»: леность, нечестие, раздражительность, гнев, вспыльчивость, человеконенавистничество, памятозлобие, клевета, ревность, зависть, тщеславие, лицемерие, ложь, уныние, самолюбие – мать всего худого, сребролюбие – корень всех пороков и страстей, злонаравие и лукавство.

Страсти телесные: чревоугодие, прожорство, пьянство, роскошь, блуд, прелюбодеяние, распутство, нечистота, воровство, разбой, убийство, нега, страсть по нарядам, игра в кости.

Корнем же всех зол служат сластолюбие, славолубие и сребролюбие, от которых рождается все худое.

Я, естественно, взял эти качества выборочно, а поразмышлять вместе с Сирианом поглубже можно, заглянув в томик «Антологии» – «Иоанн Лествичник», изданной нами в 2001 году.

Но простите за нескромный вопрос – кто из вас и когда говорил об этих проблемах со своими учениками? А со своими родными детьми? А кто, просто «сидя у камина», задавал сам себе вопрос: а как у меня-то самого со страстями и добродетелями?

Значит, надо начинать с себя. Надо самому проникнуться наукой, идеями, духом, светом гуманной педагогики и нести этот свет детям. Как овладеть этой «наукой», где найти источник этого «овладения»? Вновь обратимся к классикам.

«Благодаря теории – я знаю, а благодаря практике – я чувствую. Теория обогащает интеллект, практика расцветивает чувство, тренирует волю. “Я знаю” – не значит: “действую сообразно

тому, что я знаю». Чужие взгляды незнакомых людей должны переломиться в моем живом “я”. Из теоретических посылок я исхожу не без разбора. Отклоняю – забываю – обхожу – увилываю – пренебрегаю. В результате я сознательно или бессознательно получаю собственную теорию, которая и управляет моими поступками» [7, с. 185].

Вдумайтесь в эти слова Януша Корчака, и вам станет ясно, что богатство классики и есть тот неиссякаемый источник, на котором строится Школа Жизни.

Строя «Школу Жизни», распространяя идеи гуманно-личностной педагогики через многочисленные (уже на моих глазах) поездки по стране, через свои глубокие, насыщенные подлинной духовностью семинары в городах России и за ее пределами, Ш.А.Амонашвили прекрасно понимал, что необходимо дать в руки учителя подлинный источник классического педагогического мышления. Так родилась идея издания «Антологии гуманной педагогики», чаши педагогической мудрости, суть которой четко определил Шалва Александрович, когда мы начинали эту работу:

«Всю Антологию я вижу как четыре составляющих: богословие, философию, психологию, педагогику. В этом же самом проекте Антологии мой друг Д.Д.Зуев видит условно пять направлений: Мудрость древних, Восток, Запад, Россия, Современность. По этим направлениям мы и построили Антологию, совместив тем самым в Чаше Педагогической Мудрости Время и Пространство».

Новый этап нашего сотрудничества начался, когда Ш.А.Амонашвили пригласил меня на роль главного редактора этого уникального издания.

Сейчас можно утверждать, что первый этап задуманного мы прошли. Подготовлено 50 томов «Антологии», издано – 45. Десять книг по заказу Министерства образования вышли уже вторым изданием и находятся в библиотеках высших и средних педагогических учебных заведений страны. В 2004 году эти библиотеки пополнятся еще 15 томами по заказу Министерства. А всего, повторяю, вышло 45 томов. Над пятью последними книгами ведется интенсивная работа.

Повторю, что каждый комплект выстроен по пяти направлениям: Мудрость древних, Восток, Запад, Россия, Современная гуманная педагогика. Это диалектическое единство времени и

пространства, в котором тысячелетиями формировалось гуманное педагогическое мышление (вот почему, когда я употребляю по отношению к педагогике слово «наука», я беру его в кавычки).

Вот взгляните на это богатство: Иисус Христос, Соломон, пророк Мухаммед, Песталоцци, Толстой, Ломоносов, «И сказал Господь Моисею», Френе, Сухомлинский, Корчак, Вентцель, Будда, Монтессори...

Константин Николаевич Вентцель – удивительное явление педагогической мысли России. Искренне поверив в то, что революция 1917 года несет России подлинную свободу, он, лидер русского радикально-гуманистического педагогического движения начала XX века, провозгласил лозунг о необходимости отделения школы от государства! Написанная им в сентябре 1917 года «Декларация прав ребенка» на несколько десятилетий опередила аналогичную Декларацию, принятую ООН 20 ноября 1959 года, предвосхитила ее основные принципы. Вдумайтесь в строки декларации Вентцеля:

«– Ребенок во всех возрастах своей жизни в своей свободе и правах равен со взрослым совершеннолетним человеком <...>

– Всем детям должно быть предоставлено право участвовать в составлении тех правил, которыми регулируется их жизнь и деятельность. Каковы бы ни были эти правила, они должны быть одинаковы для всех, как для детей, так и связанных с ними взрослых <...>

– Ребенок или молодое поколение – это путь к грядущей свободе всех. Это естественный зародыш и зерно всех свобод» [4, с. 194–196].

В 1936 году Вентцель обращался в Государственную комиссию по выработке Конституции СССР с предложением необходимости дать школе полную свободу и отделить ее от государства.

Макаренко, Платон, Фромм, Зеньковский, Вернадский, Сергей Радонежский, Иоанн Лествичник, Лао-Цзы, Ганди, Конфуций, Руми.

Обратите внимание на эту «зеленую» – Восток – серию. Россия – это мост между Западом и Востоком. Но Восток старше, древнее нас, он тоньше, мудрее, организованнее нас. Мы, учителя, многому можем научиться у Востока.

...Сергий Радонежский, Локк, Каптерев, Монтень, Гогенбаши, Руссо...

Вспомним Конфуция:

«Когда благородный муж учит и воспитывает, он ведет, но не тянет за собой, побуждает, но не заставляет, указывает путь, но позволяет ученику идти самому. Поскольку он ведет, а не тянет, он пребывает в согласии с учеником. Поскольку он побуждает, а не заставляет, учеба дается ученику легко. Поскольку он лишь открывает путь, он предоставляет ученику возможность размышлять. Согласие между учителем и учеником, легкость учения и возможность для ученика думать самому и составляют то, что зовется умелым наставничеством» [6, с. 121].

Я убежден, что, когда учитель соприкоснется с этим богатством, он почувствует в себе и отточит в своем творчестве новые грани. Эта мудрость удивительно тонко и в то же самое время зримо показывает космическое (диалектическое) переплетение в гуманно-личностном педагогическом мышлении сложнейших категорий рационального и иррационального.

Выстраивая свои постулаты Веры учителя в Ребенка, видя в ребенке *Явление*, допуская существование в нем своей жизненной миссии, утверждая, что ребенок несет в себе *величайшую энергию Духа*, Ш.А.Амонашвили четко определяет его духовную, иррациональную сущность, опирается на нее. Когда же он говорит о движущих силах природы в Ребенке, выделяя его стремления (он называет их «стихийные страсти») к *Развитию, Взрослению и Свободе*, то имеет в виду вполне реальную целостную природу Ребенка.

Попробуем изобразить на схеме это стремление ребенка к трудному восхождению по лестнице-лествице (Иоанн Лествичник) – школы, понимая, что школьное образование – это огромный массив культуры, в который мы погружаем наших детей в надежде передать им опыт предшествующих поколений, включая их в процессе школьной жизни в сложную противоречивую жизнь общества. Само слово «школа» этимологически восходит к латинскому понятию «scala» – лестница, ведущая вверх.

Памятуя о том, что школа не «готовит к жизни», а живет вместе с нами нашей бурной противоречивой жизнью, проследим, как можно с позиции гуманно-личностной педагогики реализовать это восхождение, опираясь на содержание школьных учебных предметов, но опираясь, повторяюсь, на вершинную педагогику, в которой органично слились и реальный мир, и отношение к этому миру, то есть материальное и идеальное; рациональное и иррацио-

нальное; человек разумный и человек одухотворенный, — на пути восхождения ребенка к высшему образу человека благородного...

Душа ребенка, а это стержень, ось его «Я», по своему явлению в этот мир устремлена к совершенству. Колоссальная энергия духа, заложенная в каждом ребенке, его страсть к развитию, взрослению, страсть к свободе движут его к восхождению, к реализации своей миссии, изначально заложенной в нем.

Мудрый учитель любого предмета понимает, что ребенку нужны не просто знания, а знания, которые воплотят в себе образы всего лучшего, всего возвышенного, что одухотворено человеческой культурой и цивилизацией.

И в этом суть образования — той спирали, которой я на схеме окружил процесс восхождения человеческого «Я» по крутой лестнице его школьного пути.

Питая устремленную к высотам совершенства Душу ребенка высокими образами науки, культуры, искусства, примерами высокой общечеловеческой морали, питая тем самым его духовную основу-ось, — учитель выполняет свой долг перед родителями ребенка, доверившими ему свое самое ценное достояние, перед обществом, искренне верящим, что школа готовит достойное поколение.

«Лествица» восхождения не случайно делит спираль на две равные части.

И если правая часть спирали отражает (призвана отразить) в процессе передачи учащемуся знания природно-естественной картины мира, мира, который нас окружает, который мы познаем, опираясь на рационально-логическое мышление, на науку, сформулированные на ее основе закономерности (эту задачу наша школа более или менее успешно выполняет), то левая ее часть призвана дополнить, углубить, облагородить эту картину чувством органической сопричастности ребенка к духовной миссии Человека — частице Космоса, живущей на Земле. Раскрыть на конкретном материале каждого школьного предмета глубокую духовно-нравственную основу процесса развития и взаимодействия Вселенной — общества — человека. А для этого рационально-логического мышления недостаточно.

Только развивая одновременно с рационально-логическим ассоциативно-образное, иррациональное мышление, раскрывая духовный мир личности, «можно открыть дверь в будущее человечества». А вот этого наша школа делать пока не умеет.

ЧЕЛОВЕК БЛАГОРОДНЫЙ

Человек
одухотворенный

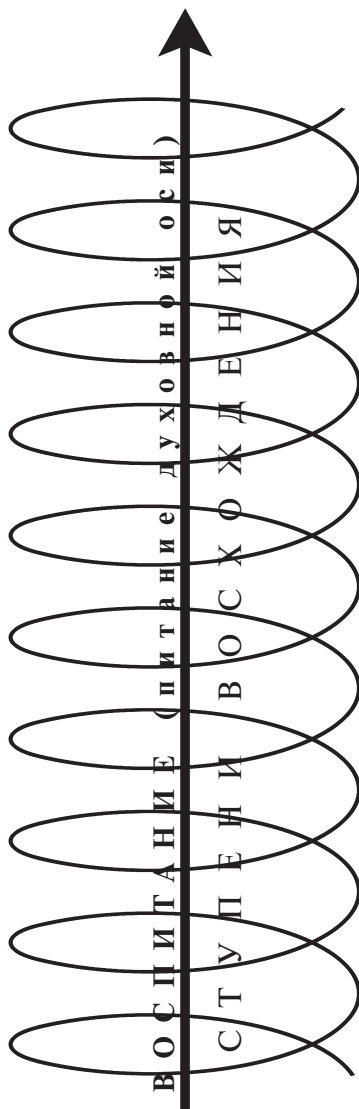
Художественное
отражение. Пафос.
Идеал народности.
Национальный
характер.

Красота речи. Ее
чистота. «...Из тех же уст
исходит благословение и
проклятие: не должно,
братия мои, сему так
быть» [Иак. 10]. Из
соборных посланий.

Скрытое и явленное
совершенство природы.
Красота бабочек,
цветов, шелест листьев,
полюбить молчаливый
гимн бора. Услышать
трепет осины...

Восторг. Любование.
Интуиция. Раскрытие
духовного мира...

Эмоционально-
целостное восприятие
мира. Духовный мир.
ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ.

Человек
разумный

↑ История
Математика
Химия
Физика

Содержание
художественных
произведений.
Специфика языка.
Основные факторы из
жизни писателя.
Определить род и жанр
произведения.
ЛИТЕРАТУРА.

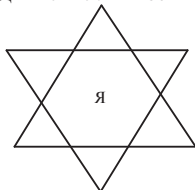
Слова. Фразы.
Правила грамматики.
Коммуникация.
Правила речи.
РОДНОЙ ЯЗЫК.

Дерево. Ствол.
Крона. Ветви.
Листья. Цветок.
Стебель. Пестики.
Тычинки.
БИОЛОГИЯ.

Реальный предмет
изображения. Стакан.
Кувшин. Букет.
ИЗО.

Знания. Навыки.
Изучение реальных
предметов и явлений.
РАЦИОНАЛЬНОЕ.

Движение Личности

По ступеням Школы

Достаточно взглянуть на намеченное мной (естественно, пунктирно) предметное содержание современных программ (а они по сути не меняются десятилетиями!), чтобы, с одной стороны, ответить на вопрос: почему советской общеобразовательной школе удалось вырастить поколение людей «разумных», «знающих» и «умеющих», людей, сумевших выйти в открытый космос, создать «водородную бомбу и кое-что другое», что является прямой заслугой советской школы. А с другой стороны, понять, почему, несмотря на гигантскую работу мощного государства (огромные усилия правящей партии, комсомола, школы!), нам не удалось создать, воспитать, вырастить нового Человека?! И сегодня, что с горечью мы вынуждены констатировать, у нас царит идеология дикого прагматизма, монетаризма, бездуховности.

В самом деле – на уроках биологии ребенок под нажимом учителя четко усвоит, что (см. на схеме справа – **БИОЛОГИЯ**) дерево состоит из ствола, сучьев, ветвей и листьев (кроны), что листья содержат хлорофилл, что они поглощают углекислый газ и выделяют кислород. Что леса – это легкие планеты. Все это ученик знает. Но, придя с компанией в лес, он с чистой совестью будет ломать эти самые сучья и ветви, безжалостно обдирая с них листья, жечь в костре... Почему?

Классик педагогики, мудрый философ И.А.Ильин, размышляя над этим явлением, проникновенно писал:

«...Надо направить его внимание на самые красивые и изящные явления природы и на их таинственную целесообразность. Рано еще затруднять его “объяснениями”, достаточно, чтобы он заметил совершенство, скрытое и явленное в мире. Пусть zalюбуется красотой бабочек и цветов, их нежными тонами, их изысканной, но хрупкой формой; пусть всматривается в величавое и легкое, а иногда грозное и глубокое зрелище облаков; пусть вслушивается то в рокот соловья, то в ликование иволги, то в ласковые переливы жаворонка; пусть полюбит молчаливый гимн бора, трепет осины, шелест березы, ропот дуба; пусть всматривается в добродушную задумчивость коровы и научится ласково говорить с ней; пусть оценит своеобразный ум коня, лукавое изящество кошки, верный взгляд собаки и ночной клич петуха. Пусть почует тайну природной жизни: дивную судьбу зерна, величие грозы, красоту инея, строгость мороза и ликование весны. И пусть понесет в сердце благоговение, чуткость и благодарность» (выделено мной. – Д.З.) [Цит. по: 1, с. 67].

Да, скажете вы, это красиво, это умно, но где взять на это время на уроке. Ведь программы забиты обязательным материалом, который надо выучить?!

Но тогда, не удивляйтесь тому, что наша сегодняшняя действительность такова, что не только человека благородного, а просто способного отстоять свое человеческое достоинство (помочь бы нашим внукам понять, что это такое) приходится искать днем с огнем!..

Да что мы, Россия?!

Для всего мира, казалось бы, самый просвещенный в истории человечества XX век стал самым кровавым веком...

Где выход? И тут невольно возникает другой вопрос: а не пора ли вернуть России подлинного Бога, веру в наличие Высшего Разума и тем самым навсегда исключить для моих внуков и правнуков необходимость идти тем же тяжелым и во многом грязным путем, по которому пришлось идти мне под знаменами *очередных божков*, взращенных на *страхе и духовном невежестве* народа?!!

Не пора ли вспомнить заветы великого В.И.Вернадского, который в столь же смутные для России времена, в марте 1918 года, записал в своем дневнике:

«Где искать опоры? Искать в бесконечном, в творческом акте, в бесконечной силе духа <...> Нельзя отложить заботу о вечном и великом на то время, когда будет достигнута для всех возможность удовлетворения своих элементарных нужд. Иначе будет поздно. Мы дадим материальные блага в руки людей, идеалом которых будет – “хлеба и зрелищ”. Есть, пить, ничего не делать, наслаждаться любовью. Неужели учитель может удовлетвориться, когда он будет воспитывать Скалозубов, Молчалиных, жадных до денег банкиров, обжор, эгоистов...» (выделено мной. – Д.З.) [5, с. 159–161].

Лишь объединив в единой идеологии общества рациональное – материальное и иррациональное – духовное; положив в основу педагогического процесса в школе *питание духовного стержня* ребенка, духовной оси восхождения его к вершинам человеческой личности – к человеку Благородному, – можно говорить о том, что общество выполнит свой долг в отношении к подрастающему поколению.

Литература

1. *Амонашвили Ш.А.* Школа жизни. М., 2000.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990.
3. *Булгаков С.Н.* Природа в философии Вл. Соловьева // Вл. Соловьев: pro et contra. СПб., 2002.
4. Вентцель: Антология гуманной педагогики. М.: ИДША, 1999.
5. Вернадский: Антология гуманной педагогики. М.: ИДША, 2001.
6. Конфуций: Антология гуманной педагогики. М.: ИДША, 1996.
7. Корчак: Антология гуманной педагогики. М.: ИДША, 1998.
8. *Любичева Е.В.* Школа в новом мире // Материалы Международной научной конференции «Восток–Запад». СПб., 1995.
9. *Мень А.В.* Тайнство, слово и образ. Л.: Ферро-Логас, 1991.
10. *Неменский Б.М.* Приглашение к диалогу. Борис Неменский: друзья, ученики, соратники. М.: МИОО, 2003.
11. *Моисеев Н.Н.* На пути к нравственному императиву // Экология и жизнь. № 4/97–1/98.
12. Ушинский: Антология гуманной педагогики. М.: ИДША, 1998.
13. Цит. по: Иоанн Лествичник: Антология гуманной педагогики. М.: ИДША, 2001.

Е.Н.ЧЕРНОЗЕМОВА,

*доктор филологических наук,
профессор Московского государственного педагогического
университета им. А.И.Герцена,*

Москва

ИДЕИ КОСМИЗМА В ТРАДИЦИОННОЙ ШКОЛЕ. ВНУТРЕННИЕ РЕЗЕРВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Сегодня становится особенно ясным и очевидным, что идеи космизма должны не только лежать в основе образовательной концепции, но и составлять сущность ее наполнения, содержания, дидактики.

Признание и осмысление вписанности человека в универсум ведут к осознанию особой миссии каждой личности, осмыслению ее места во Вселенской иерархии, утверждению в педагогической практике отношения к ней как к субъекту, а не объекту формирования, образования, воспитания.

В школьной и вузовской повседневности редко ведутся разговоры, основанные на высокой лексике – Честь, Доблесть, Достоинство, Вселенная, Космос... Слишком велик разрыв обыденности и долженствования. Но это вовсе не означает того, что разговор такой невозможен. *Прекрасную возможность обсуждения вопросов, связанных со смыслом жизни, предназначением человека дает литературный материал.* К нему особенно важно обратиться в момент, когда долго и обстоятельно, но без достаточного успеха обсуждается вопрос о духовном воспитании школьников путем введения в школьную практику курсов основ православной культуры. Сложившаяся в светских традициях школа будет еще долго занимать по поводу такого внедрения охранительную позицию. Но ее внутренние ресурсы могут и должны быть активизированы в формах, которые не вызывают никакого протеста и зачастую вообще не воспринимаются как новые.

Огромный потенциал заложен в творчестве авторов, вошедших в школьную программу. Но начнем разговор с обновления круга обсуждаемых с учащимися произведений.

В школьной практике была апробирована работа с текстами сказок московской писательницы последней трети XX века Н.К.Абрамцевой, часто обладающими открытыми финалами, всякий раз приглашающими к размышлению, сотворчеству и в равной степени приемлемыми как для обсуждения в начальной школе, так и в старших классах. Именно эту адресованность разновозрастной аудитории подчеркивает название одного из итоговых сборников писательницы – «Сказки для добрых сердец».

Сама творческая и человеческая судьба Натальи Корнельевны Абрамцевой (1954–1994) служит подтверждением прямой связи человека с особым, им самим творимым миром созидательных, высокого напряжения энергий и является ярчайшим уроком мужества.

Автор двенадцати сборников сказок, в числе которых такие книги, как «Сказка о веселой пчеле», «Сказки для добрых сердец», «Сказки тетушки Мэгги», «Рождественские сказки» и др., и сотен публикаций в России и за рубежом – в Германии, Венгрии, Бельгии, Швейцарии, во всех странах Латинской Америки; ведущая рубрики «Наташина сказка» в «Вечерней Москве»; член Союза писателей России с 1990 года, в совершенстве знавшая английский и испанский, по работам которой поставлены мультфильмы «Щенок и старая тапочка», «Осенняя встреча», «Голубое небо»; автор, вошедший в число 30 выдающихся российских сказочников, объединенных в единый итоговый для XX века сборник «Ключ Земли»; писательница, создававшая свои произведения сразу в законченном варианте, почти не внося правок; пораженная почти сразу после рождения малоизученной болезнью, по медицинской статистике приводящей к гибели к восьми годам, – Наталья Корнельевна благодаря творчеству побеждала ее на протяжении десятилетий, выйдя победительницей из поединка с судьбой. Таков портрет этой мужественной, талантливой женщины, рано ушедшей из жизни.

Тексты сказок Н.Абрамцевой заставляют остановиться в повседневности, взглянуть на привычное с особого, предлагаемого писательницей ракурса и увидеть невидимые взаимосвязи, всмотреться в себя, в свои реакции и чувства, осознать, чем ты наполняешь мир, не мешаешь ли проявиться мимолетной нежности, которая сможет развиваться в светлую и сильную энергию.

Текст «Солнечной сказки» Н.Абрамцевой обсуждался с учениками 8, 9, 10 классов, всякий раз вызывая размышления, помогая осмыслению, способствуя открытиям. С помощью текстов писательницы оказалось возможным затронуть вопросы, при обсуждении которых современные школьники с поразительной смелостью суждений и философской осмысленностью давали точные нравственно-этические оценки отнюдь не простым проявлениям жизни духа. Оговорюсь сразу, что в ряде случаев такие оценки нуждались в грамотной коррекции учителя. Для того чтобы оценить глубину высказываний школьников, давайте познакомимся с основными положениями анализируемого текста.

Маленький теплый и яркий солнечный Лучик, живущий в огромной Вселенной, путешествующий по Солнечной системе и мечтающий согреть и осветить весь холодный и темный Космос, наделен в тексте четко выраженными нравственными чертами. У автора произведения нет сомнений в одухотворенности всего космического пространства, в котором живут своей жизнью планеты, Солнце с огненной бородой и гривой и неумолимый Закон Природы. Побывав на Земле, Лучик, одухотворенный человеческим представлением о Вселенной – словами земной женщины «Весь мир пронизан Солнцем», – решается на то, чтобы вопреки запретам Закона Природы вырваться за пределы Солнечной системы и озарить темное пространство. По замечанию автора, Закон Природы порой вовсе не так жесток, как кажется. Он вернул замерзающий Лучик в солнечную корону, где тот сразу же согрелся, но, непреклонный и строгий, потребовал от Солнца лишить беглеца способности понимать человеческую речь. Солнце за многие миллионы лет впервые ослушалось приказа. «Отчего, кто знает...» – оставляет открытым финал сказки писательница [1, с. 106–109].

На занятиях работа с текстом велась в нескольких направлениях.

Одним из самых важных среди них было выяснение вопроса, оставшегося открытым: почему Солнце не лишило Лучика способности понимать человеческую речь. Изучая композицию произведения, выясняя, с чего началось межпланетное путешествие Лучика, читатели приходили к выводу, что на самоотверженный рывок маленького героя подвигло человеческое слово. Ответы на

оставшийся открытым вопрос варьировались от утверждения, что ни один родитель никогда не станет лишать свое чадо дарованных ему способностей, до предположения, что, обнаружив разум на других планетах, лишенный дара понимания, Лучик не сможет ни оценить находки, ни рассказать о своем открытии. Возникла и глубокая мысль о том, что Солнце в союзе с человеком может нечто большее, чем уготовано Законом Природы.

Интересным оказался вопрос нравственной оценки поступка маленького Лучика, его упорства в непослушании. Способны ли современные школьники «воспевать безумство храбрых»? Работа над текстом велась по методике аудирования, позволяющей сформировать отношение к тексту, помогающей сформулировать отношение к происходящему в нем, когда учитель предлагает выбрать вариант ответа на заданный вопрос. В самом деле, не так-то просто решить, имеет ли смысл восставать против Закона Природы, даже если тобою движет самое чистое и яркое устремление. Рационалистические суждения о том, что нарушать Закон Природы глупо и бессмысленно, звучали, но в абсолютном большинстве были те, кто считал, что сама устремленность к большему, чем дано, к более совершенному, оправданна и заслуживает уважения, особенно если в ее основе лежит забота о Красоте, о Счастье и Справедливости.

Интересными и отчасти неожиданными оказались и ответы на вопрос, что бы могли обсудить современные школьники с Законом Природы, доведись им с ним встретиться. Удивило то, что их не интересовал вопрос бесконечности земного бытия. Десятиклассники, выказав зрелость суждений, совершенно справедливо посчитали его ненужным и бессмысленным. Интересным и важным для обсуждения им показался вопрос о равномерном, рациональном распределении тепла на планете.

Не менее тонкие и существенные вопросы представилось возможным обсудить при работе над текстом Н.Абрамцевой «Как кошка на дачу собиралась». В нем говорится о том, что собирающуюся на дачу семью останавливает дождь, внезапно налетевшая туча. Начинающейся неразберихе в доме решает положить конец кошка Мурзетта, которая с удивительно точно описанной автором пластикой пробирается на крышу и вступает в разговор с тучей на языке, *«который знают и слышат кошки и собаки, деревья, цветы, крокодилы, тучи, реки и бабочки, —*

короче говоря, все, все, все, кроме людей». Кошке удается убедить тучу лететь в соседнюю область, где «*посадили что-то важное*», в доме вновь воцаряется мир, и путь на дачу оказывается свободным [2, с. 89–92].

В числе прочих школьники обсудили два особенных вопроса. Первый из них касался того, существует ли язык, на котором кошка договаривалась с тучей. Вопрос этот современным школьникам оказывается вполне понятным, и отвечают они на него положительно, приводя собственные примеры из жизни, к примеру, о фиалках, которые погибали, не желая цвести, но зацвели после того, как по совету продавца цветочного магазина обескураженная мама их все-таки отругала. Второй вопрос ставился так: «*Действительно ли домашние животные меняют атмосферу в доме, влияют на самочувствие и настроение людей?*» И здесь ответ оказывается всякий раз положительным, причем примеров из жизни приводится множество, обсуждаются они с явным интересом и удовольствием.

Такие беседы, поводом к которым служат тексты Н.Абрамцевой, позволяют обсудить важные и сложные проблемы: не называя понятий «тонкий мир» или «тонкие энергии», говорить именно о них, запечатленных в знаменитых строках стихотворения «*Не то, что мните вы, природа*» Ф.И.Тютчева, 200-летие которого отмечалось в декабре 2003 года:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...* [6, с. 93].

Важно найти пути своевременного разговора со школьниками о явлениях подобного рода *на понятном им языке без упрощения* и профанации, напротив, — вырабатывая иммунитет против передергивания, выхолащивания глубоких идей, которые, становясь модными, вместо того, чтобы возвышать души, лишь способствуют коммерциализации целых проектов по их бездушной эксплуатации.

Еще более глубокий и насыщенный материал для обсуждения дают поэтические тексты, в которых запечатлена *память жанров духовной письменности* — молитвенность, исповедаль-

ность, притчеобразность – качества, *отражающие сущность взаимоотношения человека с Космосом и Вселенной, подчиненность их законам.*

Свои богатые возможности существуют у курса зарубежной литературы филологических факультетов высших учебных заведений. Здесь есть время и место, отведенное программой, для *светского осмысления жанровых традиций духовной письменности.* Одинаково успешно и в старших классах школ, и на младших курсах высших учебных заведений проходят занятия, в ходе которых на историко-литературном материале рассматриваются жанровые черты притчи, молитвы, исповеди, проповеди. Внимательный подход к структуре каждого из жанров и их функциям позволяет увидеть заложенную в них традицию общения с Высшими Силами, веками формально отстоявшееся выражение единственно возможного способа жить в согласии с Богом, Космосом, Вселенной.

Рассматривая с теоретико-литературных позиций этапы *творения молитвы*, возможно осознать каждый из них как *акт культуры*: каноническое название Бога по имени служит точнейшим способом отнесения человека к той или иной культуре; в обязательном назывании свойств Бога (Всевидящий, Всеслышавший, Всеблагий, Вездесущий) видятся свидетельства того, что человек отдает себя во власть Высших Сил, признавая их всемогущество и устремленность к справедливости и добру. Происходит и *осознание колоссального потенциала самовоспитания*, заложенного в акте молитвы, особенно в части формулировки просьбы при обращении к Высшим Силам. Монологичная по внешним признакам молитва является глубоко диалогичной по своему существу. Поскольку по самой своей функции она является обращением, ее следует воспринимать как *реплику человека в диалоге со Вселенной.* При этом человек, безусловно, находится в положении ожидающего ответа, иначе бы он просто не вступал в такой диалог.

Диалогичность молитвы проявляется и в *необходимости для человека договориться с самим собой.* Всякий раз, обращаясь к *Всевидящим Силам*, ему приходится договориться с собой о том, что он готов к такому общению, что он в достаточной мере *чист и открыт* для того, чтобы пред ними предстать. К тому же нужно осмыслить и договориться с собой о том, что на формулируемую просьбу просящий действительно имеет право. Между Все-

ленной и человеком будто бы установлен договор, сформулированный в заповедях, жанровая функция которых – *обращение Вселенной к человеку*, объяснение ею тех законов, соблюдая которые, человек только и сможет оставаться человеком. Нарушение каждого из них меняет нечто в человеческой природе, мешая жить в гармонии с миром и с собой. Обращаясь к Высшим Силам, человек никогда не может просить о том, что запрещено заповедями. Таким образом, внутренний диалог с собой, продиктованный внешним диалогом с Мирозданием, оказывает на человека мощное воспитательное воздействие.

Столь же поучительным и показательным оказывается и рассмотрение хронотопа молитвы: особенностей организации в ней пространства и времени, связывающих конкретно-исторический момент и точно фиксируемую географическую точку с Бесконечностью и Вечностью, демонстрирующих вписанность человека в Мироздание. Отметим, что и сама этимология слова *молитва* некоторыми учеными возводится к слову *мелос*, однокоренному со словом *мелодия* и означающему *соединение* (как и корень *лиг* в слове *религия* – значение которого прочитывается, как *восстанавливающая связи, объединяющая заново*).

Этот *разговор на светском языке о духовных традициях* многовековой родной культуры вполне возможен в рамках устоявшихся принятых программ и, более того, совершенно необходим. В то же время важно, чтобы структурный анализ литературного материала не замыкался на констатации правил построения, но всякий раз выходил в область функции жанра. Именно этот аспект разговора неизбежно приведет к выявлению смысловых глубин многовековых духовных традиций.

Реализуя принятые программы, важно видеть *готовность сегодняшних школьников и студентов к глубокому и серьезному разговору о труднейших философских вопросах*. В связи с 200-летием Ф.И.Тютчева возник особый повод для обращения к его философской лирике и разговору о Слове, который велся со вчерашними школьниками, не отличающимися какой-то особой начитанностью, – студентами первого курса факультета теле- и радиожурналистики Гуманитарного института телевидения и радиовещания им. М.А.Литовчина. В его ходе возникло определение, сформулированное самими студентами: «Слово – это энергия». И еще раз оказалось, что сама широта взгляда на

проблему задавала особый эмоционально-нравственный тон и ситуацию, в которой оказывалось невозможным обойти этические вопросы. Безусловно, под влиянием строк стихотворения Ф.И. Тютчева «Последний катаклизм» [6, с. 45]:

*Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них! —*

возник вопрос о том, что будет в конце, если «в начале было Слово».

«Интересно, что же будет в конце? И будет ли этот самый конец?» И предположение, *«что если правда то, что “все возвращается на круги своя”, и истина то, что “Вселенная кончается в своем начале”, значит, и “конец” наступит лишь, когда все и вся вернется к своему началу, и раз оно было в начале, то и в конце будет... Да! Именно! Оно! Слово!*

Оно не должно становиться орудием такого писателя, поэта, вообще кого бы то ни было, кто не чувствует, не осознает всю силу и мощь, заложенную в этом — самом первом и самом могущественном понятии — Слово! Им — Словом — может воспользоваться любой желающий. Какую цель при этом будет он преследовать — известно лишь ему одному. И, значит, именно здесь, с наибольшей силой снова встает вопрос об обязанности. О той обязанности перед обществом, если хотите — человечеством, которую пишущий, глаголющий сам же и возлагает на себя. Одним лишь словом можно испепелить города и страны. И одно же только слово способно вернуть к жизни целые народы».

(Георгий Ландау. «В начале было Слово...»)

При размышлениях о Слове возникали припоминания-озарения, которые осмысливались по-новому: посещение аскетично обставленного только что отреставрированного храма, в котором поразила и подтолкнула к осмыслению своих ощущений надпись: «Слово есть сущность».

«Буквы, написанные славянской вязью, странно притягивали к себе. Они просто завораживали своей уверенной непререкаемостью. И еще в них скрывалась какая-то глубокая тайна, которую непременно захотелось разгадать».

Дальше догадки, что слова “сущность” и “существо” – однокоренные, я продвинуться не могла. Но и этого на первых порах было достаточно, и это было очень важно. Ведь словом “существо” мы обозначаем всех земных носителей жизни. Стало быть, слово есть жизнь? И, произнося речи, фразы, их обрывки, мы творим недоступную нашим органам восприятия жизнь? Значит, когда мы прекратим свое земное существование, все сказанное нами будет продолжаться где-то жить?

Я не могла не поделиться своим сенсационным открытием с человеком, который, по моему мнению, был кладезем знаний. Много интересного он мне рассказал.

Оказывается, каждый звук человеческой речи обладает своей энергетикой. Эти самостоятельные энергии, вступая в определенные комбинации в пределах какого-либо слова, сообщают ему положительный или отрицательный заряд. Человечество знало (или догадывалось) об этом с незапамятных времен. Поэтому слова не возникали сами по себе – их “строили” жрецы по им одним ведомым законам. Даже в наш просвещенный век люди, отчаявшиеся избавиться от болезни методами традиционной медицины, продолжают обращаться к помощи бабушек-знахарок. И, говорят, они, пробормотав над больным несколько бессвязных слов, помогают иногда. Мне известно два таких случая.

Не мешало бы каждому человеку, прежде чем произнести вслух какие-то слова, повторить про себя как заклинание знаменитую формулу, используемую врачами: “Не навреди!” И как знать, может быть, все наговоренное и написанное нами – хорошее и плохое, оседает где-то в четвертом или пятом измерении, сплетаясь в кокон для наших душ, которые рано или поздно отлетят от земли».

(Елена Соя. «Слово о Слове»)

Всякий раз размышление о сущности Слова выводило в масштаб Вселенной, заставляя обращаться к своему опыту, ища в нем поддержку догадкам, попыткам сформулировать ускользающее:

«Вопрос “что такое слово?” служит толчком на пути самопознания.

Думаешь о слове “вес”, даже не о самом слове, а о его сущности, и представляется что-то подвешенное в воздухе, непонятное. То же самое со словом “расстояние”. И особенно со словом “время”. Без

контекста абстрактные величины ничего не значат. Это неопределенность, а думать, что такое “неопределенность” по своей сути – все равно, что представлять себе бесконечность Вселенной.

Люди легко говорят о бесконечности лишь потому, что не представляют себе ее и не отдают отчета в том, что почувствовать ее можно **только на миг** и только испытав **истинную** чистую всепоглощающую **любовь**. Этот миг невозможно запомнить, так как мозг оказывается гораздо слабее, ниже и проще по своей сути, чтобы осознать неведомую ему энергию. Остается только **знание**, что этот миг существует».

(Илья Кириенко. «Трудно назвать»)

Прекрасные размышления оказались запечатленными в точных, заставляющих думать названиях работ: «Слово и ядерная бомба. Найди 10 отличий» (Александр Заборовский), «На Слово не стоит вешать табличку с надписью – слово...» (Дмитрий Вадиш), «Слово – тот инструмент, на котором нужно играть и не фальшивить» (Сергей Абрамов), «Если исчезнет слово, то исчезнет и вся цивилизация» (Дарья Конюхова).

Кроме того, существуют литературные произведения, требующие грамотного подхода и комментариев и дающие богатые возможности для разговора о вечных проблемах и величайших человеческих ценностях. К их числу относятся «Божественная комедия» Данте, «Потерянный рай» Мильтона, «Фауст» Гёте. В каждом из них присутствует межпланетарный полет, и зримое соприкосновение человека с силами, строящими Вселенную, и участие человека в этом строительстве. На примере любого из них возможно показать, как в ту или иную культурно-историческую эпоху понимались роль и место человека в Мироздании, трактовалась проблема свободы воли и смысла человеческого существования, какие из сформулированных идей оказались непререкаемо вечными. Всякий раз у читателя есть возможность поразиться глубиной проникновения и вселенским масштабом повествования любого из названных авторов.

«Божественная комедия» завершается межпланетарным полетом Данте и Беатриче, приближавшихся к Божеству, которое виделось им сиянием трех сливающихся и все же остающихся отдельными огненных шаров. Человек, по Данте, соединяет

(легирует) собою прошлое, настоящее и будущее, мир живых объединяет с миром ушедших душ и в состоянии делать это, впус- тив в свою душу и сердце Божественную любовь, «что движет Солнце и светила».

Богатейший материал для обсуждения дает «Потерянный рай» Джона Мильтона, который встречался в Италии с Коперни- ком. В его поэме поражает масштаб видения Вселенной и взгляд на Землю из глубин Космоса:

*Всю сферу оглядел он без труда, —
Поскольку высоко был вознесен
Над медленно кружащимся шатром
Длиннейшей тени Ночи, — от Весов,
От их восточной точки, до Овна,
Что Андромеду за рубеж увлек
Атлантики, за дальний горизонт.
От полюса до полюса обвел
Он взором ширь. Внезапно прынул вниз,
К светилам ближним. Быстро и легко
Сквозь чистый воздух мраморный скользнул,
Лавируя среди небесных тел
Несметных. Звездами издалика
Они ему казались, но вблизи
Явились, как миры, как острова
Блаженные...
Лишь Солнце золотое, из светил
Ярчайшее, влечет его: к нему
Он мчится, средь вселенской тишины
(От центра или к центру, вверх иль вниз,
Вишь или вдоль, — определить нельзя) [3, с. 87–88].*

Архангел на страницах произведения Мильтона, отвечая на угошение Адама, говорит, что ангелы питаются совсем по-друго- му, преобразуя энергии. Сам Бог-Отец объясняет Адаму, что все сущее он создает лишь с одной целью — чтобы было кому любить созданный им мир. Любое существо приходит в мир для любви к миру, к Богу, к себе подобным.

Произведение, написанное в последней трети XVII века, ставит проблемы, актуальные и сегодня. На его страницах ведет-

ся поиск ответа на вопрос, как устроен мир и дано ли человеку постичь его устройство и строение. Пытливый Адам обращается за разъяснениями к Архангелам и получает ответ, к которому приходят ученые и сегодня: в основе любого знания лежит вера. Существуют глубочайшие истины, проверить которые не представляется возможным. Мильгоновский Архангел Рафаил утверждает, что Творец умышленно отделил Небесное от Земного для того, чтобы не искушать Человека и пресекать его самонадеянность в стремлении к пониманию того, что им не может быть осознанно:

*Творец
От человека скрыл свои пути
И небо от Земли Он отдалил,
Дабы самонадеянность людей
В предметах высочайших, для ума
Людского недоступных, потерялась
И не выгадывала б ничего [4, с. 119–122].*

Архангел говорит Адаму о том, что мудрость состоит в том, чтобы «*Не отравлять / Тревожным суесловием услад / Блаженной жизни, от которой Бог / Заботы и волненья удалил, / Им повелев не приближаться к нам, / Доколе сами их не привлечем / Мечтаньями пустыми и тщетой / Излишних знаний. Суетная мысль, / Неукротенное воображенье*» [4, с. 122–124], – вот что мешает Человеку быть счастливым. Рафаил пытается научить Человека правильному обращению со Словом. И основой его поучения становится совет не ставить перед собой ненужных вопросов.

Придя с поручением ответить на вопросы Адама, некоторые сведения о строении мира Архангел передает в вопросительной форме, как догадку, которую стоит осмыслить, додумать:

*Что, если Солнце в центре мировом
Находится, а сонмы прочих звезд
Двум силам притяженья подчиняясь, –
От Солнца исходящих и от них
Самих, – окрест него, за кругом круг
Описывают? [4, с. 122–124].*

Знание имен вещей не всегда является гарантией знания сути, постижения истины. Вспомним о том, что Архангел Михаил считал более важным понимание Человеком необходимости добровольной подчиненности Божественному началу, чем умение называть по именам звезды и миры:

*Постигнув это — знаньем овладел
Ты полностью и не питай надежд
На большее, хотя бы имена
Всех звезд узнал и всех эфирных сил,
Все тайны бездны, все, что создала
Природа, все, что в Небе, на Земле,
В морях и воздухе сотворено
Всевышним... [5, с. 575–579].*

Но порой имя приоткрывает суть явления, дарует понимание истины. Так, рассказывая о том, как Адам должен стремиться к искуплению и выстраивать Рай в своей душе, Архангел Михаил объявляет, что сделать это можно с помощью Любви, но той, что зовется милосердием, Любовью к ближнему: *add love, / By name to come called Charity* [5, с. 583–584]. Это не любовь к себе, не любовь к женщине и не любовь к жизни, а скорее, любовь к своим обязанностям — способности помогать, облегчать жизнь близких и радовать их. На слух *Charity* созвучно слову *Cherubim* (херувим — др.-евр. *Kerubim* — ангел-страж). Стать стражем жизни, ангелом-хранителем своих близких — участь, достойная Человека, — вот о чем говорит суть слова, не равного слову *Love*, у которого есть свой круг употребления. Слово созвучно и с греч. *хариты*, значение корня слова то же — «милость», «доброта». Так называли благодетельных богинь, дочерей Зевса.

Само описание Солнца Мильтоном и роли светила в строении Мироздания может послужить прекрасным материалом для сравнения с традициями русской поэзии. Приведем эпизод из Мильтона:

*Великого светила он достиг,
Сиянье изливавшего на рой
Обычных звезд, кружащихся вдали
От взора Властелина. Хоровод
Созвездий отмеряет плавный ритм
Дней, месяцев и лет, вертясь вокруг*

*Источника живительного света,
Иль, может, Солнце направляет их
Усиьем магнетических лучей,
Дарящих благотворное тепло
Вселенной, проникающих везде, —
В земные недра и морскую глубь
Незримо [5, с. 88].*

Здесь возможен выход к анализу своеобразия жанрового слова, сопоставление эпичности Мильтона со сказочностью тона «Солнечной сказки» Н.Абрамцевой и с традициями философской лирики Ф.И.Тютчева, абсолютно по-своему передающего ощущение того же межпланетарного полета, но уже не в безвоздушном пространстве, а вместе с планетой Земля. Вот куплет из тютчевского стихотворения «Как океан объемлет шар земной»:

*Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены [6, с. 54].*

Работа по сопоставительному анализу поэтических произведений, запечатлевающих грандиозность Мироздания, была проведена с учащимися 10-х классов московского лицея № 1536. В число анализируемых произведений были включены «Утреннее размышление о Божием величии» М.В.Ломоносова, поэма Г.Р.Державина «Бог». Вспомним ломоносовские строки:

*Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят [7, с. 71].*

Результатом стали словесные эскизы и зарисовки, размышления, из которых следовало, что у юных читателей стал меняться взгляд на современников. Прочитаем одно из интересных суждений:

«Солнце, Вселенная, Вечность... Думаю, вряд ли найдется человек на Земле, хотя бы однажды не задумывавшийся над тем, что такое Вечность; где или чем ограничена Вселенная и ограничена ли вообще; что есть Солнце, точнее, его природа... Но так ли много на нашей драгоценной планете жило и живет людей, развивших эти мысли в трактатах, теориях... Во всяком случае, склоняюсь к мысли, что таковых должно быть все-таки больше, чем тех широко известных людей, творения которых можно встретить даже в школьных пособиях».

(Каринэ Демурчян)

Многое в образовательном процессе изменится, если каждый учитель признает, что освоение свода знаний не является целью образовательного процесса, а служит средством осознания человеком своего положения в мире. Расширение границ осознаваемого мира непременно приводит к преодолению банальных ошибок, допускаемых современным человеком в целеполагании. Познание законов жизни Космоса имеет, прежде всего, не образовательное, а воспитательное значение: способствует уходу от примитивной потребительской позиции, навязываемой идеологами и менеджментом общества потребления, от ненужных тщеславных треволнений, вырабатывает представление о достоинстве, самоуважении, упорство в отстаивании своих позиций и достижении целей.

Одним из важнейших положений, которое должно быть осознано и принято, становится признание жизни духа, которая остается за пределами обсуждения при разработке дихотомии «душа – тело». Одно только наблюдение за языком показывает, что выражение «делай, как твоей душе угодно» или «сделал, как Бог на душу положил» имеет осуждающий, отрицательный смысловой оттенок. И в повседневности человек знает и замечает, что потешить свою душу – не означает пережить счастливые, высокие моменты. Счастье оказывается достижимым только в преодолении того, что делать было трудно, может быть, вовсе не хотелось, но что делалось вопреки утехам, к чему вело некое высшее знание, устремленность духа – того начала, которое связывает человека с велением Космоса, Вселенной.

Литература

1. *Абрамцева Н.К.* Солнечная сказка / Сказки для добрых сердец. М., 1997.
2. *Абрамцева Н.К.* Как кошка на дачу собиралась / Сказки для добрых сердец. М., 1997.
3. *Мильтон Дж.* Потерянный рай / Пер. с англ. *Штейнберг А.* СПб., 1999.
4. *Мильтон Дж.* Потерянный рай. Кн. VIII. СПб., 1999.
5. *Мильтон Дж.* Потерянный рай. Кн. XII. СПб., 1999.
6. *Тютчев К.Ф.* Стихотворения. Письма. М.: Современник, 1978.
7. *Ломоносов М.В.* Избранное. М.: Правда, 1984.

М.Н.ДУДИНА,

*доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики
Уральского государственного университета,
Екатеринбург*

ПРИРОДА И ИСТОРИЯ: ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ

*Есть дух Истории безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли.*

М. Волошин

XX век стал временем бурного развития научного знания, все более возрастающей его космизации в нашей стране и за рубежом. Однако образование оказалось в стороне от системного и достаточного преподавания истории тех процессов, благодаря которым 3000 лет назад человек обрел себя как поразительный исторический феномен. В то же время именно образование, в частности преподавание истории, открывает вопрос о времени и месте всего происходившего. Историческое пространство-время определено Космосом и нашей планетой Земля. История человечества составляет незначительную часть истории всей жизни на Земле, а время его существования необычайно мало в сравнении с существованием всего растительного и животного мира на нашей планете. Отличием истории в сравнении с природой (которая существует сама по себе) является ее существование в природе. Природа есть основа истории. Разумеется, у природы тоже есть история, и она, как и история человечества, необратима. Однако природа не осознает себя, как и свою собственную историю. Человек же как рефлексирующее существо осознает себя в истории природы и человечества и пишет историю природы и историю человечества. Отсюда следуют важные для образования выводы:

- а) историю надо рассматривать в контексте природы, в связях с происходящими в ней процессами;
- б) жизненный процесс природы и истории характеризуется бесконечным возникновением и исчезновением, гибелью и рождением;

в) единое развитие человеческого рода протекает как развитие цивилизаций, человеческих культур, существующих изолированно и соприкасающихся, обогащающих друг друга.

«Мы, люди, являемся природой и историей одновременно, — писал К.Ясперс. — *Наша природа являет себя в наследовании, наша история — в традиции*» [16, с. 244]. В наследовании природности человек не меняется в течение тысячелетий. Он поразительно стабилен как природное существо и не менее поразительно изменчив как существо социальное. Ясперс заметил также: «...Нет в веках такой духовной ценности, которой бы мы надежно владели. Исторический процесс может прерваться, если мы забудем о том, чего мы достигли, или если достигнутое нами на протяжении истории исчезнет из нашей жизни» [16, с. 244–245]. Иначе говоря, людьми человека делает традиция, а не наследование, не природа, а общество. И следовательно, духовный процесс движет историю, которая сама меняется под его воздействием. Вот почему возникновение религий мира в осевом времени истории (по определению Ясперса) оказало решающее влияние на духовное развитие человечества. Загадку своего существования в огромном мироздании беспредельного пространства, в бесконечном потоке времени как загадку пространства-времени почувствовал человек давно. «На крошечной планете безграничного космоса в течение краткого мгновения, длительностью в какие-нибудь несколько тысячелетий, происходит нечто, и происходит так, будто оно есть всеобъемлющее, подлинное. На этой исчезающей в просторах космоса песчинке с появлением человека пробуждается бытие, — так писал Ясперс, которому не довелось дожить до того времени, когда из окна иллюминатора космического корабля люди увидели Землю, изолированную в космическом пространстве. — <...> Эта изолированность, — резюмирует Ясперс, — превращает человечество в соотносенную только с самой собой действительность самопонимания. Эта изолированность в космосе составляет реальную границу истории» [16, с. 246–247]. Человек как исторический феномен мыслящего сознания и бытия осознает поразительный факт изолированного существования в беспредельном пространстве и времени в течение 6000 лет. Только половину из них он осознал себя в философии истории, если смотреть на человека извне, а если изнутри — он древний. Таков человек как поразительный исторический феномен.

Справедливости ради заметим, что редкий учитель на уроках истории вводит детей в данную проблематику. Традиционно в школе изучают естественнонаучные и гуманитарные дисциплины, и так же традиционно учащиеся приучаются изучать природу, проникать в ее тайны, отмечая, что овладение природой, покорение ее дает человеку источники энергии, новые материалы и продукты питания. Реже в школьном образовании дети учатся благоговеть перед природой, бескорыстно восхищаться ею, любоваться и преклоняться перед ней. Утилитаризм, прагматизм по отношению к природе привели к пафосу ее покорения. Такое изучение природы вне изучения истории человечества (или одностороннее – покоряющее – к ней отношение) закрывает путь к обретению учащимися понимания цельности существования человека в природе, ощущения хрупкости жизни, ценности человека, человеческой жизни и всего живого. Однако именно эволюционизирующая Вселенная создала условия для появления человека и продолжения его жизни. Это и есть Универсум – мир такой, какой он есть, – поэтому его изучение включает в себя единство природы и человека.

Зададимся вопросом: есть история человечества в природе? Ответ – должна быть. «*Кровь общая течет по жилам всей Вселенной*», – писал гелиобиолог А.Л.Чижевский в стихотворении «Гиппократу». И далее: «*Мы дети Космоса. И наш родимый дом / Так спаян общностью и неразрывно прочен / Что чувствуем себя мы слитыми в одном, / Что в каждой точке мир – весь мир сосредоточен...*» [14, с. 149–150]. Поэтому можно с уверенностью сказать, что школьное образование имеет смысл и назначение универсальности, в которой учебному предмету *история* принадлежит одно из важнейших мест в возникновении ощущения и понимания цельности жизни, природы и истории.

С самых первых шагов исторического познания, начиная с изучения мифологии, учитель заботливо должен ввести детей в эту проблему. Философия античности утверждала человека как космическое существо. Не зная о других народах, странах и континентах, древний человек жил с Небом, он не мыслил себя вне Неба. Туда он поместил богов, создав их по своему образцу и подобию. Боги как люди, люди как боги. Потом европейская философская традиция все дальше уходила от Космоса, увеличивала разрыв между человеком и Космосом. Что касается истории как

науки, тем более учебного предмета, то они не устремляли свой взор к Небу, все более и более заземляясь. Преодолели роковой разрыв человека и Космоса русские философы, ученые-естествоиспытатели, культурологи, оказавшие влияние и на обществознание, историю.

Вдумаемся, а скорее, ощутим, почувствуем Космос как жизнь со слов В.И.Вернадского: *«Своеобразным, единственным в своем роде, отличным и неповторяемым в других небесных телах представляется нам лик Земли, ее изображение в Космосе, вырисовывающееся извне, со стороны, из дали бесконечных небесных пространств. В лике Земли выявляется поверхность нашей планеты, ее биосфера, ее наружная область, ограничивающая ее от космической среды»*. Это написано в 1940 г. *«В биосфере, — продолжал Вернадский, — существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о Космосе. Эта сила, по-видимому, не есть проявление энергии или новых особенных ее форм. Однако действие этой силы на течение земных энергетических явлений глубоко и сильно и должно, следовательно, иметь отражение в бытии самой планеты. Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного»* [3, с. 47].

И российскому учителю следует понять истинную значимость методологической, мировоззренческой, аксиологической, этической, культурно-исторической и педагогической ценности идей русского космизма и циклизма как базовых в универсальной образовательной среде. Особый смысл и назначение знакомства учащихся с этим материалом состоит в нашей национальной гордости за то, что именно русской культуре принадлежат имена людей, задолго до экологического кризиса планеты поставивших проблему об ответственности человека за принадлежность к Космосу, соединивших в золотом веке русского обществознания в единое целое Природу, Космос, Историю.

Человек как часть Космоса, как природный феномен, разумная часть биосферы, люди как дети Космоса — эти идеи, положенные в основу школьного образования, в том числе и исторического, могут и должны соединить горнее и дальнее, физику и лирику. Для этого необходимо осуществить обучение не по предметам, а по проблемам (В.И.Вернадский). Эти теоретико-методологические и адекватные им методические пути позволят ре-

ально изменить сущность и назначение образования, по-новому ответить на актуальные вопросы педагогики и методики преподавания истории: зачем, чему и как учиться человек?

Универсальное знание, соединяющее в себе культурологическое, философское, сциентистское (естественнонаучное и гуманитарное, теоретическое и прикладное), приобретаемое в школьные годы, должно стать базой мировоззренческой культуры, помочь овладеть опытом критически – рефлексивного мышления о пронизанных друг другом человеке и мире, о своем не-алиби в мире (М.М.Бахтин). На таких путях овладения знаниями растущий человек способен и совершенствовать себя, трудиться над собой, и одухотворять действительность, изменять ментальность для созидания добра и более успешного противостояния силам зла.

Вводя в современное школьное образование, в том числе и в историческое, идеи русского космизма и циклизма, связанные между собой, мы можем предполагать, что это повлияет на мировоззрение школьников, позволит им овладеть ноосферным мышлением и панэтизмом. Обращение современной молодежи к ним, взгляд в прошлое дадут возможность выбора вектора будущего исторического движения. Мы начинаем с того начала, которое предопределено прошлым. Опыт предшествующих поколений, на наш взгляд, поучителен не в плане попыток механического переноса в сегодняшнюю образовательную ситуацию, а в целях осознания его внеисторических достоинств. Смысл имеют те выводы, которые углубляют предшественников, актуализируют их, продолжают жить в своем очищенном жизнью и мыслью виде (С.И.Гессен). С такой мерностью, таким критерием попробуем понять русский космизм, значительные заслуги русских мыслителей перед образованием. Имея национальный характер, эти идеи выражают самосознание народного духа, поэтому особенно близки и понятны нам. Космизм понимается в широком и узком смысле слова: как представление о мире и его целостности и как учение о космической экспансии человечества. Оригинальное течение, получившее название русского космизма, оформилось к середине XIX века. Это было прорывом в социальной рефлексии человечества, потому что европейская мысль в то время придерживалась антропоцентрической картины миропонимания, согласно которой человек признавался венцом творения.

Еще с XVIII века философия в России имела антропологическую и социальную ориентации, обращалась к проблемам космического характера земных процессов и связи человека и Вселенной. Теперь они могут быть достойно представлены в универсальной образовательной среде, пронизанные идеей антропокосмизма. Раздельно, порой без связи, тем более внутренней, органично им присущей, они живут в образовании, в том числе и школьном обучении, но не ведают друг о друге (как мертвецы на кладбище, если воспользоваться словами К.Д.Ушинского, сказанными по поводу расчлененности знаний). Для преодоления «китайских стен» предметности, разделенности, необщности педагогика изобрела так называемые межпредметные связи и для их достижения в образовании – межпредметные уроки. Само по себе это неплохо, однако малоэффективно в силу эпизодичности и фрагментарности знаний о мире и человеке, их взаимопроникновении. Новым, более продуктивным в последнее время в образовании, школьном и вузовском, стало стремление воспитывать уважительное отношение к природе, развивать экологическое сознание, делая упор на необходимость выживания человека как вида, человечества как сообщества, Земли как планеты. Отдавая должное этой тенденции в образовании, мы все же видим истину в этико-педагогическом подходе, в развитии в детях с самых ранних лет космического миропонимания, ощущения себя как части Космоса. Созвучность нашего подхода мы чувствуем в стихотворении гелиобиолога А.Л.Чижевского, строки из которого цитировали выше. Они понятны и детям и взрослым людям, образованным и необразованным, изучавшим и не изучавшим историю. Что касается методики преподавания истории, то следует заметить, что она не только не пришла к этой идее, но не относит ее к своим. Соглашаясь с доводами многих, что задачей учителя-историка является воспитание патриота, человека толерантного, подчеркнем, что таким он скорее станет, если у него будет воспитано сыновнее чувство Космоса (К.Н.Вентцель). В воспитании человека особенно важно космическое миропонимание, включающее в себя признание человека составной частью Космоса, его разумной рефлексирующей частью. Эволюция человечества утверждает не только зависимость человека от Космоса, но подчеркивает и обратную зависимость Космоса от практической и интеллектуальной деятельности человечества. Понять то, что че-

ловек как *Homo sapiens* стал реальным в процессе длительного исторического развития живой материи, стал одним из мощных сознательно действующих факторов дальнейшей эволюции природы, — значит понять его роль, миссию и понять себя, свое предназначение на Земле. Миссия делает человека свободным и сильным, дает ему много преимуществ, но и налагает на него громадную ответственность. Человек мыслящий, созидающий является соавтором, прямым участником процессов космических масштабов и значения. Эта ответственность предполагает практические шаги со стороны человека, а именно: что он выработает новые формы природных и общественных взаимоотношений, которые будут достойны его, осознавшего свое положение и свою роль в Космосе. Иначе говоря, речь идет о космическом гуманизме, панэтизме — идеях всечеловеческой ценности: человек бессмертен, и его задача — улучшать жизнь, чтобы люди будущего были лучше, разумнее и счастливее его современников.

Современное образование не только должно дать знания о связи человека с Космосом, обосновать космическую миссию человека, но содействовать, помогать становлению экологических убеждений, новой этики. Русский космизм как единое целое, единая система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, как эволюционирующие формы науки, философии, религии, культуры — это идеи, открывающие перспективы реальных гармонических взаимоотношений природы и человека, а также людей между собой; это идея духовного синтеза наиболее значимых проблем современного человечества, проблем коэволюции. Настоящий этап эволюции человечества связан с его становлением как субъекта жизнедеятельности в космическом пространстве-времени, с практическим освоением Космоса. Каким являет себя человек на Земле, таков он и в Космосе. Экологическая проблема по сути является проблемой увеличивающегося разрыва человека и природы, нарастающей его бездуховности.

Возможные пути ее преодоления, духовно-нравственного возвышения человека были предложены русскими космистами задолго до мощнейших деструктивных последствий человеческого ума. Не случайным было их обращение к проблемам образования. Космисты — естественники и гуманитарии, философы и теософы — справедливо полагали, что реальное, не схоластичное и формальное, а связанное с жизнью, с человеком образование

и обучение внесут свой неопенимый вклад в развитие всех областей познания и приведут страну и планету к расцвету. Вот как об этом писал Н.К.Рерих в 1921 г.:

*«Поверх всяких Россий есть одна незабываемая Россия.
Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь.
Поверх всяких красот есть одна красота,
ведущая к познанию Космоса»* [5, с. 5].

Мыслители-космисты, такие разные и непохожие, объединяются целостным пониманием Истины, Добра и Красоты, способным соединить не только их, но и нас, и людей будущего. Поэтому современное образование должно пополниться идеей Вселенского Космоса Е.П.Блаватской, создавшей теософскую доктрину, попытавшейся синтезировать различные религии, мифологию, магию, оккультизм и достижения естественнонаучного знания своего времени, идею о Единой Истине, ее великой мощи и предупреждении об опасности ее неразумного использования. В настоящее время все более актуальной становится идея объединения людей через культуру, изложенная как концепция космической Живой Этики Н.К. и Е.И. Рерихами. Согласно этой концепции, идет борьба двух космических начал – Добра и Зла как в Космосе, так и в человеческом обществе, и особенно в душе каждого человека. Мир творит по законам Истины, Добра и Красоты только Свет, который способен преобразовать хаос Космоса, несовершенство природного и социального миров.

Поскольку активным началом в утверждении Добра выступает человек, то его деяние является силой этой активности. Активность человека имеет решающее значение во всех сферах его деятельности и синтезируется в понятии творчества. Активность как творческий процесс различных человеческих деяний способствует эволюции человека, а через него – Вселенной. Значит, человек уподобляется богу-творцу, и он творит не только внешний мир, но и свой собственный внутренний мир. Так встает перед человеком, творящим субъектом, проблема поиска надежного пути самосовершенствования. Это путь культуры, образования, просвещения, который по сути дела является путем просветления, просветления. Культура – воплощенный первоначальный Свет. Приобщаясь к культуре, просветляя свое сознание, проникая в тай-

ны космических связей человечества, люди начинают понимать друг друга, а также сущность Истины, Добра и Красоты. Поэтому любые границы условны, иллюзорны. Различие между людьми составляет внутренняя духовная культура – она есть мерило качества всех наших действий. Принцип жизнедеятельности связан с всеохватностью Красоты, она абсолютен, Космос.

Особый интерес и место в современном образовании по праву может и должна занять русская философия, вобравшая в себя идеи славянофилов, идеи соборности и всеединства. Они самобытно ярко проявились в религиозно-философском космизме В.С.Соловьева («Чтения о Богочеловечестве») [12], Н.Ф.Федорова («Философия общего дела») [13], христианском направлении русского космизма П.А.Флоренского, С.Н.Булгакова и частично Н.А.Бердяева.

Человек и мир пронизаны друг другом, взаимно дополняют друг друга, при этом человек одухотворяется, обоживается. Возможность спасения мира космисты видели в спасении человека, его обожении. И Космос, и человеческое общество, чтобы не быть хаосом, нуждаются в разуме. Человеческий разум порождается эволюцией и является сознательным орудием ее дальнейшего развертывания, люди должны стать ее разумом, самопознанием.

Особенно созидательна для педагогики соловьевская философская позиция в отношении личности и ее связи с обществом. Проблема личности и общества решалась Соловьевым в единстве общественного и индивидуального. Согласно его пониманию, личность как сила разумно-познающая и нравственно-действующая, *«данная в разуме и воле возможность для осуществления неограниченной действительности, или особая форма бесконечного содержания. – Химера себе-довлеющей личности и химера безличного общества. <...> Общество есть объективно осуществляемое содержание разумно-нравственной личности – не внешний предел, а существенное восполнение – нераздельная целостность общей жизни, отчасти уже осуществленной в прошедшем (общее предание), отчасти осуществляемой в настоящем (общественные служения) и, наконец, предваряющей будущее совершенное осуществление (общий идеал)»*, – писал философ [7, с. 65].

Единство общества и личности, по Соловьеву, их нераздельность (общество есть дополненная, или расширенная, личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное, общество) выдвигает

исторически нравственную задачу – осознание лично-общественного единства, солидарности, превращения ее из невольной в вольный, добровольный акт, в котором каждый человек понимает, принимает и исполняет общее дело как свое собственное. Идея лично-общественного единства преодолевает как гипнотизм индивидуализма, так и гипнотизм коллективизма. Достигается это принятием, в качестве аксиомы нравственной философии, человеческой личности за особую форму бесконечного содержания, единичного человека – за возможность для осуществления неограниченной действительности, утверждая тем самым самодостаточность отдельной личности, из себя определяющей все свои отношения. Это с одной стороны. И пониманием общественных связей не только как внешней границы и произвольного стеснения, которое во что бы то ни стало должно быть упразднено, – с другой. Общество, по Соловьеву, не может быть человеческим, если оно состоит из бесправных и безличных тварей, из нравственных нулей. Человек обладает способностью понимать своим разумом, обладает бесконечностью совершенствования.

Выдвинутая Соловьевым идея обожения человека нашла в его философии обоснование. Это связано с раскрытием внутренних сил человека, свершением им личного нравственного подвига, воплощающего в жизнь Истину, Добро и Красоту. Настаивая на необходимом единстве Истины, Добра, Красоты, Соловьев понимал в этом контексте любовь как путь соединения любящих для действительного создания абсолютной индивидуальности. В работе «Смысл любви» он писал: *«Действительно спаситься, т.е. возродить и увековечить свою индивидуальную жизнь в истинной любви, единичный человек может только сообща или вместе со всеми»* [8, с. 538].

Образовательное пространство обладает универсальным содержательным потенциалом для понимания учащимися философии жизни. Самых разных по возрасту детей на различных школьных уроках можно приобщать к философскому осмыслению мира через антропологию русской мысли, ее космические ориентации, концепции естественной связи человека и природы как единого целого.

Социальные условия бытия в деспотизме привели к замечательной особенности русской философии – преодолению наукообразного рационализма, оторванности от человека, его души,

его страдания. Это определило ее национальное достижение — идею целостности человеческого духа, духовной жизни, слиянности познания и обретения нравственности. Это живое знание, философия сердца, правда-справедливость через Истину, Добро и Красоту. Правда не для истины, а для справедливости — это поиск более совершенной жизни (Царства Божьего на Земле). По определению Н.О.Лосского, русские философы доверяют интеллектуальной интуиции, нравственному и эстетическому опытам, но прежде всего доверяют мистическому религиозному опыту, который устанавливает связь человека с Богом и его Царством.

Говоря об универсальности школьного образовательного пространства и роли в нем развивающего обучения, необходимо сказать о родной сестре философии — поэзии. Только на первый, поверхностный взгляд может показаться удивительным, что великие мысли встречаются в произведениях поэтов. Однако философия, находящаяся совершенно в другом строе духовного бытия по сравнению с наукой, раскрывается в поэзии. Философия существования (лат. *existentia* — существование), экзистенциальное восприятие мира, смысла бытия, способов бытия, страх и трепет, одиночество (перед Богом), отношение человека к трансценденции, путь к свободе, неспособность разумом понять истину, человек со своими предчувствиями, чувствами и желаниями, верой, надеждой и любовью, — все это переживаемое человеком запечатлела поэзия. И человек через нее скорее может понять себя как нечто завершенное в мире, восхитившись самим фактом своего существования. Учиться у поэтов благоговеть перед жизнью — в этом видится личностный смысл образования, его истинная ценность. Прислушаемся к призыву, прозвучавшему в стихотворении И.Северянина «Не устыдись...» [6, с. 244]:

*Не устыдись, склонив свои колени,
Благодарить в восторге небеса,
Что зришь еще один расцвет сирени
И слышишь птиц весенних голоса.*

*Земля цветет, вчера еще нагая,
Цветет душа, ее цветам внемля.
Нисходит в сердце радость всеблагая.
Ценней бессмертья — смертная земля!*

*Один лишь раз живя на этом свете
И ощущая землю только раз,
Забудь о судьбах будущих столетий:
Вся жизнь твоя — в лучах раскрытых глаз!*

Русская поэзия может помочь своим художественным словом становлению в школьные годы космического миропонимания и нахождению себя в жизни. Идеи единства Космоса и Земли, природы и человека учащиеся откроют для себя, найдут их конкретное воплощение в космических стихах Пушкина и Лермонтова, которым вечный судия дал всеведение пророка, у которых звезда с звездой говорит и масленица вечна на небесах, а над землей беснует демон. Они, пробуждающие лирой добрые чувства, восславляющие свободу и призывающие милость к падшим, в веках останутся любезные народу нашему не как чему-то абстрактному, а каждому конкретному человеку. Тревога за человека особенно явно присутствует в русской поэзии, задолго до революционных событий почувствовавшей разрушительную силу русского бунта, бессмысленного и беспощадного.

Прислушаемся к голосу М.Ю.Лермонтова, почти за сотню лет почувствовавшего трагизм грядущего события в России в своем «Предсказании» [4, с. 67]:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;*

*И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.*

Многие русские поэты мучились великими историческими проблемами России. Поэтому философия, понятая через русскую поэзию Брюсова, Бальмонта, Северянина, Хлебникова, Заболоцкого, Пастернака, Цветаевой, Ахматовой, приоткроеет учащимся (в соответствии с возрастными и индивидуальными возможностями) понимание бытия в мире и самих себя. Стихи не для заучивания на отметку, а философия жизни, обнаруженная детьми в сотрудничестве с учителем в поэзии (и прозе), на наш взгляд, и составляет смысл и назначение образования. Поэзия может стать близкой детям через искренность и свежесть их восприятия жизни, через те качества, которые свойственны и поэтам.

В русской поэзии (и прозе) немало произведений, обращенных к отечественной истории, использование которых на школьном уроке помогает понимать и чувствовать прошлое. Например, не откажем урокам истории в поэтических строках Александра Блока, его провидческих стихах о России с образом заката в крови:

*Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар [1, с. 286].*

И поверх всего у поэта любовь к своей Родине, с ее бедами и грехами:

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!*

*Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!*

*Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...*

*Ну, что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей <...> [2, с. 377].*

Космические фантазии пронизывают не только физику Циолковского, но и музыку Чайковского, Скрябина, Рахманинова, Шнитке, живопись Врубеля, Нестерова, Рериха. Их открытие должно и может состояться рано, в школьные годы, возможно, на уроках истории. Для большинства наших детей школьное образование остается единственной возможностью приобретения базовой культуры личности путем приобщения к высокому искусству, классической литературе, питаемых историей. Однако традиционное предметное преподавание не способствует обретению цельности восприятия мира и своей Родины через его историю. Усугубляется разрыв цельности привязкой к учебному должностованию, учебе на отметку по тому или иному предмету, вне их всеобщей связи.

Но не только в искусстве, в литературе человеческие мечты о добре, счастье, любви выливались в грезы о Земле и Небе. Они соединены также физиками, оказавшимися не столько лириками, сколько учеными с космическим миропониманием и ноосферным мышлением. Сама по себе идея соединить коня и трепетную лань в одной упряжке может казаться не только неожиданной, но и странной, даже искусственной, если знания предметны. Если же они проблемны, то соединяются, доходя до сущности. Обратимся к естественнонаучному направлению русского космизма, который, возможно, более всего представлен в нашем образовании, хотя сделано это ущербно, в связи с проблемой покорения Космоса и чаще всего связано с одним именем — К.Э.Циолковского.

Естественнонаучное, или сциентистское, направление получило свое развитие еще в XIX веке и связано с восприятием мира как целого, рассмотрения человека как части среды, значимости последствий его активности в среде. Эта идея — мир как целое —

привела к изучению антиэнтропийной деятельности человечества, его возможностей упорядочивать космический хаос. В естествознании она была связана с рационалистической и технократической установкой на завоевание человеком Космоса – преодолеть время (В.Н.Муравьев), пространство (К.Э.Циолковский), пространство и время (Н.Ф.Федоров).

Однако универсальность знания требует сказать о Циолковском не только как об отце русской космонавтики, предложившем научно-техническое решение выхода человека в Космос, но и как об одном из авторов космической философии, космической этики, астросоциологии. Будучи по взглядам антропокосмистом, он искал и нашел решение проблемы *человек и Космос*. Формулой «человечество не останется вечно на Земле» в 1911 г. Циолковский сказал о человеке как факторе эволюции Космоса и эволюции человечества. Согласно Циолковскому, существуют факторы увеличения потенциала бессмертия человеческой цивилизации. Он их связывал с научно-техническим прогрессом, с расширенным воспроизводством разумных существ и расселением человека в Космосе. Но это станет возможным, если человек разовьет в себе нравственность. В работе с нехарактерным для физика названием – «Этика и естественная основа нравственности» он писал в начале XX века об этической основе совершенствования человеческой и космической природы. Только став активным в природе и социальной жизни, совершенствуя себя, человек научится решать вопросы о смысле и цели жизни, достигнет бессмертия. Поэтому у Циолковского этика является стержнем космической философии. *«Вселенная, в общем, не содержит горести и безумия, – писал он. – Ее радость и совершенство производятся ею самою <...> Только на Земле у низших животных и даже человека пока не хватает для этого ни сил, ни умения, а в космосе их достаточно. Со временем будет достаточно и у будущих далеких потомков человечества. Одним словом, живая Вселенная, сама по себе, довольна и разумна»* [15, с. 306–307].

Согласно философским взглядам Циолковского, человечество проходит различные стадии своего развития. Он различал: земное (младенческое) существование человечества, несовершенное, наполненное страданиями и болезнями, природными катаклизмами, и высшее состояние – космическое бытие человечества, главное правило которого: делающий добро другим делает его себе.

Панэтизм – вот тот объединительный через историческое пространство-время путь, который приведет отдельного человека и все человечество к единству Истины, Добра и Красоты. Этика становится объединителем через время и пространство, гарантом бессмертия человеческой цивилизации, на ее путях человечество будет способно противостоять как природным, так и социальным катастрофам.

В.И.Вернадский, размышляя с точки зрения натуралиста, разрабатывал идею об особой значимости человеческой жизнедеятельности для биосферы, а с ней и для Космоса. Главная его мысль – об ответственности человечества за все происходящее на Земле и в Космосе. Человек отвечает за то пространство, за то место, которое он себе выбирает, за ту жизнь, которую ведет. Это – земное, околосолнечное или космическое пространство.

Учение Вернадского о биосфере и ноосфере – мысли о философии двусторонней связи живого и окружающей среды. Достижения науки позволяют сделать вывод о непрерывном материальном и энергетическом обмене, о том, что между косной безжизненной частью и живыми веществами идет обмен. Это положение шло вразрез с представлениями об исключительном влиянии среды на организм, без учета обратного влияния организма на среду.

Вернадский определил биосферу как космическое явление с планетным, космическим значением живого вещества, деятельность которого преобразует облик планеты. Именно человечество является этой особой областью живого вещества. Как природное явление оно имеет свою историю. Биосфера под влиянием человеческой мысли и человеческого труда перешла в свое новое состояние – ноосферу. В работе «Научная мысль как планетное явление» [9] ученый писал о ноосфере как этапе развития биосферы, усиливающем геологическую роль человеческого разума.

В связи с этим стоит особо говорить в образовании о ценности для жизни человека и человечества идей Вернадского о научной мысли как планетном явлении, основанном на разуме как закономерном явлении Космоса. Русские ученые-естествоиспытатели преодолели разрыв между человеком и Космосом, который существовал долгие столетия в европейской философской традиции. Русским космизмом было создано новое миропонимание, новое мировоззрение, в котором понятия

«Космос», «космическая эволюция», «ноосфера» определяют антропокосмические и социокосмические связи человечества. Значимость идей русских космистов состоит в эвристической идее о необходимости объединения людей, преодоления созданных цивилизацией барьеров между субъектом и объектом, естественным и искусственным. Человечество превращается в единый объект эволюции в силу космического характера человеческой жизни и понимания ее вне социально-экономических, идеологических, расовых, национальных, религиозных характеристик. Перед лицом Космоса человечество предстает единым, цельным, устремленным в вечность. Осознав связь с Космосом, человечество должно иметь нравственное отношение к нему.

Для полноты понимания истории необходимо обратиться также и к идеям русского циклизма, признанной в мире школе, наряду с оригинальной школой русского космизма. Русский циклизм является логическим продолжением космических идей. Это связано с тем, что у основания школы стояли те же деятели – Циолковский, Чижевский, Вернадский, которые внесли свой вклад не только в исследование влияния космоса на общество, но и в развитие теории циклической динамики. Обе школы исходят из идеи тесного, неразрывного единства в циклической динамике природных и общественных систем, взаимосвязи и влиянии Космоса и циклических колебаний в обществе.

Об идеях русского космизма и русского циклизма ученые говорили в 20-е годы прошлого века как о краеугольных камнях постиндустриальной научной парадигмы. Это был научный задел на столетие вперед.

Для педагогики, для частных методик, в том числе и истории, эти идеи могут стать программными. Базирующиеся на гуманистической этике, на русском космизме, идеях всеединства, соборности, любви, на выстраданном опыте поколений, они имеют антропологическое измерение. Они созидательны истиной: нет и не может быть такой цели, ради которой приносится в жертву человеческая жизнь, льются кровь и слезы детей (хотя бы одна детская слезка).

В этом видится ценность новой образовательной парадигмы, востребующей этическую педагогику, акцентирующую на ценностно-смысловых основаниях, на нравственной сущности, на

жизненно важных для каждого человека проблемах — отношении к себе и к другим. Этическая педагогика — парадигма, в основе которой лежит гуманистическая этика взаимодействия ребенка и взрослого, личностно-центрированное обучение и воспитание, создающие условия для полноценной самоактуализации личности в содержательном общении, разнообразной деятельности, для самостоятельной выработки духовно-этических ценностей [11].

Думается, что настало время совершить поворот к ребенку, к реальному человеку и помочь ему приобщиться к богатым духовно-нравственным ценностям космизма, сделать их смыслообразующими для своей жизни. И школьные учебные занятия призваны этому способствовать. Неоценимый вклад в этот процесс вносят уроки истории [10].

Литература

1. Блок А.А. На поле Куликовом / Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М.: Правда, 1989.
2. Блок А.А. Россия / Предчувствую тебя. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
3. Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. М., 1940.
4. Лермонтов М.Ю. Предсказание / Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1973.
5. Рерих Н.К. Цветы Мории. Берлин: Слово, 1921.
6. Северянин И.В. Не устыдись / Стихотворения. М.: Эллис Лак 2000, 2003.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра / Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1988.
8. Соловьев В.С. Смысл любви / Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
9. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Размышления натуралиста. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1977.
10. Дудина М.Н. Зачем изучать историю? Или как я понимаю методику преподавания истории. Екатеринбург, 2002.
11. Дудина М.Н. Педагогика: долгий путь к гуманистической этике. Екатеринбург, 1998.
12. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. СПб.: Азбука-Классика, 2000.
13. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1, 2. М.: Прогресс, 1995; Т. 3. М.: Традиция, 1997; Т. 4. М.: Традиция, 1999.
14. Чижевский А.А. Гиппократу / В науке я прослыл поэтом... Калуга, 1996.
15. Циолковский К.Э. Причина космоса / Грезы о земле и небе. Тула: Приокское кн. изд., 1986.
16. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

К.А.МОЛЧАНОВА,

*председатель Эстонского общества имени Н.К.Периха,
Таллинн, Эстония*

РАЗВИТИЕ ДУХОВНОСТИ – ПУТЬ В НАДЗЕМНОЕ СОЗНАНИЕ

Время создания культуры духа приблизилось.

Н.К.Перих

В прошлом веке материалистически косное мировоззрение стало уступать место мировоззрению энергетическому. В Живой Этике – Учении Жизни – говорится о том, что человечество вместе с Планетой находится в гигантской лаборатории Вселенной, а сама Вселенная наполнена энергией разных сфер.

Уже в конце XIX и в первой половине XX века учеными были открыты новые формы энергии: радиоволны, электромагнитная энергия, радиоактивность, внутриатомная энергия, – и речь пошла об энергии Всеначальной как об энергии Огненной. Так мы живем и движемся в обширном и сложном океане энергий.

Вниманием людей в прошлом веке полностью завладели эти научные открытия и особенно технические изобретения на их основе. В тени всех этих фантастически интересных изобретений (особенно электронной аппаратуры и связи) оставался только сам человек. Однако и человек был поставлен своими же научными достижениями в совершенно новые условия жизни.

Прежде люди познавали окружающий мир только как плотный, застывший, а теперь мы вступили в неосязаемый мир тонких вибраций. И людям надо заново приспособливаться к новым явлениям развивающейся жизни. Новое понимание реальности пространства невидимого уже есть шаг к действительности. Мир Невидимый должен врасти в сознание наше. Целая и полная химизма и магнетизма жизнь сокрыта в пространстве около человека и в человеке. Как часть Природы, человек тоже эволюционирует и находится в вечном движении.

Исследователь необычных явлений человеческой психики, доктор медицины, психиатр Шафика Карагулла в книге «Прорыв к творчеству. Ваше сверхчувственное восприятие» [11] рассказывает о своих наблюдениях над явлениями, которые нельзя было квалифицировать как психические заболевания, в то же время некоторые из них также не подходили и под обозначение того, что считается нормальным и здоровым. В результате исследований ученая выявила широкое разнообразие способностей к сверхчувственному восприятию. Она квалифицировала все это как часть эволюционного процесса в самом человеке, как прорыв через барьер пяти органов чувств в миры иных измерений – в Космос, наряду с прорывами вне человека – техническими. Это – прорыв в истинное строение атома, прорыв через звуковой барьер, прорыв через гравитационное притяжение Земли.

Все эти прорывы в Космос, как посредством применения техники, так и в результате сверхчувственного восприятия, стали частью сегодняшнего человеческого опыта.

Прорыв в другие измерения сознания предлагает нам теперь совершенно иной подход к жизни, иное отношение к самим себе. Вероятно, в будущем человечество сможет достичь и познать высшие измерения звезд и галактик уже без помощи техники. Для этого человеку необходимо осознавать себя живым развивающимся существом. Однако желающих задуматься над эволюционной миссией человека и человечества мало. Люди в массе своей отворачиваются от новой действительности, предпочитают узкоземное мышление и приятное телу обывательское существование. Тем не менее человеку уже давно недостаточно только удовлетворения одних животных потребностей, и ищущие люди находят силу преобразования даже в самых неблагоприятных для себя условиях.

Настало время, когда каждый человек должен встретиться с самим собою – внимательно наблюдать себя, ища высшие измерения в своей человеческой природе, в своем мышлении и восприятии иной реальности. В поиске высшего смысла жизни помогает Живая Этика или Учение Сердца как Учение Иерархии. В книге «Сердце» говорится о том, что даже среди несовершенного существования человека уже явлены отдельные части его преобразования. Надо только помнить о сердце как о здании огненном, как о Доме Духа и о Духе как Светоносном Начале в человеке:

«Припомним: кто-то отзывается на космические явления; кто-то слышал дальние голоса; кто-то участвовал в Тонком Мире, видя его; кто-то светился; кто-то поднимался на воздух; кто-то ходил по воде; кто-то ходил по огню; кто-то поглощал яды без вреда; кто-то не нуждался во сне; кто-то не нуждался в пище; кто-то мог видеть через твердые тела; кто-то писал двумя руками; кто-то мог привлекать животных; кто-то мог понимать язык без знания его; кто-то мог понимать мысли; кто-то мог читать закрытыми глазами закрытую книгу; кто-то не чувствовал боли; кто-то среди снега развивал жар сердца; кто-то мог не чувствовать утомления; кто-то мог помогать лечением; кто-то мог явить знание будущего» [10, 99].

Благодаря поддержке астронавта Эдгара Митчелла в 1972 году в центре передовой науки – в Станфордском исследовательском институте в Калифорнии известные физики Х.Путхофф и Р.Тарг провели тщательное исследование паранормальных способностей выдающегося экстрасенса из Израиля Ури Геллера. То, что увидели ученые, не укладывалось в рамки научной парадигмы и физических законов. Способности этого человека проверялись затем в самых различных лабораториях мира, и ученые убедились в реальности таких психофизических явлений. Итоги всех этих исследований были подведены в обширной монографии «Документальные материалы об Ури Геллере. Научные наблюдения паранормальных способностей Ури Геллера». Монография издана в 1976 году в Бостоне под редакцией известного физика Ч.Панати.

В дальнейшем Ури Геллер отказался от исследований за счет казны и в интересах правительства какой бы то ни было страны, потому что они, такие исследования, в большинстве случаев носят антигуманный характер. Он отказался от участия в опытах воздействия телепатического внушения, считая очень опасным и безнравственным вторгаться в сознание других людей, вмешиваться в их мыслительный процесс. Как известно, существует Международная ассоциация по исследованию проблем психотроники.

Интересны собственные заключения Ури Геллера в книге о себе – «Моя история. Эффект Геллера». Он пишет: *«Моя теория заключается в том, что энергии, проходящие через меня, исходят от какого-то высшего космического разума...»* Или следующее: *«Я вижу будущего человека и вовсе без того, что мы называем сего-*

дня телом. Мы откроем новые пути, чтобы видеть без глаз, передвигаться без ног и продлевать свой род, не пользуясь архаичными способами». А вот еще одно очень существенное заключение Ури Геллера: «Сомерсет Моэм написал однажды, что деньги – это и есть то “шестое чувство, которое дает нам возможность наслаждаться пятью другими”. Думаю, он был не прав. Шестое чувство – это не деньги, а наши психические, телепатические возможности» [1].

Как видим, уровень нравственного состояния человечества очень низок, для того чтобы иметь право претворять в жизнь эволюционно предназначенные нам огненные силы. Поэтому знание о развитии необычных способностей человека все еще нельзя давать широко, пока ценности жизни связаны только с деньгами и с чувством собственности. Огненные проявления в человеческом организме, как сказано, не медлят и, не претворенные человеческим сознанием, они вливаются в опасные русла. Безумие и невежество увеличиваются и мешают достойным людям развиваться естественно.

Человеку вверены мощные энергии, и свое эволюционное назначение он может выполнять только возжжением творчества. Приближение к Миру Огненному, или Духовному, невозможно без проявления духовности. Однако духовность развивается не от прочитывания духовных книг, но от любви к непрерывному восхождению, к претворению в жизни нравственного поведения и принципа ненасилия. Единые основы для воспитания такого отношения к жизни независимо от возраста изложены в трактате доктора психологии и Учителя с большой буквы Ш.А.Амонашвили «Школа жизни» [3]. В основе этого научного труда – философия гуманизма. По зову нового времени, Новой Эры впервые в учебный процесс вводятся уроки духовности, уроки постижения красоты и уроки ненасильственного общения для воспитания Нравственного Человека (Homo Moralis), для развития внутренней культуры человека и его духовности. Это путь приближения к Миру Огненному, или Надземному – к Эпохе Духа, или Эпохе Огня.

И можно сказать, что развитие духовной жизни в человеке становится теперь ведущим направлением не на одно столетие. Потому что эволюция человека идет в направлении утончения добрых чувств, расширения возможностей их воздействия в обиходе каждого дня – среди жизни и для жизни. Жизнеспособность

человека повышается и развивается как конденсация духа. Внутренняя духовная работа, или духотворчество, помогает двигаться за пределы тела. Нам заповедано внутреннее самоусовершенствование, или, как говорил Н.К.Рерих, «создание культуры духа» [2, с. 150]. Эволюционное призвание человека – быть творцом.

В настоящее время человечество в своей массе, к сожалению, находится в постоянных вибрациях низших энергетических сфер. Притяжение же к высшему частотному спектру, то есть духовное развитие человека, зависит от осознания значения сердца. И вот здесь необходимо сослаться на авторитет ученого, профессора хирургии Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого. Врач и священник, он лучше, чем кто-либо, знал сердце не только как орган чувства, но и как орган высшего познания. И об этом его научный труд «Дух. Душа. Тело» [4].

Что касается центральной нервной системы, то известно, что человека среди всех остальных живых существ выделяют шесть функций мозга. Три двигательные (прямохождение, общение на придуманном языке, способность записывать придуманный язык) и три сенсорные функции (способность читать написанное, способность понимать устную речь, распознавание осязанием). Человеческий интеллект является продуктом коры головного мозга. Только у людей есть кора головного мозга. Однако эмоциональных центров в коре не установлено. Они в сердце. Поэтому не только функции мозга являются аппаратом познания.

Мозг и сердце – вот аппарат познания. «...Рассудочное мышление не исчерпывает всего Бытия» [10, 250]. «Думает сердце; утверждает сердце; объединяет сердце. Можно помнить всегда значение сердца, так долго затемненное мозгом. Сердце вздрогнет первым, сердце затрепещет первым, сердце узнает много прежде, нежели рассудок мозга дерзнет помыслить. Не отнимая извилистый путь мозга, разве можем умолчать о прямейшем достижении сердца, о стрелоподобном луче, равном чудо-сердцу! Так можно приобщаться к сердцу и оградиться от всех нападений зла» [10, 353].

И так как переживаемое нами сейчас время – это время перехода от эволюции, в которой развивался интеллект, к эволюции духовности, то значит, в центре внимания должно быть сердце – его утончение и его очищение от недобрых энергий. «Лоб запас много вычислений, но сердце не успело стать лучше. Так нужно выровнять отсталое» [7, 573].

Как же происходит выравнивание? Мудрые всегда советовали стремиться к Прекрасному. Оно утончает чувства, возвышает над повседневностью, способствует приятию высших энергий и даже защищает. Такое устремление наполняет сердце высшими вибрациями — образами красоты, любви, радости, сострадания, мужества и т.д. Высшие вибрации вытесняют низшие. Идет очищение сердца, обуздание чувств и преобразование сознания.

Елена Ивановна Рерих сравнивала сердце с Солнцем по той роли, которую оно играет в нашем организме. Оно есть великий собиратель и трансмутатор всех энергий. Все духовные центры (чакры) зависят от сердца и сам интеллект тоже. Если мы не углубляемся в рассмотрение познавательного процесса мышления, не задумываемся над природой мысли (мысль — энергия), то происходит чисто *речевое* мышление, иначе говоря, — разъединение интеллекта и сердца. Не происходит роста духа, или духовности, потому что чисто интеллектуальное мышление не затрагивает энергии чувств, в то время как Начальная энергия — сам Дух, или Свет Неугасимый, укрепляется без слов, в ритме сердца [5, письмо от 30.06.34].

Приведу некоторые параграфы из Живой Этики, в которых раскрывается механизм мышления:

«Мысль зарождается в сердце и лишь передается в мозг» [9, 689].

«Не мозговое вещество мыслит. Пора признать, что мысль рождается в огненных центрах. Мысль существует как нечто весомое и незримое, но нужно понять, что рычаг не есть горнило. Уже многие истины стучатся, но только мысль об огненных центрах может помочь правильным представлениям» [8, 234].

«Интеллект не есть мудрость. Чувствознание есть мудрость, интеллект есть рассудок. Мудрость решает. <...> Интеллект есть преддверие мудрости, и когда он заострен, он сливается в сферу синтеза. <...> Синтез духа открывает все сферы. Духовное напряжение накапливает пространственную психическую энергию» [6, 508].

«Часто мы знаем слово и не можем произнести его. В глубине вращается понятие и не выносится на поверхность. В это мгновение лучшие всего ощущается глубина сознания» [6, 627].

Итак, для развития духовности необходимо признать ведущее значение сердца. Человек двигается в будущее — лишь познавая Огонь сердца и неся ответственность за качество мышления. Настоящие экстрасенсы являют нам пример владения Огнем

сердца. У них уже развито сущностное общение (без слов). У большинства же людей такое общение зависит от конкретного потенциала психической энергии (накоплений Духа) и потому проявляется нередко или даже никогда. Но каждая добрая мысль и устремление к Прекрасному подвигаются быстро.

Если принять все сказанное без предубеждения и трезво приложить свое наблюдение, то можно усмотреть, что нет ничего тайного в искусстве мышления и в утончении сознания, что механизм мышления подобен данному в Живой Этике и ведет он в Надземный Мир в Космос.

Литература

1. *Геллер Ури, Плейфайр Гай*. Моя история. Эффект Геллера. Перевод с английского языка. Соваминко, 1991.
2. *Рерих Н.К.* Пути Благословения. Рига: Виета, 1992.
3. *Амонашвили Ш.А.* Школа жизни. М., 1998.
4. *Войно-Ясенецкий В.Ф. (Архиепископ Лука)*. Дух. Душа. Тело. Волгоград: ИИЦ Ноосфера, 1990.
5. Письма Елены Рерих. В 2 т. Т. 1. Рига, 1940.
6. Учение Живой Этики. Знаки Агни Йоги. М.: МЦР, 1994.
7. Учение Живой Этики. Мир Огненный. Ч. I. М.: МЦР, 1995.
8. Учение Живой Этики. Мир Огненный. Ч. II. М.: МЦР, 1995.
9. Учение Живой Этики. Надземное. М.: МЦР, 1996.
10. Учение Живой Этики. Сердце. М.: МЦР, 1995.
11. Breakthrough to Creativity, Your Higher Sense of Perception. By Karagulla, Shafica, M.D. Published: De Vorss. Santa Monica, 1974.

Б.Г.ПШЕНИЧНЕР,

*зав. отделом астрономии и космонавтики МГДДЮТ,
действительный член РАКЦ им. К.Э.Циолковского,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
Москва*

ПРОЕКТ «ЗДРАВСТВУЙ, ГАЛАКТИКА!» КАК ОСНОВА КОСМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

В конце августа – начале сентября 2001 года из Национального центра управления и испытания космических систем Украины (бывший Центр дальней космической связи СССР), что близ Евпатории, с помощью мощного передатчика, установленного на радиотелескопе РТ-70, отправлено Послание к звездам солнечного типа.

Так завершился важный этап Московского открытого проекта «Здравствуй, Галактика!», который его авторы и участники посвятили наступлению третьего тысячелетия и 40-летию полета Юрия Гагарина в космос.

Идея проекта была предложена автором весной 2000 года. Она была поддержана, развита и обогащена рядом ученых и сотрудников Отдела астрономии и космонавтики Московского городского Дворца детского и юношеского творчества (МГДДЮТ). Особенно активно в организации и реализации проекта участвовали руководитель НКЦ SETI Л.М.Гиндилис, сотрудник этого Центра Л.Н.Филиппова, главный научный сотрудник ИРЭ РАН А.Л.Зайцев, профессор Н.Т.Петрович и сотрудники Дворца И.А.Феодулова и С.П.Яценко.

Идея создания и отправки детского Радиопослания Внеземным Цивилизациям возникла в процессе подготовки коллектива Дворца к Международной конференции «Дети на пороге XXI века». С самого начала проект задумывался как Московский, но открытый для участия всех желающих. Организаторы постарались широко проинформировать общественность о его подготовке. Вслед за первой публикацией в еженедельнике «Физика» (приложение к газете «Первое сентября») о проекте сообщили агентства

ИТАР–ТАСС и «Новости», рассказали газеты «Пионерская правда», «Московская правда», «Комсомольская правда», «Известия», журнал «Звездочет» и Центральное телевидение. Достаточно полно о проекте информировала страничка в Интернете на сайте Отдела астрономии и космонавтики МГДДЮТ.

С сожалением отмечу, что в наше прагматическое время нашлось гораздо меньше, чем предполагали организаторы, желающих активно включиться в эту научно-культурную акцию. На разных этапах свои предложения к проекту в устном и электронном виде дали около 1500 человек из Москвы, Калуги, Зеленогорска (Красноярский край), Омска, Пензы, Новороссийска, Владикавказа, Кемерово, Липецкой, Калининградской, Свердловской областей, Удмуртии и Украины. Систематически над проектом работало несколько десятков школьников.

При реализации проекта коллектив взрослых его участников руководствовался следующими педагогическими идеями:

- работа над проектом – средство формирования космического и экологического сознания учащихся, воспитания ответственного отношения к жизни общества, повышения уровня личной культуры, развития творческого потенциала участников Проекта;
- открытость проекта для участия в нем заинтересованных коллективов и отдельных школьников;
- сотворчество учащихся, педагогов и ученых в процессе работы над проектом и при его реализации;
- приоритетная роль учащихся в определении концепции и содержания проекта при строгой его научности благодаря сотрудничеству на всех этапах со специалистами.

В результате разъяснительной работы среди педагогов и кружковцев Отдела астрономии и космонавтики Дворца сформировалась небольшая инициативная группа учащихся, которая вместе с учеными и педагогами приступила к обсуждению организационных и содержательных сторон проблемы.

Весной и в начале лета 2000 года инициативная группа подготовила предложения по концепции и содержанию проекта. Наибольший вклад в подготовку этих материалов внесли Егор Киселев, Владимир Филиппов и Андрей Гутионтов. Со своими предложениями они выступили перед участниками секции «Космический патруль» Международной конференции, которая проходила с 10 по 15 июля 2000 г.; один из «круглых сто-

лов» конференции был посвящен разработке проекта первого детского Послания Внеземному Разуму. Вначале участников обсуждения – в основном старшеклассников – смущало слово «*дети*» в названии проекта. Выяснилось, однако, что *в международных конвенциях под этим словом подразумевают молодежь до 18 лет.*

Среди вопросов, по которым шли дискуссии участников «круглого стола», были:

Стоит ли заниматься разработкой Послания, если нет уверенности, что его кто-нибудь и когда-нибудь получит? – Что рассказать о нашей Земле и цивилизации, ведь у нас много и хорошего, и плохого? – Как выбрать главное и что является главным? – Имеет ли право на существование именно детское Послание? – В чем особенность содержания и формы такого Послания?

В итоге бурных дискуссий ребята, а также педагоги и ученые, участвовавшие в обсуждении, пришли к выводу, что Послание надо готовить, что работа над ним даст возможность задуматься над результатами, с которыми человечество входит в XXI век, что у каждого, кто включится в это дело, появится возможность посмотреть на нашу Землю как бы со стороны и оценить все происходящее на ней. Это особенно важно для детей и молодежи, от взглядов и поступков которых будет зависеть судьба планеты. Это Послание станет поразительным открытием для Внеземных Цивилизаций, часть которых составляют дети! Это Послание не только к звездам, но и в Будущее нашего человечества! Из него потомки смогут узнать о проблемах нашего времени, о ценностях ребят на рубеже XX и XXI веков.

Все участники международной встречи, а их было более 500 из 12 стран, поддержали идею подготовки Послания и одобрили Резолюцию «круглого стола».

Вот основные идеи Резолюции:

– Первое детское Послание Внеземным Цивилизациям должно быть разработано с участием возможно большего числа детей и молодежи и отправлено в 2001 году – в ознаменование наступления нового тысячелетия и 40-летия полета Юрия Гагарина.

– Привлечь новых участников проекта можно с использованием Интернет и СМИ.

– В Послании должен найти отражение именно детский взгляд на мир и его проблемы.

– В Послании должна быть заложена минимально необходимая основная информация о нашей цивилизации.

– Послание должно соответствовать основной цели: установлению контактов с Внеземными Цивилизациями – и потому быть максимально понятным.

– Послание будет состоять из краткого вступительного текста, рисунка, музыкальной части и игрового момента.

Параллельно с разработкой структуры, формы и содержания Послания группа участников проекта вела выбор звезд-адресатов. Дело это чрезвычайно важное и сложное. И хотя до сих пор нет никаких достоверных данных о жизни в Галактике за пределами Земли (и потому нет конкретного адреса), то решили, что следует выбирать такие звезды, вблизи которых наличие жизни наиболее вероятно.

После конференции к работе над проектом присоединились ее участники – ребята из Калуги под руководством А.А.Борисовой, коллектив юных астрономов из Зеленогорска Красноярского края (руководитель С.Е.Гурьянов) и из астрономического коллектива «Альбирео» Дворца детского творчества Воронежа.

В Калуге и Москве было проведено анкетирование сотен учащихся, чтобы уточнить содержание Послания.

Несколько десятков ребят из разных регионов поместили свои предложения в специальном разделе форума на сайте Отдела астрономии и космонавтики или прислали их по электронной почте.

Для обработки и анализа поступающих материалов, продолжения работы над Посланием с начала 2000/2001 учебного года была сформирована рабочая группа, в которую кроме активных участников проекта – школьников вошли педагоги, ученые и специалисты. Взрослые участники проекта не только консультировали ребят, но и выполняли некоторые работы, требующие профессиональной подготовки.

Важным этапом в реализации проекта стало его обсуждение на традиционной Московской открытой конференции «Космический патруль», которая проходила в Московском Дворце творчества в дни 40-летия полета Ю.А.Гагарина. Обсуждение докладов по структуре, форме и содержанию Радиопослания показало, что проект успешно выполняется и близок к завершению. Было решено организовать сеансы отправки Радиопослания в конце

августа 2001 года из Евпатории. На конференции подвели итоги конкурса на лучшее название проекта. Самыми удачными признали: «МИР» (Мы Ищем Разум) и «Здравствуй, Галактика!» В конце концов утвердили второе название. И еще – ребята и специалисты пришли к общему мнению: отправкой первого детского Радиопослания проект не должен завершиться. Тем более что далеко не все интересные идеи и начинания удается использовать в нынешнем проекте.

После конференции в проект включились юношеские коллективы из Новороссийска, Санкт-Петербурга, Симферополя и других городов.

В оставшееся до отправки Послания время была завершена работа над текстом, окончательно доработан рисунок-эмблема, отобраны музыкальные произведения, закодированы тексты и рисунок, разработано и утверждено техническое задание. Были успешно решены многие инженерно-технические вопросы и организационные проблемы, среди которых важнейшие – финансирование и обеспечение самой отправки радиосигналов. Надо учесть, что оптимальным средством передачи сигнала на межзвездные расстояния на территории СНГ является евпаторийский планетный локатор, установленный на 70-метровой антенне П-2500 (радиотелескоп РТ-70), возможная мощность излучения которого от 80 до 150 кВт.

Благодаря многолетним связям и сотрудничеству Отдела астрономии и космонавтики МГДДЮТ с ведущими организациями и специалистами космической науки и техники, а также вниманию и интересу, который проявили к оригинальному детскому проекту многие видные ученые и руководители, отправка Послания стала возможной.

Среди многих других проект поддержали председатель научного совета по астрономии РАН академик Н.С.Кардашов, директор Государственного астрономического института им. П.К.Штернберга, член-кор. РАН А.М.Черепашук, вице-президент Российской академии космонавтики, член-кор. РАН О.М.Алифанов. Организационная помощь была оказана Российским авиационно-космическим агентством и Национальным космическим агентством Украины, без согласия которого отправка сигнала не могла состояться. В реализации проекта участвовали ГАИШ (Государственный астрономический институт им. Штернберга),

Научно-культурный центр SETI, Институт радиотехники и электроники РАН, Институт прикладной астрономии РАН в Петербурге, Радиоастрономический институт Национальной академии наук Украины в Харькове. Важную роль в техническом и организационном обеспечении отправки Радиопослания выполнил Российский НИИ космического приборостроения, который по просьбе МГДДЮТ заключил соответствующий договор с Украинским центром управления и испытания космических систем, базирующихся под Евпаторией.

Реализация проекта стала возможной благодаря финансовой и организационной поддержке комитетов Правительства Москвы: Комитета образования (председатель Л.П.Кезина), Комитета общественных и межрегиональных связей (председатель В.В.Андрянов), Комитета по делам семьи и молодежи (председатель И.Н.Муравьева), а также при помощи дирекции МГДДЮТ.

В заключение приведу окончательный текст Послания, в закодированном виде отправленный к звездам:

«Здравствуйте, наши Космические друзья!

Мы, дети планеты Земля, отправляем вам это Послание. Знайте, вы не одиноки во Вселенной. Предлагаем вам дружбу. Галактика, в которой мы с вами живем – наш общий Дом. Мы называем ее Млечный Путь.

Земля вращается вокруг звезды по имени Солнце. На нашей планете, покрытой водой и сушей, обитает много живых существ, но только люди создали техническую цивилизацию.

Мы живем семьями: родители и дети. Дети любят играть. Мы хотим показать вам наши игры, рисунки, музыку. Человек живет около 80 лет. Нам, детям, пишушим это Послание, сейчас от 13 до 18 лет, и мы надеемся дождаться вашего ответа.

У людей разные культуры, языки и религии. У нас много научных и технических достижений, но ученые изобрели оружие, которое может уничтожить жизнь на Земле.

Наша планета прекрасна, но больна. Наши проблемы – это войны, нарушенная экология, истощение природных ресурсов. Но мы верим, что сможем преодолеть эти проблемы, и все люди на Земле будут счастливы.

Мы хотим узнать о вас, ответьте нам, и мы будем очень рады! Желаем вам мира и добра!

Дети Земли, август-сентябрь 2001 года».

Работа над проектом продолжается.

Наряду с подготовкой новой редакции Послания участники проекта вместе с учеными теперь включились в поиск разумных радиосигналов от ближайших звезд.

Летом 2002 и 2003 годов на базе Пушинской радиоастрономической обсерватории Астрокосмического центра ФИАН и Пушинского экологического лицея Отдел астрономии и космонавтики МГДДЮТ организовывал школу-конференцию «Здравствуй, Галактика!». Кроме 23 ребят из Москвы в ней участвовали делегации из Волгодонска, Калуги, Серпухова и Пушкина.

Наиболее важной частью выезда является программа поиска разумных радиосигналов на телескопе РТ-22 от 11 звезд, включая звезды-адресаты первого детского Послания, отправленного в 2001 году из Евпаторийского центра дальней космической связи. Вместе с учеными наблюдение в Пушинской радиоастрономической обсерватории посменно по графику ведут до 30 школьников. Каждый из них во время дежурства в течение 40 минут управляет радиотелескопом под наблюдением специалистов.

В программе школы-конференции были лекции и семинары, в которых наряду со школьниками приняли участие видные ученые (5 докторов и 4 кандидата наук). Лекции и семинары проводили также сотрудники нашего Дворца. Читались лекции и проводились беседы по астрономии и радиоастрономии, по проблемам жизни во Вселенной и поиска Внеземного Разума. Состоялись также лекции о проблемах и перспективах нашей цивилизации, о космической философии К.Э.Циолковского.

Летом 2002 года для встречи с ребятами и обмена опытом в г. Пушкино приезжал руководитель образовательного молодежного космического проекта «Солнечный парус» Р.Браастад (США).

Ребята с интересом участвовали в диспутах: «Возможные формы внеземной жизни», «Будущее человечества», «Мое представление о контакте с Внеземным Разумом», в ролевых играх на тему «Встреча с пришельцами из иных миров», в творческом вечере «Мы рисуем Космос». В период работы лагеря проведены автобусные экскурсии: в Приокско-террасный заповедник, в музей-усадьбу Поленово, в Мелихово — музей-заповедник А.П.Чехова. Участники семинара подробно ознакомились с инструментами Пушинской радиоастрономической обсерватории.

Оставалось время для прогулок в лес и на Оку, для песен у костра, для вечерних проводов Солнца и встречи рассвета, для наблюдений звездного неба, для неформального общения с учеными и педагогами.

По итогам семинаров проводится анкетирование, которое показывает высокую оценку выездов в Пушкино самими их участниками.

Короткие выезды в Пушкино из Дворца детского и юношеского творчества для продолжения радиомониторинга проходят во время учебного года.

Реализация проекта «Здравствуй, Галактика!», как видно из сказанного, имеет большой педагогический потенциал. Здесь обучение, исследовательский эксперимент и воспитание связаны неразрывно. Особенно важно для школьников, что на всех этапах они сотрудничают с педагогами и специалистами, которых отличает высокая квалификация, увлеченность делом и интеллигентность. Здесь знания, навыки, моральное поведение передаются, так сказать, из рук в руки.

Особо подчеркну, что содержание проекта отличается широтой. Здесь вопросы философии, науки и искусства гармонично сочетаются. А осознание важности существующих проблем для будущего нашей цивилизации способствует социализации юных участников проекта, воспитывает у них чувство гражданской ответственности за будущее планеты.

Вместе с тем проблема связи с Внеземным Разумом (SETI) является столь широкой и комплексной, что глубокое знакомство с нею и тем более практическое участие в ее реализации может иметь весьма большое значение не только для нравственного развития учащихся, повышения их эрудиции и культуры. Учитывая, что к решению этой проблемы привлечены ресурсы целого ряда гуманитарных, естественных и точных наук, передовых отраслей техники, технологии и связи, можно с уверенностью прогнозировать (этот прогноз уже отчасти подтвержден нашим опытом) профориентационный эффект программы «Здравствуй, Галактика!».

В заключение приглашаю всех заинтересовавшихся проектом и программой «Здравствуй, Галактика!» к сотрудничеству с нами.

Участники школы-конференции «Здравствуй, Галактика!»
возле радио телескопа РТ-70. Евпатория

И.А.ФЕОДУЛОВА,

*педагог дополнительного воспитания
Московского городского Дворца
детского и юношеского творчества*

НА ПУТИ К ВОСПИТАНИЮ КОСМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РЕБЕНКА

КОСМИЧЕСКАЯ ОСНОВА МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Стремление в космическую Беспредельность – одно из самых лучших человеческих устремлений. Осознавая себя в окружающем мире, люди всегда связывали свое существование с жизнью Космоса. В связи с этим правомерно говорить о Космическом сознании человека.

Термин *Космическое сознание*, обозначающий понимание идеи связи человека и Космоса, часто встречается в литературе, но однозначного определения не имеет [1, 4]. Говоря о *Космическом сознании*, мы будем иметь в виду ощущение человеком в той или иной форме своей сопричастности Космосу и потребность в его познании. Само слово «сознание» относится к области психологии. Согласно Большому толковому словарю русского языка, одним из значений этого слова является «*свойственное человеку восприятие и понимание окружающей действительности*» [2]. Исходя из этого определения сознания, мы можем определить *Космическое сознание* также и как человеческое свойство воспринимать или осознавать Космос.

Какую же роль играет Космическое сознание в жизни людей? Если взглянуть на известную нам историю человечества, то в какой-то мере ее можно представить как историю развития представлений о Вселенной, как стремление все полнее осознавать себя в ней, как историю развития сознания. Эту мысль высказывал французский биолог и философ Пьер Тейяр де Шарден, видя направленность эволюции в росте сознания: «*Эволюция – возрастание сознания*» [8, с. 193]. Но если мы глубже начнем рассматривать этот вопрос, то мы увидим, что правомерно говорить и об эволюции Космического сознания.

Очевидно, самым первым зародышем Космического сознания еще в глубокой древности было простое созерцание звездного неба, которое затем перешло в его систематическое наблюдение и изучение. Попытка объяснить существующую закономерность между земными и небесными явлениями привела к появлению системы астрологических знаний. Позже появилась астрономия – древнейшая из наук, свидетельствующая о том, что изучение неба было одной из самых первых интеллектуальных потребностей человека.

Изучая прошлое, мы обнаруживаем присутствие космизма и в искусстве. В отдаленные тысячелетия уходят наскальные рисунки, изображающие небесные светила. Космические мотивы в виде ритмичного орнамента и солярных знаков присутствуют в прикладном народном творчестве. Большинство народных праздников, ритуалов и обрядов отображает именно космические явления. Одними из самых первых представлений человека о Космосе были космогонические мифы о Вселенной, мифы о богах, населяющих небо и управляющих земной жизнью. Небо выступало перед человеком как направляющее начало. Космос помогал ориентироваться в пространстве и времени, организовывал повседневную жизнь.

Таким образом, в древности мировоззрение людей носило образно-мифологический характер, и это говорит о том, что человек, будучи глубоко уверен в существовании своей неразрывной связи с Вселенной, и земные дела оценивал с космических позиций. Уже на самых ранних этапах развития мы можем видеть изначальную космичность человеческого мышления.

Далее, вследствие эволюционных причин развития, на смену образно-мифологическому и религиозному путям познания мира, отражающим одну, но очень важную – духовную сторону реальности, пришло научное мышление, отражающее изучение не менее важной материальной стороны единой существующей реальности. В результате потерялись цельность и единство восприятия мира, но зато прибавилась важная сторона его познания – тщательное изучение мира материи, его движения и физических свойств. В далеком прошлом, по меньшей мере начиная с Древней Греции, можно увидеть первые признаки, указывающие на такие изменения в мышлении. И мифологическое, и религиозное, и научное мировоззрения содержат в своей ос-

нове космичность, свое видение взаимосвязи человека и Космоса, хотя форма и качество проявления космизма у них различные. В последующие века делались грандиозные по масштабам открытия в области изучения Космоса, не раз менявшие астрономическую картину мира.

На основе вышесказанного мы приходим к нескольким очень важным выводам.

1. *Космическое сознание – это коренная особенность человеческого интеллекта.* В сознании человека всегда присутствовал элемент космизма. Можно предположить, что Космическое сознание является частью нашей генетической программы. И это не случайно. Являясь частью Космоса и развиваясь по его законам, человек в своей основе имеет космическое происхождение. В этой мысли убеждены многие ученые и исследователи. Так, А.Л. Чижевский в стихотворении «Гиппократу» утверждал: «*Мы – дети Космоса*» [12, с. 34]. Сегодняшние научные теории также говорят в пользу нашего космического происхождения. Астрономы представляют себе развитие Солнечной системы, а следовательно, Земли и впоследствии человека, из газопылевого облака путем гравитационного сжатия. Это первичное облако состояло в основном из атомов водорода и гелия, появившихся в начале образования Вселенной. Более тяжелые химические элементы этого облака составляли около 0,01 доли водорода. Они образовались в результате ядерных реакций внутри звезд ранних поколений и попали в межзвездную среду в результате звездных ветров или при звездных взрывах [6]. Это говорит о том, что в конечном счете человек произошел из самых первичных атомов Вселенной и последующих тяжелых элементов, возникших внутри ранних звезд. Можно предположить, что, имея космическое происхождение, мы имеем в нашем сознании в закодированном виде информацию о Космосе и его развитии, которая и побуждает человека к его изучению.

2. *Эволюция Космического сознания.* Элемент космизма в сознании человека от эпохи к эпохе подвергался трансформации, принимая те или иные формы видения мира – от простого созерцания величественной картины звездного неба до религиозного верования в его высшую разумную силу или научного осмысления Космоса. В этой связи мы можем говорить об *эволюции Космического сознания*, о том, что это сложный закономерный про-

цесс, который неизбежен и ведет к постоянному расширению знаний о Вселенной, то есть к возрастанию и качественному изменению Космического сознания.

3. *Космическое сознание тесно связано с мировоззрением.* Оно формирует человека как мыслящее существо и играет важную роль в его жизни. То, как человек будет отвечать на главные вопросы бытия, связанные с Вселенной, со своей ролью в ее эволюционном развитии, говорит о качестве его Космического сознания, определяет его жизненную позицию, а следовательно, и то, как сложится его дальнейшая судьба.

Таким образом, Космическое сознание есть неотъемлемое свойство человеческого сознания в целом, оно подвержено эволюции и непосредственно связано с мировоззрением человека.

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

В современную эпоху Космическое сознание значительно расширилось и претерпевает существенные качественные изменения. Это связано с интенсивным освоением и изучением Космоса, а также с тем, что человечество подошло к критической точке своего развития, о чем свидетельствуют глобального масштаба кризисы на Земле. Пытаясь их разрешить, люди начинают задумываться об их причинах и о своей роли в общем мировом эволюционном процессе. Многие исследователи и мыслители предчувствуют надвигающиеся в связи с этим коренные преобразования. Они отмечают необычность современной эпохи, называя ее переходом в новое время, в новый мир.

Николай Константинович Рерих также подчеркивал, что мы живем в великое время пробуждения народного самосознания и духовности, в дни переустройства всей жизни. И поэтому вовсе не случайны все бури земных потрясений, свидетелями которых мы являемся, — ведь мы находимся на пороге открытия Врат в Будущее [7].

Меняется мир, меняется сознание, изменяется и Космическое сознание. Каковы же его основные черты в современную эпоху?

1. *Стремительное расширение Космического сознания.* Прошедший XX век богат своими достижениями во всех областях знаний. Однако многие исследователи называют его веком Космоса. Ведь именно в этой области были сделаны потрясающие открытия,

изменившие наше представление о Вселенной, а также свершилось, может быть, самое главное достижение XX века – выход человека за пределы родной планеты: сначала в ближайшее околоземное пространство, а затем и на соседние космические тела. Более того, четыре автоматические межпланетные станции сейчас уходят за пределы не только Земли, но и Солнечной системы, неся на своем борту информацию о нашей планете и человечестве. Важным событием в области изучения Космоса стало возникновение в середине прошлого века нового научного направления – SETI, занимающегося поиском жизни и разума во Вселенной. Сегодня, на переходе в третье тысячелетие, человечество активно изучает всю Солнечную систему, Галактику и Метагалактику. Благодаря научным открытиям и развитию современных научных теорий сознание человека проникло в глубины Вселенной до расстояния почти в 14 млрд световых лет! Благодаря интенсивному изучению Космоса земное, обособленное сознание человека постепенно расширяется до масштабов всей видимой Вселенной.

Таким образом, одним из наиболее заметных в настоящее время свойств Космического сознания является его *стремительное расширение*, то есть стремление все больше увеличивать границы своего обитания и познания Космоса. О закономерном расширении ноосферы писал величайший ученый и мыслитель XX века – В.И.Вернадский.

2. *Научное осознание своей неразрывной взаимосвязи с Космосом.* Изучение физики Солнца, гравитационных воздействий ближайших небесных тел, проблем астероидной и кометной опасности показало зависимость нашей планеты от ближайших космических объектов и навело на мысль о возможной зависимости и от всего Космоса в целом. О связи человека со всем Космосом говорил ученый А.Л.Чижевский: «Жизнь <...> в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. Она создана воздействием творческой динамики Космоса на инертный материал Земли. Она живет динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца – этой грандиозной совокупности туманностей, звезд, Солнца и планет» [11, с. 33]. Таким образом, именно сегодня человечество начинает научно осознавать реальный смысл космических влияний и свою неразрывную связь с Вселенной, свою зависимость от нее, а свои земные дела оценивать, соответственно, под космическим углом зрения.

В Живой Этике также говорится о взаимосвязи человека и Космоса:

«И чем человечество обладает, оно черпает из сокровищницы Космоса» [9, 46].

3. *Потребность осмысления своего места и роли во Вселенной.* Происходит еще одно важное качественное изменение в сознании — изменяется смысл многих человеческих устремлений и творческих поисков. Это выражается в потребности понять и осмыслить свое место во Вселенной и свою роль в ее общем эволюционном развитии. Человеку стало важно не только изучать небесные тела как таковые, но знать, в каких отношениях он находится с Вселенной. Выразительны в связи с этим слова крупнейшего американского физика-теоретика Стивена Вайнберга: *«Для человеческих существ почти неизбежна вера в то, что мы имеем какое-то особое отношение к Вселенной и что человеческая жизнь есть не просто более или менее нелепое завершение цепочки случайностей, ведущей начало от первых трех минут, а что наше существование было каким-то образом предопределено с самого начала»* [3, с. 142].

Сейчас многие специалисты приходят к выводу, что большинство глобальных проблем связано с человеческой личностью, с неправильным восприятием себя в окружающем мире. Поэтому человек должен изучать Космос, чтобы понять себя, свою роль в его развитии, свои истоки. Об этом так писал В.И.Вернадский: *«Это самое глубокое проявление самосознания, когда мыслящий человек пытается определить свое место не только на нашей планете, но и в Космосе»* [5, с. 50].

4. *Целостный подход к пониманию мира.* В Живой Этике сказано, что *«согласованность духа и материи — редчайшее космическое явление»* [9, 106]. Сегодня на наших глазах происходит удивительное явление сближения области точных наук с духовной, которое может полностью перевернуть наше представление о Вселенной и человеке и привести к формированию новой парадигмы познания и к созданию целостной картины мира. В течение нескольких последних десятилетий с помощью научных методов ведутся интенсивные исследования в различных областях науки, указывающие на такое сближение. Многие ученые: физики, психологи, врачи и другие специалисты — пишут о существовании миров более тонких состояний по сравнению с известным нам

миром плотной материи. Эти миры также материальны, к ним относятся тонкие тела человека, его сознание. В подтверждение этого можно привести результаты уникальных исследований академика Г.И.Шипова и работы Института теоретической и прикладной физики на основе новых научных концепций физического вакуума и торсионных полей. Сегодня в понимании природы Космической реальности происходят глубокие перемены.

Таким образом, важной тенденцией Космического сознания являются поиски *целостного подхода* в видении мира. Многие великие ученые еще раньше верили в возможность синтеза науки и религии. В качестве примера можно привести слова А.Эйнштейна: «*Наука без религии неполноценна, а религия без науки слепа*».

5. *Экологический и этический подходы в изучении Вселенной.* Изучая Солнечную систему, человек узнал об уникальности своей планеты. Поэтому люди все больше приходят к мысли о необходимости особенно ответственного подхода к сохранению природы и современной земной цивилизации. Человечество также начинает понимать необходимость осознания ответственности за возможные последствия своей деятельности и в масштабе всего Космоса. Таким образом, уже в наше время отмечается рождение космо-экологического мировоззрения.

С другой стороны, может оказаться, что человеческая деятельность в Космосе будет не только технической, а, возможно, и социальной. Сегодня ученые ведут поиски жизни и разума во Вселенной. Они надеются, что когда-нибудь состоится встреча с представителями Внеземных Цивилизаций. И в основе таких отношений должны лежать принципы взаимного сотрудничества и стремление к творческому осознанию Мира. Принципы сотрудничества с Дальними Мирами рождают Космическую Этику, о которой писал в начале XX века К.Э.Циолковский.

С этих позиций Космическое сознание – гармоничная форма взаимодействия человека со Вселенной, способствующая сохранению не только биосферы и ноосферы Земли, но также и всего Космоса. Это – осознание необходимости распространения принципов экологии и этики за пределы Земли в эпоху начавшейся экспансии человечества в Космос.

Таким образом, основными признаками Космического сознания в современную эпоху являются: его стремительное расширение, научное осознание человеком своей взаимосвязи

с Космосом, потребность научного осмысления своего места и роли в общей эволюции Вселенной, целостный подход к пониманию Мира, экологический и этический подходы в изучении Космоса.

ЭВОЛЮЦИОННО НЕИЗБЕЖНЫЙ ПРОЦЕСС, КОТОРЫЙ НЕОБХОДИМО УЧИТЫВАТЬ В ОБРАЗОВАНИИ

Из всего сказанного видно, что Космическое сознание представляет собой чрезвычайно важный элемент духовного начала человека, обращенного к общечеловеческим ценностям. Возрастание сегодняшнего Космического сознания является эволюционно-закономерным процессом. Человечество незаметно для себя все чаще стало мыслить космическими категориями. Космическое сознание начинает прорываться во все сферы человеческой деятельности. Так, в литературе окончательно завоевал себе место и стал популярным отдельный жанр – космическая фантастика. Космическое творчество все чаще звучит в живописи и в музыке. На всех уровнях современного развития – научном, культурном, бытовом – мы наблюдаем возрождение в сознании человека древней идеи космизма. И это – естественно.

Вот почему именно сегодня так необходимо учитывать в воспитании и в образовании космическое начало человека, его Космическое сознание. Но это будет уже Космическое воспитание и Космическое образование.

Идея космического воспитания для педагогики не нова. Еще в начале прошлого века ее высказывал наш замечательный отечественный педагог Константин Николаевич Вентцель (1857–1947).

Он понимал личность как неотъемлемую часть всеобъемлющего Космоса, исходил из нерасторжимости и органического единства человека и Вселенной и ставил вопрос о воспитании ребенка как члена Космоса, гражданина Вселенной.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КОСМИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Сегодня главной задачей в педагогике провозглашается воспитание свободной творческой личности, максимальное раскрытие творческого потенциала детей.

Развитие личности происходит в процессе познания окружающего мира и расширения сознания. Чем шире будет мировоззрение ребенка, тем полнее и творчески разовьется его личность. Поэтому ориентация мышления детей на Космос, воспитание у них Космического сознания может являться сегодня одним из средств максимального развития в них творческого индивидуального начала. И это будет уже самым высоким творчеством, которого можно достичь, – Космическое. Учитывая вышесказанное, можно сформулировать следующую цель Космического воспитания: *развитие творческого индивидуального начала в ребенке через воспитание у него Космического сознания.*

Проблема Космического воспитания имеет свои специфические задачи. Попробуем сформулировать основные из них:

1. Согласно К.Н.Вентцелю, основной задачей Космического воспитания будет являться *развитие в ребенке Космического самосознания*, то есть осознания самого себя как неразрывной части беспредельного Космоса. Педагогу необходимо довести до сознания воспитанника общность его жизни с жизнью космической, *«что он со всем космосом составляет одно единое нераздельное целое, которое развивается в каком-то направлении, и что он, хочет ли этого или не хочет, так или иначе принимает то или другое участие в этом процессе развития космической жизни»* [4, с. 210].

2. Другой важной задачей Космического воспитания могло бы быть формирование *космо-экологического* и *космо-этического* мышления как важнейших нравственных принципов.

3. *Развивать стремление творчески участвовать в жизни Космоса – третья задача Космического воспитания.* Творчество и самосовершенствование являются главной целью существования и развития человека. С этим согласны все основные мировые религиозные учения. Поэтому изучение Вселенной должно помочь каждому из детей стать творческой личностью в максимально возможной для него степени.

Реализация этих задач привела бы к утверждению человеческой личности в Космосе. Такая позиция не означает полный отрыв от жизненной реальности. Человечество только начинает выходить в Космос. И на данном этапе Космическое сознание должно сочетать и повседневное существование, и космическое измерение человека и бытия. Задача состоит в том, чтобы правильно расставить приоритеты.

ЧТО ДАСТ НОВЫЙ ПОДХОД В МЫШЛЕНИИ

Космическое сознание — это не просто комплекс правил, это, скорее, система мышления и образ жизни, который вырабатывает привычку жить согласно законам природы и эволюции. Космическое сознание поднимает нравственность, устремляет к духовному развитию, повышает культурный уровень детей.

Многие специалисты приходят к выводу, что большинство проблем подрастающего поколения связано со становлением человеческой личности, ее мировоззрения. В качестве примера можно привести такой факт: многие молодые люди не видят, куда и зачем направлена их жизнь. Бесперспективность развития является причиной многочисленной депрессии молодежи и последующего суицида. Рост таких явлений в последнее время подтверждает статистика. Поэтому для разрешения этих и других проблем необходима новая ориентация сознания подрастающего поколения. Таким жизненным ориентиром могло бы служить Космическое сознание. Наш замечательный писатель-фантаст Иван Ефремов в своих произведениях утверждал, что человеку надо обязательно давать идеальное, конструктивное, позитивное, чтобы можно было устремляться, развиваться, к чему-то идти.

В Учении Живой Этики также говорится о необходимости переориентации сознания: *«Новый мир имеет новые условия и требует новых действий. Невозможно войти в Новый мир со старыми методами, потому так зову к перерождению сознания»* [10, 434].

Воспитывая Космическое сознание, мы развиваем у детей новую систему духовных ценностей, которая основана на понимании Вселенского закона. Ребенок постигает, что является неотъемлемой частью беспредельного Космоса. Это порождает у него глубокое уважение к жизни и сочувствие ко всем живым существам, а следовательно, значительно уменьшает склонность к аморальному и антисоциальному поведению, учит его любви, состраданию и терпимости. Он начинает понимать, что является важной частью единого Целого и потому, вредя другим, он в первую очередь вредит себе. Осознание этого и приведет его к космическому мировоззрению, которое он сделает исходную точку и базисом всей своей последующей жизни.

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ – БАЗИС ВОСПИТАНИЯ

Поскольку космичность мышления есть изначальное свойство человеческого сознания и эволюция человека, как мы видели, связана с ростом Космического сознания, то очень естественно было бы сделать его фундаментом воспитания и образования учащихся. В последнее время многие исследователи делают вывод о мировом кризисе в образовании. Космическое сознание – это идея, на которую могла бы ориентироваться новая модель воспитания и образования. Об этом писал и педагог К.Н.Вентцель: *«Только космическая культура человечества может вывести его из того тупика, в который оно зашло. Надо строить новую культуру на космическом базисе, только она приведет к исчезновению всех тех отрицательных явлений, которые были порождены культурой прошлого, только она поведет к исчезновению войн и всяких антагонизмов между народами, объединит людей в одно солидарное целое...»* [4, с. 206].

ВОЗМОЖНЫЕ ПРОЕКТЫ

Одним из шагов к формированию Космического сознания может стать работа с подрастающим поколением в области проблемы SETI. Сейчас большинство ученых считают, что SETI – это сложная проблема, в которой тесно переплелись научные, философские и духовные искания человечества. Поэтому SETI – не только техническая и даже не только научная проблема, а проблема всей человеческой культуры. Ведь контакт с Внеземными Цивилизациями – это не просто передача и прием радиосообщения, это взаимодействие космических культур, очень разных по своему характеру и уровню развития. Поэтому человечество должно проявить готовность к контакту и понимание, что в его основе должны лежать сотрудничество и высокая нравственность. Это означает, что сознание людей должно измениться и расшириться, стать поистине Космическим.

Занимаясь проблемой SETI, учащиеся получают возможность посмотреть на свою планету как бы со стороны и оценить все происходящее на ней. И это особенно важно для подрастающего поколения, так как от их мировоззрения будет зависеть дальнейшая судьба планеты. Занимаясь проблемой SETI, молодой человек смог бы почувствовать себя Гражданином Космоса и осознать свою ответственность за судьбу планеты и Вселенной.

КОСМИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Космическое сознание заложено в каждом, оно имеет всеобщий, универсальный характер. Космическое сознание — это более прогрессивный способ мышления, так как он ведет к объединению со всей Вселенной, любой элемент которой может развиваться лишь в связи со всеми другими ее элементами.

Развивающееся Космическое сознание человека есть единственный возможный способ мышления, который рождается сегодня и дает человеку возможность полноценно жить и развиваться. Эволюция направлена в сторону усиления Космического мышления. Это означает, что человечество со временем будет мыслить все более космическими масштабами, поэтому его ждет космическое будущее. Как писал К.Э. Циолковский, Земля — это только колыбель человечества, и оно не останется вечно на Земле.

«Космичность жизни утверждаем как принцип беспрерывный» [9, 72].

«Проблема космического воспитания стучится в двери. Откроем двери настежь и займемся ею вплотную...» [4, с. 206].

Литература

1. Бекк Р.М. Космическое сознание. М.: Золотой век, 1994.
2. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
3. Вайнберг С. Первые три минуты. М.: Энергоиздат, 1981.
4. Вентцель: Антология гуманной педагогики. М.: ИДША, 1999.
5. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989.
6. Вуд Джон. Рождение Солнечной системы // Звездочет. 2001. № 5.
7. Рерих Н.К. Врата в будущее. Рига: Виеда, 1991.
8. Тейяр де Шарден Пьер. Феномен человека. М.: Наука, 1987.
9. Учение Живой Этики. Беспредельность. М.: МЦР, 1995.
10. Учение Живой Этики. Мир Огненный III. М.: МЦР, 1995.
11. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1976.
12. Чижевский А.Л. Стихотворения. М.: Современник, 1987.

В.Г.АЛЕКСАНДРОВА,

*кандидат педагогических наук, доцент,
главный научный сотрудник лаборатории
гуманной педагогики МГПУ,
Москва*

АСПЕКТЫ ДУХОВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ценность Человека в его духовности.

К.Э.Циолковский

В начале нового тысячелетия, находясь в поиске адекватного жизненного идеала, наше общество нуждается в ясном и отчетливом осмыслении всей мировой культуры. Академик Н.Н.Моисеев пишет: *«Мы переживаем смутное время, когда нравственность, общественное сознание определяют бытие в не меньшей степени, чем экономика и котировка доллара. Если мы не обретем общих идеалов, общих целей, если народ не почувствует снова своих мускулов, если не вернутся самоуважение и гордость за свою страну, за свою нацию, то нас долго не покинет ощущение духовной пустоты»* [1, с. 49]. Такое «состояние духовной пустоты» отличает чувства, мысли и мировоззрение многих учителей, лишает надежды, притупляет творческие порывы, ведет к потере увлеченности, активности, веры в перспективу в целом.

Сегодня, как никогда ранее, необходимо наполнить современный воспитательный процесс глубинным содержанием духовности. Гуманистическая традиция различает сущность духовности и ее значение в разных видах деятельности, отделяя внешние ее проявления от внутренних, раскрывая духовность в процессе свободной творческой деятельности, направляющей эту деятельность к осознанной потребности в восхождении к гармонии и совершенству.

Формируя и совершенствуя себя в мировой культуре, педагогика все более отчетливо открывает новые грани и возможности совершенствования и самосовершенствования личности, ищет иные пути ее развития и воспитания, опираясь на все лучшее, что вобрала в себя историко-педагогическая мысль. Гуманизм как

культурно-историческая традиция, как система взглядов на мир и человека, зародившись в древнегреческой цивилизации, сохранил в современной культуре свою общечеловеческую основу для образования и воспитания каждого Человека.

Учитель должен получить возможность профессионально грамотно, используя глубокие научные знания, устанавливать отношения с семьями детей, исповедующих ту или иную религию, памятуя о том, что, согласно Конституции РФ, церковь отделена от государства, но не отделена от общества. А значит, учитель — человек, несущий детям свет знания, высоту идеалов, радость беспредельного бытия, — должен опираться на исторические корни, постигать нравственные истины, сконцентрированные в религиозных учениях.

Значимость учения как творчества предполагает новое видение педагогической реальности, новый подход к образовательной деятельности. Самое высокое предназначение, даруемое ученику и учителю гуманной педагогией, есть *возможность свободного творчества*. Именно развитие творческого потенциала личности при определенных условиях, благотворности среды общения, содержательной целостности является одной из центральных линий личностного развития, где творчество есть главное условие реализации человеком своей индивидуальности. Гуманная педагогика позволяет по-своему расставить приоритеты, подчеркивая, прежде всего, не ценность знания, а ценность человека, для которого эти знания есть уникальная возможность собственного развития. В возрождении гуманизма ищет сегодняшний учитель спасительную нить в будущее, способ восстановления разрушенного в сознании и сердцах людей, принимая воспитание как «воссоздание образа души человеческой».

Согласно В.С.Соловьеву, развитие отдельного человека во многом повторяет развитие народа в целом. Такие качества, как гуманизм, гармония, целостность, являются как бы ключом к построению педагогического процесса. В.С.Соловьев считал, что природа человека имеет три основные формы бытия: мышление, чувство и волю. Развитие мышления направлено на постижение истины, развитие чувства ведет к становлению творческого начала, а развитие «деятельной воли» направлено на достижение объективного блага. Причем творческие токи личности пронизывают и сферу знания, и сферу практической деятельности. Н.А.Бердяев

считал, что человеку необходимо помочь найти себя, открыть для себя тот вид деятельности, который сможет его возвысить, и этот труд должен быть свободным и согласованным с христианской моралью. Такой труд связан с духовным самосозиданием, перерастая в личное творчество, включенное в творчество соборное. Он ставил человеческую индивидуальную свободу во главу идеи духовного становления творческой личности, убежденный в том, что человек приходит для *«дерзновенного творчества»*. В своей последней книге «Самопознание» он писал, что самопознание в себе духовного человека возможно лишь в творчестве и через личное творчество. *«Собственным творчеством человек преодолевает одно из сильнейших порождений в нас нравственного зла – уныние и выходит в состояние подъема, цельного созидания. В противном случае человек опускается, деградирует»* [2, с. 109].

К.Н.Вентцель, будучи «романтиком в педагогике», писал о необходимости объективно и научно констатировать законы духовного развития ребенка, постоянно видеть цель – развитие в нем свободной творческой личности. Размышляя о соприкосновении ребенка с религией, автор говорит о том, что надо предоставить религиозному чувству в ребенке развиваться свободно и естественно, сообразно его духовному росту и накоплению им соответствующего жизненного опыта, подходить к сфере религиозного воспитания не с точки зрения взрослого, а с точки зрения детской психологии, детской жизни, с точки зрения нормального созревания человеческой личности: *«В связи с духовным ростом человека и человечества могут меняться только формы религии, только способы ее проявления, но сама религия никогда не умрет, потому что без веры в сохранение ценности сама жизнь человека потеряла бы больше чем половину своей цены и сделалась бы похожей на бесплодную пустыню»* [3, с. 189].

Вбирая в себя многообразие и богатство мировой и отечественной культуры, человек видит в новом свете истинные общечеловеческие ценности, открывает новые горизонты восприятия мира, отказываясь от сложившихся стереотипов мышления. Синтез науки, искусства, религии рассматривается как один из главных путей воспитания духовной культуры личности ученика и учителя, позволяет формировать целостное представление о человеке и мире (микрокосмосе и макрокосмосе) и, как следствие этого, приобщать к трем основным способам мировоззрения:

рационально-логическому (наука), эмоционально-образному (искусство) и провиденциально-аксиологическому (религия). На этих трех компонентах формирования мировоззрения личности и выстраивается цепь современных педагогических исследований.

Для нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, переживающей трудный этап своего политического, экономического и социального переустройства, крайне важно осознание ценностных оснований всех религиозных учений как компонента педагогической и общей культуры, необходимого для воспитания нравственности, уважения, доброты, толерантности. Педагогика есть наука, обращенная к сердцу каждого человека – большого и маленького, верующего и неверующего, – и без осознания великой духовной силы, которую дарует педагогике Библия наравне с мудростью Дхаммапад, Корана, Торы, Вед и других Великих Книг, мы не придем к целостности восприятия мира, к гармонии бытия, к культуре образовательного поля.

Познание основ религиозных мировоззрений обогащает палитру мироощущений педагога, увеличивает возможности углубления содержания образования, совершенствования его качественных характеристик. История педагогики показывает, что с возникновения христианства практически нет ни одной педагогической системы, которая не испытала бы на себе влияния его идей или не опиралась бы на него в своем становлении и развитии.

Обращенность к человеку под влиянием идей христианского учения мы находим в педагогике Я.А.Коменского, религиозной духовности И.Г.Песталоцци, уникальном выражении гуманности Ж.Ж.Руссо, святоотеческих корнях педагогики К.Д.Ушинского, народности Л.Н.Толстого, в педагогической святости книг Я.Корчака, высоком гуманизме А.С.Макаренки, в чистоте полета мысли В.А.Сухомлинского. При наличии обращения их к разным ветвям христианства, разных исторических эпох, при особенностях педагогического осмысления ими влияния идей христианства на развитие проблем образования мы видим глубокую духовную связь педагогических воззрений этих великих людей, что помогает нам понять истоки современного гуманизма, его жизненную силу, духовность и возвышенность.

Опираясь в своем развитии на классические педагогические учения, гуманная педагогика сохраняла духовную традицию, имеющую своим основанием высокие ценности и идеалы.

Воспитание – слово русское. Воспитание на Руси всегда было первично, являло собой суть образования личности, а душа была признана объектом педагогического влияния, хотя, по мысли Макария Великого, ни мудрые своей мудростью, ни разумные своим разумом не могли постигнуть душевной тонкости или сказать о душе, что она такое. Конечной целью воспитания было спасение души, ибо гуманизм в русском народе заложен на генном уровне. Возрождая изначальный смысл духовного воспитания, опираясь на мудрость народной традиции, взращенной на христианской любви, гуманная педагогика обретает величайший дар – *дар воспитывать души человеческие*. Гуманная педагогика ищет свои особые пути к воспитанию добротой и справедливостью, ответственностью и доверием, воспитанию творчеством и красотой, воспитанию искренней создающей любовью. Вера учителя в своего ученика, помноженная на волю и интеллект, творческое терпение и любовь, и является, по сути, *педагогической верой*, составляющей основу педагогической мудрости. Опираясь на то, что исторически сложившееся расхождение терминов «вера» и «религия» сходится в культуре как коллективной памяти, гуманная педагогика рассматривает проблему веры в двух направлениях: традиционном – как характеристику религиозности, а также в более широком мировоззренческом смысле – как фундаментальную установку человека в его познавательном отношении к миру.

Гуманно-личностный подход, возрождая отечественную традицию воспитания, ищет и открывает пути и способы «о-духотворения» образовательного процесса, помогает учителю, как носителю духовных ценностей, находить высокий духовный смысл в науке, которой он посвятил свою жизнь, в своем учебном предмете, искать его на страницах учебников, даже если они скучные и формальные. Внутреннее видение, духовное прозрение учителя способствуют тому, что знание в его руках становится «живым», несет в себе радость откровения, ощущение вдохновения, творческой энергии созидания. Творческое начало личности учителя передается внутренним движущим силам ученика, по-иному высвечивая педагогическое общение, которое при таком подходе способствует рождению равноправного диалога учителя и ученика как необходимого условия воспитания. Присвоение знания, его творческое осмысление и образное восприятие в особой

атмосфере воспитывающего педагогического пространства становится условием их общего возвышения, прорастая в составную «добродетелей человека».

Учитель, не ощущающий духовной теплоты Евангельских книг, не способен раскрыть в полной мере глубокий философский смысл произведений Ф.М.Достоевского, не достигнет высот полета мысли А.С.Пушкина, не откроет для себя художественно-творческий мир Н.В.Гоголя, возвышающую душу мысль музыки М.И.Глинки, М.П.Мусоргского. Ему трудно будет привести ребят к постижению духовной целостности мировоззрения Б.Пастернака, прочитать текст и подтекст произведений М.Булгакова, приблизиться к мудрости Библии. Каждое время вносит свой смысл, свои коррективы в определение духовной культуры, расставляет свои акценты, соответствующие духу времени, особенностям бытия, атмосфере общественной жизни.

Гуманно-личностный подход к образованию опирается на стремление человека к духовной гармонии и имеет определяющее значение в воспитании, помогая пробудить высшие устремления к саморазвитию, самосовершенствованию, приподнимая человека над обыденностью. Дух воспринимается как необходимая человеку жизненная сила, которая питает его вдохновение, возвышает чувство и мысль.

Современная педагогическая наука долгое время игнорировала понятие «душа» как объект научно-педагогического исследования. Понятия «дух», «душа», «духовность» практически не нашли места в современных педагогических словарях. Душа (греч. *psyche*, лат. *anima*) в разных религиях трактуется как активное жизненное начало, индивидуальное проявление единой духовной субстанции. Первоначально сфера души считалась прерогативой исключительно религии. Понятие «духовность» было отнесено к области идеального и поэтому не заслуживающего должного внимания педагогов. Постепенно научно-педагогическое знание о душе приходит в педагогику как объект научного исследования. В академическом четырехтомном «Словаре русского языка» (1985–1988) отмечается, что духовность — понятие отживающее, устаревшее. В «Толковом словаре» В.И.Даля понятие «дух» расшифровывается весьма многогранно. Это «бесплотный житель недоступного нам духовного мира», «высшая искра Божества». «Дух Божий» раскрывается также как

«благодать, вдохновение, наитие, откровение», а также и как «сила души, доблесть, крепость и самостоятельность, отважность, решимость».

Путь развития личности, по Гегелю, происходит «через пробуждение души». Он считает, что мы рассматриваем пробуждение лишь как процесс, состоящий в том, что дух вообще находит и самого себя, и противостоящий ему мир. Дух находится в постоянном развитии, он должен пройти путь до осознания объективного, необходимого в окружающем мире, ибо человек должен принять этот мир и найти в нем свое место. На этой стадии человек приобретает способность осознавать свое духовное единство с другими людьми, поэтому смысл воспитания, по Гегелю, преобразование души. Благодаря духу индивидуум может постичь себя, обретая способность подняться до постижения своей субъективности.

Понятие «духовность» относится к разряду трудно определяемых, личностно сокровенных, как сокровенна душа каждого человека. В современной педагогической науке, как и в обществе в целом, еще нет достаточно полного осознания и определения этих понятий. Однако духовность как устремленность к высшему, как некий высокий нравственный ориентир, символизирующий силу духа человека, его веру в возвышенное и земное, вбирает в себя всю полноту и гармонию человеческого бытия. Исторически и гносеологически понятие духовности приобрело два основных смысла: религиозное и светское. Оба толкования имеют место в жизни современного общества, оба несут на себе печать истории и традиции, вбирая и библейскую мудрость, и высокий житейский смысл бытия. Д.С.Лихачев писал о том, что все, что связано с душой, идет от души, нужно нам для души — это и есть духовная культура. Питательной почвой духовного развития человека является «душа народа», те обычаи и традиции, которые наследуются от поколения к поколению, создавая высокий ценностный потенциал, возвышая и сохраняя чистоту, красоту и святость духовного откровения личности.

Высшей духовной способностью человека признана его способность любить. Именно любовь помогает человеку раскрыть свои жизненные силы и делает его подлинно человеком. Я.А.Коменский считал, что стремление к всеобщей гармонии

добродетелей возможно лишь тогда, когда сердца людей будут насыщаться «божественной любовью». Гуманистические идеи воспитания духовности опираются на то, что человек начинает путь становления и развития, когда пробуждается его душа, ибо воспитание есть доверие души, ее открытость доброму и светлому образу окружающего мира. Духовные способности раскрываются и обретают силу в процессе творческого отношения к окружающей действительности, добросердечного отношения к близким, к открытию радости познания, созидания, творчества. Высота духовного поиска, вдохновение делают отношения ученика и учителя особыми, доверительными, а знание – живым, действенным, согревающим ум и сердце, ибо путь к душе человека лежит через любовь.

Духовность как вершина педагогической реальности способна наполнить новым светом весь образовательный процесс, внести гармонию мыслей и созвучий в другие педагогические измерения, такие, как наследственность, воспитание, среда. Путь обретения себя в воспитательном пространстве образования – это путь приобщения к высшим нравственным ценностям, понятный и близкий сердцу каждого, так как у каждого из нас есть выбор – кто-то приходит к доброте через материнскую ласку и любовь к земле, кто-то через отцовский наказ и любовь к отечеству, кому-то выпадает путь через молитву и поклонение божественным началам.

Понятия «дух», «душа» и «духовность» входят в педагогическое пространство, традиционно связывая духовность с единством трех основополагающих ценностей человеческого бытия (Истины, Добра, Красоты), соответственно выделяя три сферы духовной деятельности – познание, искусство, нравственность. *«Я верю, что у человека есть душа, притом не такая душа, которую можно размельчить по частям научным исследованием, – пишет педагог-новатор Ш.А.Амонашвили. – Душа – это целостное, глобальное явление. А если есть душа, то проблема педагогической психологии – исследовать качество, состояние этой души в человеке. Но у человека есть и тело. Иногда мы путаем тело с душой. <...> Вот тут и появляется педагогика как наука, которая способствует возвышению души и духовности человека»¹* [4, с. 103].

¹ Здесь и далее выделено мною. – В.А.

Гуманистическая парадигма на современном этапе очень богата по своему содержанию. Ее определяют разные концептуальные идеи, подходы, имеющие свои пути исследования и практического решения, но важно то, что все их объединяет общее сущностное начало. Поскольку путь приобщения к культуре, к духовно-религиозным ценностям есть процесс деликатный, тонкий, требующий времени, профессионального знания, душевной щедрости воспитателя, то мы рассматриваем один из возможных путей к нему в образовательной деятельности как путь «через прекрасное – к доброму». Искусство, сохраняя бережно историю, религию и культуру, при умелом соприкосновении с ним открывает свой особый путь к истине. Искусство отрывает человека от обыденности сознания и, приобщая к высокому, утончает внутренние движения души. Это позволяет учителю глубже познать внутренний мир своих учеников, почувствовать их душевные порывы, ненавязчиво направлять их помыслы к милосердию, патриотизму, любви к своему родному краю, к России. Активное включение в содержание образования культурологических основ позволяет педагогу прийти к тому, что высшие духовные ценности, проникая в мир мыслей и чувств ребенка, трансформируются в переживания высокого духовного порядка и становятся достоянием личности.

Исследуя зависимость чувства и мысли, следует заметить, что чувство – это действие актуальных видов психики на самую психику, поэтому оно двояко и зависит от того, какой вид действует на психику: ощущения или мысли. Когда чувство вызвано ощущениями – это чувственное чувство, но если источник чувства составляет воздействие мыслей, то возникают интеллектуальные чувства. И здесь следует особо выделить духовную высоту и силу творческой значимости искусства, которое, погружая ребенка в особую эмоциональную атмосферу, многозначнее и образнее раскрывает художественно-эстетические аспекты того или иного произведения, питает чувство, будит мысль, а затем уже формирует устойчивый интерес к знанию и творческому освоению богатства окружающего мира. Эстетические чувства представляют собой самостоятельный вид чувств, и в соответствии с этим искусство играет незаменимую роль в духовном становлении человека.

Теория гуманно-личностной педагогики, основываясь на аксиоматических началах, для понимания истинных педагогических ценностей не только принимает аксиоматику, но и опирается в своем развитии на *систему допущений*, благодаря которой каждый участник образовательного процесса определяет для себя свое личностное ощущение педагогики как науки, педагогики как искусства, принимая педагогику как любовь. Эти допущения и выводы составляют духовно-философскую основу гуманно-личностной педагогики. Их развернутое содержание впитывает в себя в качестве источников Святые Писания основных религий, духовно-философские учения, классическое педагогическое наследие.

Гуманная педагогика есть педагогика высокого самосознания, особой мудрости и твердой воли, позволяющей строить равноправный диалог учителя и ученика, в основе которого:

- воспитание добротой и справедливостью,
- воспитание доверием и уважением,
- воспитание ответственностью,
- воспитание творчеством,
- воспитание жизнью.

Личностно-ориентированный подход к образовательному процессу подразумевает всестороннее развитие свойств личности каждого участника педагогического процесса, имеющего своим основанием синтез двух составляющих – потребностно-мотивационных и познавательных сфер. Он позволяет ярче высветить задатки и способности, формировать мотивы и интересы, воспитывать волю и характер, эффективнее развивать эмоции, а также направить жизненную энергию своих воспитанников на живое восприятие, внимание, представление, мышление, воображение. Красота души учителя России рассматривается нами как уникальное национальное достояние страны. От гуманности его мышления, уровня сознания, интеллекта и глубины культуры зависит умение в сложных условиях происходящих в стране глобальных перемен не только передать детям все богатство мировой и отечественной культуры, но и научить их беречь его, развивать духовные традиции *многонациональной России*. *«Судьба будущей России лежит в руках русского учителя – преподавателя школы и гимназии, а также профессора, который есть учитель учителей. Он (учитель) должен знать и понимать, что дело не только в разви-*

тии наблюдения, рассудка и памяти, а в пробуждении и укреплении духовности в детях. Поэтому он должен сам твердо и ясно постигнуть, что есть духовное начало в человеке, как надлежит будить его в детях, укреплять и развивать, как можно пробудить в ребенке религиозное чувство, совесть, достоинство, честь, художественный вкус, братскую сверхклассовую солидарность, православие, чувство ответственности, патриотизм и уважение к своей и чужой собственности» [5, с.196]. Эта мысль И.А.Ильина в полной мере соотносится с современными задачами воспитания личности. Одухотворение школы возможно лишь высоким духом учителя-воспитателя, его устремленностью к высшему, к вечному восхождению и поиску истины.

Обретая свободу мышления, открывая для себя более глубокий смысл нравственных категорий, современный учитель устремлен к подлинному духовному общению с воспитанниками. Освоение учителем новых пластов педагогической культуры побуждает его к постоянной оценке и переоценке сложившейся в обществе системы ценностей. Гуманная педагогика основывается на умении педагога создать особую среду общения и развития, ибо только при определенных условиях возможно прорастание духовности как главной педагогической силы образовательного процесса, ведущей к воспитанию нравственной устойчивости, принимая ее как путь к возрастанию духовного опыта. Духовный вакуум последнего времени делает эту проблему особенно острой и актуальной, не терпящей поспешности, небрежности, некомпетентности. Воспитание свободы личности, включающей в себя как свободу внешнюю, так и свободу внутреннюю, как «живую духовность человека», делает его сильнее всех обстоятельств. Гуманная педагогика наследует понимание свободы учителя как осознание и реализацию тех требований, которые учитель должен предъявлять к себе как личности и профессионалу. И здесь на первый план выступает совесть педагога как проявление его культуры. Обращение к духовной культуре учителя, уверенность в обретении им внутренней свободы, духовного самосовершенствования является залогом того, что учитель способен передать эту духовность, свободу и способность творчества своим воспитанникам.

Цель духовного воспитания прежде всего в том, чтобы человек стремился всегда видеть некий высший смысл бытия и с ним соотносить свою жизнь. Эта потребность есть осознанное стремление

к себе лучшему, к совершенству. Восхождение — такова история человечества, и школа — не просто «скалистая лестница», ступеньки которой ведут вверх, а вечный путь восхождения к Истине, Добру и Красоте. И каждый педагог знает — сколь труден этот путь.

Литература

1. *Моисеев Н.Н.* Цивилизация на переломе. Пути России. М., 1966.
2. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Париж, 1931.
3. Вентцель: Антология гуманной педагогики. М., 1999.
4. *Амонашвили Ш.А.* Вера в ребенка рождает гениев // Мир психологии. 1996. № 2.
5. *Ильин И.А.* Русский учитель // Опыты православной педагогики. М., 1993.

В.Г.НИОРАДЗЕ,

*доктор педагогических наук, профессор Московского
городского педагогического университета,
учитель школ № 1715 и 200,
Москва*

ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ СЛОВА В ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

Избранная нами проблема позволяет рассматривать Слово с разных сторон, позиций: научной, философской, религиозной, эзотерической, литературной.

Научный взгляд прослеживается в трудах В.И.Вернадского, Л.С.Выготского, американского профессора Аврама Ноама Хомского и других.

В XX веке В.И.Вернадский заговорил о возникновении мысленной оболочки Земли как новом геологическом явлении – о ноосфере. Вместе с А.П.Павловым он предположил, что в *«ледниковый период, первое оледенение Северного полушария, <...> в биосфере выявился новый организм, обладавший исключительной центральной нервной системой, которая привела в конце концов к созданию разума, и сейчас проявляется в переходе биосферы в ноосферу»* [1, с. 29]. Необходимо подчеркнуть неразрывную связь создания ноосферы с ростом научной мысли, являющейся первой необходимой предпосылкой этого новообразования. Именно в XX веке, когда был отмечен взрыв научного творчества, биосфера превращается в ноосферу. Вернадский говорил о том, что ноосфера опережает все его понимание окружающего...

Итак, человек как живое существо есть определенная функция биосферы, в определенном ее пространстве-времени; он – закономерная часть строения биосферы. Вместе с тем он, наделенный разумом, ведущий активную научную деятельность во всех сферах жизни, открывающий все новые законы устройства мироздания, является переработчиком этой среды в ее новое, высшее качество – ноосферу. Об этом так писал наш великий ученый: *«Мы переживаем в настоящее время исключительное проявление живого вещества в биосфере, генетически связанное с выявлени-*

ем сотни тысяч лет назад *Homo sapiens*, создание этим путем новой геологической силы, **научной мысли** <...> Биосфера увеличивает, по-видимому, в беспредельных размерах его (живого вещества. — В.Н.) геологическую силу, и, перерабатываемая научной мыслью *Homo sapiens*, переходит в новое свое состояние — **в ноосферу**.

Научная мысль <...> по существу **не может быть** обратимым явлением — она может останавливаться в своем движении, но, раз создавшись и проявившись в эволюции биосферы, она несет в себе возможность неограниченного развития в ходе времени» [1, с. 22].

Развивая эту мысль, Вернадский далее пишет: «История научной мысли, научного знания <...> есть одновременно **история создания в биосфере новой геологической силы — научной мысли**, раньше в биосфере отсутствовавшей» [1, с. 22].

Все человечество, вместе взятое, представляет ничтожную массу вещества планеты. *Мощь* его связана не с его материей, но с его сознанием и направляемым этим сознанием *трудом*. В работе «Несколько слов о ноосфере» Вернадский отмечал, что в геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление. Это новое состояние биосферы, к которому мы, замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» [2].

Для ноосферы характерна тесная взаимосвязь законов природы с законами мышления. А мышление неразрывно связано с языком, со Словом — выразителем мысли. Выдающийся русский психолог XX века Л.С. Выготский, автор трудов о мышлении и речи, о психологии искусства, отмечал большое значение Слова в развитии, в совершенствовании личности. Ученый, в частности, писал о том, какой значительный перелом в культурном и эстетическом развитии ребенка совершается благодаря овладению письменной речью. Владая Словом, он может рисовать речью, как художник рисует красками, сначала простые, а с постепенным изучением всей яркой палитры Слова — более сложные и совершенные картины. Образное, яркое, со многими оттенками Слово пробуждает в ребенке эстетические чувства.

Глобальный взгляд на язык наблюдается в работах Аврама Ноама Хомского (Чомского), американского лингвиста (1928), ставшего основоположником теории порождающей (генеративной) грамматики, теории формальных языков как раздела математической логики.

Хомский утверждает, что у нас имеется врожденное знание о том, что собой представляет язык, то есть какого *рода* системой он является, поэтому ребенок должен рождаться с «механизмом овладения языком». Более того, Хомский строит теорию, обосновывающую тот факт, что все четыре тысячи (или даже более того) известных языков построены на одних и тех же принципах, которые заданы генетически и которые он называет «инвариантными свойствами», или «универсальной грамматикой».

Принципы, заложенные в языке, используются людьми бессознательно: для того, чтобы ими пользоваться, не нужно их осознать. Более того, их и нельзя понять без специальной лингвистической, философской и психологической подготовки – и даже при наличии такой подготовки они непонятны до конца, – а вот не пользоваться ими невозможно, и они присутствуют в речи любого, самого неграмотного человека.

Согласно Хомскому, ребенок «знает» эти принципы языка еще до того, как он произносит свои первые слова; он использует эти структуры при изучении грамматики своего собственного языка. По осторожной формулировке Хомского, знание языка является результатом взаимодействия 1) изначально данных структур разума, 2) процессов роста и созревания и 3) контактов с окружающей средой.

Многие неоднозначности в нашей речи ученый объясняет с помощью понятия «глубинной структуры» языка – логических отношений, лежащих в основе и управляющих «поверхностной структурой» предложения, доступной наблюдению, то есть его грамматическим «разбором по членам предложения...».

Каким-то образом Хомский нащупал новый подход к проблемам разума и новый вид психологии. Ученый ставит вопрос: если язык – это лишь усвоенный навык, то как может быть, что употребление языка всегда носит творческий характер и изобилует новшествами? Вывод ученого таков: язык – это не просто навык.

Теория Хомского опирается на два наблюдения в области языкознания. Первое – грамматика описывает основополагающие принципы, которые используют все носители языка. Второе – использование языка носит в своей основе творческий характер в том смысле, что каждый носитель языка в повседневной речи создает предложения, *которых он никогда раньше не слышал*.

Ребенок получает относительно небольшую порцию языковых «данных» в смысле того, *что* ему говорят и показывают те, кто «учит» его говорить. Тем не менее очень быстро ребенок обнаруживает блестящие способности к овладению языком. И это наводит на мысль о другом аспекте творческой способности в языке — о том, что по крайней мере теоретически мы можем произнести неограниченное число предложений, которых никто и никогда раньше не произносил. Более того, когда мы говорим, то *произносимое* нами обычно осмыслено и соответствует ситуации. Хомский считает, что эта творческая способность проявляется в богатстве, сложности и огромном диапазоне нашей языковой продукции. Практически это сводится к следующему: мы вольны говорить всё, что думаем; можем выразить то, что думаем; и можем думать всё, что хотим.

Соответственным моментом теории Хомского является утверждение о том, что каждое предложение обладает поверхностной и глубинной структурой. Поверхностная структура «выглядывает» на свет Божий и посредством определенных фонологических правил превращается в те звуки, которые мы слышим, превращается в звучащее предложение. Глубинная структура обращена внутрь, к туманной понятийной сфере, она гораздо более абстрактна и соотносится со значением. Она выражает основные логические отношения между словами в предложении.

Трансформационная порождающая грамматика состоит из конечного набора правил, обозначаемых при помощи символов математического типа и трансформирующих глубинные структуры в правильно построенные поверхностные структуры. Таким образом, порождающая грамматика соотносит значение и звук.

Доказательства существования языковых универсалий представили психологи и лингвисты из Калифорнийского и Гарвардского университетов, которые сравнивали речевые модели детей в возрасте примерно от полутора до двух лет, росших в семьях, говоривших на одном из 30 различных языков, причем таких несходных, как английский, самоанский, финский и японский. В этом возрасте, при словаре в среднем в 200 слов, дети начинают образовывать простые предложения из 2–3 слов. Построенные при этом предложения во всех языках обнаруживают почти

идентичные грамматические признаки, причем эта грамматика разительно отличается от грамматики любого из соответствующих языков, используемого взрослым носителем языка.

Проблема усвоения языка остается в основном загадкой. Тщательное исследование взаимодействия ребенка с родителями не дает никаких оснований полагать, что дети приобретают знание языка каким-то определенным образом, например, благодаря поправкам со стороны родителей. Ведь папы и мамы почти никогда не поправляют грамматику в устной речи своего ребенка явным образом. Этот вид данных соответствует теории порождающей грамматики, которая утверждает, что *сам разум структурирует языковые данные*, получаемые из внешнего мира.

Психологи, которые являются сторонниками трансформационной грамматики, полагают, что они в состоянии объяснить, как ребенок усваивает язык. По мере того как растет его словарь и он обнаруживает все больше поводов высказаться, глубинные структуры сами по себе становятся все более неэффективным способом коммуникации. Давление со стороны родного языка становится слишком сильным. Гораздо более удобно сказать «мудрый человек честен», чем «человек, который мудр, есть человек, который честен». Трансформационные правила обеспечивают ребенку возможность пользоваться языком экономно и точно.

Нет никакого прямого подтверждения тому, что язык базируется на врожденной порождающей грамматике, но продемонстрировано, что мозг на самом деле работает по такой схеме. По-видимому, опыт обрабатывается и используется при помощи «программы», которая является «врожденной», иными словами, генетически детерминированной. Структура этой программы лежит в основе всякого обучения и направляет его, и обучение следует определенной, наперед заданной схеме, содержащейся в генетическом наследии каждого вида. Очевидно, что именно в результате такого процесса ребенок и усваивает язык.

Теория Хомского является фундаментом современной лингвистики. Его представление о существовании *сложного мира внутри человеческого разума, мира, управляемого множеством правил и запретов и при этом бесконечного по своим творческим возможностям*, открывает, быть может, столь же широкие горизонты, что и в свое время теория Эйнштейна.

Философская позиция, связанная с понятиями «разум», «мысль», «речь», «логос», не прикована к поиску достоверных источников, а свободна в осмыслении этой величайшей мудрости Природы, дарованной человеку свыше. В одном из таких источников говорится о том, что не само слово, но энергия, вкладываемая в него, дает ему силу; попугай тоже повторяет слова, но они лишены силы. Не в слове, но в *мысли, лежащей в основе слова, сосредоточена вся его сила*. Если слово без мысли, в нем нет ничего. Слово и речь даны человеку как двигатели эволюции. Явление речи можно считать священным. Отсюда торжественность. Она утверждается в мыслях, словах и делах и в понимании великого назначения Человека на Земле и в Мирах.

А у Будды – искателя вечных истин – Слово и мощь убеждения были единственным оружием, применяемым Учителем для воздействия на окружающих.

В эзотерическом понимании Логос – это первое Слово, раздающееся из Безмолвия; это великая Божественная сущность, эфирно-огненная душа, возникающая из Абсолюта. Это вибрация, или движение Божьей энергии, проявляющая себя на многих планах рождающегося мира.

По Е.П.Блаватской, Логос (греч. *logos*) – проявленное Божество у каждой нации и народа; внешнее выражение или следствие вечно сокрытой причины. Так, речь есть Логос мысли, поэтому и переводится соответствующим образом как «Глагол» или «Слово» в его метафизическом понимании.

Великие писатели, поэты особенно глубоко чувствуют Слово, сердцем проникая в Его сокровенную суть, поэтому и создают неповторимые художественные образы. В качестве примера приведем стихотворение К.Бальмонта «Эдельвейс» [3, с. 77]:

*С голубой высоты я на землю смотрю,
И безгласной мечтой я с душой говорю,
С той незримой Душой, что мерцает во мне
В те часы, как иду к неземной вышине.*

Поэт верит, что мечта способна говорить с душой, хоть она не озвучена и не материализована в Слове. А душа – не зримая, а лишь только мерцающая в каждом... Стоит лишь прислушаться к ней, и она проявит себя своим мерцанием, но не всегда, и лишь

тогда, когда человек поднимается, приближается к неземной высоте, к небесно-голубым, непознанным просторам, когда происходит единение земного и Божественного начал.

Если вникнем в основные понятия: безгласная мечта, незримая душа, мерцанье души, восхождение к неземной высоте, — то непременно между строк услышим глубокое преклонение поэта перед утонченным чувством, перед мыслью, очищенной заповедными снегами, перед возвышенным Словом.

Такова суть Слова, которому И.Бунин специально посвятил стихотворение всего в два куплета, но звучащее на долгие века и помогающее человеку очищаться и возвышаться в Слове, Мыслях, Поступках:

*Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь Слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.*

*И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — Речь [4, с. 83].*

Итак, по Бунину, единственное достояние человека: Слово, Речь, «звучащие» в веках Письмена.

Предназначение человека: беречь Слово — в меру своих сил и возможностей не порочить, не осквернять Его, особенно в дни злобы и страданья, когда человек теряет контроль над собой и начинает загрязнять пространство дурными мыслями и дурными словами.

Уникальную форму объяснения в любви открыл Л.Н.Толстой в своем романе «Анна Каренина». Влюбленный в Кити Левин делает ей предложение и получает отказ. Их отношения находятся на грани срыва. Левин бессилен освободиться от наваждения. Но проходит время, ситуация меняется, события разворачиваются в пользу Левина. Он чувствует расположение девушки, но боится поверить этому и находится в мучительных переживаниях. Не без помощи Кити он решается на прояснение отношений.

Но как?!

В мировой художественной литературе нет подобных случаев признания в любви. Л.Н.Толстой превзошел самых блистательных поэтов-лириков и писателей-романистов. Но, минуя излишние доказательства, лучше обратимся к самому писателю.

«...Кити, подойдя к расставленному карточному столу, села и, взяв в руки мелок, стала чертить им по новому зеленому сукну расходящиеся круги.

Они возобновили разговор, шедший за обедом. <...> Наступило молчание. Она все чертила мелом по столу. Глаза ее блестели тихим блеском. Подчиняясь ее настроению, он чувствовал во всем существе своем все усиливающееся напряжение счастья.

– Ах! я весь стол исчертила! – сказала она и, положив мелок, сделала движение, как будто хотела встать.

“Как же я останусь один... без нее?” – с ужасом подумал он и взял мелок. – Постойте, – сказал он, садясь к столу. – Я давно хотел спросить у вас одну вещь.

Он глядел ей прямо в ласковые, хотя и испуганные глаза.

– Пожалуйста, спросите.

– Вот, – сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили “когда вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?” Не было никакой вероятности, чтоб она могла понять эту сложную фразу; но он посмотрел на нее с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймет ли она эти слова.

Она взглянула на него серьезно, потом оперла нахмуренный лоб на руку и стала читать. Изредка она взглядывала на него, спрашивая его взглядом: “То ли это, что я думаю?”

– Я поняла, – сказала она покраснев.

*– Какое это слово? – сказал он, указывая на н, которым означалось слово **никогда**.*

*– Это слово значит **никогда**, – сказала она, – но это неправда! Он быстро стер написанное, подал ей мел и встал. Она написала: т, я, н, м, и, о.*

<...> Он вдруг просиял: он понял. Это значило: “Тогда я не могла иначе ответить”.

Он взглянул на нее вопросительно, робко.

– Только тогда?

– Да, – отвечала ее улыбка.

– А т... А теперь? – спросил он.

– Ну, так вот прочтите. Я скажу то, чего бы желала. Очень бы желала! – Она написала начальные буквы: ч, в, м, з, и, п, ч, б. Это значило: “чтобы вы могли забыть и простить, что было”.

Он схватил мел напряженными, дрожащими пальцами и, сломав его, написал начальные буквы следующего: “мне нечего забывать и прощать, я не переставал любить вас”.

Она взглянула на него с остановившеюся улыбкой.

– Я поняла, – шепотом сказала она.

Он сел и написал длинную фразу. Она все поняла и, не спрашивая его: так ли? взяла мел и тотчас же ответила.

Он долго не мог понять того, что она написала <...> и никак не мог подставить те слова, какие она разумела; но в прелестных сияющих счастьем глазах ее он понял все, что ему нужно было знать. И он написал три буквы. Но он еще не кончил писать, а она уже читала за его рукой и сама dokonчила и написала ответ: “Да”» [5, с. 435–437].

Глубоко веря в силу воздействия Словом, Л.Н.Толстой почти лишает его материализованной оболочки и лишь намеком обозначает сокровенные чувства героев романа. Левин и Кити настолько настроены проникнуть в мысли и чувства друг друга, что начинают свободно озвучивать довольно сложный текст, обозначенный лишь первыми буквами каждого слова.

Как видим, ракурсы, с которых мы рассматриваем проблему, в каждом отдельном случае специфичны, но суть одна – она выстраивается в общее суждение:

Мысль – она везде. Мысль можно назвать космической энергией;

Разум – принадлежность человека.

Разум притягивает, впитывает, принимает космическую мудрость, красоту, беспредельность через мысли. Разума без мысли не существует. Разум – продукт (проявление) духовного мира человека.

Мысль – в пространстве, Космосе, во Вселенной. Мысль озаряет человека, мысль просветляет (а может и затмевать), мысль опережает поступок. Мысль – материальна.

А озвученная Мысль есть Слово.

Таким образом, прошлое, настоящее, будущее, эзотерика, теология, реальность, фантастика, народная мудрость – все говорит о Божественности Мысли, Слова.

А что дальше?

А дальше то, что читаем в Евангелии от Иоанна: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его <...> И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины...»* [Иоан. 1:1–14].

К чему призывает эта мысль педагогическое сознание? Думаю, ответ здесь однозначен.

В современных условиях акустического террора необходимо возратить Слову те истину и благодать, которые изначально были заложены в Нем.

Отсюда задачи, поставленные перед нами:

а) сделать Слово (и устное, и письменное) экологически чистым инструментом постижения ребенком своего внутреннего мира и Вселенной;

б) сделать Слово облагороженным инструментом воспитания личностных, духовных качеств ученика;

в) сделать Слово средством постижения красоты речевого звучания, проникновения в глубину художественных образов.

Так определился наш подход к возвращению в детях письменной речи.

Остановлюсь на нашем пока небольшом опыте раскрытия перед детьми духовного аспекта Слова. Но прежде всего конкретизирую: под духовным аспектом Слова мы подразумеваем Красоту Слова, Выразительность Слова, Чувство, вкладываемое в Слово, Таинство Слова, присутствие Божественного в Слове.

Духовный аспект Слова в процессе общения с детьми присутствует постоянно и проявляется во множестве приемов, найденных и одобренных учениками совместно с учителем. Эти приемы наряду с другими используются на уроках письменноречевой деятельности, которая рассматривается как средство самопознания и самовоспитания школьника.

Одному из таких приемов мы дали название «Снежный ком». Учитель дает детям в качестве задания предложение из двух слов, которое, по замыслу, подобно снежному кому, катится вниз с вершины горы, по пути обрастает снегом и валится на землю огромной снежной глыбой. Условия выполнения упражнения: дети устанавливают планку — до какого количества слов разрастется

предложение; они ограничиваются лишь одним предложением; дети пытаются не «заземлять» мысль, а возвышать ее до уровня поэтических образов.

В качестве образца привожу предложение, коллективно сотворенное в третьем классе школы № 1715 г. Москвы на основе двух слов: «Мальчик увидел». Вот что получилось у ребят: «Маленький мальчик Стасик проснулся прекрасным ранним утром, потянулся, встал, подошел поближе к окну полюбоваться восходом солнца и увидел на листике серебряную капельку росы, которая переливалась в лучах восходящего солнца всеми цветами радуги» (31 слово).

Постоянное упражнение детей в обогащении речи со временем воздействует и на обогащение чувств, восприятий, развивает умение вкладывать особый настрой в свои высказывания.

Практикуем также такой прием – учим школьников улавливать в текстах и «читать» *подтексты*, эти своего рода зашифрованные мысли и выводы. Ведь, как и во всем другом, в художественном тексте четко прослеживаются две реальности: внешняя и внутренняя, зримая и незримая, материальная и духовная. Текст – тот внешний раздражитель, который через зрение (слух) передает информацию мозгу, нашим чувствам и ощущениям, помогающим заглянуть внутрь текста, увидеть подтекст и проникнуть в духовный мир писателя, понять то сокровенное, что он заложил между словами и строчками и что имеет для него более значимый смысл, чем сам зримый текст.

В процессе работы детей над художественными текстами мы обращаем их внимание именно на эту невидимую, но существенную сторону каждого подлинно художественного произведения – на подтекст, на нахождение и осознание скрытого смысла. В качестве образца приведу прием совместной работы над рассказом В.А.Сухомлинского «Доброго вам здоровья, дедушка!». Но сначала прочитаем этот короткий рассказ.

«Возле школы живет старик – дед Иван. Нет у него никого – ни родных, ни товарищей. Было два сына – погибли на фронте. А жена недавно умерла.

Каждый день приходит дед Иван в школу за водой. “В школьном колодце очень вкусная вода”, – говорит дед соседям.

Как только дедушка подходит к колодцу, к нему подбегают дети. – Дедушка, давайте мы поможем вам воду вытащить, – говорят они.

Дедушка улыбается. Он не успевает отдохнуть возле колодца, как ведро уже с водой.

– Доброго вам здоровья, дедушка, – щебечут дети.

Вот и сейчас вышел дел Иван из хаты и сел на лавке возле забора. Сидит и прислушивается. К чему же он прислушивается? На школьном дворе прозвенел звонок. Дедушка берет ведро и идет за водой. Как хочется ему услышать сердечные слова:

“Доброго вам здоровья, дедушка”».

После проникновенного и выразительного чтения рассказа учитель обращается к детям с вопросом: «Что предшествует дедушкиным словам: “В школьном колодце очень вкусная вода”? О чем не написал, но что явно подразумевал В.А.Сухомлинский, надеясь на ваше умение почувствовать подтекст?» С помощью учителя дети предлагают свои варианты заполнения паузы между двумя предложениями; их мысли объединяются в такое предположение: наверное, соседи, заботясь о дедушке, предлагают ему брать воду из ближайшего колодца; но их советы дедушка «наивно» отстраняет, утверждая, что в школьном колодце вода вкуснее; он не раскрывает перед ними своего тайного желания услышать добрый, приветливый щебет детских голосов.

Не менее интересны три предложения в том же рассказе («К чему же он прислушивается? На школьном дворе прозвенел звонок. Дедушка берет ведро и идет за водой»), целиком построенные на подтекстах. Учитель помогает детям в «расшифровке» того, что сокрыто между словами и предложениями.

Прочувствовав текст через подтексты, дети сами определяют, о чем рассказ: о сердечности, доброте, отзывчивости детских душ, чего так не хватает одинокому старику – деду Ивану, не имевшему внуков.

Очень важная задача педагога – помочь ученикам выработать в себе умение воспринимать, чувствовать красоту через Слово. В этом учителю очень помогут образцы высокой поэзии (А.Пушкин, К.Бальмонт, А.Блок...), не навязываемые детям, а предлагаемые в форме творческой работы под условным девизом: «Мы – стихотворцы». Учитель пишет на доске конечные слова (или словосочетания) каждой строчки стихотворения и предлагает детям с опорой на них придумать стихотворение. После того как дети напишут и желающие прочитают свои сти-

хотворения, учитель выразительно читает авторскую версию, чтобы дети оценили поэтическое произведение и сопоставили его со своим стихотворением.

Приведу полностью стихотворение Александра Блока «В углу дивана» (из цикла «Маски»), откуда детям на разных уроках предлагаются 1 и 2, а потом 4 и 5 куплеты:

*Но в камине дозвенели
Угольки.
За окошком догорели
Огоньки.
И на вьюжном море тонут
Корабли.
И над южным морем стонут
Журавли.
Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.
Верь лишь мне, ночное сердце,
Я – поэт!
Я какие хочешь сказки
Расскажу,
И какие хочешь маски
Приведу.
И пройдут любые тени
При огне,
Странных очерки видений
На стене.
И любой колени склонит
Пред тобой...
И любой цветок уронит
Голубой... [6, с. 230].*

Выделенные слова – опорные для написания детьми стихотворений.

А теперь можно начинать поиск сути слов. Сначала учитель, а затем сами дети увлекаются таким видом работы, как нахождение, собственное толкование значений отдельных слов, особенно возвышенных, духовного плана.

Вот примеры толкования детьми сути некоторых слов.

Совесть. Со + весть. Та весть, которая в каждом из нас изначально присутствует, она всегда должна сопровождать нас, всю жизнь быть с нами, иначе наша личность потеряет одно из самых главных качеств — с о в е с т ь.

Вдохновение. Вдох нового. Вдохновение предшествует творчеству и сопровождает его. Если оно не появится, не будет и творчества. Необходима наша настроенность на вдохновение, иначе оно обойдет нас стороной. Это — как искра Божья, которая вспыхнет и погаснет. Вдохновение приходит лишь к тому, кто сосредоточен, постоянно думает об интересующем вопросе, изучает его, рассматривает с разных сторон.

Радуга, красота, радость. Все эти слова строятся на звукосочетании «ра», которым в древние времена в египетском языке называли Бога Солнца. Следовательно:

радуга — солнечная дуга, овал, солнце, опоясывающее небо;

красота — устремленность к Солнцу сотни и сотни раз, постоянная тяга к Солнцу, к Свету Духовному;

радость — солнце в сто своих светоносных энергий, когда человеку радостно, в нем солнце поет сотни раз.

Великодушие. Лик вечности (вечного) в душе человека. Великодушие присуще тому человеку, душа которого уже соприкоснулась с вечностью.

Культура. Культ — поклонение; ура=аура=свет. Поклонение Свету. Человек, имеющий дело с культурой, поклонник Духовного Света.

Человек. Чело > лоб > разум. Век > вечность. Человек — это разум, пребывающий в веках. Бессмертный разум.

Упражнение в разностороннем толковании слов, которое может и не совпадать с общепризнанным объяснением, развивает в детях возвышенное (а не обыденное, заземленное) представление о Слове.

Многообразная, последовательная и систематическая работа над привитием детям бережного отношения к Слову, над развитием способности *мыслить образами и рисовать словами* (Л.Выготский), искать и находить в каждом значимом слове его суть, работа над прекрасномыслием, добротечием, благозвучием, чистотечием приближает детей к глубокому, внутреннему, духовному пониманию Слова.

Ребенок как мыслящее существо в состоянии выплеснуть из себя огромную созидательную (или разрушительную) энергию. А мы, взрослые, ответственны за то, чтобы помочь ему постичь свою ответственность за свои мысли, чувства, переживания, ощущения, за свои Слова, полюбить сам процесс творчества, мышления как процесс обогащения пространства и Космоса созидательными лучами Света.

Педагогическая культура по сути своей есть не что иное, как понимание учителем творящей силы Мысли и Слова и – через собственную ответственность за качество своих мыслей, воплощенных в Слове, – воспитание в детях духовных качеств, направленных на самосовершенствование и эволюцию человечества.

В целом, мы ищем нити, связывающие человека с Космосом через Слово, Мысль, Речь, Вибрацию, Мелодию, Гармонию, Упорядоченность, чтобы постепенно, по мере взросления, Человек в своем внутреннем духовном мире почувствовал себя Гражданином Вселенной.

Литература

1. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление / Размышления натуралиста. В 2 кн. Кн. 2. М., 1977.
2. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере / Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
3. *Бальмонт К.Д.* Эдельвейс / Избранное. М.: Советская Россия, 1989.
4. *Бунин И.А.* Слово / Несрочная весна. М.: Школа-Пресс, 1994.
5. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина / Собрание сочинений. В 22 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1981.
6. *Блок А.* В углу дивана / Предчувствую тебя. М.: Эксмо-Пресс, 2002.

Э.А.ЛЕВИН,

*профессор Московского гуманитарного университета,
Москва*

ФИЛОСОФИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА И ГУМАННАЯ ПЕДАГОГИКА

Моя задача — рассказать, что такое авторизованное образование и в каком смысле мы, занимаясь таким образованием, пересекаемся с гуманной педагогикой, основателем которой стал Ш.А.Амонашвили. Кстати, Шалва Александрович выступает против введения новых терминов, которые только затрудняют выяснение сути дела. Я тоже придерживаюсь этой точки зрения. Но в редких случаях новые термины бывают полезны. Поэтому я вынужден остановиться по крайней мере на двух из них, без разъяснения сути которых будет просто непонятно, что такое авторизованное образование.

Первый термин — *авторизованное образование* — это образование, имеющее целью формирование авторизованных личностей. Чтобы уйти от возникшей тавтологии, объясню, что авторизованная личность, по мнению педагогов нашего Гуманитарного университета, — это личность, которая является самодостаточной и обладает двумя особенностями. Во-первых — эта личность не принимает на веру никаких сведений, все подвергает тщательному анализу и, невзирая на любые авторитеты, критически относится к получаемой информации, пропуская ее через свой духовный мир, свое мировоззрение, эстетику, мораль и т.д.; и только после этого «направляет» ее в определенную «ячейку» своего мозга. Во-вторых — безусловно творческая по своей сути личность должна готовиться, выпускаться на этой базе данных нами, вузовцами.

Второй термин — *аутоинженеринг*. Он не встречается нигде, кроме наших изданий¹. Значение этого слова заключается в самом его смысле: ауто — это значит «само», инженеринг — построение,

¹ Имеются в виду книги серии «Антология гуманной педагогики», 45 томов которой к 2003 году уже издано. (Прим. ред.)

то есть самопостроение собственной личности. Мы считаем, что в процессе обучения учащиеся должны выступать в качестве субъекта образования, а не только его объекта, они должны образовывать себя сами. Для чего же мощный коллектив преподавателей, что им тогда делать? А они выступают в качестве консультантов и наставников, используя современную методическую литературу, передавая студентам навыки своей богатой методологической практики. Они помогают человеку самореализоваться, самому построить собственную личность, которая обладает указанными мною качествами.

Считаю, давно назрела необходимость создания новой школы (я говорю о системе школьного образования). Потому что старая, традиционная, вернее, авторитарная школа, как правильно говорит Шалва Александрович, – это школа, которая не имеет будущего. И чем дальше, тем яснее это становится. Эта школа является репродуктивной. Она выпускает людей, которые обладают суммой знаний, но не могут по-настоящему реализоваться в жизни. Мы же хотим, чтобы наши выпускники были *творцами* новой жизни, именно – ее творцами. И поэтому сама наша методика, сам подход к образованию – дать больше информации...

Сейчас в министерстве образования рассматривается законопроект, увеличивающий срок школьного обучения до 12 лет. А мы считаем, что это время надо сокращать, а не увеличивать. Это возможно в том случае, если школьники будут учиться не так, как учились раньше, а несколько иначе. Во-первых – они должны научиться с помощью разных способов быстро находить нужную информацию. Во-вторых – как этой информацией пользоваться. Короче говоря, они должны научиться учиться. Школа должна учить *учиться* (об этом правильно говорили корифеи педагогики), а вовсе не давать сумму знаний, которые можно совершенно спокойно получить без нее. В одном из педагогических изданий я прочел забытое высказывание героя произведения Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна»: «Школа мешает моему образованию». По-моему, сорванец прекрасно понял эту мысль.

Новая школа, в которой будут учить учиться, – это и есть авторизованное образование. Эта система позволит формировать именно ту личность, о которой я говорю. И там совершенно

не допускается авторитарный подход в процессе образования. Со стороны учителя не должно быть никакого диктаторства или навязывания своей точки зрения. Задача учителя совершенно иная: узнать, чем дышит ученик, что в нем заложено Господом Богом, помочь ему выразить это, обосновать свою точку зрения, которая всячески поощряется.

В нашем университете авторизованное образование закрепляется на практике. Студенты сами исправляют методические пособия, и это нами одобряется. Они предлагают другую постановку вопросов, другие схемы. Доходят даже до того, что сами начинают выступать в роли учителя, педагога. У нас издан целый ряд студенческих учебных пособий. Мы всячески поощряем малейшие признаки творческого подхода во всем.

Авторизованные личности – это, если сказать короче, творческие личности. На мой взгляд, такой личности должны быть присущи, вернее, – она должна выработать в себе следующие обязательные качества.

Первое – это увлеченность. Со временем в нее переходит потребность в творчестве. Такое качество дремлет в каждом человеке, его надо разбудить и развить, и только тогда оно может перейти в свое высшее выражение – устремленность.

Второе – должна быть уникальность, неповторимость творческой манеры. Без этого нет настоящего творчества, нет ничего нового в нем. Но за признание своего творческого подхода человек должен бороться. И часто это очень тяжелая работа.

Третье – усидчивость и терпение. Это проза, но без нее никогда не достичь вершин творчества. Например, не может музыкант виртуозно играть, выражая идею композитора именно своим творческим подходом, если он не достиг автоматизма в овладении инструментом. А это дается длительным, кропотливым трудом.

Четвертое – любознательность, величайшее творческое качество.

Пятое – сильная воля. Все замечательные способности могут пропасть втуне, если нет силы воли их реализовать.

И еще одно необходимое качество творческой личности – преданность делу, которому человек себя посвятил. Можно привести этому очень много примеров. Например, русский философ Владимир Иванович Вернадский или австрийский композитор Франц Шуберт. Они были образцом беззаветного служения свое-

му делу, старались не подчеркивать свое авторство, так как для них приоритетно было только дело, его общественная польза. Вот что, по-моему, нужно для того, чтобы стать творческой личностью.

Теперь о стимулах творчества. Первое и главное – это стремление выразить и реализовать свой творческий потенциал, заложенный свыше. Именно оно в первую очередь движет творческими людьми. Кстати, у нас принято считать, что творческий человек – это композитор, художник, писатель... Словом, деятель искусства, культуры, литературы. Иногда к ним причисляют профессиональных изобретателей. А разве человек, занимающийся самой обычной деятельностью, имеющий профессию токаря, каменщика, плотника, стремящийся, чтобы его изделие было красивым, удобным в пользовании, придумывающий что-то для облегчения и повышения производительности своего труда, – разве это не творческий человек? Надо более широко понимать понятие «творческий». К сожалению, есть примеры, когда литературный работник не пошел дальше ремесленничества, а архитектор – простого копирования типовых проектов. Так какие же они творцы, какие же это творческие личности? Повторяю: что заложено в человеке – то заложено, чего нет – того нет. И задача школы, колледжа, вуза – развить творческие задатки, помочь человеку самому понять свою суть. Учить ремеслу тоже надо, но это должно быть второстепенным, а не самоцелью.

Думаю, я прав в том, что главное – это выразить заложенное в нас свыше, развивая творческое начало. Кстати, А.С.Пушкин сказал об этом задолго до нас: *«Веленью божью, о муза, будь послушна, / Обиды не страшась, не требуя венца; / Хвалу и клевету приемли равнодушно / И не оспаривай глупца»*¹. Вот пример четкого понимания человеком своего предназначения.

Второе, что, безусловно, также относится к стимулам творчества, – человеку нужно осознание необходимости, полезности своего дела. В студенческие годы мне ко дню рождения подарили однотомник Пушкина и в поздравлении написали слова Ильи Эренбурга: «Больше всего человеку нужна вера в себя, в правоту своего дела. Эта вера – броня, она делает сердце крепким как сталь». Я через всю жизнь как наставление пронес это выражение великого публициста.

¹ Пушкин А.С. Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

Подводя итог сказанному, отмечу, что наши выпускники как средней, так и особенно высшей школы должны обладать следующими качествами:

– мы должны выпускать истинных гуманистов в любой специальности, чтобы, занимаясь своим делом, они никогда не забывали человека. Любовь к человеку – вот что для них должно быть на первом месте. Полагаю, это главное, основное качество будущего специалиста;

– безусловно, это должны быть творческие личности, о качествах которых я уже упоминал;

– чем бы ни занимались выпущенные из стен учебных заведений специалисты, они обязательно должны обладать развитым и творческим экологическим мышлением. Потому что основная угроза – реальная, материальная – человечеству исходит не от атомных бомб и других видов оружия, а от нарушенной экологии. Человечество может вообще погибнуть, если не будет соблюдать законы Космоса, Природы, если не изменит свой потребительский, меркантильный взгляд на нее иным, основанным на новом, космическом мышлении.

Все вышесказанное, как мне кажется, очень хорошо дополняет моя прозаическая «Ода улыбке», в которой идет речь об улыбке, идущей от сердца, открытого людям. Об улыбке доброй и солнечной. Некоторые люди улыбаются так чуть ли не каждому. Другие – только друзьям и любимым. Конкретному Коле или Васе, Тане или Свете, маме или своему чаду – сыночку или дочке. Ведь именно такая улыбка вызывает ответную. Как пела героиня рязановской «Карнавальная ночи»: «И улыбка, без сомненья, вдруг коснется ваших глаз...»

А как нужна наша добрая улыбка детям! Не только мамина или папина, но и других взрослых. Особенно учителей. Один из них, педагог-новатор Ш.А.Амонашвили, создал новое направление в педагогике. В центре его – гуманный подход к обучаемому и воспитываемому. Недавно в Доме учителя при участии педагогов из стран СНГ и Балтии прошли Чтения по гуманной педагогике. Девизом Чтений стал вопрос-призыв: «Улыбка моя, где ты?» Я побывал там и услышал невыдуманные истории и рассуждения только на одну тему: «Как улыбка помогает обучать и воспитывать». Убедился, что не каждый улыбчивый учитель может хорошо делать свое дело – обучать и воспитывать.

Детям задавали вопрос: «Какую учительницу ты бы выбрал – строгую на вид или улыбчивую?»

Оказывается, не все выбрали улыбчивую. Она, может быть, всегда улыбается, да мало что знает. Да и улыбка ее может быть поддельной. А строгая требовать будет и поэтому многому научит.

Дети тонко чувствуют, как к ним относятся. Они всей душой потянутся к учителю, если убедятся, что они ему симпатичны, что он их любит. Это подскажет им искренняя, идущая от доброго сердца учителя улыбка. Деланная, натянутая, вынужденная улыбка, которой, как маской, пользуются продавцы, подчиняясь требованию хозяина магазина, детей не обманет. Зато они и сами награждают ангельской улыбкой любимого учителя.

Блаженны те взрослые, которые, несмотря на все царящие вокруг нас мерзости, способны по-детски чистым взором созерцать мир. Недаром в Библии сказано: *«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»* [Мф. 18:3]. Да и на нашей грешной земле с душевной улыбкой куда как легче жить и находить друзей. «С голубого ручейка начинается река. Ну а дружба начинается с улыбки», – говорится в детской песенке. Разве это не так?

Ответ на вопрос «Улыбка моя, где ты?» для меня ясен: она в моей душе. И я готов подарить ее вам, добрые люди.

Т.С.ГОРЕНЬКОВА,

член правления

Эстонского общества имени Н.К.Рериха,

Таллинн, Эстония

ПЕДАГОГИКА И МЕДИЦИНА – ОСНОВА ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Учитель и врач. Можно ли разделить эти понятия? Сотрудничество между врачом и учителем становится сегодня необходимым, ибо деление этих понятий условно. *«Люди убивают дух и лишают себя психической энергии. Невозможно представить себе, как больно человечество, и такая зараза проходит по всей планете. <...> Куда же направится блуждающее человечество? Оно нуждается прежде всего во враче и учителе. Они могут предупредить об опасности. Она велика!»* [1, 884].

Я буду говорить о медицине. На ее развитие оказывает влияние развитие науки в целом, в которой сегодня преобладают физика и химия, а биология и другие дисциплины, связанные с изучением человека, отодвинуты на второй план.

Иными словами, современная наука дала продукцию для роскошной жизни: удобство коммуникаций, средства связи и т.д. Однако сам человек, для кого все это предназначалось, как-то выпал из сферы ее внимания. Развиваться стала технократическая и чисто аналитическая медицинская наука. Человек не рассматривается как интегральное целое ума и тела, совершенно игнорируется его духовное начало.

Однако мы знаем из книг Учения Жизни – Живой Этики, что *«...наука, отрицающая Духовный Мир, способствует отупению человечества»* [1, 887]; что *«первое условие расы – нести дух в жизнь»* [2, 4 окт., 1922]; что *«вопросы самоусовершенствования и народного здоровья очень связаны <...> просвещение утвердит здоровье духа и тела»* [3, 425].

Многие древние источники указывают, что священнослужители были и врачами. Сам Христос – Великий Учитель человечества был и Великим Врачом. Известны примеры из недалекого прошлого: Николай Иванович Пирогов, Иван Петрович Павлов, Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий.

И сейчас актуальны, как никогда раньше, такие положения Учения Живой Этики, как:

«Нравственность и биология остаются непонятым парадоксом» [1, 777];

«Врачи могут быть истинными помощниками человечества в восхождении духа» [3, 3];

«Состояние Земли требует неслыханного врача. Планета больна...» [4, 30];

«Пусть именно врач, как жрец науки, вносит в дома знание Мира и Света» [3, 226].

Сегодня путеводным лучом для многих прогрессивных врачей является всестороннее сотрудничество всех систем медицины, так как даже официально признанная западная система медицины не в состоянии справиться с проблемами здоровья современного мира.

Хочу обратиться к одной из древнейших медицинских систем в мире – к Аюрведе, которая появилась в Индии более пяти тысяч лет назад. Письменным источником ее являются Веды.

Веды – самые древние писания, известные людям. Эти книги знания содержат практическую и научную информацию по широкому кругу различной тематики, включая философию, логику, инженерию, сельское хозяйство, экономику и политику. Аюр-веда – часть ведического знания, которая занимается медициной. В Индии аюрведическая медицина официально признана, наряду с аллопатией. *«Правильно похвалить аюрведическую медицину. Нужно понять, как многие тысячи лет оставили наследия опыта и мудрости»* [5, 538].

Слово «Аюрведа» имеет две части – *Ayu* и *Veda*. В переводе с санскрита *Ayu* – жизнь, *Veda* – знание или наука. Получается: «Наука жизни». Но что такое жизнь? Аюрведические тексты говорят, что жизнь человека – это союз тела, ума, чувств и души. Вот она, небесная физиология. Слово «физиология» – условное определительное. На самом деле это закон Бытия. Он действует как во Вселенной (макрокосм), так и в человеке (микрокосм). Нельзя рассматривать отдельно тело, ум, чувства и душу. Все это связано законом Бытия. Приведу такой пример. Все знают, что при нарушении кровообращения в руках или ногах может произойти гангрена и их придется ампутировать. Если же мы нарушаем небесную физиологию и не снабжаем «питанием душу», то происходит

гангрена души; не организуем ум — возникает беспокойство ума. Когда мы говорим о человеке с ампутированными конечностями, что он калека, — это понятно. Но мало кому понятно выражение «духовный калека», хотя таких калек сейчас очень много.

Так вот, Аюрведа рассматривает человека цельного, как союз тела, ума, чувств и души. Аюрведа представляет собой систематизированное знание и практическую мудрость. Это искусство здоровой жизни, которое охватывает тело, ум, чувства и душу.

Влияние Аюрведы распространилось широко. Она является «матерью медицины». Основы теоретических направлений Аюрведы вдохновляли и направляли китайскую, арабскую, греческую и римскую школы медицинской мысли. Концепции Аюрведы адаптировала современная западная медицина, а также многие дисциплины альтернативного здоровья — такие, как гомеопатия, натуропатия и ароматерапия.

Аюрведа — это наука, которая учит познать самих себя, учит формировать образ жизни, направленный на достижение гармонии между физическими и душевными силами человека, а также гармонии человека с внешней средой, в которой он живет.

Знания Аюрведы собраны в *самхиты*. Это сборники информации, составленные авторами в соответствии с тематикой. Существуют три основные древние самхиты: Чарака-самхита (фундаментальные концепции, болезни и растительные препараты), Сушрута-самхита и Вагабхатта. Эти основные тексты и комментарии к ним являются ценным источником как теоретической, так и практической информации.

Аюрведа включает в себя восемь детально разработанных специальных направлений. Первой и главной из восьми ветвей является педиатрия (каумарабхритья). Если термин «педиатрия» в понимании современной медицины означает «лечение ребенка», то аюрведический термин, который в дословном переводе звучит, как «наука, обучающая правильному возвращению ребенка», несколько шире по охвату, ибо здесь речь идет не только о лечении детских болезней, но вообще о жизни ребенка, причем не с момента его рождения, а с момента зачатия и даже задолго до момента зачатия.

Любовь — это основа всего в этом мире. Поэтому первое условие в рождении ребенка — любовь между родителями. Если есть любовь, то заключается брак. Это проявление ответственности. Аюрведа предписывает очень серьезное, ответственное отноше-

ние родителей к рождению детей. В каком настроении родители, в таком же настроении придет и душа будущего ребенка. Родители совершают определенный ритуал, он называется *самскара*. Самскара означает стремление внедрить определенные качества. Вот молитва, обращенная к ребенку до зачатия:

*Ты моя слава.
Ты моя любовь.
Да благословит тебя Господь.
Да будет Господь в тебе.
Да охранят тебя
Брахма, Вишну и Шива
и все полубоги.
Пусть они благословят тебя
Таковыми силами, что помогут
Стать тебе хорошим человеком.*

Представьте себе, какое это заботливое отношение к детям еще до зачатия, чтобы они были здоровы в теле и духовны в душе!

Аюрведа дает очень много конкретных советов, как родить ребенка в соответствии с вашими пожеланиями. Это определенное искусство. Очень подробно рассмотрены рекомендации для будущих матерей. Рекомендации эти касаются ментальной и физической дисциплины, которая должна соблюдаться в период беременности.

В Аюрведе описывают 16 самскар. И эти самскарсы сопровождают человека во всей его жизни, напоминая о том, что является ее настоящей целью.

В Аюрведе есть базовое понятие «гун» (качество). Все, что существует во Вселенной, делится на три качества: Саттва (благость), Раджас (страсть), Тамас (невежество). Если более подробно, то:

Саттва — это гармония, красота, чистота, простота, четкость, оптимистичность, активность, честность, доброта, знание, чистая любовь.

Раджас — напряженность, беспокойство, суетливость, привязанность к результату, страстность.

Тамас — сонливость, заторможенность, тупость, безграмотность, бесцельность, извращенный вкус, ненависть, жадность, жестокость, зло, хамство.

Очень важно понять, что все можно отнести к саттве, раджасу и тамасу. Есть три состояния ума — в саттве, раджасе и тамасе. Пища, которую мы едим, также разделяется на три категории — саттва, раджас, тамас. Все, что бы мы ни съели, влияет на ум, приводит его в соответствующее состояние и влияет на ум будущего ребенка. Поэтому очень важное значение придается питанию будущих родителей. (К сожалению, в наше время расстройства питания приобрели характер эпидемии.) Правильное питание является признаком высокой культуры. Это большое искусство, и рождение ребенка можно сравнить с посадкой дерева. Необходимо хорошее семя и хорошая почва.

Также в этой главе Аюрведы рассматривается концепция здорового воспитания детей. Особенность ребенка заключается в том, что для его взращивания требуется длительное и сосредоточенное внимание. Прогресс, достигаемый в охране младенчества, есть тот параметр, по которому можно судить об уровне развития всего общества.

С ранних лет ребенку дают нравственную основу жизни. Это развитие самодисциплины, учат говорить правду, помогать другим, любить природу, не эксплуатировать других. Все воспитание основано на духовном подходе к жизни. Кроме этого детей направляют на обучение профессии не по прихоти родителей, а по качествам самих детей, то есть по способностям и возможностям. И какой бы профессии ни обучался ребенок, он должен знать, как построить свой день, как правильно питаться, как правильно жить, чтобы быть гармонично развитым.

Родители играют самую важную роль в воспитании ребенка, потому что формирование характера и духовности детей происходит в семье до пяти лет. Нужна не только пища для тела, но и духовная пища. Это те качества, которые уже перечислялись. В окружении ребенка необходимо как можно больше саттвы.

В аюрведической традиции врач играет роль не только лекаря, но в первую очередь роль Учителя, так как первая и главная цель — это сохранить здоровье людям здоровым и вторая цель — лечить болезни у больных.

Очень важен в детстве здоровый пример родителей. Их ответственность и чувство долга закладывают в ребенке правильное понимание жизни.

Врач Аюрведы учит родителей, как формировать характер ребенка, какой для него лучше распорядок дня, как питаться и т.д.

Все, что прививается до пяти лет, остается на всю жизнь. И если у ребенка сформировали отрицательные качества, с ними потом очень трудно бороться.

Сегодня Аюрведа становится популярной во всем мире. Исполняется пророчество Елены Ивановны Рерих: *«Аюр-Веда в грядущей эпохе снова займет первенствующее значение, по праву ей принадлежащее»* [6, с. 260].

Знание о себе, о теле, о природе является фундаментальной движущей силой во внесении мира и любви на эту планету. Очень важно получить такое знание как можно в более раннем возрасте, и не только в школе, но, прежде всего, дома, в семье.

Литература

1. Учение Живой Этики. Надземное. М.: МЦР, 1996.
2. Учение Живой Этики. Зов. М.: МЦР, 1994.
3. Учение Живой Этики. Аум. М.: МЦР, 1996.
4. Учение Живой Этики. Община. М.: МЦР, 1994.
5. Учение Живой Этики. Братство. М.: МЦР, 1996.
6. Письма Елены Рерих 1932–1955. Новосибирск: Алгим, 1993.

С.Г.РУДЕНКО,
директор школы № 38,
Санкт-Петербург

ВЛИЯЕТ ЛИ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА ОКРУЖАЮЩИЙ МИР?

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАУЧНО-УЧЕНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Учить не мыслям, а мыслить.

Иммануил Кант

В нашей школе создано научное общество учащихся (НОУ), изучающее проблему «Человек – частица Вселенной». В работе этого общества принимают участие ученики 6–11 классов, а также учителя. По мере раскрытия определенных проблем и в случае возникающих трудностей общество обращается за советом к ведущим ученым. Так, неоценимую помощь при подготовке и проведении конференции, посвященной такому феномену, как сознание человека, нам оказал доктор технических наук, профессор кафедры проектирования компьютерных систем Санкт-Петербургского государственного института точной механики и оптики (СПбГИТМиО) К.Г.Коротков.

В процессе подготовки к конференции организовали выставку фотографий, зафиксировавших свечение различных природных объектов. Специально были подготовлены экскурсоводы, которые для учащихся школы провели экскурсии по этой выставке. С учениками 5–11 классов учителя естественнонаучного направления провели беседы на тему: «Взаимодействие человека с окружающим миром». Одновременно все учащиеся и учителя письменно изложили свои размышления о влиянии мыслей человека на окружающий мир и об ответственности каждого за свои мысли. Ученики, желавшие выступить на конференции, готовили доклады.

Благодаря продуманной, серьезной подготовке, массовому участию в этом процессе самих школьников, учителей конференция получилась содержательной, поучительной. Она стала своеобразным открытым уроком, на котором коллективно обсуждена одна из сложных тем школьной программы.

Основной доклад – «Человек и его сознание» на конференции сделал профессор К.Г.Коротков. Он, несомненно, обогатил знаниями не только учеников, но и педагогов.

Затем в роли докладчицы выступила ученица 10-го класса Юлия Никулина. В своем сообщении на тему «В.И.Вернадский. Учение о биосфере и ноосфере» она подчеркнула, выделила основную мысль ученого и философа.

«В своей работе “Научная мысль как планетное явление” Владимир Иванович Вернадский говорит о том, что в XX веке биосфера, в результате эволюции, переходит в новую стадию – ноосферу. Человеческий разум становится главенствующим, а все его мысли в совокупности становятся мощной геологической силой. Более того, когда эта мощная сила приходит во взаимодействие с энергиями Земли, то она способна вызвать определенные явления в природе: разрушительные или созидательные».

Юля высказала свое предположение, что, возможно, результатом такого взаимодействия совокупной мысли человека с энергиями Земли являются те природные и экологические катаклизмы, которые все чаще несут человечеству стихийные бедствия.

Учащиеся 11-го класса Юлия Харитоновна и Дмитрий Илларионов зачитали размышления учеников школы о том, что такое мысли. Вот некоторые весьма интересные цитаты из наших школьных «корифеев»:

«В мыслях кроется невероятной силы энергия, которая может быть положительной или отрицательной».

«Мысли – это очень сильное оружие. Хорошо, что им никто не пользуется».

«Мысли – это то единственное, в чем человек свободен. В своем подсознании он может думать о чем угодно. Мысли – это внутренний мир человека, полный различных фантазий».

«Мысли должны идти из души».

«Пока хотя бы большинство людей не научится следить за своими мыслями, этот вид связи между живыми существами будет оставаться слишком опасным и непредсказуемым. Так что людям еще есть в чем совершенствоваться».

«Мысли – это наш внутренний голос».

«Мысль быстрее всего, мысль загадочней всего».

«Уже сейчас понятно, что мы должны признать факт материальности мыслей и должны продолжать исследования на эту тему.»

Тогда, весьма вероятно, нам удастся ускорить процесс изобретения новых технологий, улучшить успеваемость, найти лекарства от страшных болезней или новый вид энергии. Эти исследования возведут человечество на новую ступень развития, изменят весь существующий уклад жизни».

«Мысли человека – самое интересное и, порой, самое необъяснимое явление. Я считаю, что они должны быть направлены в сторону добра, солнца, природы, удач, ярких событий, друзей, жизни. В сторону жизни, наверное, – самое основное. Мысли отражают внутренний мир человека. Так пусть у каждого этот мир будет светлым!»

Тему «Живое свечение природных объектов» раскрыла в своем докладе ученица 11-го класса Ксения Докторова. Ее сообщение было подготовлено на основе книги К.Г.Короткова «Загадки живого свечения». Благодаря опытам, проведенным супругами Кирлиан, стало известно, что все природные объекты на планете обладают своей энергией, имеют свою ауру, свечение. По свечению объектов можно определить их жизнеспособность. Все природные объекты находятся во взаимосвязи и взаимодействии.

Ученица 8-го класса Кира Орехова увлекла участников школьной конференции докладом «Влияние мыслей и действий человека на растительный мир». Она напомнила, что на Земле все развивается по единым законам. Потом привела несколько примеров из результатов исследований некоторых ученых влияния энергетического поля человека на растительный мир.

Как бы в подтверждение положений доклада учащиеся 11-го класса зачитывают размышления учеников школы о влиянии мыслей на окружающую среду:

«Мысли способны влиять на окружающий мир как положительно, так и отрицательно».

«Благотворно влиять на окружающий мир будут мысли о добрых намерениях, идущие от чистой души по отношению к другим».

«Я думаю, что человеческие мысли влияют на окружающую среду, людей, животных. Так, в комнате человека с плохими мыслями вянут цветы, его не любят животные, с ним трудно дружить. А у человека с добрыми мыслями и света в окошке больше, к его окну слетаются птички, за ним бредет брошенная недобрым человеком кошка или собака».

«Человек не сможет достигнуть совершенства, пока не научится жить в гармонии с природой».

«Очень чувствительно реагирует на все импульсы, посылаемые мыслями человека, природа. В последнее время все чаще и чаще стали случаться природные катаклизмы: наводнения, землетрясения, извержения вулканов. Слишком агрессивны стали люди, и, возможно, природа отвечает на эту агрессию таким образом».

«Я думаю, что если мы хотим спасти природу, то мы должны думать только о добром, радостном, не желать никому зла».

«Человек несет ответственность за окружающий мир».

И снова доклад по разработанной программе. У Валентины Трибель, ученицы 10-го класса, интересная тема – «Гигиена мысли». На этот счет она привела обобщающее выражение В.И.Вернадского о том, что мысль в общей жизни человечества – это самое главное. Для жизни отдельных лиц имеют цель – доброта, нежность, чувство, без этого, конечно, нельзя и не стоит жить, но для целого общества, для целой массы Мысль заменяет все. Какая важная вещь «гигиена мысли», говорил ученый.

Одиннадцатиклассники зачитывают размышления учеников школы о мыслях хороших и плохих, выбрав из множества вот эти:

«Положительные мысли посещают человека, когда он счастлив, когда у него внутренняя гармония во всем»;

«Мысли о плохом действуют по принципу “бумеранга” – если желаешь людям зла, оно вернется к тебе»;

«Хорошие мысли рождают любовь, сочувствие, сопереживание; злые мысли разрушают внутренний мир самого человека, рождают ненависть, вражду. Под действием злых мыслей начинаются войны»;

«Замечали ли вы, что к некоторым людям тянутся все: друзья, знакомые и незнакомые им люди, и даже животные. Если тебе плохо, что-то не ладится в жизни, то этот человек обязательно подойдет к тебе и скажет: “Все будет хорошо!” И ты сразу веришь ему. Но что самое удивительное – будет действительно хорошо, ведь этот человек мысленно желает тебе хорошего»;

«Плохими мыслями люди ухудшают качество не только своей жизни, но и жизни своих близких, а иногда и друзей. Я считаю, что злые мысли – это болезнь. К сожалению, многие люди болеют этой болезнью и по сей день»;

«У людей должны быть хорошие, добрые мысли. Я, чтобы ночью мне приснился хороший сон, перед тем, как заснуть, закрываю глаза и представляю солнце, поляну с цветами, улыбающуюся маму, и мне снятся хорошие сны. Вот так и чистые мысли влияют на мир, как мои представления на мои сны»;

«Мысли человека оказывают влияние на его состояние здоровья, хотя очень многим это кажется неправдоподобным. Жизнерадостный, уверенный в себе человек обладает сильной энергией, которая передается окружающим, его хорошие мысли положительно воздействуют на других людей»;

«Все мысли, плохие и хорошие, идут в Космос, а потом возвращаются к тебе».

Профессор К.Г.Коротков в докладе «Как мысли наши отзвучатся...» подвел итоги обсуждения темы о влиянии мыслей человека на окружающую среду.

Теперь учащиеся 11-го класса зачитывают уже размышления учителей о мыслях:

«Мысль человеческая, сама по себе, удивительное явление, именно потому, что она имеет огромную энергетическую силу»;

«Хорошие мысли возникают в результате общения с миром искусства, близкими и дорогими тебе людьми, когда ты в душе спокоен, рад, счастлив. В состоянии душевной гармонии сама по себе плохая мысль возникнуть не может»;

«От внутреннего состояния человека, его мыслей зависит и его воздействие на окружающий мир. Если в обществе людей начинают доминировать злоба и жестокость — это всегда ведет к разрушению, к социальным взрывам, к ответной реакции со стороны природы в виде землетрясений, наводнений и других катаклизмов. Это как раз и доказывает огромную силу, заложенную в человеческой мысли»;

«Мысль добрая, созидательная укрепляет мир, строит его. Мысль злая несет отрицание, разрушает мир»;

«Человеку нужно научиться управлять мыслями. Ведь злая мысль, посланная кому-то, может вернуться к хозяину, только еще усиленная себе подобными мыслями. Это как бумеранг»;

«Чтобы окружающий мир становился лучше, добрее, краше, надо больше думать о чистоте души, о любви, о согласии между людьми — вот тогда все эти хорошие мысли найдут отражение в окружающем мире»;

«Я всегда помню о том, что за плохие мысли придет “расплата”, и просто не позволяю им долго задерживаться в моей голове»;

«Хорошие мысли являются предвестниками добрых поступков, гармоничных отношений с окружающими людьми, природой»;

«Необходимо иметь внутри себя огромную духовную силу, чтобы противостоять плохому, сначала внутри себя самого, а потом уже воздействовать на окружающий мир»;

«Все чаще и чаще меня охватывает трепет при мысли о том, что я являюсь частью такого огромного целого, как Космос, и что от меня, моих мыслей зависит очень многое»;

«Сегодня нашими мыслями мы создаем “Мир Завтра”, “Мир Будущего”. И поэтому каждый человек должен быть ответственным за свои мысли, должен понимать, что каждой своей мыслью он прибавляет либо счастья и радости окружающему миру, либо горя и несчастья».

В работе конференции принимали участие представители других классов и школ, которые вместе с классными руководителями провели обсуждение поднятых проблем в своих классах.

Разошлись юные участники конференции с твердым убеждением, что:

*Все в мире нитью связано нетленной,
Все включено в один круговорот:
Сорвешь цветок, а где-то во Вселенной
В тот миг звезда сорвется – и умрет...*

Литература

1. *Белимов Г.С.* Сознание в живой природе как основополагающий принцип экологической этики // *Философия и естествознание*. 2001. № 6.
2. *Коротков К.Г.* Загадки живого свечения. СПб.: Весь, 2002.
3. *Коротков К.Г.* Свет после жизни. СПб.: Весь, 2002.
4. *Коротков К.Г.* Основы ГРВ биоэлектрографии. СПбГИТМО (ТУ), 2001.
5. В.И.Вернадский: Материалы к биографии // *Прометей*. Т. 15. М.: Молодая гвардия, 1988.
6. *Храленко Н.И., Ахлибинский Б.В.* Основные концепции современного естествознания // *Философия и естествознание*. 2001. № 6.
7. *Шулицкий Б.Г.* Концепция энергоинформационного мира // *Философия и естествознание*. 2001. № 6.

КОСМИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

4–5 июня 2003 г.

Б.Г.РЕЖАБЕК,

*Институт Ноосферных Разработок и Исследований,
Международный Экологический Фонд,
Москва*

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА И КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Николай Федорович Федоров (1829–1903) – один из самых удивительных русских мыслителей, творчество которого только сегодня, в начале третьего тысячелетия христианской эры, начинают, кажется, понимать. Столетие со дня смерти его отмечено в 2003 году проведением IX Международных Федоровских чтений. Его имя стоит первым в ряду тех мыслителей, чьи идеи объединяет понятие «русский космизм». Даже в созвездии таких замечательных мыслителей, как А.Л.Чижевский, К.Э.Циолковский, Н.А.Умов, В.И.Вернадский, П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, звезда Николая Федорова выделяется своим неповторимым светом. Он был фактически первым в мировой истории мыслителем, попытавшимся разрушить кажущуюся несокрушимой стену между «Афинами и Иерусалимом» и создать идейный мост, способный «соединить Афон и Парнас», то есть должным образом решить проблему соотношения догматики и традиции с научно-техническим прогрессом и художественным творчеством. И нет ничего удивительного в том, что его труд «Философия общего дела», по воспоминаниям современников, вдохновлял главного конструктора космических ракет Сергея Павловича Королева, и именно Россия стала страной, впервые вышедшей в Космос – реальный, астрономический, а не «психоделический», в который погружаются медитирующие поклонники Прабхупады.

Вокруг идей Н.Ф.Федорова, как и вокруг идей В.И.Вернадского, в СССР вплоть до 1980-х годов был «заговор молчания», хотя, казалось бы, идеи соединения людей в «общем деле» борьбы объединенного человечества с разрушительными стихиями силами создания братской семьи народов как нельзя лучше совпадали с лозунгами, написанными в программных документах и на пла-

катах советской эпохи. Беда была в том, что и Федоров, и Вернадский исходили из того, что жизнь человечества не может сводиться лишь к удовлетворению материальных потребностей, а для нормального развития общества необходимы не только наука (точное знание), но и религия, дающая путеводные ориентиры жизни, опираясь на веру и духовный опыт ее подвижников, и философия, понятая не как «единственно верное» учение, а как деятельность – право и обязанность которой, подвергая все сомнению, отделять истинные идеи и цели от ложных.

С именем Н.Ф.Федорова связано множество легенд, но серьезное изучение его наследия началось лишь во второй половине XX века и связано прежде всего с работами С.Г.Семенович и А.Г.Гачевой. Итогом многолетних трудов матери и дочери стало четырехтомное собрание сочинений Н.Ф.Федорова с подробным историческим и текстологическим комментарием [1]. Благодаря их труду мы можем наконец ознакомиться с идеями Н.Ф.Федорова в их полноте, увидеть, насколько его мысли опередили свое время и насколько не соответствует действительности представление о том, что это был всего лишь «скромный сотрудник Румянцевского музея, ничего не печатавший при жизни и получивший известность только после смерти в связи с изданием его учениками написанного им труда “Философия общего дела” (I т., Верный, 1906; II т., Москва, 1913)», который к тому же «проповедовал чудовищную теорию физического воскрешения покойников, без всякого участия церкви и даже вообще религии, исключительно только при помощи естественнонаучных методов» [2, с. 72]. Анализ причины таких представлений о Н.Ф.Федорове был дан нами ранее [3, с. 158–168], причем выяснилось, что дело просто в плохом знакомстве с идеями Федорова в силу фактической недоступности его сочинений. Теперь реальное изучение идей Н.Ф.Федорова позволяет понять природу его религиозного опыта, который лежит в основе всего его учения и приводит к мысли о космической роли человечества.

Десятилетие после распада СССР принесло много нового в жизнь и общественное сознание России. Появилась возможность думать и обсуждать проблемы, от понимания которых народ был основательно отучен. Как это часто бывает после тяжелой болезни, своего рода «духовное отмораживание» – процесс восстановления нормальной духовной жизни – оказалось причудливым и

порой тяжелым. На книжные прилавки хлынул мутный поток «рыночной эзотерики», сулящей читателям возможность чуть ли не мгновенного обретения сверхъестественных способностей, долголетие и даже бессмертие, а в первую очередь – грандиозные успехи на ниве секса и коммерции. В стране появилась возможность обратиться к традиционным религиям – православию, исламу, буддизму, иудаизму, – но одновременно с этим в Россию пришли разнообразные «ловцы душ», проповедники сект и эклектических учений, облачающихся порой в тогу науки, вроде сайентологии или трансцендентальной медитации. Им удается порой увлечь в свои сети наивных людей, иногда даже имеющих ученые степени и звания, страдающих «синдромом дефицита духовного иммунитета». Православная Церковь пытается противостоять этому наплыву, но не всегда успешно. Многих мыслящих людей, тянущихся к Истине Православия, отталкивает отсутствие уважения к личности прихожанина, невежество и обскурантизм некоторых священников, в частности, например, прямое отрицание со стороны ряда клириков теории эволюции, якобы «противоречащей» библейскому учению о сотворении мира. Дело осложняется еще и тем, что большая часть людей, приходящих сегодня в православные храмы, не имеет реального представления ни о догматике, ни о литургике, ни о смысле и целях Православия.

Многие считающие себя православными и свято верящие в то, что Церковь проповедует бессмертие души, не подозревают, что эта идея, восходящая к Пифагору и Платону, была отвергнута уже ранними отцами Церкви. Во II веке н.э. св. Иустин Философ (ум. в 166 году н.э.) убедительно опровергал сомнения тех, которые *«сплетают такие софизмы: если плоть восстанет, то восстанет она всецело и со всеми членами или несовершенно <...> не нелепо ли это приписывать ей после воскресения из мертвых <...>?»* и смущаются тем, что *«если тело воскреснет всецело и будет иметь все члены, то необходимо должны быть и отправления членов – зачатие матки, излияние семени в мужском члене и прочее тому подобное»* [4, с. 471]. Он пишет с полной ясностью: *«...зачем нам принимать противное вере и гибельное учение и безрассудно обращаться вспять, когда услышим, что душа бессмертна, а тело тленно и неспособно к тому, чтобы снова ожить?»* [4, с. 482] и призывает христиан *«говорить против тех, которые унижают плоть и говорят, что она недостойна воскресения и небесного жительства, потому что,*

во-первых, сущность ее есть земля, во-вторых, она полна всякого греха, так что принуждает и душу грешить вместе с нею. Такие люди, кажется, не знают всего дела Божия, не знают ни первоначального происхождения и создания человека, ни того, для чего создано все существующее в мире» [4, с. 477–478].

Именно с пониманием того, «для чего создано все существующее в мире», и связан в первую очередь религиозный опыт Николая Федорова. Потрясенный смертью своего дяди Константина Гагарина в 1851 году, он испытал глубокое озарение, позволившее ему более чем за сто лет до появления «антропного принципа» в физике осознать уникальную задачу и роль человечества во Вселенной. Задачу, поставленную перед человеком во второй главе одной из основных книг Библии, Бытие, где сказано: *«И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его»* [Быт. 2:15], Н.Ф.Федоров осознал, как *«мысль, что через нас, через разумные существа, природа достигнет полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все разрушенное и разрушаемое еще по ее слепоте»* [1, т. 4, с. 165]. Он понял, что человек является не случайной деталью во Вселенной, не *«плесенью, случайно возникшей на поверхности планеты»*, как писал известный астрофизик Дж. Джинс, а ключевой фигурой в мироздании, проводником Божественных энергий, способных противостоять росту энтропии, неизбежной тепловой смерти, которая должна наступить, если человек не выполнит возложенную на него миссию.

Это понимание совершенно по-новому осветило фундаментальную христианскую идею о том, что грехопадение человека не только его самого сделало смертным, но и ввергло весь зависящий от него мир в пучину гибели, ради избавления от которой и воплотился в виде Сына Человеческого Сам Творец Вселенной. Н.Ф.Федоров понял также, что суть христианского учения не в том, что после Боговоплощения и Воскресения каждый получает возможность спастись в одиночку, а в том, чтобы, не уничтожая свободы воли каждого человека, вывести человечество на путь всеобщего спасения. Хорошо известное святоотеческое учение о синергии, соработничестве человека и Творца, Н.Федоров осознал как необходимость концентрации творческих усилий каждого на деле спасения, и дело это не сводится лишь к чтению молитв и акафистов, а состоит в развитии фун-

даментальных творческих способностей, среди которых важное место занимают наука и искусство, и ориентации их на *общее дело* воскрешения. При должном направлении эти способности могут получить благодатную помощь свыше, а в противном случае – привести к глобальному кризису вплоть до уничтожения всей планеты. Такое уничтожение, которое многим кажется неизбежным (обычно ссылаются на фразу из Нового Завета: «земля и все дела на ней сгорят» [2 Пет. 3:10]), было бы свидетельством неудачи Божественного замысла о человеке и бесплодности жертвы Христа. Понимая это, Н.Федоров пишет об условности пророчеств, сравнивая их с пророчеством Ионы, и верит в то, что покаяние, метанойя, изменение образа мыслей людей – что иногда ставят ему в укор как утопическое мечтание – может привести человечество «в Разум Истины», и тогда станут возможны победа над «последним врагом» – смертью и <...> воскрешение умерших «отцов».

По сути дела всякий религиозный опыт связан с осознанием факта смерти и поиском выхода из трагедии, притерпеться к которой могут в полной мере лишь совершенные атеисты типа Базарова, уверенные, что «лопух вырастет», и этим все кончится. Любой тип религиозности, будь то ведантический, буддийский, иудейский, мусульманский или христианский, предполагает ответ, во многом определяющий и сущность религии, и ее ценность для конкретного верующего. Так, веданта опирается на мысль о перевоплощениях, но стоит заметить, что эти перевоплощения отнюдь не похожи на розовые мечты адептов современных учений, принесенных в Россию из Америки и адаптированных для европейского сознания идей, которые замечательно высмеял еще Владимир Высоцкий. Перевоплощения в веданте – это страшное блуждание в колесе Сансары, переход из одних форм адских страданий в другие, и именно ради выхода из этого лабиринта озаренный Будда предложил свое учение – путь выхода из Сансары и погружения в Нирвану. Условие выхода, однако, является довольно тяжелым: мир следует признать иллюзией, а суть блаженства Нирваны известна только тем, кто ее достиг. Понятно, что плоть в такой системе ценности не имеет – это, во-первых, иллюзия, а во-вторых, источник страданий, от которых надо избавиться, пройдя тем путем, который указал Будда.

Значительно более уважительное отношение к плоти мы видим в Китае. Здесь даосы разрабатывают (и, говорят, небезуспешно) специальные техники и эликсиры для достижения практически неограниченного продолжения жизни. Очевидно, что такое бессмертие является уделом избранных, для чего оно нужно – вопрос остается открытым. В религиях библейского корня – иудаизме (если исключить саддукейство) и исламе – существует ясное учение о воскрешении мертвых и посмертном воздаянии, хотя различные школы этих религий по-разному описывают это посмертное состояние. В христианстве же факт Воскресения Иисуса Христа – это краеугольный камень веры, и именно в Православии этому факту отводится главная роль, а главным праздником является Пасха – праздник Воскресения Христова, дающего нам ясное обетование воскресения плоти. Стоит заметить, что именно в Православии Пасха является центром литургического круга, в то время как в странах католических и протестантских главным праздником считается Рождество Христово. Православие содержит глубочайшие основания, во многом утраченные Западом, для начала всеобщей литургии – *общего дела*. Увы, сегодня не утратила своей остроты и такая мысль Н.Ф.Федорова: «*В идее нет ничего выше, чем Православие, но тем резче бросается в глаза несоответствие идеи с действительностью*» [1, т. 1, с. 575].

В сочинениях Николая Федорова огромное число страниц посвящено «пасхальному вопросу», вопросу о воскрешении умерших «отцов». Некоторые современные теологи смотрят с недоумением на мысль Н.Ф.Федорова о том, что воскрешение будет не чудесным трансцендентным актом, а совершится при участии самого человека. Но эта идея отнюдь не противоречит духу Священного Писания. Вспомним, что в 37-й главе книги пророка Иезекииля Господь говорит ему: «*Изреки пророчество на кости сии и скажи им: “кости сухие! слушайте слово Господне!” Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете <...> Посему изреки пророчество и скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших <...> И вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, – и узнаете, что Я – Господь, сказал это – и сделал, говорит Господь!»* [Иез. 37:4; 5; 12; 14]. Символически выраженное участие человека в деле воскрешения

здесь вполне очевидно. Можно сказать, что идея Н.Ф.Федорова, понимаемая как реальное дело воскрешения, не в большей мере «противоречит» Библии, чем теория эволюции – «Шесто-дневу» Василия Великого.

Более серьезным на первый взгляд является возражение Владимира Соловьева, высказанное в письме к Н.Федорову в июле–августе 1882 года: *«Воскресить людей в том их состоянии, в каком они стремятся пожрать друг друга, – воскресить человечество на степени каннибализма было бы и невозможно, и совершенно нежелательно»*. Федоров, читая это письмо, сделал на нем приписку: *«Воскрешать каннибализм, т.е. воскрешать смерть! Вот нелепость!»* [1, т. 4, с. 630]. В работе «Заметки о статье В.С.Соловьева “Лермонтов”» Н.Ф.Федоров писал: *«Говоря о несовершенстве человека, Соловьев боится прямо сказать, что это несовершенство зависит прямо от него самого»* [1, т. 4, с. 80]. Эта мысль, адресованная Владимиру Соловьеву конечно же относится и к каждому из нас.

Н.Ф.Федоров прекрасно понимал то, чего не понимают сегодня многие, сталкивающиеся с идеей о воскрешении с участием человека, и впервые осознают, что это – не мистическая туманная идея, а реальный призыв к *общему делу*. Таких людей охватывает энтузиазм, и они уже готовы броситься в бой, заняться созданием научных методик бессмертия и воскрешения или, на худой конец, использовать идеи Н.Ф.Федорова как политическую приманку. Однако сегодня ситуация такова, что, хотя человечество уже технически готово к решению проблемы бессмертия и воскрешения – успехи в области расшифровки генома человека и техники клонирования, при всем ее несовершенстве, свидетельствуют об этом, – оно совершенно не готово к бессмертию этически. Наблюдая современную жизнь, можно видеть, что сегодня людьми владеет страх бессмертия – совершенно невиданная вещь во все предыдущие времена! Страх бессмертия порождает сознательное преклонение перед Смертью как своего рода божеством, – то, что последователи Николая Федорова обозначили термином *«смертобожничество»* [5, с. 23–24]. Представление о непреодолимости смерти глубоко входит во всю структуру современного социального бытия, пронизывая практически все политические институты, проникая в искусство и философию,

в крайних формах выражаясь в виде психического извращения – некрофилии. В ней-то и скрыт «основной грех», мешающий человеку жить полной и радостной жизнью в прекрасном мире, созданном благим Творцом.

Бессмертие, как и освоение дальнего космоса – реально. Но эта реальность недостижима по принципу «мы хотим сегодня, мы хотим сейчас!». На пути к решению этой задачи человечество ждет огромные трудности и испытания – уже не на уровне отдельных подвижников, чьи имена навсегда вписаны в книгу жизни, но всего человечества, которое обязано еще доказать право на это имя. Человечество должно устроиться не по типу организма, но по типу Пресвятой Троицы, неслиянно и нераздельно, стать таким единством людей, которое, не подавляя ни в малейшей черте свободу и не нивелируя индивидуальность, обрело бы силу стать хозяином, а не рабом стихий, как внешних, так и внутренних. Перед человечеством сегодня стоят две промежуточные задачи, без которых главная цель всегда будет недостижима: глобальное экологическое преобразование – «превращение природы из врага временного в друга вечного» и глобальное психологическое преобразование – осознание смертобожничества и преодоление его в каждом человеке.

Сегодня мы имеем возможность вместе с Н.Ф.Федоровым осознать главную задачу христианства, ярко выраженную в романе Б.Л.Пастернака «Доктор Живаго». Один из его героев, Николай Веденяпин, фактически озвучивает идеи Николая Федорова, говоря, что история в нынешнем ее понимании «основана Христом, что Евангелие есть ее обоснование. А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению. Для этого открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии. Двигаться в этом направлении нельзя без некоторого подъема. Для этих открытий требуется духовное оборудование. Данные для него содержатся в Евангелии» [6, с. 577]. Пора и нам понять главную мысль Николая Федорова: «...почитание Пресвятой Троицы требует объединения всех сынов и дочерей, т.е. братства их, любви всех живущих ко всем отцам умершим, такой любви, которая готова отдать всю жизнь для возвращения жизни отцам, а отдав жизнь смертную, получить жизнь бессмертную...» [1, т. 3, с. 410].

Литература

1. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1, 2. М.: Прогресс, 1995; Т. 3. М.: Традиция, 1997; Т. 4. М.: Традиция, 1999; Дополнения, комментарии к т. 4. М.: Традиция, 2000.
2. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990.
3. *Режабек Б.Г.* А.Ф.Лосев и Н.Ф.Федоров: попытка анализа мировоззренческих недоразумений // *Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 1. М.: Наследие, 1996.
4. Творения св. Иустина, философа и мученика. [М.]: Паломник, 1995.
5. *Режабек Б.Г.* Смертобожничество в спектре современных мировоззрений // *Философия бессмертия и воскрешения.* Вып. 1. М.: Наследие, 1996.
6. *Пастернак Б.Л.* Сочинения. М.: Книжная палата, 1998.

Д.А.КОЖЕВНИКОВ,

академик РАН,

А.Д.КОЖЕВНИКОВА,

биолог,

Москва

ВЛАДИМИР КОЖЕВНИКОВ – НЕ ТОЛЬКО ИЗДАТЕЛЬ ТРУДОВ Н.Ф.ФЕДОРОВА

В этой работе предпринята попытка оценки Владимира Александровича Кожевникова как историка и деятеля русской культуры, внесшего значительный вклад в формирование космического мировоззрения и мышления. В.А.Кожевников до сих пор малоизвестен и упоминается главным образом как издатель трудов Н.Ф.Федорова – основателя философского течения, получившего название «русский космизм». В мае 2002 года в институте философии РАН впервые состоялись научные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения В.А.Кожевникова.

Вот как характеризовали знаменитые современники человека, которому в декабре 1903 года, за несколько часов до смерти, Н.Ф.Федоров передал в наследство свои рукописи:

«Он был атлет духовный, подвижник мысли и науки...» – Н.С.Арсеньев [1].

«Он чувствовал себя дома <...> в доброй полдюжине наук, в разных искусствах, в религии и философии» – С.Н.Булгаков [2].

С.Н.Дурьлин вспоминал, что В.В.Розанов, придя на могилу Кожевникова на Новодевичьем кладбище, сказал: *«Я счастлив поклониться в ноги этому человеку»* [6, с. 14–15].

Владимир Александрович проделал огромную работу по приведению в порядок, систематизации и редактированию (совместно с Н.П.Петерсоном) разрозненных рукописей и публикаций Н.Ф.Федорова. Общее название этого издания – «Философия общего дела» [17] было дано В.А.Кожевниковым (на греческом «общее дело» означает – «литургия»). Все расходы по подготовке и изданию трудов старшего друга В.А.Кожевников взял на себя.

Рекомендуя В.А.Кожевникова к избранию в почетные члены Духовной академии, о. Павел Флоренский писал: *«Его заслуги заключаются в научной разработке существеннейших вопросов христианской религиозной мысли и выяснении исторических путей и судеб религии. Врожденный вкус к историческим явлениям и тонкое чутье их, богатая осведомленность в памятниках всемирной литературы, широкое философское и богословское развитие, приобретенное в молодые годы, послужили В.А-чу фундаментом для постройки грандиозного здания, имеющего целью представить и осветить историю перехода европейского сознания от религиозного миро- и жизневоззрения к светскому, гуманистическому, — так сказать, историю обмирщения, “секуляризации” европейской культуры от Возрождения до XIX века. В.А-м было уделено тому более двадцати лет, из которых четырнадцать были посвящены занятиям в величайших книгохранилищах Европы и тщательному собиранию редких книг для собственной богатой библиотеки»* [8, с. 868–871].

Владимир Александрович Кожевников родился 15 мая 1852 года в состоятельной, образованной купеческой семье потомственного почетного гражданина уездного городка Козлова Тамбовской губернии, получил домашнее образование. Учебными пособиями для него служили труды Платона, Пифагора и Никомаха, Архимеда, Гиппарха и Птолемея, Аристотеля, Евклида, Теофраста, Плиния и Диоскорида. В конце жизни Кожевников знал 14 языков, свободно владел восемью. В Козлове в круг общения семьи входили Дуловы, Игумновы, И.В.Мичурин.

После смерти отца (мать потерял еще раньше) он вынужден был заняться финансовыми делами семьи и образованием двух младших братьев. Все это помешало ему получить университетский диплом: курс истории философии он прослушал в Московском университете как вольнослушатель.

Хотя внешне жизнь Владимира Александровича небогата яркими событиями, внутренне она была напряженной и целеустремленной. В письме к Павлу Флоренскому он отмечал: *«Интенсивность и разнообразие личных запросов, стремлений и переживаний были столь велики, что они постоянно усиленно просились вылиться наружу, и подавить это желание было мучительно трудно»* [15].

Будучи обеспеченным человеком, Владимир Александрович никогда не состоял на государственной службе, являя собой едва ли не единственный для России пример независимого ученого. Он хорошо разбирался в музыке и живописи, много путешествовал (страны Европы, Аравия, Алжир, Тунис, Палестина), работал в крупнейших книгохранилищах Европы, занимался благотворительной деятельностью. Был женат на Анне Васильевне Андреевой, выпускнице Московской консерватории по классу фортепьяно профессора В.И.Сафонова.

Он пристально следил за западноевропейским книжным рынком, был в тесном контакте с крупнейшими западными антикварами, собрал уникальную коллекцию ценнейших и редчайших монографий по духовной жизни древности, раннего христианства, средних веков, эпохи Возрождения. Свою богатейшую библиотеку (десять тысяч томов) он завещал книжному собранию Румянцевского музея (ныне РГБ). Уже с 1881 года Кожевников периодически передавал в фонды музея различные издания – научные труды и архив своего рано умершего младшего брата ботаника, каталоги художественных галерей, математические труды и др.

Первая печатная работа В.А.Кожевникова «Нравственное и умственное развитие римского общества во II веке» [12] продемонстрировала научную добросовестность и строгую объективность исследования. Цель этой работы была изобразить нравственное и умственное состояние языческого общества в последний период его самостоятельного развития, то есть в пору, которая граничит с началом влияния на него христианства. Кроме того, эта эпоха с исторической точки зрения до тех пор была весьма мало изучена.

Затем молодой ученый обратился к культуре Ренессанса, много занимался в библиотеке Румянцевского музея. Здесь в 1875 году произошло его знакомство с Н.Ф.Федоровым, которое стало для обоих судьбоносным. Значение В.Кожевникова в деле внедрения в сознание русского общества идей Н.Федорова трудно переоценить. Как отмечает А.В.Шургаия [18, с. 106], слова «помощник» и «сотрудник» не отражают всего сделанного им для Н.Ф.Федорова. Речь, скорее, может идти о «сотворчестве», настолько был велик и сложен труд по приведению написанного Н.Ф.Федоровым в «благообразный» вид, так как сам автор принципиально не стремился к общедоступности своих работ.

В 1897 году вышел фундаментальный труд В.А.Кожевникова «Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии». Предметом исследования стало одно из направлений западной философии, названное «философия чувства и веры», слабо изученное и мало освещенное критикой вследствие прочно установившегося убеждения о неспособности этого философского направления к самостоятельному развитию. В оценке значения своего исследования В.А.Кожевников обозначает отношение к истории философии в целом: *«Философию чувства и веры я старался рассматривать не с догматической, а с исторической точки зрения. <...> Только тогда, когда сама история философии поставлена будет в теснейшую связь с общей историей культуры в самом широком смысле этого слова, только тогда, когда философские учения будут рассматриваться не как продукт одной личной гениальности, ни даже как результат строго обособленного, исключительно философского течения мысли, а как отражение всей общественной и духовной жизни своего времени, — только тогда станет возможной беспристрастная оценка исторического значения отдельных философских учений, и в особенности тех из них, которые, подобно философии чувства и веры <...> выросли непосредственно из практических запросов самой жизни как ответ на широкую потребность общественного сознания»* [14].

Н.С.Арсеньев писал: *«Кожевников был крупный, может быть, даже великий историк — об этом свидетельствует ряд его первоклассных больших трудов, им напечатанных, наряду со многими другими, оставшимися в рукописи, и с большим числом ценнейших, и вместе с тем популярно написанных, более мелких книг и статей. Но, прежде всего, он был большой христианин, радостный и бодрый носитель своего служения — научного служения открывшейся ему Правде Божией — своего миссионерского подвига. Темперамент точного и глубоко обстоятельного ученого и горение поэта (ибо, когда он писал о Красоте в своих научных работах, он переживал и понимал Красоту). И еще, юношеское горение и вдохновенное свидетельство о религиозной Истине. Его слово зажигало. В нем было сочетание научной вескости и вдохновенного пафоса. И это не было диссонансом. Получалось нечто большое, большой зажигающей силы»* [1]. Действительно, тексты В.А.Кожевникова воспринимаются как праздник русского языка, демонстрация его богатства, образности, точности и музыкальности.

В обширном научном наследии В.А.Кожевникова особое место занимает книга «Николай Федорович Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам» [11]. Этот труд, в котором В.Кожевников, по мнению С.Н.Булгакова, настолько сумел с Н.Федоровым «слиться и заслониться его тению, что поистине не знаешь, где кончается один и начинается другой» [2]. Однако стиль В.А.Кожевникова заметно отличается от стиля Н.Ф.Федорова. Его книга до сих пор является самым авторитетным и надежным источником для знакомства с личностью и идеями оригинального русского мыслителя.

Завершает книгу В.А.Кожевникова раздел под названием «Переход к активному отношению к природе; его необходимость». Заключительной части предшествует критический обзор всех точек зрения, которые характеризуются «*пассивным отношением к природе*». Этот раздел удивительно современен и важен для понимания проблем XXI века – **проблем конструирования устойчивого развития**, проблем **формирования будущего** человечества. Для решения этих проблем надо снять противоречие между ограниченными знаниями одного лица и знаниями человечества (оно снимается созданием машинных информационных систем).

Проектирование будущего может быть осуществлено не одиочками, а только многотысячными коллективами, и даже всем миром, как целостная разумная человеческая деятельность. В.А.Кожевников пишет: «*Истина и мудрость – нечто цельное и единое; оттого и познаны они могут быть только целостно, в их непосредственной, жизненной, всесторонней полноте, а не в том искаженном и бледном подобии, которое создается отдельным умом в призрачном мире субъективных отвлеченных представлений. Философия ученой прихоти, философия надменного самомнения вольна мечтать о единичном познании истины, о монопольном обладании мудростью: ее удел – заблуждение или, в лучшем случае, жалкие обрывки знания, бесплодные порывы ко всеведению, бессильные потуги к всемогуществу; ее исход – разлад мысли с делом, знания с жизнью.*

Наоборот, философия, вызванная необходимостью, нуждою жизни, существует лишь ради торжества мудрости и блага, ради всеобщего спасения. Это не отрицательная философия чистого мышления, довольствующаяся ученым созерцанием истины; это и не

пассивная философия чувства, тонущая в области неустойчивых порывов и неопределенных стремлений. Это **строго реальная, проективная и активная философия дела всеобщего спасения**¹ через всеобщее знание, разумно и нравственно и притом добровольно к общей спасительной цели направляемое. Определить эту цель, обосновать ее разумно и нравственно, привлечь к ее осуществлению все силы мысли, чувства, воображения и воли, могущество знания, творческое вдохновение искусства, ресурсы техники, святыню нравственности; разобраться в сокровищнице познанного и сделанного, указать ее пробелы, пополнить их развитием не всех сил и способностей, как внушает языческий гуманизм, а всех благотворных сил и полезных способностей, не для того, чтобы по-фаустовски переходить от желания к наслаждению и от обладания к новому желанию, а для всестороннего движения к определенной всеобъемлющей цели; создать проект осуществления последней и стать во главе его сознательного, добровольного и единогодушного выполнения сынами человеческими: вот задача философии или, вернее, мудрости, достойной своего названия и призвания» [11].

Приведем еще цитату из этой книги, где слова В.А.Кожевникова органично слиты с изложением Н.Ф.Федорова.

«**Знание само по себе не может быть целью жизни; это значило бы мысль принимать за действительность, мертвое за живое, из мысли или идеи творить себе кумира**» [17, т. 1]. Нет надобности впадать в это идолопоклонство <...> потому что **нет основания для отчаяния в знании, для разочарования в его силах**. Банкротство науки, ставшее модной фразой, необязательно и не безысходно. Его выводят, в конце концов, из несоизмеримости субъективного знания с объективной действительностью вещей. Что делать!? **Надо признавать эту несоизмеримость в настоящем, но преждевременно и малодушно отчаиваться за будущее**. «Мысль и бытие не тождественны» [17, т. 1]; это — факт, факт **теперешней действительности, но не потому, что одно с другим вообще и никогда не может совпадать, а потому только, что «мысль еще не осуществлена. Не вся еще осуществлена и не так осуществляется, как бы следовало**» [17, т. 1]; но все же — **она должна быть осуществлена!** «В мире все изменяется, все исчезает» [17, т. 1]; но это изменение определяется не волею сознающего и чувствующего существа,

¹ Здесь и далее в цитатах выделено нами. — Д.К. и А.К.

а слепую силою (сделавшиеся такою после падения); поэтому “не в философе, изменившем человеческому чувству, забывшем, что человек есть существо действующее, а не мыслящее только, а в душе человека, сына человеческого, в существе не только сознающем, но и чувствующем, обобщенное представление будет проектом обращения слепой силы природы в сознательную” [17, т. 1]. “Мир дан не на поглядение: не мирозозерцание — цель человека. Человек всегда считал возможным действие на мир, изменение его согласно своим желаниям <...> Все мифические образы были проектом действия на мир, причем проект этот постоянно изменялся по мере того, как люди приходили к убеждению [отрицанию, ложности. — Ред.] тех или иных богов, которых они заменяли новыми. Если бы в сознании и жизни сохранилась непрерывность, единство, то мифический проект прямо перешел бы в положительный и не осаждали бы нас докучливые и в то же время весьма, однако, естественные вопросы: “к чему? зачем?”, вопросы, которые позитивизм, не имея возможности разрешить, устраняет, затыкая от них уши. И только благодаря тому, что первоначальный смысл человеческих стремлений утрачен, позитивизм и мог полагать произвольные границы человеческой деятельности. Позитивизм является выражением дряхлости; он мирится со злом; прогресс по нему заключается не в расширении человеческой деятельности, а в сужении ее” [17, т. 1].

Но успокоимся ли мы на этой мудрости старческого бессилия? И удовольствуемся ли, с другой стороны, “мнимыми успехами, что ныне называется торжеством над природою” [17, т. 1], этими “победами Пирра, в угоду промышленности, комфорту, прихоти, получаемыми ценою неисчислимых потерь; страданиями прислужников машины, бездействием многих миллионов умов многих поколений людей и бесплодностью самих приложений будто бы торжествующего знания?” [17, т. 1]. Ни то, ни другое. “Нельзя не признавать фактов, но не следует преклоняться перед ними; нельзя не признавать несовершенства существующего; нельзя не признавать, что человек слаб, хил и смертен, что в нем много животного, что его способности и силы ограничены. Но нельзя думать, нельзя говорить, что так и должно быть, хотя бы мы и желали иного! Нельзя узаконить рабскую наклонность — благоговеть перед всяким обнаружением силы, перед силою слепой природы! Само сознание, что космическая сила, при всем своем колоссальном могуществе, — бессильна помимо нас в деле самоулучшения, потому что вне нас она не имеет

ни сознания, ни чувства” [17, т. 1], а с другой стороны, “сознание, что та же космическая сила **в нас**, в человеке, начинает сознавать себя и чувствовать” [17, т. 1] — это двойное сознание **обязывает** человека **стать** силою, реагирующей на природу, регулирующей ее, ведущей ее от слепоты к сознанию и в ней все сущее — **к долженствующему быть**, то есть уже не к просто физическому, но и к нравственному миропорядку» [11].

Эти мысли Н.Ф.Федорова и В.А.Кожевникова немедленно вызывают ассоциацию со словами В.И.Вернадского: «*В биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая, сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе, представлениях научных или имеющих научную основу. <...> Эта сила есть разум человека, его устремленная и организованная воля его, как существа общественного*» [3, с. 462].

Последнее десятилетие жизни Владимир Александрович посвятил деятельности на благо Церкви. «*Хотел бы я, — говорил Кожевников, — по мере сил поработать над возведением ограды церковной <...> быть чернорабочим в этом деле возведения ограды, отделяющей церковь православную и ея великое учение от учений, ей чуждых и враждебных*» [15]. Памятником этого бескорыстного служения стал его итоговый труд — фундаментальная, почти в 1500 страниц, состоящая из двух томов книга «Буддизм в сравнении с христианством» [9], напечатанная в Петрограде в 1916 году, за год до смерти ее автора.

Книга получила высокую оценку в научных кругах и быстро разошлась. В.В.Зеньковский в рецензии на «Буддизм...» писал: «*Высокая ценность работ Владимира Александровича Кожевникова, отмеченных всегда редким сочетанием истиной учености и пламенной веры, создала ему репутацию выдающегося исследователя религиозных проблем. Ясность изложения и литературные достоинства всегда сочетаются у Кожевникова с чрезвычайно широким пониманием проблем, превосходным знанием литературы вопроса, с настоящей глубиной философского умозрения. Изумительная ученость автора, никогда, однако, не утопающего в материале, всегда сохраняющего идейную свободу по отношению к нему, вызывает только одно желание у читателя, чтобы автор смог до конца довести свои многообразные и глубокие замыслы. Все изложение В.А.Кожевникова проникнуто нежным чувством к чужим религиозным*

внехристианским переживаниям, ему чуждо пренебрежение, высокомерное презрение, открыта относительная правда этих внехристианских достижений именно потому, что открыта полнота христианской истины» [7].

Исследователь трудов В.А.Кожевникова по буддизму И.В.Горенко [4] отмечал парадоксальность ситуации, когда сторона, яростно нападающая на буддизм (Кожевников), более точно и полно выражала буддийские истины в отличие от современных ей «буддофилов», увлеченных отдельными привлекательными моментами буддийского учения.

Приведем лишь некоторые выводы, к которым пришел В.А.Кожевников. *«Буддизм есть учение спасения без Спасителя, и в этом его столь существенное отличие от христианства, что усвоившему одну эту черту становится невозможным говорить о сходстве между двумя учениями». «По Христу, совершенство – в полноте любви, по Готаме – в полноте знания». «Образцом духовной чистоты и невинности как условием вступления в царство Божие Спаситель ставит дитя. Будда – философа, поседевшего в думках о знании и в самоуглубленных поисках его <...> несмотря на многие широкие позднейшие отклонения, все священное писание буддизма есть не что иное, как всесторонний комментарий к идеалу величайшего из пессимистов, противопоставившего суете сует всего живущего безвольный и бесчувственный покой небытия вечного, в отличие от Христа-Спасителя, обещающего и дарующего верующему в Него и в Пославшего Его жизнь вечную» [10].*

В.А.Кожевников не был публичным человеком, отличался необычайной скромностью. Недооцененность его сознавали многие современники. В письме к В.А.Кожевникову незадолго до его смерти о. Павел Флоренский с горечью признавал: *«Сознание какой-то нашей общей, общественной вины перед Вами, общественная неправда в отношении к Вам, Ваша, так сказать, нераскрытость для культурной жизни России тяготеет на мне, почти на совести моей. Сколько Ваших трудов, дарований, добросовестности легло мертвым капиталом, словно погребенное на дне морском. И горе нам, если, пока живы Вы, мы не успеем “примириться” с Вами» [15].*

Будем надеяться, что уже пришло время для оценки и раскрытия личности и значения В.А.Кожевникова как одного из наиболее ярких и самобытных деятелей русской науки, истории и культуры.

Литература

1. *Арсеньев Н. А.* С.Хомяков, В.А.Кожевников // Возрождение. Париж, 1970. № 217.
2. *Булгаков С.Н.* Памяти Владимира Александровича Кожевникова // Христианская мысль. 1917. № 11 (12).
3. *Вернадский В.И.* Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М.: Современник, 1993.
4. *Горенко И.В.* Предисловие // *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1, 2. М.: Грааль, 2002.
5. *Дубинина И.В.* Кожевников В.А. // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995.
6. *Дурьлин С.Н.* Ученый-христианин // Возрождение. 1918. № 9.
7. *Зеньковский В.В.* Рецензия на работу В.А.Кожевникова «Буддизм в сравнении с христианством» // Христианская мысль. 1917. № 1.
8. Из академической жизни: Избрание почетных членов МДА // Богословский Вестник. 1912. № 12.
9. *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1. 633 с.; Т. 2. 756 с. Пг., 1916.
10. *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1, 2. М.: Грааль, 2002.
11. *Кожевников В.А.* Николай Федорович Федоров: опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам / С приложением писем Ф.М.Достоевского, В.С.Соловьева, А.А.Шеншина (Фета) и Л.Н.Толстого о Н.Ф.Федорове и его учении. М., 1908 (не для продажи). 320 с.
12. *Кожевников В.А.* Нравственное и умственное развитие римского общества во II веке. Историческое исследование. Козлов: Тип. В.М.Фриш, 1874. 289 с.
13. *Кожевников В.А.* Повести о перевоплощении Готамо-Будды и их значение в истории развития буддизма // Вопросы философии. 1997. № 3.
14. *Кожевников В.А.* Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. Ч. 1. М.: Тип. Г.Лиснер и А.Гашель, 1897. 757 с.
15. Переписка В.А.Кожевникова и П.А.Флоренского // Вопросы философии. 1991. № 6.
16. *Сетницкий Н.А.* Владимир Александрович Кожевников (1852–1917–1927) // Высшая школа в Харбине. Известия юридич. ф-та. Т. 4. Харбин, 1927. С. 323–328.
17. *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Н.Ф.Федорова, изданные под редакцией В.А.Кожевникова и Н.П.Петерсона. Т. 1. Верный, 1906; Т. 2. М., 1913.
18. *Шургаия А.В.* Православный ученый-христианин // *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1. М.: Грааль, 2002.

В.И.АЛЕКСЕЕВА,

Государственный музей истории космонавтики

им. К.Э.Циолковского,

Калуга

МОНИЗМ КАК СИНТЕЗ НАУКИ И РЕЛИГИИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

МОНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ К.Э.ЦИОЛКОВСКОГО

Идеи монизма мира К.Э.Циолковский (1857–1935) развил в комплексе трудов, написанных в период с 1918 по 1935 год [1–18]. Монистическая система ученого, неоднократно называвшаяся им самим монистическим материализмом, стала одной из крупнейших в истории философии попыток синтезировать религиозно-этические, естественнонаучные и философские основания. Она выражала единство духовных и материальных ценностей; претендовала на единую (снимающую как частные собственно научную, философскую и религиозную) методологию исследования действительности. «*Философией я называю объединение точных наук*» [19, с. 112]. Однако к точным наукам ученый относил не только математику, механику, физику, химию, биологию, но и этику и психологию. Свой вариант монизма он объявил научной философией, то есть знанием, подлежащим научному доказательству, верификации, апробации на практике, практическому воплощению в жизнь, считая его логически выводимым из знания общих законов развития мира, универсальным, применимым ко всем уровням развития материи и сознательной жизни Вселенной. Константина Эдуардовича чрезвычайно интересовали перспективы применения методов точных наук в гуманитарных областях.

Научный подход ученого проявился в решении не только научно-технических, но и антропологических, этических, социальных, психологических задач. Одну из самых ярких черт его космической философии действительно можно назвать *научоцентризмом*. Это признание некоего универсального для всех сфер человеческой деятельности основания, определяющего ценности, идеалы, цели и задачи деятельности; это стремление к обоснова-

нию стратегии развития человечества на рациональной, логичной, эмпирически проверяемой основе. *«Современная наука — наиболее почтенный и даже единственный источник философии. Наука, наблюдение, опыт и математика были основой моей философии»*, — писал ученый в одной из автобиографий [20, с. 135]. Рационалистическим подходом проникнуты идеи ученого в области гносеологии, онтологии, антропологии, психологии человека, социологии, лингвистики, науки и техники, этики.

Отрицательные высказывания в адрес философии были направлены исключительно против того, что он считал абстрактными спекуляциями, схоластическими построениями, не имеющими отношения к человеческой практике, либо объявляющие мир непознаваемым, а человека — слабым пессимистом. Справедливо отмечалось, что монизм в понимании Циолковского противопоставлен не только религиозному дуализму духа и тела, но и пессимистическому материализму — наивному механистическому материализму XVIII — начала XIX века, не сумевшему ответить на извечный вопрос человека о смысле жизни, о наличии перспектив развития человека, о бессмертии [21, с. 509; 22, с. 10]. Став сторонником вульгарного материализма (Бюхнер, Фохт, Молешотт) в молодости, он со временем увидел узость и ограниченность этого наивного учения, не сумевшего предложить методологию исследования сложных материальных процессов, в частности, психики человека. *«Вообще материализм остановился на половине дороги в беспомощном и жалком состоянии, так как не дошел до отрадных выводов о вечной и безначальной жизни всего сущего, всякой частицы живой или мертвой материи. Он этим оттолкнул от себя всех жаждущих вечности и заставил их искать ее у философов других направлений, где сиял отрадный, хотя и туманный свет нескончаемой жизни»* [23, с. 43].

Отрицательными сторонами религий он считал: удвоение сущностей; противопоставление дольного и горнего миров; учение о загробной жизни в различных вариантах; отсутствие общей религиозной картины мира у человечества; противоречия в учениях множества религий [24]. Как монист и космист он видел методологическую ограниченность, непоследовательность, отсутствие перспективы становления всепланетного сознания и дальнейшего космического развития человечества, то есть вхождения в мировое сообщество космического разума именно

в раздробленности, несогласованности религиозных ценностей – в пестрой мозаике верований, церквей, противоречий и взаимного отрицания.

Наука второй половины XIX – начала XX века задавала новые послышки для философской интерпретации человека, его бессмертной души, природы, связей в системе «природа – человек». Ученый, вступающий в жизнь, имел возможность сделать выбор между христианским антропоцентризмом, агностицизмом, естественнонаучным материализмом, атеизмом, панпсихизмом. Противоречия, вскрывшиеся между религиозно-философскими и естественнонаучными представлениями, могли побудить мыслящего человека занять и позицию агностицизма.

Христианский антропоцентризм с его постулатом человека, созданного по образу и подобию Божьему, обладающего бессмертной душой, ради которого был создан окружающий материальный мир, по существу провозглашавший дуализм человека и природы, неизбежно терял свои позиции в области гносеологии и онтологии. Историческое, генетическое, функциональное единство человека и живой природы подрывало представления не столько о самом феномене души бессмертной, сколько о ее наличии исключительно у человека. Более логичным было бы признать либо отвергнуть полностью догмат о бессмертии души, что и было сделано в различных вариантах естественнонаучным монизмом и панпсихизмом, в частности Э.Геккелем, труды которого произвели на Циолковского значительное впечатление.

Книга Геккеля «Мировые загадки» [25], имеющаяся в библиотеке Циолковского, носит подзаголовок: «Общедоступные очерки монистической философии». Монизм Геккеля – материалистический, пантеистический, практически является синонимом атеизма, что подтверждает и сам автор. Дух и материя, то есть энергия и вещество, суть нераздельные стороны единой мировой субстанции. Энергию, пронизывающую материю, являющуюся внутренним источником ее движения, основу существования всех ее свойств, а также саморазвития, можно назвать и богом – существо дела от этого не изменится. Тем не менее автор усматривал связанность науки и религии. Одна из его работ так и называлась – «Монизм как связь между религией и наукой» [26, с. 217]. Геккель провозгласил «монизм как мост между наукой и религией», но не наполнил этот лозунг никаким

реальным содержанием. По нашему предположению, Циолковский использовал эту идею синтеза, намек на это содержится в одном из его писем: *«Очень печально, что немногие способны проникнуться моим монизмом. Но родился или, вернее, воскрес он недавно, и потому будем ждать лучшего в будущем. Начало всего невелико и слабо, как и всякого зародыша»* [27]. Циолковский шагнул неизмеримо дальше немецкого зоолога, предложив философскую систему, действительно перекинувшую мост между наукой и религией.

Материалистический панпсихизм, развитый Циолковским, отрицающий бессмертие души, но признающий за всей материей – подобно Э.Геккелю [28] и Н.Морозову [29] – единое свойство психической чувствительности, «разлитое» в природе, также принадлежал к тем философским направлениям, которые стремились изгнать дуализм из науки и мировоззрения как болезнь роста человеческого знания. *«Живое и мертвое составлено из одного элемента. Взглянем с противоположной точки зрения. Если человек имеет дух бессмертный, то невозможно того же не признать и за животными, высшими и низшими. Но между животными и растениями также нельзя проложить резкую границу. Основа животных и растений одна и та же: клеточка. (Споры обладают органами движений, биологи колеблются признать низшие подвижные существа животными.) Хлорофилл не может быть признаком растения, так как находится и во множестве животных высокой организации. За растениями нужно признать наличие бессмертного духа»* [23, с. 67].

Религиозный дуализм отнимал у материи самоочевидные свойства – жизнь и саморазвитие, приписывая ей косность и пассивность. Наличие двух противоположных по свойствам сфер бытия оказалось излишним, и возник соблазн вместе с дуалистическими представлениями о бессмертной душе и Боге (антропоморфном Боге, стоящем вне материального мира и творящим его) избавиться от самих этих представлений.

Монистическая картина мира, по мнению Циолковского, разворачивается все более полно по мере взросления человека, обретения и углубления знаний о природе и человеке. Убеденный сторонник линейного прогресса, он полагал, что только на начальных, наивных стадиях становления человечества мир кажется расщепленным на отдельные, не связанные друг с другом

фрагменты, и предметный мир, явления и процессы в нем представляют собой невообразимое многообразие. Постепенно взрослеющему человечеству открывается единство природных связей, наличие общего источника гармонии субстанционально однородного мира.

«Мы проповедуем монизм во вселенной – не более. Весь процесс науки состоит в этом стремлении к монизму, к единству, к элементарному началу. Ее успех определяется степенью достижения единства. Монизм в науке обусловлен строением космоса. Разве Дарвин и Ламарк не стремились к монизму в биологии? Разве того же не желают геологи? Физика и химия влечет нас по тому же направлению. Астрономия и астрофизика доказали единство образования небесных тел, сходство земли и неба, однообразие их веществ и лучистой энергии. Даже исторические науки стремятся к монизму.

В биологии объединяются клеточки низших существ, образуя животных с единым управлением (мозг – душа), объединяются люди в общества, стремясь слиться в одно могущественное тело. Скоро должна объединиться так и вся земля. Это объединение на иных планетах должно достигнуть высшего результата» [13, с. 17].

Одной из существенных черт развития материального мира Циолковский считал тождественность переходов от простого к сложному на разных структурных уровнях развития материи. Он обращал внимание на то, что, например, в биологии одним из первых этапов эволюции было слияние отдельных клеток в первые многоклеточные организмы. Согласно космологической гипотезе ученого, бесконечное время тому назад Вселенная состояла из истинных атомов эфира, не сгруппированных в молекулы и более масштабные объекты (звезды). Первые молекулы образовались из двух атомов эфира, последующие из трех и т.д. Первичная однородная субстанция породила все разнообразие наблюдающегося физического мира [23, с. 54]. Известные во времена Циолковского 90 «простых тел» (химических элементов) он считал составленными из трех начал – электронов, протонов и эфира, а наличие разнообразия химических элементов считал взаимным переходом одних элементарных тел в другие [23, с. 67]. *«Мы думаем, что в конце концов все сведется к одному элементу: протон окажется сложным и состоящим из электронов, а электрон – из атомов эфира»* [24, с. 20]. В конечном счете все вещество Вселенной состоит из атомов эфира и их комбинаций, полагал Циолковский.

Однако наши научные познания – капля в море незнания, и именно поэтому сами термины «атом эфира», «протон», «электрон» в смысле простоты, конечности этих элементарных частиц условны. Простая, однородная, элементарная основа материи – субстанция существует, но далеко еще не обнаружена наукой. *«Атом есть целая вселенная, и он так же сложен, как космос. Мысль о том, что атом – точка, давно оставлена наукой»* [30, с. 23].

Циолковский провозгласил тождество силы и материи (вещества и энергии); пространства и вещества. Атрибутами материи являются пространство, время, энергия, психическая чувствительность.

Материальное единство мира, согласно концепции ученого, проявляет себя в однородности Вселенной; универсальности законов ее развития; наличии глобального мирового эволюционного процесса, разворачивающегося на всех структурных уровнях развития материи, и единой мировой субстанции – атома; структурном подобии всех элементов космоса на уровне микро-, макро- и мегамира, от атома до галактик (в этом ряду свое место занимает и организм человека). Единство косного и живого вещества реализуется в возникновении живого из неживого; в отсутствии неких резких, непроходимых граней между веществом и существом; в общности физико-химического состава и наличии переходных форм между живым и неживым (кристаллы, по мнению некоторых ученых и Циолковского), между растительным и животным царством; в наличии обмена веществ, в результате которого нет отдельно взятого, изолированного, самостоятельно функционирующего живого. Циолковский, вслед за Тимирязевым [31, с. 228], обратил пристальное внимание на наличие неограниченного в пространственном отношении энергетического обмена между живыми и косными структурами материального мира, на практически неограниченный в масштабах планеты и космического пространства метаболизм живых обитателей планеты Земля, в частности человека.

Циолковский ввел представление о наличии информационного обмена между живыми и косными структурами во Вселенной, в частности, между организмом человека и отдельными атомами, постоянно входящими в его состав в процессе метаболизма. Одной из специфических черт космической философии явилось утверждение универсальности информационного обмена между

косной материей и высокоразвитыми живыми сознательными формами. Этот процесс, обеспечивающий на физико-химическом уровне периодичность пребывания всех частиц косного вещества в составе живых форм, на информационном уровне обеспечивает наличие субъективного чувства жизни, периодически возникающего также у всех атомов Вселенной. Атомы, попадая в мозг человека, «пропитываются» его сознанием [13, с. 82–84]. Таким образом, по мысли Циолковского, наличествует специфическая форма единства всего материального мира.

Монистический взгляд на человека отразил и естественнонаучные, и философские взгляды Циолковского. Человек как биологический вид, в полном согласии с естествознанием конца XIX века, демонстрирует единство с природой – генетическое, морфологическое, физиологическое. В силу однородности Вселенной и универсальности всех ее процессов человек выступает в качестве типичного представителя множественных очагов космического разума. Он занимает одно из самых низких мест по уровню биологического, нравственного, научно-технического, социального развития в космосе. Согласно логике ученого, его представлению о линейном характере всемирного прогресса, Вселенная, существуя бесконечное время, породила высокоразвитые (старые) космические цивилизации. Чем меньше астрономический возраст планет, тем ниже уровень развития на них цивилизации. Так как Земля сравнительно молода, социальный возраст человечества есть младенческий, его несовершенство логически, исторически обусловлено. Подобно тому как ни один атом Вселенной не может избежать участия в богатой органической жизни, так же и все очаги сознательной жизни множества планет не могут избежать пути прогресса, независимо от того, стали они на него сознательно и добровольно или нет. Единство всех цивилизаций космоса проявляется, в частности, и в том, что на определенной стадии развития для каждой из них наступает так называемый «суд космоса» – отбор для дальнейшего развития или уничтожения в соответствии с принятым решением более развитых цивилизаций Вселенной [32].

Циолковский многократно заявлял, что уничтожению, точнее, гигантской космической «переплавке», подлежат страдающие, несовершенные, нравственно убогие малосознательные цивилизации и агрессивные, низкого развития биологические

сообщества. При этом уничтожается не жизнь как таковая (ее невозможно уничтожить), но страдание несовершенного. Следовательно, ни одна цивилизация Вселенной не имеет возможности не эволюционировать, прекратить свое развитие или подвергнуться регрессу. Основным критерием на этом пути является критерий нравственности, идеал бесконечного счастья и вселенского блага. Таким образом, путь космической эволюции для всех разумных существ космоса един; он задан монистической системой Циолковского так же жестко, как тенденция биологического совершенствования всего живого — законами дарвинизма.

Социализация космоса является необходимым проявлением универсального эволюционного процесса Вселенной. Космическая материя с разворачиванием эволюции материального мира сохраняется в минимальном количестве лишь в качестве необходимой материальной базы для «обслуживания» счастливой разумной жизни. Локальные процессы развития человеческих обществ на различных планетах не являются однозначно прогрессивными, поэтому часть из них прекращает свое существование в результате «суда Космоса». И тем в большей степени достигают роста, развития, распространения во Вселенной прогрессирующие планетные цивилизации, с неизбежностью обретающие космические масштабы. Закономерным и необходимым является расширение прогрессирующего вселенского разума, объединение, расширение объединений до масштабов, сопоставимых с масштабами галактик, эфирного острова, системы эфирных островов. Все перспективные планетные цивилизации проходят путь саморазвития, в дальнейшем неизбежно вливаясь в ряды более крупных существующих объединений [23; 33; 34; 35; 36; 37].

Монистические тенденции социального строительства проявляются в следующих характеристиках общества. Локальные цивилизации Вселенной рано или поздно сливаются в структурно оформленное целое. Масштабы объединения сообществ не имеют пределов и практически сопоставимы с масштабами галактик и Метагалактики. Образующиеся локальные объединения космических масштабов носят прогрессирующий характер развития: наступает унификация общественного устройства таких цивилизаций, вышедших на планетарный и более высокие уровни развития; наступает этап построения демократиче-

ски-иерархического общества с выборностью все более высоких управителей космических сообществ, вплоть до президентов эфирных островов (групп галактик).

Вырабатывается единая стратегия действия подобных высокоразвитых сообществ по следующим вопросам: культивирование в пределах доступных (постоянно расширяющихся) масштабов действия разумной жизни, патронаж над перспективным разумом, всемерная помощь в становлении и развитии; уничтожение страдающих, малоразвитых форм жизни на планетах; организация расселения разумных форм жизни вместо ее самозарождения на подобных планетах – путь искусственной эволюции; реализация совместных согласованных действий по преобразованию природного мира Вселенной в интересах развивающегося космического социума; выработка и реализация комплексов мер по всемерному увеличению населения счастливых очагов космической жизни; выработка совместных мер безопасности перед лицом возможных космических катастроф. В целом планируется максимальное развитие централизации при решении все более масштабных задач социального строительства.

Единение во все более широких масштабах возможно лишь со становлением единой системы ценностей цивилизаций, достигших космического масштаба развития: устремленность к счастью, блаженству, практическому бессмертию, достижению баланса между эмоциональной и интеллектуальной сферами развития личности. Общество ставит задачу не только овладения материальными ресурсами Вселенной, но и уничтожения порочных качеств человеческой природы – агрессии всех видов, невежества, в результате проведения ряда ограничительных социальных мер на добровольных основах (искусственный подбор родителей; погашение неперспективных родов с помощью ограничения права на продолжение рода; ограничение права на брак; ученый рассматривал возможность права первой ночи для перспективных в плане деторождения мужчин). Социальные меры по улучшению своей собственной природы разрабатываются на базе психологии, педагогики, общественного воспитания, освоения базовых принципов космической философии. Лишенный деструктивных качеств, Человек Космический становится истинным гражданином Вселенной.

Однако материалистический монизм, проявляясь во всем своем блеске в структурах природы и общества, не является в картине мира Циолковского своим собственным основанием. Материальный мир, согласно универсальному закону детерминации, есть порождение некоего высшего начала, названного ученым Причиной космоса [7], или Волей Вселенной [11]. Причина трансцендентна; она нематериальна и настолько же выше своего порождения, игрушки – космоса, насколько человек выше и сложнее своих игрушек – механизмов. *«Действительно, материя не творит материю»* [38, с. 29]. *«Платон же признает мысль и идею, существующую самостоятельно, независимо от материи. Это можно оправдать отсутствием в то далекое и темное время физиологических познаний. Но существование мысли, независимой от мира, вне его, как ПЕРВОПРИЧИНЫ вселенной и я признаю»* [23, с. 41].

Именно Причина космоса задала материи те принципы развития, тот набор свойств, о которых говорилось выше. Однако невозможно сделать вывод, что материальная Вселенная самодостаточна и организует количественный рост и эволюцию своих обитателей, их счастье, блаженство, бессмертие на основе принципов самоорганизации. Невозможно делать деистические выводы о том, что высшее первоначало, совершив некий акт творения, более не проявляет себя в жизни этого творения. Причина космоса у Циолковского не устраняется от функционирования мира, сотворив его. Да и единовременный акт творения не утверждается ученым. Это не система деизма, в которой Бог и природа иные по отношению друг к другу. Есть патронаж Причины (Первопричины, Воли), которая не допускает во Вселенной неразумного, негативного, дисгармоничного развития, регрессивных процессов в масштабах, значимых для этого материального мира и неугодных Причине. Именно соотношение Причины и материального мира придает космической философии ту своеобразную системность, которая может быть востребована сегодня в качестве примера поисков интеграции философии, науки и религии.

Причина космоса трансцендентна, нематериальна, непознаваема во всей своей полноте, хотя поступательное движение к ней космических цивилизаций является одной из закономерностей, заданных ею самой. Причина есть чистая мысль, чистое

сознание. Она являет собой активное творческое начало в самом чистом виде. Свойства и качества Причины определяются в категориях этики: Причина есть благо, добро, совершенство. Она благосклонна к материальному миру, как мать к своим детям. *«Она сильна, совершенна и добра, что видно из ее создания – космоса, который отразил в себе эти свойства Бога»* [39, л. 25].

Соотношение Причины и материального космоса в философии Циолковского достаточно специфично, его затруднительно интерпретировать в рамках известных философских систем (идеалистический или материалистический монизм, деизм, реализм). *«Мы думаем, что она (Вселенная. – В.А.) искажается мозгом (идеализм), но имеет и свой собственный облик, свои законы (реализм). Вот почему мы думаем, что ни реалисты, ни идеалисты не правы. Истина на середине»*, – писал сам Циолковский [23, с. 39].

Соотношение Причины и материального мира в самом общем виде можно определить следующим образом: законы и закономерности развития материального мира, исследуемые наукой, все без исключения, в конечном счете заданы Причиной; однако ее власть над материальным миром абсолютна и сама не поддается никакой детерминации – Причина способна вмешиваться в ход материальных событий любого масштаба (это вмешательство, проявление ее воли возможно наблюдать в форме чудес), а также созидать и разрушать материальные миры, структуры произвольно, нарушая все законы природы, введенные ею самой. *«Если бы они появились (млечные пути. – В.А.) 100–200 тысяч лет тому назад, то мы бы их теперь не могли видеть, потому что луч света в это время не успел бы дойти до нас. Они должны явиться миллионы лет тому назад, чтобы мы их видели так, как видим теперь <...> Но разве Творец не мог их создать во всякое время, вместе с их лучами, на всем их невообразимом протяжении!! Разве Ему лучи труднее сотворить, чем материи! Разве лучи не колебание материи!..»* [40, с. 9].

Жизнь есть едва ли не атрибут самой материи, она не может не возникать в виде множества очагов во всех благоприятных участках Вселенной, а поскольку она безгранична в пространстве и бесконечна во времени, то и очагов жизни бесконечное множество, и чем старше космические цивилизации, тем (согласно представлениям Циолковского о линейном прогрессе) в большей степени они совершенны во всех отношениях. Однако опыт изуче-

ния истории общества, собственные жизненные впечатления показали ученому, что саморазвитие сознательной жизни не гарантирует некоего всеобщего совершенства этой жизни. Он был вынужден прийти к выводу, что начальные этапы становления (младенчество, детство цивилизаций) представляют собой мучительный путь ошибок, медленного продвижения вперед через незнание, невежество, отсутствие достойной человека морали, тягостную борьбу с природой, социальные коллизии. В чем источник всего негативного? В болезни роста, в болезни медленного саморазвития, в одиночестве на пути продвижения вперед слабой, невежественной цивилизации. Начало пути тяжело и мучительно.

Но на вершине системы мира есть высшая сила, созидательные возможности, могущество, разум и воля которой беспредельны. Это и есть главный фактор управления этим миром, задающий законы его развития. Очевидно, что высшие нравственные законы, приписываемые космической философией Причине, и реальная ситуация в известной нам части Вселенной не совпадают, наш мир не является *«лучшим из миров»* и не получает помощи ниоткуда. Однако для Циолковского эта очевидность малозначима; мало того, она иллюзорна, подобно тому, как в системе буддизма иллюзорен материальный мир. В микроскопической части известной нам вселенной, на одной из бесчисленных планет царит несовершенство и страдание. Однако во всем космосе эти качества, как и страдающие цивилизации, занимают столь малое место, что ими вообще можно пренебречь. Логика проста: цивилизаций младенческого возраста мало, как исключение происходит самозарождение и самостоятельное развитие в одиночестве; агрессивные, несовершенные уничтожаются, чтобы получить высшее воплощение, а имеющие шанс на космическое развитие получают помощь высших цивилизаций. Решающим фактором для «суда Космоса» является достижение цивилизацией всепланетного объединения. Буквально таких высказываний у Циолковского мы не найдем, однако вся логика космической философии, изложенная им в значительном числе трудов и переписке, подтверждает этот вывод. Именно всепланетная цивилизация есть та точка отсчета, с которой начинается бесконечно восходящая космическая судьба; это пропуск в свое собственное будущее, в сообщество совершенных и бесконечно совершенствующихся.

Причина космоса в системе Циолковского задает этический закон космическим цивилизациям, в том числе и земному человечеству. Однако этот закон действует не напрямую, не является непосредственно наблюдаемым; он опосредован рядом факторов, главный из которых – уровень развития каждой космической цивилизации. Не существует непосредственной связи Причины и каждого отдельного человека. Причина задает параметры этической жизни космоса в целом. Минимальная структура, в судьбе которой начинает проявляться нравственный закон Причины, – планетарная организация разумной жизни. Заботой Причины является некий суммарный общественный объект, имеющий определенный космический статус, если можно так выразиться, космическую репутацию. Допланетарный уровень развития любой цивилизации как бы не в полной мере интересуется Причину. Изолированная от совершенной жизни космических сообществ молодая цивилизация, идущая самостоятельно путем проб и ошибок, может равным образом стать на путь прогресса или регресса. Во все большей степени нравственный закон Причины начинает проявляться лишь на постпланетарном уровне развития, и чем далее, тем более. Только на космической арене актуализуется действие этического закона во всем его блеске.

В целом этический закон Причины, закон праведной жизни не дан человечеству или любой космической цивилизации напрямую, в виде некоего конечного свода правил или изначально интуитивного знания, универсальной религии, единого благого управляющего начала, непосредственно проявленного для человека. В то же время Константин Эдуардович Циолковский, как и Лев Толстой, считал, что моменты этой универсальной истины излагались пророками, гениями нравственности. К таковым Циолковский относил Иисуса Христа, Будду, Конфуция и русских святых.

Проблема добра и зла, поставленная мировыми религиями, исследовавшаяся русской религиозной философией, разрешена в космической философии Циолковского следующим образом. Все в мире детерминировано Причиной. Воля Вселенной порождает все феномены материального мира, все связи и отношения, законы функционирования и развития. Она порождает и волю каждого отдельного индивида, в том числе допускает существование и злой воли (результат невежества низших уровней созна-

тельной жизни на планетах с самозарождением). Смысл допущения злой воли и позволения жить мучительной жизнью неведения истины — воспитательный. Это космические уроки нравственности для молодой, слабой, малоопытной жизни, имеющей иллюзии отдельности и частных целей существования — одного человека, одной общественной структуры (семья, социальный слой, класс, нация, государство), которая, не видя еще общечеловеческих и единых космических целей и задач своего существования, принимает свой узкий мир за мироздание в целом и не стремится к выходу из этих рамок «самости». Именно в этом смысле узкую, земную точку зрения Циолковский считал синонимом ограниченности, бесперспективности, кратковременности единственной жизни, наполненной борьбой за существование. В действительности то, что кажется человеку неодолимым злом (кратковременная жизнь, тяжелые отношения в обществе, пессимистический психологический настрой и пр.), обречено на исчезновение или уничтожение, то есть в конечном счете является иллюзией. Так, многие земные закономерности, наблюдаемые в качестве постоянных, неизменных, устойчивых (войны, борьба за власть, исторически сложившаяся государственность), в космическом масштабе представляются временными, спорадическими, исчезающими или в принципе невозможными. Напротив, скоротечность и конечность человеческой жизни как непреложный эмпирически наблюдаемый и научно обоснованный закон становится еще одной иллюзией, так как жизнь вечна — объективная жизнь материального космоса и субъективно — непрерывная жизнь атома.

Причина благá, поскольку в конечном счете порождает только совершенство. Зло есть преходящее качество эпохи становления; избавление от зла есть движение от несовершенства природы, человека, общества к совершенству. Добро в материальном мире не является абсолютным, однако является гарантированным конечным продуктом развития разума. Наличие зла, как эмпирически наблюдаемого на Земле, так и логически предполагаемого на других молодых планетах Вселенной, — явление преходящее, скоротечное и чрезвычайно редкое, спорадическое в масштабах космического пространства и космического времени. В перспективе бессмертия космического социума оно иллюзорно; добро же становится онтологической

категорией. Высшее совершенство Причины порождает совершенство материального мира, которое стремится к первому, но никогда не поднимется до его уровня.

Причина обеспечивает разумным обитателям космоса бессмертие, добро, счастье и избавление от зла и страданий, если они когда-либо их испытывали. Зло и страдание столь незначительны в перспективе блаженного бессмертия, что ими можно пренебречь. *«Такие очаги жизни, как земля, составляют чрезвычайно редкое исключение, — как младенец, имеющий одну терцию возраста. Потому мучительная жизнь земли редкость, что она получилась самозарождением, а не заселением. <...> Роль земли и подобных немногих планет, хотя и страдальческая, но почетная. Земному усовершенствованному потоку жизни предназначено по-полнять убыль регрессирующих пород космоса»* [13, с. 25–26].

Космическая философия Циолковского предполагает наличие двух планов бытия — высшего и низшего; непреходящего, характеризующегося совершенством как таковым, совершенством всех видов, и низшего, преходящего, временного, несовершенного, обусловленного незнанием истины, учения о Причине и свойств Причины. Высший, непреходящий аспект бытия олицетворяет истинное существование, неподвластное страданию и действию времени. Это проявленное космическое существование, соответствующее подлинным принципам Причины. Преходящий несовершенный аспект бытия являет собой лишь начальный этап рождения и становления разума во Вселенной, он есть лишь миг страдания и несовершенства. Иллюзорность несовершенного, редкого в космосе бытия разума «допланетного» уровня проявляется в представлениях об оторванности, отделенности, обособленности планеты и ее жизненных закономерностей от космоса; в незнании законов жизни космоса; в незнании единства планеты и космоса; в незнании морального закона космоса (блага Причины по отношению к ее детям); в непроявленности Причины для ограниченного земного разума; в его замкнутости исключительно на земных аспектах жизни. Освоение высшего аспекта бытия есть прежде всего обретение знаний о благе Причины, истинного, а не иллюзорного устройства космоса, его единства с планетами и их разумом. На этом уровне развития благо Причины для обитателей космоса становится проявленным. В конечном счете происходит онтологиза-

ция основных характеристик Человека Космического. Бессмертие, счастье, высокий потенциал творческой активности, сотрудничество, содружество, взаимопомощь – все эти свойства и качества человечества, выработанные и искусственно культивированные в течение длительного времени, становятся существенными характеристиками социума.

В целом наукоцентрический подход был нацелен на формирование рационально обоснованной картины мира. Рационально обоснованное социальное действие должно было быть направлено на изживание иррационального на всех уровнях бытия – в существовании природы, в организации социума, в природе человека.

В области антропологии Циолковский провозгласил становление Человека Совершенного (в том числе и в качестве животного космоса) в биологическом, нравственном, социальном плане и наметил естественнонаучные (евгеника, физиология человека), этические (освоение этики космической философии), социальные (развитие совершенного демократически-иерархического общества космического масштаба) и научно-технические пути разрешения этой проблемы. В определенном смысле космическую философию можно считать путем к рациональному, целенаправленному, спланированному строительству Человека Совершенного. Это проблема становления истинной человеческой природы, которая неизбежно проявляется на определенной стадии эволюции человека.

В области психологии ученый применил математические методы к расчету силы человеческих эмоций для обоснования своей теории равенства суммы положительных и отрицательных эмоций, переживаемых человеком за всю его жизнь. Примером математического подхода к описанию человеческих ощущений является аннотация ученого к его ранней работе 1880 года «Графическое изображение ощущений» – все кривые ощущений всех живых существ обладают одним свойством: определенный интеграл ощущения, умноженный на дифференциал времени, равен нулю [41, л. 43].

В области социологии Циолковский рационально обосновал необходимость и возможность перехода к глобальному обществу нового типа на Земле и в космических масштабах; показал его преимущества, принципы организации, особенности функцио-

нирования, преимущества и выгоды социалистической организации хозяйства планетарного масштаба и формирования социалистического образа жизни. В этой области философия монизма проявила себя как руководство к практическому действию — она прежде всего направлена на единение, усиление социальных связей, создание единого хозяйственного, транспортного, промышленного организма, солидарность социальных целей и задач, стандартизацию отношений между людьми, выработку социально благоприятных типов поведения.

В области лингвистики он обосновал идею и создал основы общечеловеческого языка (алфавита, азбуки) на принципах универсальности, простоты, доступности, доведя принцип рационализма до некоего совершенства.

В области техники и изобретательства Циолковский обосновал роль научно-технического прогресса в перспективах развития общества.

В области этики он также провозгласил возможность и необходимость научного познания смысла человеческой жизни; предложил логическое обоснование человеческих добродетелей, необходимость самосовершенствования человека. По существу он предложил философское обоснование и практические пути в области развития нравственных добродетелей, имеющих как индивидуальное, так и социальное значение. При этом рациональное начало ведет к счастью, осознанию собственного бессмертия, нескончаемому благу; иррациональное (страсти, аффекты, невежество) — к увеличению страдания, неразумной трате психической энергии, асоциальному поведению. Хаос человеческой суеты должен быть преобразен в рационально организованный порядок.

Даже в живой природе стихия эволюции, ее отрицательные стороны (регрессивные тенденции развития отдельных видов животных и растений; закон борьбы за существование, обрекающий огромное количество живой массы на самоуничтожение) должны испытать на себе благотворное влияние созидательной деятельности человека, направленной на уменьшение страданий живого.

Практически во всех областях знания, не говоря специально о трудах в области истории науки и технического изобретательства, ученый применял формализованный научный подход, зачастую используя схемы, диаграммы, таблицы, математические расчеты в работах по психологии, социологии, философии.

Важнейшей специфической чертой рационализма космической философии стало стремление ученого конвертировать основополагающие элементы учений мировых религий, их главные понятия в рационально обоснованные элементы космической философии материалистического духа. В таком трансформированном виде они заняли в ней свое место, практически не имея аналогов в других философских системах. Христианское понятие «Святой Дух», учение о спасении, крещение Иисуса Христа Иоанном Крестителем, учение о втором пришествии трансформировались в космической философии следующим образом. Ангелы – это лучшие устремления души (мозга) человека [42, л. 113]; дьявол, соблазнитель – дурные человеческие инстинкты, страсти [42, л. 113]; чудесные исцеления Христом народа преувеличены людской молвой [42, л. 114]; рождение Христа от Духа Святого надо понимать не буквально, а в переносном смысле, так как апокрифические Евангелия свидетельствуют, что он появился на свет в результате обычного земного союза Марии с римским офицером Пандорою [43, л. 4]; сам Иисус Христос – не богочеловек, но талантливый и умный провидец, врач, проникшийся духом истины [43, л. 4]. Вообще понятие «Святой Дух» Циолковский интерпретирует в качестве истины, истинного знания о мире. Оно же в его представлении есть и научное знание. Мудрецы древности (Будда, Конфуций, Христос, русские святые) проникали в истинное устройство мира и роль человека в нем, не имея специальных научных знаний, так как истина может быть и априорной.

В свою очередь основополагающие буддийские понятия также не остались без внимания ученого и вошли в его систему в новом, материалистическом виде. Колесо сансары трансформировалось во вселенский круговорот материальных воплощений, в котором неизбежно участвуют вся неодушевленная материя и все живые существа. Учение о буддийской нирване превратилось в понятие истинного, активного, жизнерадостного, но чисто материального существования человека будущего в просторах космоса [47]. Буддийское понятие иллюзорности также нашло свое место в преобразованном виде, в виде учения о кратковременности пребывания разумных существ в условиях несовершенных планет.

Система ценностей космической философии синтезирует устремления науки, религии, философии на пути поиска истины. *«Истина одна. Нам дает ее вселенная и мудрецы, Земля и небо.*

Если бы она была доступна всем людям, то не было бы такого большого различия во взглядах, обычаях, вере и т.д.» [48, с. 13].

Из области науки на вооружение взят принцип научного познания мира, основа методологии Циолковского – это методология научного познания. Заслуживает доверия то, что выражено в статистических закономерностях, поддается научному исследованию, эмпирически наблюдается, является закономерным, а не случайным. Знание Циолковского логически конструируется. Исключительно на базе научного познания постулирована активная преобразовательная деятельность человека (природы, самого себя, общества) безграничных возможностей и масштабов. На рационализм космической этики обращали внимание корреспонденты ученого. Один из них считал даже, что в разработке этической проблематики можно выделить всего два периода – до Циолковского и после него, – настолько значимым для него оказался именно рационализм этой новой этической системы. *«Великая честь научного обоснования этики принадлежит вам. От вас начинается новый этап учения о нравственности – научная этика» [49, с. 29].* Циолковский считал, что на извечный вопрос о том, почему все великие древние нравственные учения, данные человечеству, терпели крах и не воплощались на практике, ответ может быть только один – потому что они не были рационально обоснованы, они были делом веры, а не знания [49, с. 29]. По своей внутренней природе вера чрезвычайно субъективна, и человек склонен верить в то, что ему выгодно. Субъективность веры противопоставляется объективности рационального знания; туманность и расплывчатость веры – сумме логически непротиворечивых доказательств; плюрализму веры, окрашенной в национальные конкретно-религиозные тона, – монизму научного знания.

Космическая философия являет собой образец открытой системы именно как системы научной – она открыта для принципиально новых знаний, чего не заявляет о себе ни одна религиозная система. Таким образом, система Циолковского преодолевает ряд ограничений религиозной философии своего времени (запрет на познание онтологических оснований бытия в лице непознаваемого Бога; ограничение сферы практической деятельности человека, сужение функций науки, имеющей дело с материальным миром, но не имеющей компетенции в мире религиозных доктрин и ценностей).

В то же время процесс научного познания предстает как процесс десакрализации высших религиозных истин, понятий, постулатов, ценностей. Однако смысл десакрализации заключается не в низложении самих истин. Напротив, космическая философия предлагает цели, задачи, методологию движения к этим высшим ценностям, доступную, понятную и убедительную для человека.

Монизм Циолковского заявляет, что мир един и подвластен познанию, хотя в этом мире есть место Богу как творящей Первопричине, в конечном счете детерминирующей все. В частности, познаваемо отношение Бога к миру, его вмешательство в нашу жизнь, его устроительство нашей жизни, его патронаж над разумной жизнью.

Религиозные ценности также нашли яркое и многозначное воплощение в системе космической философии. Это оптимизм бессмертия, в такой же мере недоказуемый и в такой же мере занимающий краеугольное место в системе этой философии, как и в религиозных системах. Это наличие трансцендентного Абсолюта (Причины), создающего материальный космос и управляющего им. Закономерности отношений Абсолюта и мира достаточно своеобразны, что и было показано в настоящей работе. Причина космоса имеет качества Бога (см. свойства Причины). Наличествует встречное движение человека к Богу, как и в религиозных системах. Циолковским намечены не только сами совершенные (божественные) качества, необходимые человеку, но и пути их достижения. Отрицая многие стороны религиозных учений (как христианского, так и буддийского), Циолковский признает, возможно, важнейшие из них: идеалы равенства и братства людей перед лицом Бога, этические учения – как заповеди Иисуса Христа, так и учение о страданиях и пути избавления от них – Будды.

Наивысшая задача космической философии – дать исчерпывающую, логически непротиворечивую, однако открытую для новых познаний картину универсума.

Для Циолковского современные ему наука и религия равны в своем несовершенстве и ограниченности познания своей конкретной эпохи. Он считал, что наука молода, вера научная неполна, наука несовершенна, а традиционные религиозные учения противоречивы. *«Итак, не забудем, что вера научная неполна: она дает только то, что позволяет дать современный уровень знаний.»*

Но каков он будет через тысячи, миллионы лет существования человечества и его мысли! Лишь сотни лет наука прогрессирует, большую же часть времени человечество проспало. Если оно впредь не будет проводить тысячелетия в усыплении, то достигнет того, что превысит все мечты самого пылкого воображения, выражаемые наивной верой народов <...> Но каково все это неведомое – ни наука, ни вера, ни мечты теперь открыть не могут. Пока наша научная вера также поневоле узка и ограничена, как сама наука. Все же научная вера, как она ни слаба, бесконечно выше разнужданности воображения» [50, с. 27].

Вера обыденная с ее условностями и ограничениями (институт церкви, религиозный ритуал и ограничения, накладываемые им на человека, отрицание науки, фанатизм) антинаучна, негуманна, не имеет перспектив роста и неминуемо с прогрессом человечества должна уступить место вере научной, не отрицающей, но, напротив, обосновывающей истинные знания о мире и перспективы развития человека. Именно поэтому Циолковский настойчиво шел по пути синтезирующему, преодолевающему узость, догматизм, непоследовательность, односторонность классического мировоззрения – как религиозного, так и естественнонаучного. Новое, интегральное мировоззрение должно было отвечать на вопросы: каковы атрибуты Бога (Причины космоса) и каков характер взаимосвязи, взаимодействия в системе «Бог – человек».

Недаром один из многочисленных корреспондентов Циолковского писал по поводу работы «Причина космоса»: *«В этой книжке вы раскрываете величие вселенной и необъятное творчество ее посредством божественной причины, имеющей величайший разум, не поддающийся никакому исследованию и вряд ли известный высшим людям древних планет мироздания. С таким представлением я вполне согласен. Человек есть продукт планеты, его родившей, планета есть продукт космоса; космос же сам является продуктом величайшего разума вселенной, называемого причиной. Однако посредством материализма, таким образом, мы приходим к божественной субстанции <...> Как в монизме, так и в причине космоса от материального вы дошли до духовного...» [51, с. 32–33].*

Наукоцентризм Циолковского в отличие от многих философских систем материалистического толка не несет никаких идеологических и методологических ограничений на принципиально новое, в том числе и духовное знание. Он ничего не отри-

цает, так как нацелен на поиски еще более глубоких истин. Методологически он интегрирует приемы освоения человеком действительности, присущие точным и естественным наукам, философии, религии, эзотерике (как синтезу религиозного знания). Он охотно применял методологию точных наук (аксиомы, гипотезы, теоретические расчеты), методологию естественных наук (опора на эмпирические данные и эксперимент), методологию философии (построение общетеоретического знания как с опорой на комплекс научных данных, так и априорные предположения), методологию религии (вера в метафизические сущности, в непреходящие ценности, в бессмертие).

Циолковский принял бы любое принципиально новое знание из любой науки и человеческого духа, если бы оно было логически непротиворечиво, научно доказуемо, эмпирически наблюдаемо. Его монизм был направлен не столько против мистического, интуитивного, эмпирически недоказуемого знания (он сам многократно оперировал таковым), сколько против таких методологических подходов, которые удваивали, расщепляли действительность, дробили на отдельные части картину мира (дуализм, агностицизм, плюрализм). Его философская мысль была направлена на поиск единого, целостного, познаваемого. Он не отвергал таинственное, не вписывающееся в рационалистическую картину мира; не отрицал непонятное.

Монистическая система Циолковского, претендующая на объединение научных и духовных (религиозных) ценностей, представляет собой философскую систему, открытую для принципиально новых знаний как в области точных наук, так и трансцендентного духа. Сторонник абсолютизации научных знаний, наукоцентризма, ученый никогда не возводил в абсолют достигнутый в ту или иную эпоху конкретный уровень знания человечества, точно так же, как и современный ему уровень знаний. *«Ведь население небес и его свойства нам абсолютно неизвестны. Узко было бы категорически отрицать это и чваниться наукой, которая только что родилась и время существования которой несомненный ноль в сравнении с бесконечностью»* [45, л. 54–55].

Если наука далеко неполна и несовершенна, она провидит, но далеко не дает еще человеку освобождения от оков невежества, то представление человека о Причине тем более далеко от полного знания истины, туманно и еще более интуитивно, чем прозрения

научных перспектив безграничного будущего. «Мы скажем, что представление о первопричине объединяет вселенную, а ее изучение дает понятие о свойствах первопричины. <...> Учение же о первопричине безгранично и готово преклоняться перед невидимым по мере его открытия. Первопричина предполагает скромность, ограниченность, даже ничтожество человеческого ума. И это не бесполезно для него» [38, с. 33]. Общие выводы, которые делал ученый из своего учения о Причине космоса, таковы: знание законов мира дает человеку уверенность в себе и спокойствие; по отношению же к ней самой мы должны иметь чувство смирения, благодарности и благоговения.

Итак, идеалом для Циолковского было обретение научной веры и одухотворенной высшими этическими ценностями науки, их слияние в учении космической философии. Характеристики монистической системы Циолковского – интегрализм, антидогматичность, слияние научного, религиозного и философского подходов к освоению действительности.

Литература

1. Циолковский К.Э. Первопричина. М., 1999.
2. Циолковский К.Э. Благосклонность Первопричины к космосу // Самообразование. 1999. № 3.
3. Циолковский К.Э. Свойства Первопричины // Самообразование. 1999. № 3.
4. Циолковский К.Э. О душе, о духе и о причине. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 429.
5. Циолковский К.Э. Мои идеи монизма в [19]24 г. / Суд космоса. М., 1993.
6. Циолковский К.Э. Монизм Вселенной. Калуга, 1925.
7. Циолковский К.Э. Причина космоса. Калуга, 1925.
8. Циолковский К.Э. Споры о монизме / Гений среди людей. М., 2002.
9. Циолковский К.Э. Новая этика (Из монизма) / Суд космоса. М., 1993.
10. Циолковский К.Э. Теоремы жизни (Как дополнение и пояснение к монизму) / Космическая философия. М., 2001.
11. Циолковский К.Э. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. Калуга, 1928.
12. Циолковский К.Э. Отзывы о монизме / Ракетные космические поезда. Калуга, 1929.
13. Циолковский К.Э. Монизм Вселенной. Калуга, 1931.
14. Циолковский К.Э. Что надо знать всякому человеку. Монистический материализм. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 475.

15. Циолковский К.Э. К «Монизму». Вопросы, ответы. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 476.
16. Циолковский К.Э. Разум космоса и разум его существ. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 500.
17. Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. М., 1992.
18. Циолковский К.Э. Прибавка к моему «монизму»: блуждание атомов / Гений среди людей. М., 2002.
19. Циолковский К.Э. Свойства человека / Космическая философия. М., 2001.
20. Циолковский К.Э. Черты из моей жизни. Тула, 1983.
21. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
22. Грезы о Земле и небе. Антология русского космизма. СПб., 1995.
23. Циолковский К.Э. Этика или естественные основы нравственности / Космическая философия. М., 2001.
24. Циолковский К.Э. Любовь к самому себе, или истинное себялюбие / Очерки о Вселенной. М., 1992.
25. Геккель Э. Мировые загадки. Лейпциг—СПб., 1906.
26. Веденов М.Ф. Борьба Э.Геккеля за материализм в биологии. М., 1963.
27. Циолковский К.Э. Ответ на письмо А.Н.Цветикову от 4 июня 1933 г. Научный архив ГМИК. Ф. 555. Оп. 1. Ед. 118.
28. Геккель Э. Лекции по естествознанию и философии. СПб., 1913.
29. Морозов Н. На границе неведомого. М., 1910.
30. Циолковский К.Э. Атлас дирижабля из волнистой стали. Калуга, 1931.
31. Тимирязев К.А. Жизнь растения. М., 1962.
32. Циолковский К.Э. Суд космоса. М., 1993.
33. Циолковский К.Э. Идеальный строй жизни / Космическая философия. М., 2001.
34. Циолковский К.Э. Существа выше человека. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 499.
35. Циолковский К.Э. Что делать на Земле. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 461.
36. Циолковский К.Э. Космическая философия. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 535.
37. Циолковский К.Э. Общественный строй. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 387.
38. Циолковский К.Э. Эволюция представлений о божестве / Космическая философия. М., 2001.
39. Циолковский К.Э. Галилейский плотник. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 438.
40. Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе и эффекты всемирного тяготения. М., 1895.
41. Циолковский К.Э. Обзор моих работ с 1881 до 1911 г. (30 лет). АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 540.
42. Циолковский К.Э. Предание о жизни галилейского учителя Иисуса по Матвею. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 383.
43. Циолковский К.Э. Жизнь галилейского учителя (Христа) по описанию ученика его Ивана. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 401.
44. Циолковский К.Э. Предание о жизни и учении галилейского учителя Иисуса по Марку. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 407.

45. Циолковский К.Э. Предание о жизни и учении Христа по Луке. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 405.
46. Циолковский К.Э. Галилейский плотник. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 438.
47. Циолковский К.Э. Нирвана / Очерки о Вселенной. М., 1992.
48. Циолковский К.Э. Общий алфавит и язык / Космическая философия. М., 2001.
49. Циолковский К.Э. Звездоплавателям. Калуга, 1931. Отзывы.
50. Циолковский К.Э. Наука и вера / Космическая философия. М., 2001.
51. Циолковский К.Э. Образование солнечных систем и споры о причине космоса. Калуга, 1925.
52. Циолковский К.Э. Научные основания религии. АРАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 370.

О.В.КАЗАКОВА,

кандидат филологических наук,
Москва

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ ФРЭНСИСА ТОМПСОНА И ДЖЕРАРДА МЭНЛИ ХОПКИНСА

Религиозная жизнь второй половины XIX века в Англии была отмечена значительным влиянием католицизма и в литературе, и в искусстве. Обращение к католической традиции можно обнаружить уже в творчестве прерафаэлитов, а в поздневикторианский период, связанный с декадансом, интерес к католицизму прочно утвердился в английской литературе [1, с. 11]. Многие английские художники и литераторы этого направления перешли в католичество.

Эрнест Даусон, Артур Саймонз выражали желание перейти в католическое вероисповедание, художник Обри Бердслей и поэт Джон Грей стали католиками, причем Грей стал священником. Еще раньше Джон Генри Ньюман, лидер Оксфордского движения, после многих лет своей деятельности, направленной на реформирование английской церкви, отказавшись от англиканского положения *via media*, обратился к необходимости возвращения Англии к традициям Римской католической церкви.

Католиками стали Генри Эдвард Маннинг, последователи Ньюмана Фредерик Фабер и Фредерик Оукли и Уильям Ворд, стремившиеся к восстановлению римской духовной и литургической традиции в Англии, а также Элис и Уилфред Мейнелл. Впоследствии вторая половина XIX века была названа «второй весной» Английской Католической церкви [2, с. 332–333].

В творчестве крупнейших поэтов-католиков: Фрэнсиса Томпсона (1859–1907) и Джерарда Мэнли Хопкинса (1847–1889) нашли отражение характерные черты английского католицизма этого периода. На общем фоне викторианской поэзии, в высшей степени богатой разнообразными направлениями, Хопкинс и Томпсон являлись представителями поэзии религиозной.

РАЗНОСТЬ ТВОРЧЕСКИХ СУДЕБ

У двух этих поэтов были разные творческие судьбы. Широкое признание в XX веке получила поэзия Хопкинса как новатора прежде всего в области языка и стиха. Устойчивое место в ряду крупнейших поэтов XIX века Хопкинсу обеспечили всего сорок девять стихотворений и одна поэма «Кораблекрушение “Германия”». Сложность изучения творчества Хопкинса всегда была связана с новаторскими по отношению к поэзии XIX века особенностями языка (это и «*связи между словами, установленные на основе поэтической этимологии*», и сложные «*семантические цепочки*», и техника «*рисования словами*» с целью наиболее живо отразить красоту природы и окружающего мира [3, с. 47–48]). Не меньшую проблему представляла и ритмика стиха его произведений, что послужило определенным рода препятствием для перевода стихотворений на русский язык. Поскольку формальное новаторство Хопкинса было очень тесно связано с содержательной стороной поэзии, то при отсутствии адекватной передачи структуры его стиха на другой язык во многом разрушался и основной смысл произведений, не говоря уже о символическом религиозном подтексте, который также играл немаловажную роль для поэта-католика.

Томпсон получил признание при жизни в 90-х годах XIX века. Более чем через тридцать лет после смерти поэта его творчество стало рассматриваться как уникальное явление в поэзии, а сам он был назван «*последним эпическим католическим поэтом*» [4, с. 243]. Его поэма «Гончая небес» была переведена на многие языки мира и признана одним из шедевров мистической христианской поэзии.

Будучи католиками, Томпсон и Хопкинс тем не менее по-разному воспринимали свое положение в социальном отношении. Если Томпсон, воспитанный в католической семье, органично воспринимал эстетику католической литургии, то обращенный католик Хопкинс замечал, что в ритуальной пышности католицизма видит скорее отсутствие эстетического вкуса. Таким образом, вне сомнения, его переход в католичество осуществлялся им на основе духовных, а не эстетических предпочтений. В католицизме как в духовной системе Хопкинс находил тот источник единства, которого недоставало ему в его внимании к индивиду-

альному и конкретному [3, с. 60]. Католицизм Хопкинса во многом был связан со стремлением следовать по пути наибольшего сопротивления, по пути максимализма, присущего романтическому мироощущению. Несмотря на распространение идеалов Оксфордского движения, в целом приверженцы Высокой англиканской церкви относились к римскому католицизму весьма негативно. Становясь католиком, поэт оказывался в положении изгнанника на собственной родине. Следует упомянуть также, что он вступил в Орден иезуитов, подвергавшийся гонениям и в Англии, и в Европе вплоть до 1803 года. ореол мученичества, окружавший историю Ордена, был, вне сомнения, очень привлекателен для Хопкинса, так же как для Томпсона мученичество за веру было тесно связано с его представлением о необходимости искупления, что нашло отражение в написанной им еще в юности «Оде к английским мученикам» («Ode to the English Martyr»), посвященной казненным в эпоху Реформации католикам.

Различны были философская и теологическая традиции, которым следовали Хопкинс и Томпсон. Так, на Хопкинса оказали немалое влияние богословие Дунса Скотта и «Духовные Упражнения» св. Игнатия Лойолы, на Томпсона — философия бл. Августина и учение св. Франциска Ассизского.

МИСТИЧЕСКИЙ ПОИСК СОЮЗА С БОГОМ.

ПОЭМА «КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ “ГЕРМАНИИ”» ХОПКИНСА

И ОДА «ГОНЧАЯ НЕБЕС» ТОМПСОНА

Общая черта религиозной поэзии Хопкинса и Томпсона — их стремление обрести личный союз с Богом, что характерно для мистической поэтической традиции. Но черта эта по-разному проявлялась в их творчестве. Единение с Богом становится основной темой в поэме Хопкинса «Кораблекрушение “Германии”» («The Wreck of the “Deutschland”», 1875), посвященной памяти сестер францисканского ордена, утонувших во время кораблекрушения в устье Темзы судна «Германия». Хопкинс создает возвышенный образ монахини, взывающей к Христу и жаждущей, чтобы в ней была вновь повторена его победа над грехом и смертью. Но, если в поэме Хопкинса обращение к Богу не связано с конфликтом между Богом и человеческой душой,

то в оде Томпсона «Гончая небес» (1890) герой, преследуемый Господом, стремящийся скрыться от Него, постоянно слышит шаги Того, Кто не оставляет его ни на минуту, Чей голос сообщает ему: «Все вещи изменяют тому, кто изменяет Мне».

«Кораблекрушение “Германии”» Хопкинса и «Гончая небес» Томпсона принадлежат к тому типу мистической поэзии, которая обозначается как «I–You» («я–Ты») [5, с. 179–180]. Среди образцов мистических произведений этого типа в католической традиции – сочинения св. Хуана де Ла Крус, св. Франциска Ассизского, св. Екатерины Сиенской. Основная их особенность – попытка передать индивидуальный опыт непосредственного соприкосновения с Богом, что само по себе зачастую самими авторами признается невозможным вследствие ограниченных возможностей языка. В английской литературе мистическая поэзия имеет многовековую традицию, связанную с такими средневековыми поэтами, как Уолтер Хилтон (Walter Hilton) и Ричард Роулл (Richard Rolle). И Томпсон, и Хопкинс во многом являются наследниками и продолжателями этой традиции.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ И ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

(МОЖЕТ ЛИ ВЕРА СОЧЕТАТЬСЯ С ПОЭТИЧЕСКИМ ТВОРЧЕСТВОМ)

После вступления в Орден иезуитов Хопкинс описал чувство, которое владело им за год до принятия монашеских обетов, – чувство того, что сочинение стихов – недостойное занятие. Через полгода он сжег все свои ранние стихотворения. *«Вы спрашиваете, – писал он Диксону, – пишу ли я сам стихи. Все, что я писал, я сжег перед вступлением в Орден и старался не писать более ничего, что не требовалось бы по работе, тем более что таково же было пожелание моих наставников; так, в течение семи лет я не написал ничего, кроме двух-трех небольших произведений на случай»* [цит. по: 3]. Серьезность, с которой Хопкинс относился к принятию этого решения, показывает, как тесно оно было также связано с проблемой, которую он пытался решить в тот же период – быть ему поэтом или священником.

В сознании Хопкинса поэзия «конкурировала» с его религиозным призванием. Однако ему так и не удалось полностью отказаться от творчества. *«Я до сих пор хочу писать, и даже*

став священником, я все равно чувствую, что могу это делать, но уже не столь свободно, как мне бы хотелось, поскольку я почти не допускаю мысли писать с иной целью, кроме как для более успешного служения моему религиозному призванию» [цит. по: 3]. Пытаясь подавить это стремление, в стихотворении «Принцип совершенства» Хопкинс развивает идею отказа от прекрасного во внешнем мире, от чувственного восприятия этого мира, слуху предпочитается *«избранная тишина»*, зрению — *«нетварный свет»*, вкусовым ощущениям — *«свежесть чертовой корки в пост, обоняние должно наслаждаться запахом ладана у алтаря»*. Это стихотворение стало одним из важных этапов творчества Хопкинса и манифестом его беспредельного стремления прежде всего к духовному совершенству, без которого немислимо совершенство человеческой жизни в вере. Тем не менее после семи лет «молчания» в 1875 году Хопкинс все же возвращается к поэзии.

У Фрэнсиса Томпсона было иное представление о взаимоотношении поэзии и веры. Он говорил о поэте как о выразителе Божественной истины: *«Великий поэт, так же как и великий мыслитель, делает для истины то же, что делал Христос для Бога, Высшей Истины»* [6, с. 71]. Творчество, не оправданное и не востребованное с точки зрения религиозной веры, представлялось Томпсону либо заблуждением, либо сознательным отказом от Бога, ведущим к духовной катастрофе.

Томпсон во многом склонялся к мысли, что путь поэта, чуждого веры или сознательно ее отвергающего, рано или поздно приводит к тому, что истинная поэзия уходит из его творчества. Он полагал, что с утратой религиозного чувства поэт утрачивает также и многочисленные связи с миром духа, без которых поэзия оказывается несостоятельной и ненужной человеку, поскольку не может стать *«проводником высшего божественного начала»*, иными словами, она уже не выполняет свою исконную функцию и спускается на уровень декоративного вида искусства или искусства, в котором правит анархия субъективных эмоций. Если в общих чертах сформулировать суть воззрений поэта, то мы, несомненно, получим следующее: *«Искусство, которое не служит Богу, служит Дьяволу, тем, что множит заблуждения и страдания человека»* [6, с. 2]. Величайшей трагедией для поэзии, по мнению Томпсона, было

ее отпадение от Церкви, ее обращение против Бога, ее скрытый возврат к истокам и принципам язычества («поворот вспять к дельфийскому треножнику» [6, с. 3]), демонстрирующий бессилие человеческой души перед всепоглощающим круговоротом Жизни и Смерти.

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

И ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ХОПКИНСА И ТОМПСОНА

Глубинная проблема мировоззрения и Хопкинса, и Томпсона имела отношение к представлению о Божественной упорядоченности, отрицанию хаотичности, текучести мира – принципа случайного соединения формы и содержания. В поэзии каждого из них эта проблема оказывала влияние на формирование поэтического языка.

Хопкинс стремился удержать, оградить от разрушения иерархическую структуру мира, утвержденную христианством. Эту проблему, как и проблему многообразия и единства мира, он пытался решить посредством создания уникальной новаторской теории языка, в основе которой лежит мысль о том, что все существующие в мире Божественные связи находят отражение в языковой структуре, призванной координировать отношения между субъектом и объектом.

Томпсон обращался к иной стороне этого вопроса. В противоположность Хопкинсу, он часто указывал на несовершенство языка, его условность и неаутентичность миру внеязыковой духовной реальности и ее связей, постичь которую во всей полноте возможно лишь в откровении. Такое понимание языка привело Томпсона к представлению о «ментальном Слове», первоначальной модели, которую невозможно адекватно отразить в словах человеческого языка.

Если Хопкинс создает сложнейшие лингвистические построения, призванные выявить соотношения всех вещей и высший смысл, заложенный в этом соотношении, то стиль Томпсона при всей его метафоричности архаичен, но достаточно прост. Томпсон сосредоточивает внимание на «одном-единственном правильном слове», к выбору которого он подходил с необыкновенной требовательностью.

ВДОХНОВЕНИЕ И ПОЭЗИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ХОПКИНСА

Хопкинс разделял поэзию на два типа. Первый и высший — это истинная поэзия, поэзия вдохновения. Вдохновение он определял как особое, часто очень кратковременное состояние ненормального обострения умственной деятельности. Мысли, приходящие в таком состоянии, порождены необычайным напряжением.

Второй тип поэзии Хопкинс называет парнасским. Поэзия этого типа не требует вдохновения, но здесь поэт идет по уже проторенным дорожкам, не поднимаясь над самим собой. Парнасский уровень — это поэзия без вдохновения. Вдохновение доступно только истинному гению и временно по своей протяженности. Его основной признак — наличие неповторимой новизны в том, как поэтическое произведение отражает внутреннюю суть вещей (*Inscapе*) и впечатление от них (*Instress*). Понятия *Inscapе* и *Instress* были разработаны самим Хопкинсом и призваны символизировать его основные философско-эстетические представления. Интерпретируя их, можно также отметить, что во многом то, что подразумевал Хопкинс под этими понятиями, сопоставимо с представлением Томпсона о связи поэтического вдохновения и откровения. Способность выразить и передать в поэзии *Inscapе* и *Instress* можно истолковать как способность достичь откровения и получить возможность передать это откровение в поэтическом произведении посредством языка.

Хопкинс постоянно опасался того, что его интерес к индивидуальному препятствует постижению им целостности, именно поэтому он обратился к католицизму как к христианской религии, связанной с принципом единства всего существующего. Однако интерес к индивидуальной сущности каждой вещи и каждого явления преобладал в его поэзии на протяжении всего его творчества. Чтобы примирить стремление к целостному восприятию и представлению о мире и свой интерес к индивидуальному и частному, Хопкинс создает и разрабатывает, как было сказано, специальные понятия *Inscapе* и *Instress*, которые становятся ключевыми в его интерпретации поэтического видения. Слово *inscape* (*scapе* — стебель, черешок, черенок, а также стержень колонны), согласно замыслу Хопкинса, означает суть предмета, объединяющую его с множеством других, подобных

ему предметов, она многообразна и указывает на Божественные связи между вещами. В предмете должно быть найдено нечто, некая черта, которая бы роднила его с другими предметами. То есть понятие *Inscapе* (внутренняя структура, суть) связано с попыткой типизации на основе субъективного отбора. Чтобы разглядеть структуру предмета, необходимо видеть очень точно, нельзя рассмотреть структуру дерева, когда оно скрыто снегом или листвой. *Inscapе* – это и обнаженная структура предмета, и в то же время понятие жизненной силы предмета, изменчивой и постоянной, оно помогает типизировать предмет и в то же время выделить его индивидуальные свойства. *Inscapе* – форма, но форма внутренняя, являющаяся душой, неповторимой сутью, а следовательно, и высшим смыслом, реализацией Божественного замысла вещи. Обнаружением именно такой внутренней неповторимой формы и высшего смысла речи и является поэзия. Словом *instress* (*stress* – гнет, давление, нажим, напор, а также напряжение) Хопкинс обозначает чувство или впечатление, производимое на поэта внутренней структурой, впечатление, которое оказывает на человека видение внутренней сущности предмета и которое трудно выразить словами.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВОПЛОЩЕНИЯ У ХОПКИНСА

Оба эти определения имеют целью выразить в поэзии то, что не поддается словесному выражению и имеет отношение к внутренней сути предмета или объекта изображения, и прежде всего они связаны с представлением о замысле Божьем, заложенном во всех вещах. Восхищение красотой любой вещи в окружающем мире – это и есть восхищение Богом и прославление Его. Каждое творение, по Хопкинсу, это одно из бесчисленных и каждый раз уникальных воплощений Бога [3, с. 79–83]. Поэту необходимо было примирить чувственное ощущение многообразия и разнообразия мира, любовь к отличным друг от друга, резко индивидуализированным предметам и деталям природы со своей верой в трансцендентное единство Бога. Поиск моделей (*patterns*), которые объединяли бы отдельные предметы или ряд предметов, и более общих законов эстетической организации в природе был поиском свидетельства Божественной силы. Постоянная тяга к сравнениям привела Хопкинса к видению некоторых структур-

ных характеристик, общих для многих предметов и явлений. Начиная с ранних дневниковых записей, мы встречаемся с «вее-ром» в описании ветви с листьями, ребрами-ветвями дерева и стволом-позвоночником, сходством пронизанных светом туч и облаков с паутиной. Вся природа у него пронизана одними и теми же образцами, или матрицами, никакое сходство не случайно и указывает на присутствие Бога [3, с. 62].

Сквозным для поэзии Хопкинса становится образ пламени – символ постижения Божественной сути и красоты природы. В сонете «Пустельга: Господу нашему Иисусу Христу» («The Windhover: To Christ Our Lord») красота полета птицы, «*дофина королевства дневного света*», являет все совершенство и единство творения, которым движет «*пронизывающий все огонь*». Величие Бога «*пронизывает мир, как трепещущее пламя*» («Величие Бога» – «God's Grandeur»). В более позднем произведении «Огонь Гераклита» («Heraclitean Fire») Хопкинс говорит о природе как «*вечно горящем костре*», перед которым огонь человеческой души был бы менее долговечен, если бы не существовало дара Воскресения, который напоминает человеку о том, что древесный уголь, оставшийся от костра, становится «*бессмертным алмазом*».

Конкретизация и физическая осязательность Бога для лирики Хопкинса вообще достаточно характерны. Природа и Бог в его мироощущении представляли единство, прекрасное в природе – это и есть проявление Бога в видимом мире, поэтому у Хопкинса единство представляют и лирика природы, и религиозная поэзия. Иными словами, религиозная лирика природы.

Здесь необходимо вспомнить истоки такого пристального внимания к поэтике природы в свете религиозных представлений, связанных с Воплощением Христа. Вне сомнения, Хопкинс в свое время воспринял и впоследствии развивал в поэтической теории те представления, которые участники Оксфордского движения, литераторы и поэты, унаследовали от Вордсворта, а именно его теорию языка, построенную на принципе аналогии с Воплощением Христа. Один из лидеров Оксфордского движения, поэт и священник Джон Кэбл, для которого Вордсворт был бесспорным авторитетом в поэзии, писал о том, что Вордсворт обладал бесценным качеством – способностью видеть Божественное в повседневном и мистически воспринимать природу. Кэбл, как и Вордсворт, рассматривает поэтическое творчество

в непосредственной связи с природой и понимает поэтическое творчество как разновидность религиозной практики: *«Человек приходит к пониманию того, что разнообразие и сходство вещей – все, на чем построено искусство поэзии, не является только интеллектуальной игрой или бесплодной фантазией, но полно смутных намеков и скрытых знаков, которые ведут нас к тому, что заложено в самом сердце природы, или, точнее, к самому ее Создателю, так что, в конечном итоге, поэзия облекает религиозные представления в символическую форму, религия же проясняет и раскрывает эти символы для поэзии, придавая им тот блеск, благодаря которому они уже являются не просто символами, но становятся частью священных таинств природы»* [7, с. 22].

Теория языка Вордсворта у оксфордцев получает интерпретацию как «поэтика Воплощения» («incarnational poetics») [7, с. 54]. Под термином «поэтика Воплощения» подразумевался *«процесс воплощения духа, процесс, благодаря которому (по аналогии с приходом в мир Христа) слова переходят от идеального состояния мысли к тому, чтобы стать явлениями и событиями в сотворенном мире»* [7, с. 56].

ПРОБЛЕМА ВДОХНОВЕНИЯ И ОТКРОВЕНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ ФРЭНСИСА ТОМПСОНА.
ОТРАЖЕНИЕ ИСТИНЫ В ПОЭЗИИ

По мнению Томпсона, проблемой современной ему поэзии являлось преобладание в ней искусства над вдохновением. Вдохновение – источник поэтического творчества, но это отнюдь не пассивное состояние и не состояние транса, в котором происходит бессознательное фиксирование того, что открывается поэту. Вдохновение, в понимании Томпсона, это прежде всего результат самоконцентрации и самодисциплины в творчестве.

Откровение, будучи основой всякого творчества, для Томпсона не субъективное переживание, а видение реальности, доступное лишь внутреннему взору (insight). Как бы ни было неудачно словосочетание «объективная лирика», оно все же наиболее точно передает характер его религиозной поэзии. «Объективное» в интерпретации Томпсона по сути становится синонимом «универсального». Подтверждение этому можно найти в его собственных замечаниях о проблеме поэтического творчества: поэт-мистик,

который полагается только на свои эмоции, — плохой поэт. Интуиция приобретает в концепции Томпсона огромное значение, интуиция как воля к прозрению. *«Поэтическое откровение питается интуицией, которая и есть высшая форма разума, она становится действенной только благодаря созерцанию, которое является наивысшей концентрацией воли»* [8, с. 18]. Особое значение, придаваемое Томпсоном интуиции, связано с проблемой абсолютной честности поэта, его безупречной верности своему опыту, со стремлением избежать *«фальшивого мистицизма, который есть эмоционализм»* [8, с. 18]. В своих записных книжках Томпсон пишет о мистицизме следующее: *«Основа мистицизма — видение факта, а не понимание и не переживание»* [8, с. 19]. Такое представление о глобальной роли интуиции в творчестве указывает на то, насколько сильна в его поэтике романтическая философская традиция.

С одной стороны, Томпсон разделял концепцию, в которой поэт — проводник (vehicle) Божественного начала, а с другой — требования его к поэзии были таковы, что из них нетрудно сделать вывод о неприятии им поэзии, целиком зависящей от эмоционального настроения автора, его точка зрения такова, что расплывчатость и туманность стиля для него недопустимы, как недопустима и чрезмерная перегруженность произведения эмоциями, не осмысленными и не очищенными разумом: *«Поэт-мистик, уповающий только на туманную фантазию, далеко не уйдет. Каждому такому поэту можно посоветовать научиться составлять ясный и логичный прозаический конспект своей философии, краткий и емкий, как страница трактата по схоластике»* [8, с. 19]. Томпсон говорит о том, что универсальный мистический опыт и индивидуальные желания и устремления несовместимы друг с другом, поскольку последние всегда приводят к эффекту *«фальшивого мистицизма, который есть эмоционализм»*. Поэт должен помнить, что, как бы ни были велики его замыслы, — он всего лишь подражатель, не более того.

Призвание поэта — заставить увидеть мир в новом свете, вернуть всем привычным нам вещам их первоизданную красоту, буквально сделать все вещи новыми. Но язык, на котором говорит поэзия, чаще всего не находит понимания у людей, он отдаляет поэта от них. Проблема поэтического самовыражения заключается в уверенности поэта, что подлинно правдивое самовыражение по природе своей ограничено. Подобно тому как скульптор, ра-

ботая с материалом, вынужден считаться с его особенностями и подстраиваться под них, так и человек, пользуясь языком, как средством выражения, вынужден изменять, деформировать свои мысли и чувства сообразно с требованиями языка, говорит он в стихотворении «Юдоль рабства».

В одном из стихотворений Томпсон говорит, что грехопадение затронуло не только сознание человеческое, но и его способность к выражению Высшей истины, что *«вместо языка, на котором беседовал с Богом Адам»* нам в наследство достался лишь *«низкий жаргон»*, дабы его несоответствие духовной сущности человека всегда служило напоминанием о том, как высоко человеческое предназначение.

Однако эту проблему Томпсон стремится решить посредством поиска *«одного-единственного правильного слова»*, которое способно отразить связи между вещами этого мира и сам Божественный замысел, заложенный в них.

ТЕОРИЯ АНАЛОГИИ

В эссе «Аналогии между Богом, человеком и поэтом» («Analogies Between God, Man and Poet») Томпсон развивает концепцию творения как откровения Бога о самом себе, то есть как об акте самопознания, давшем начало всему, что существует, включая человека и природу.

Томпсон интерпретирует эту проблему с учетом ее актуальности для поэтического творчества. Он начинает с предпосылки о том, что все творение есть отражение мысли Творца. В начале существовал только Бог. И все, что Он создал, было воспроизведением Его знания о Самом Себе. Знание Бога о Самом Себе стало, таким образом, моделью природы и человека, который является, по выражению Томпсона, *«пограничным созданием»*, бытие которого состоит из двух миров – материального и духовного. Таким образом, каждая существующая вещь отражает Божественную идею, которая поддерживает ее бытие и связывает ее не только с Богом, но и со всеми другими вещами во Вселенной (единство Бога и единство в Боге). По мнению поэта, начало Евангелия св. Иоанна Богослова, где говорится, что Слово есть Бог, означает, что Слово идентифицируется с наиболее точным знанием Бога о Самом Себе. Томпсон прекрасно осознавал ограниченные воз-

возможности выражения идей средствами языка и знал, что использование термина «Слово Бога» («Word of God») базировалось на психологической аналогии: перед тем, как мы собираемся что-нибудь сказать, мы должны иметь некое ментальное представление. Это представление, или *«мыслимое слово»*, неизбежно предшествует высказанному слову. Иначе можно сказать, что идея Бога о Самом Себе — это Его «ментальное слово», в котором Бог видит свою собственную сущность и одновременно все возможности выражения Себя в создаваемом бытии. Слово, таким образом, есть суть Божественной мудрости и отражение творения в миниатюре (epitome). Фактически Томпсон создал в эссе основу для понимания той поэтической образности, которая была предметом его размышлений в течение многих лет. Если человек и природа были созданы по единой Божественной модели, значит, *«природа создана также по образу человека, а человек по образу природы. Во Вселенной должна быть фундаментальная тождественность, скрытая под внешними различиями, и чудо сотворенного порядка заключается в том, что все вещи не превращаются друг в друга, и множественность не свертывается в Единство»* [4, с. 119]. Это представление о соответствии между природой и человеком и лежит, по мнению Томпсона, в основе поэтического видения.

Вся поэтическая образность, следовательно, основывается на том, что *«человек есть символ, природа — метафора, небеса и земля записаны иероглифами. Вселенная есть метонимия Бога. Она является лабиринтом, в центре которого находится Бог, и Его знание о Самом Себе является путеводной нитью и ключами к этому лабиринту»* [4, с. 119]. Это положение было сформулировано Томпсоном в стихотворении «Царствие Божие»:

*O world invisible, we view thee,
O world intangible, we touch thee,
O world unknowable, we know thee,
Inapprehensible, we clutch thee!*

Невидимый мир на самом деле доступен нам в предметах видимой реальности, к нему можно прикоснуться, когда мы прикасаемся к реальным предметам, он открыт нам во всем, что нас окружает, и единственное, чего нам недостает, — это умения распознать и прочесть его знаки.

Те, кто полагает, что поэт является создателем только воображаемых образов, не понимают того, что поэтическая образность выражает скрытые связи, берущие начало от Божественной идеи, которая скрыта во всех отдельных частях бытия. Поэт через интуитивное понимание этой системы соответствий работает с базой аналогий, укорененных в природе вещей и не имеющих ничего общего с поверхностным сходством. Это утверждение впоследствии будет иметь значение для томпсоновской концепции фантазии и воображения. Каждое основание для метафоры заложено в универсальной системе соответствий. Благодаря этой системе поэт способен открыть между двумя разными вещами то сходство, которое становится основанием для сравнения.

Так же, как теория Воплощения была унаследована Хопкинсом от эстетики Оксфордского движения, теория аналогий Томпсона брала свое начало в представлении оксфордцев, которое унаследовало ее в свою очередь от Кольриджа. Присутствие Бога в природе, согласно эстетике Оксфордского движения, соответствует принципу Скрытого Смысла. Скрытый Смысл подразумевает и то, каким образом Бог проявляет Себя в мире – либо через скрытые намеки, либо посредством символических форм. В неопубликованной лекции Пьюзи «Лекции о Типах и Пророчествах» («Lectures on Types and Prophecies») можно обнаружить следующее утверждение: *«Природа открывает нам Божественную истину, которая может быть воспринята каждым; и каждый будет чувствовать, что эта истина не является продуктом его индивидуального сознания, но коренится в самом глубинном сходстве всех существующих вещей...»* [7, с. 31].

В поэзии Томпсона проблема природы тесно связана с религиозным чувством и с представлением о мире как о Божественной книге, символы которой поэт должен уметь правильно интерпретировать.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛИЗМ.

СОЛНЦЕ И КРЕСТ

Один из основных мотивов поэзии Томпсона – одухотворенная природа, воплощающая Божественную идею, и так же как и человек, созданная по образу и подобию Божьему. Эта идея, берущая начало от эссе Томпсона «Аналогия между Богом, челове-

ком и поэтом», привела поэта к попытке создания особой символической системы. Для Томпсона центральным образом-символом в ней стало Солнце. Пылающий на высоте огонь — древний символ снисхождения духа в материю. Солнце — Единый Бог — приобретает в поэзии Томпсона огромное значение — значение жертвенности и возрождения, бесконечности бытия, а также неизменной природы Бога.

В «Оде к заходящему солнцу» светило символизирует Христа. Кровь распятия и кровь, окрашивающая Запад перед наступлением ночи, сливаются и становятся символом вечной жертвы, способной вечно возрождаться. Энергия Солнца, проникающая во всё и дающая жизнь, тепло и свет земле, и есть Дух Божий, оживляющий и питающий всякое материальное начало.

Ода была задумана и написана во время пребывания Томпсона в Сторрингтоне, в обители францисканцев, неподалеку от которой находилось Поле Креста, где поэт обычно наблюдал закат солнца. Обращение к Солнцу в «Прелюдии» оды указывает на основной смысл произведения — победу христианства над языческими представлениями, а если говорить точнее, — победу, позволившую христианству усвоить и принять как составной элемент многие мифологические мотивы и символы.

Лейтмотив всей поэзии Томпсона — борьба между духом и эстетикой чувств, между требованиями аскетизма и пристрастиями художника. К Солнцу также относится и глубокая печаль, которую вызывает у поэта сознание замкнутости неизбежного круговорота жизни в «солнечном мире», бесконечная смена жизни и смерти, конца и начала, и грех гордыни, и искушение чувств. Солнце гневно и беспощадно, и в то же время оно — символ бессмертия красоты и гармонии, символ вечной жизни и движения, возникновения и разрушения форм, Солнце — видимое проявление духа. Солнце противостоит вечности Креста как духовного символа освобождения от материального мира.

В «Оде к заходящему солнцу», «Осеннем чертополохе», «Оде восходящему солнцу» образ-символ вбирает в себя черты языческого бога Солнца — Аполлона, бога света, становится синтезом языческих представлений, освященных христианством, и тем самым приобретает универсальное значение. С этой особенностью поэзии Томпсона связана его концепция по поводу язычества и христианизации языческих образов, описанная им в эссе

«Язычество старое и новое». Интерес, который представляет эссе, связан с тем, что в нем сформулирована концепция поэта о соотношении христианства и язычества в литературе.

Фактически Томпсон доводит до логического завершения свое стремление к универсализации религиозно-мистического миропонимания в духе католицизма. Здесь можно сослаться на замечание Анри де Любака, в котором речь идет именно о том принципе католицизма, согласно которому вселенская вера включает в себя все существующие и существовавшие прежде представления о Боге: *«Принять все, что может быть усвоено»* [9, с. 226]. Этот принцип для Томпсона был связан с его стремлением создать универсальную символическую систему, которая бы вобрала в себя символы не только христианства, но и других религий, включая и язычество, с целью создания универсальной поэтической формы выражения мистического опыта поэта. С наибольшей точностью эта идея была сформулирована Д.Г.Ньюманом: *«...в языческих религиях и философиях можно найти большую часть того, что, в общем, принимается за христианскую истину, в зачаточном ли состоянии или в каких-то ее аспектах. Так, учение о Троице существует и на Востоке, и на Западе как церемония омовения и ритуал жертвы. Учение о Логосе – платонического происхождения, учение о Царстве Божиим – иудейского; учение об ангелах и бесах берет начало у магов, а связь греха с телом – у гностиков <...> Такова в общих чертах фактическая сторона дела, которая предстает перед нами. Милман делает отсюда вывод: “Все, что встречается у язычников, стало быть, не принадлежит христианству”. Мы же, напротив, предпочли бы сказать: “Все это принадлежит христианству, стало быть, ничего из этого не принадлежит язычеству»* [9, с. 376]. Здесь, таким образом, находится объяснение той свободе, с которой Томпсон, будучи католиком, относился к использованию в своей поэзии символов восточной и языческой мифологии.

Стремление к изображению целой Вселенной, где все абстрактное и далекое предстает ярким и конкретным, где явления природы и смена времен года, земля и стороны света становятся одушевленными, привело поэта к необходимости сформировать свою универсальную систему образов. Броская образность од повлияла на формирование представления о «монументальности» поэзии Томпсона, о чрезмерной усложненности его поэтического стиля и пристрастие к «космическому масштабу» изображения.

Меньше всего поэтический мир Томпсона в этом отношении походит на реальный человеческий мир и более всего на древний мир мифа. Все вещи и понятия, которые превратились в банальные романтические атрибуты, в поэзии Томпсона обретают новизну. Восприятие Томпсона-поэта — это стихийный восторг перед красотой мира, вечного и юного одновременно. Солнце превращается в его оде в огромного льва с огненной гривой («Ода восходящего солнца»), осень приходит в облике *«рыжеволосой девушки в залитом вином платье»* («Осенний чертополох»), Ангел Марта будит ото сна землю («Из ночи предбытия»), день, как умирающий дракон, *«опалает пламенным дыханием Запад»* («Осенний чертополох»). Томпсон стремился создать своего рода символический язык природы, пониманию которого он придавал огромное значение, связывая с ним свое представление об истине. Ибо для того, кто лишен истинной веры, закрыт путь единения с окружающим, для него природа остается немой и чуждой, но для того, кто в каждой вещи способен видеть Бога, она становится книгой пророчеств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При всей разности творческих судеб и невзирая на то, что Томпсон и Хопкинс никогда не были знакомы друг с другом и никогда не упоминали друг о друге, не давали оценок поэзии друг друга (отчасти это объясняется тем, что они принадлежали к разным поколениям), оба они были ярчайшими выразителями английской религиозной поэзии и оба продолжали развивать эстетические и философские положения, на которые ориентировалось Оксфордское движение. Для Томпсона это теория аналогии, выражающая Божественные связи Вселенной, для Хопкинса — христианское представление о Воплощении. Тот и другой оказали огромное влияние на последующее поколение поэтов, к которому относились и Т.С.Элиот, и Дилан Томас, и У.Б.Йейтс.

* * *

ФРЭНСИС ТОМПСОН родился в 1859 г. в Престоне (Ланкашир). В 1870—1880 гг. обучался в католическом колледже Ашо, по окончании которого должен был принять сан священнослужителя.

Не закончив колледж, поэт вынужден был оставить его и стать студентом медицинского колледжа Оуэнз в Манчестере, где находился с 1877 по 1884 г. Однако он отказался от карьеры врача, решив целиком посвятить себя литературному творчеству. Следствием этого стал разрыв с семьей. Он уехал в Лондон, где провел около двух лет в нищете и полной безвестности, живя случайными заработками. Тяжелые впечатления этого периода нашли отражение в поэме «Песни сестры» («Sister Songs»), а также в эссе «Самая темная сторона Англии» («In the Darkest England»), привлечшего внимание кардинала Маннинга.

Успех и признание пришли к Томпсону после знакомства с издателем католического журнала «Merry England» Уилфредом Мейнеллом, которому поэт послал рукопись стихотворения «Страсти Марии» («The Passion of Mary»). Годы с 1890-го по 1900-й для него — период активной творческой деятельности как поэта и критика.

В 1892 году вследствие продолжавшегося ухудшения здоровья Томпсон поселился во францисканском монастыре Пэнтасаф в Северном Уэльсе. Там он познакомился с Ковентри Пэтмором, его философскими и религиозными взглядами и теорией поэтики, оказавшими немалое влияние на Томпсона. В Пэнтасафе поэт работает над подготовкой к изданию своего последнего поэтического сборника «New Poems» и в набросках эссе «Аналогия между Богом, человеком и поэтом» («Analogies Between God, Man, and Poet») формулирует основные положения религиозно-мистической концепции своей поэзии, заключающиеся в осмыслении Вселенной «как метафоры Бога» и проблеме выражения средствами языка духовных мистических реалий.

В последние годы жизни интересы Томпсона были сосредоточены на «Жизнеописании Игнатия Лойолы», работу над которым он успел закончить незадолго до смерти в Лондоне, последовавшей в результате наследственной болезни легких, в 1907 году.

При жизни Томпсона были изданы три поэтических сборника — Стихотворения (Poems): 1893 г. — ода «Гончая небес» («The Hound of Heaven»), 1895 г. — «Песни сестры» («Sister Songs») и Новые стихотворения (New Poems): 1897 г. — «Ода восходящего солнца» («Orient Ode»), «Госпожа мечты» («The Mistress of Vision»), «Созерцание» («Contemplation»).

ДЖЕРАРД МЭНЛИ ХОПКИНС родился в 1844 году в Стрэтфорде в семье с глубокими религиозными традициями, принадлежавшей к англиканской церкви.

В 1854 году Хопкинс поступил в Комондли Грэмме Скул в Хайгейте, где написал свои первые стихотворения «Эскориал» («The Escorial» — 1860) и «Видение Наяды» («A Vision of the Mermaids» — 1862), в которых отразилась приверженность Хопкинса традициям позднеромантической поэзии.

В 1863 году Хопкинс поступил в Бэллиол колледж в Оксфорде, где пробыл до 1867 года, слушая лекции Мэтью Арнольда и изучая теорию искусства Джона Рескина и философию Уолтера Пэйтора. Поэмы и фрагменты этого периода отражают напряженные духовные искания и внутреннюю религиозную борьбу Хопкинса, особенно ярко проявившуюся в стихотворении «Принцип совершенства» («The Habit of Perfection»).

Обратившись к Д.Г.Ньюману как к наставнику в своих религиозных исканиях, 21 октября 1866 года Хопкинс переходит в католичество. В 1867 году, решив вступить в Орден иезуитов, Хопкинс, убежденный в том, что занятия поэзией несовместимы с его призванием, сжег все свои сочинения. Он стал послушником ордена в Роэгэмптоне, поблизости от Лондона, в сентябре 1868 года, а в сентябре 1870-го принял монашеские обеты и после этого был послан в Сэйнт Мэриз Холл, теологический центр иезуитов, в ведении которого находился Стоунхёрст колледж в Ланкашире. В 1874 году он начал изучать теологию в Северном Уэльсе в Колледже Сэйнт Беуно, где провел около трех лет. В этот же период им была написана поэма «Кораблекрушение “Германии”» и многие из сонетов.

В 1877—1883 годах Хопкинс занимал должность преподавателя в Сэйнт Мэриз колледж в Честерфилде, затем работал в церквях Лондона, Оксфорда и Ливерпуля, а с 1883 до 1884 года преподавал в Стоунхёрсте. В 1884 году поэт был приглашен в Дублин преподавать классические языки в Дублинском университетском колледже, где провел последние пять лет жизни. Умер Хопкинс в 1889 году. Если не считать фрагментов, опубликованных в антологиях, произведения Хопкинса сохранялись в рукописях у его друга Роберта Бриджеса до 1918 года, который впоследствии издал их.

Литература

1. *Hanson Ellis*. Decadence and Catholicism. London, 1987.
2. The Oxford illustrated History of English Literature. Oxford, 1990.
3. *Попова И. Ю.* Поэтика Джерарда Мэнли Хопкинса / Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. М., 1991.
4. *Thomson P.K.* The Francis Thompson: A critical biography. New York, 1961.
5. New Catholic Encyclopedia. Vol. 10. USA, Washington, 1967.
6. The works of Francis Thompson. Vol. 3. London, 1913.
7. *Snook C.A., Hons B.A.* Thy World is all, if we could spell. Romanticism, Tractarian Aesthetics and E.B.Pusey's «Sermons on Solemn Subjects». Ontario, 2001.
8. *Butter P.* Francis Thompson. London, 1961.
9. *Любак А.* Католичество. Милан, 1992.

А.Л.БАРКОВА,

*кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник научного отдела МЦР,
Москва*

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР КАК ШКОЛА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С МИРОМ

Свыше сорока тысяч лет человечество отправляет те или иные ритуалы. На эти действия уходит немалая часть времени и сил, часто сопоставимая с затратами на материальное жизнеобеспечение. А поскольку древний человек (да и крестьянин начала XX века) практически не имел досуга, то невольно напрашивается мысль, что никто не стал бы тратить столько времени на ритуалы, если бы не получал регулярной отдачи. Материалистическое мышление бунтует против этого, уверяя нас, что обряды, при которых присутствовали европейские ученые, были бессильны что-либо изменить в природе. Нас пытаются убедить, что от архаических ритуалов нет никакой пользы. Что вызывание дождя — бессмысленно, а если после него дождь идет, то это случайное совпадение. Парадокс?

Мы попытаемся доказать, что это не так. Что парадокса здесь нет.

Сразу необходимо оговориться, что автор не задается вопросом, существуют или нет все те божества и боги, в которых верит (когда-либо верило) человечество. Этот вопрос находится *за* пределами нашего исследования. Для скептически настроенных читателей можно допустить отрицательный ответ.

Когда студентки-фольклористы устраивают подблюдное гадание, то у них, как правило, ничего потом не сбывается. Но, задумавшись: в русских деревнях гадания проводились веками. Так неужели крестьянки занимались заведомо безрезультатным делом? Изучая мировую мифологию, мировые религии, древнее искусство и так далее, невольно задаешься вопросом, какие доказательства пользы ритуалов получал древний человек. То, что он

получал их, следует из факта самой непрерывной культовой деятельности. Нам приходится признавать, что около сорока тысяч лет человечество совершало обряды, получая некие результаты, недоступные современному наблюдателю. Сейчас ученые, записывая шаманские камлания, обязательно фиксируют, достигло ли камлание заданной цели. И выясняется, что, если камлание проводил потомственный шаман, оно – успешно. Невольно возникает вопрос о механизме действия такого ритуала. В рамках собственно мифологии мы не можем ответить, почему ритуалы в определенных ситуациях успешны. Поэтому необходимо привлечение других наук. Мы попытаемся рассмотреть этот вопрос, с одной стороны, с использованием психологии, а с другой – физики.

Перед тем как использовать данные далеких от мифологии научных дисциплин, бегло обрисует рассматриваемый материал. Что такое любое традиционное общество и чем оно отличается от «города»? Это – система ритуалов. Любой носитель религиозного мировоззрения начинает утро с неких обрядов, в течение дня совершает определенные ритуалы и отходит ко сну тоже с некоторым сакральным действием. Это – уровень личности. Семейная жизнь члена традиционного общества – такие же жестко расписанные ритуалы, причем они часто идут по принципу «зеркала»: чем протяженнее биологическое событие, тем короче ритуал, и наоборот (физическая смерть человека – это часы или дни, а ритуальная – не менее года, когда проводятся последние поминки). Календарь любого традиционного общества – еще одна обрядовая система, отголоски которой живы и по сей день. Архаическое общество каждое природное событие дублировало соответствующим сакральным действием. Итак, вся жизнь традиционного человека – это триединая система ритуалов (личностных, семейных и календарных). Выдающийся французский ученый Л.Леви-Брюль в книге «Первобытное мышление» показал, что вся система мифологических представлений зиждется на повышенном эмоциональном восприятии мира. Говоря словами ученого, мистично все, что эмоционально окрашено, и все, что эмоционально окрашено, – мистично.

Что такое ритуал с психологической точки зрения? Возьмем простой пример. Индонезия, остров Бали. Культ ведьмы Рангды, властвующей над злыми силами, то есть регулирующей их выход. Во время празднества в честь Рангды многие юноши приводят

себя в состояние экстаза и в ходе пляски наносят себе ритуальными кинжалами раны, нередко весьма серьезные. Что это с позиций психологии? Юношам необходим выход определенной деструктивной энергии, которая присуща их возрасту. И ритуал предлагает им четкий, однозначный, краткосрочный выход для этой энергии. В противоположность «суеверным» балийцам современные «цивилизованные» подростки лишены внешнего регулятора их возрастных деструктивных энергий. В современном городе энергия остается, но лишается заданного, предписанного канала выхода. И это приводит по меньшей мере к сигаретам, потушенным подростком о собственную руку. Или к другим, несравнимо более деструктивным формам. Напротив, архаическое общество, базирующееся на ритуалах, фактически организует этими ритуалами психологическую жизнь человека, определяя, когда ему следует давать выход радости, скорби, эротическим, деструктивным эмоциям. Чем жестче структурировано общество, тем жестче в нем переживание коллективных эмоций. Все общество скорбит. Все общество радуется.

Разумеется, не стоит рисовать себе идиллическую картину архаики: в таком обществе личность чрезвычайно сильно подавлена. С другой стороны, коллективные переживания эмоций возможны лишь в том случае, если личность еще не вполне выделяет себя из социума.

Традиционное общество имеет свои священные места, где эти эмоции выходят вовне. Опять-таки, каждому месту соответствует свой тип переживания. Эмоции точно так же оказываются жестко связанными с определенными (ритуальными) предметами. То есть эмоции структурированы как во временном, так и в пространственном отношении. И здесь мы переходим к самому важному. Живая Этика утверждает и современная физика доказывает, что любая эмоция есть определенная энергия. Традиционное общество оказывается четко структурированной системой энергий (биополе, аура). Очевиден вывод: чем больше эмоций вызывает определенный объект, тем сильнее его биополе. И даже в современном городе у нас есть «суеверия» и «заблуждения», что существуют вещи, приносящие удачу (то есть реально такие, которые вызывают у человека яркие постоянные эмоции и вследствие этого обладают вторичной энергетикой). Добавим, что в традиционном обществе все предметы быта сделаны вручную, то есть

a priori обладают вторичным биополем. Сейчас уже нет необходимости доказывать, что своим биополем обладает наша Земля и что священные и запретные места могут определяться людьми, интуитивно чувствующими ее гео-био-энергетику. Это отмечал сто лет назад Н.К.Рерих, когда писал о том, что любое древнее городище стоит в месте более «сильном» и, как следствие, более красивом, чем современные города и поселки.

Таким образом, в традиционном обществе «пустые суеверия» оказываются способом энергетического взаимодействия с миром. Причем структурируется как пространственный континуум, так и временной. *Каждый ритуал является актуализацией определенной рода энергий.* Поскольку любое сакральное действие – это работа на энергетическом уровне, его можно сравнить со своего рода ключом, для которого существует замочная скважина. Поэтому ритуалы действенны, успешны именно в традиционном обществе (где энергетика коллективных переживаний социума «работает» в намоленном пространстве). И именно поэтому они «не работают» в городе, поскольку городская цивилизация изначально настроена на индивидуальность, на разрушение коллективно создаваемых энергетических структур. Современный город – это механическое производство, при котором и жилища, и предметы быта практически лишены своей ауры. И здесь энергетика есть, но она в отличие от энергетики традиционной культуры предельно деструктурирована. Поэтому в городских условиях обряды в подавляющем большинстве случаев не работают.

Последний аспект, на который следует обратить внимание, – нахождение зрителя среди аборигенов. Поскольку любой обряд – это эмоциональное коллективное переживание, то присутствие равнодушного или скептического постороннего, безусловно, разрушает этот эмоциональный настрой и, следовательно, эту энергетическую среду. Разумеется, если ученый присутствует при камлании «великого шамана», то есть человека, который не просто обладает большой личной энергетикой, но и (главное!) умеет организовывать и направлять энергии места и участников действия, то в этом случае посторонний наблюдатель не может помешать успеху ритуала. Но если участники обрядов регулярно сталкиваются со скептиками и/или вынуждены покинуть свои «священные места», то неудачи их сакральной деятельности будут очевидны (и дадут новую пищу скептикам).

Однако мощное религиозное чувство и в современном мире способно воздействовать на материю так, что все скептики оказываются бессильны. Приведу лишь два примера.

Когда освящали храм Христа Спасителя, то тучи над ним разошлись крестом. Когда буддийская художница Альвдис Н.Н.Рутиэн перед написанием тханки Шамбалы медитировала в Суздале, то над древним валом засияла радуга (символ Шамбалы). Эту радугу мне удалось запечатлеть на фотографии.

А.В.ЖУКОВ,

*кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела археологии
и культурной антропологии коренных народов Забайкалья
Читинского областного краеведческого музея,
Чита*

ФАКТОРЫ СКЛАДЫВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Многоконфессиональная структура Восточного Забайкалья сложилась в результате неоднозначного и длительного исторического процесса, который не завершен и сегодня. Основными религиями Забайкалья являются шаманизм, буддизм в форме северного, бурятского буддизма, и христианство. Причем христианство представлено практически всеми основными его конфессиями. Отличительной особенностью Читинской области является формирование своей, особой системы социальных взглядов, важнейшей составляющей которой становится сложное переплетение религиозных представлений. Складывание этой сложной и многоуровневой системы обусловлено следующими факторами.

Во-первых, это расположенность Забайкалья на большом удалении от более развитых в экономическом и политическом отношении регионов и метрополий. Область занимает огромные пространства с самым разнообразным рельефом, отделенные от соседних областей, как природными с северо-востока, так и государственными с юга, границами. Все это создает относительно самостоятельное культурное поле со своими особенностями взаимодействия внутри него основных этнических групп. Исторически это поле зачастую становилось местом, где сталкивались самые разнообразные цивилизационные и культурные течения Запада и Востока.

Во-вторых, это присоединение данных территорий и этноконфессиональных общностей, проживающих на них, путем колонизации к России и их дальнейшее совместное существование и развитие.

В-третьих, фактором складывания многоконфессиональной системы верований стала иммиграция и зачастую вынужденное поселение в Забайкальском регионе представителей самых разнообразных слоев российского общества: казаков, ссыльных, каторжных, поселенцев различных национальностей. Преимущественно из европейской части России сюда прибывали военные, миссионеры, ученые, учителя и другие представители интеллигенции.

В-четвертых, Забайкалье традиционно служило местом ссылки последователей самых разнообразных религиозных конфессий, культов и сект. Здесь они сталкивались со сложившимся культурным комплексом, в котором одни конфессии отождествлялись с конкретной этнической культурой (например, бурят – буддист, поляк – католик, немец – лютеранин и т.д.) или группой таких культур (например, представители народностей Поволжья, Средней Азии, Кавказа – мусульмане). В других случаях несколько конфессий представляли одну этническую культуру (например, старообрядцы и православные ортодоксы).

Объективной предпосылкой становления поликонфессиональности в Восточном Забайкалье явилось то, что оно входит в состав России, которая исторически сложилась как крупнейшее в мире многонациональное государство, в котором живет более ста народов, каждый из которых обладает особенностями материальной и духовной культуры. Именно с определенными народами связано распространение на территории Восточного Забайкалья шаманизма, буддизма, ислама, католицизма, иудаизма, лютеранства и т.д. [4].

Отличительной особенностью Забайкальского культурного поля является то, что здесь мирно сосуществуют и взаимодействуют культуры и религии самых разных народов. Поликонфессиональность – важная составляющая духовной основы сообщества забайкальцев. Историческое многообразие религий не только формировало такую черту, как веротерпимость, но и обогащало культуры народов, проживающих здесь.

Процесс становления поликонфессиональности Восточного Забайкалья исторически проходил несколько периодов. В каждый из них менялся конфессиональный состав забайкальцев; начало нового этапа сопровождалось серьезными цивилизационными изменениями. Причем влияние оказывала как восточная цивилизация, связанная с традиционными центральноазиатскими и дальневосточными культурами, так и западная, обогатившая религиоз-

ную палитру Забайкалья практически всеми европейскими конфессиями – от католицизма до новых религиозных объединений.

Традиционной религией коренных народов Забайкалья – эвенков и бурят – является шаманизм. Начальный период истории шаманизма в Забайкалье восходит к первобытнообщинному строю, когда верования местных племен основывались на почитании природных культов и поклонении духам местности. В дальнейшем шаманизм развивается, усложняется, становится особой системой религиозных представлений и обрядов, охватывает все сферы жизни, оказывает влияние на формирование культуры и образ жизни людей. Шаманизм Забайкалья – сложное синкретическое явление, связанное с воздействием идей индуизма, зороастризма, а также с культурным влиянием цивилизации племен номадов, с утверждением традиционного для них мировоззрения, основанного на почитании Вечно Синего Неба – Отца всего сущего, культе предков и культе горы как центра мира, связывающей человека с Небом (холизм) [1; 2].

В XVII веке бурятские племена Восточного Забайкалья принимают в качестве национальной религии северную ветвь махаянского буддизма в форме гелугпа. Бурятский буддизм имел обширный пантеон различных божеств и духов во главе с буддами и бодхисатвами, сложную монашескую иерархию – ламство. В Забайкалье, как и повсюду, буддийский культ выступал во взаимодействии с традиционными культовыми системами, трансформируясь под воздействием местных архаических верований: почитание духов земли, гор, рек и деревьев, культа святых мест. Среди бурят Восточного Забайкалья в отличие от бурят предбайкалья и прибайкалья северный буддизм получил почти повсеместное распространение. Вероисповедание буддизма не преследовалось, что подтверждалось указами царского правительства [3; 5].

Период российской колонизации отмечен появлением в Забайкалье основной, или «стержневой», для российской цивилизации конфессии – православия. Проникновение христианства в Забайкалье началось вместе с появлением первых русских землепроходцев (20–30-е гг. XVII в.). Заселение Забайкалья совершалось значительно медленнее, чем мест, расположенных к западу от Байкала. Во второй половине XVII века Забайкалье входит в Тобольскую епархию – тогда единственную в составе всей Сибири. С этого времени православие, особенность распростране-

ния которого в Забайкалье заключалась в изначальном совпадении хозяйственной колонизации с миссионерской деятельностью православной церкви в этом регионе, становится религией подавляющей части населения Забайкалья. Приоритетная позиция православия как религии, представляющей метрополию, длительное время определялась отношениями православной церкви и государственной власти.

Представители других конфессий во времена царской России появлялись в Восточном Забайкалье чаще всего как ссыльные поселенцы, которые расселялись преимущественно компактными религиозными группами. Этническое и конфессиональное разнообразие групп христианско-иудейской традиции демонстрирует замечательную по разнообразию палитру этнических конфессий, куда входят старообрядцы, православные, русские сибиряки, еврейские поселенцы, субботники, немцы на спецпоселении и другие. Поскольку Забайкалье входило в число тех регионов, где интенсивно использовался труд иностранных специалистов, особенно в области горного дела, здесь уже в XVII веке появились первые лютеране и католики [6].

Под политическим давлением российской государственности и миссионерской деятельности православия, в частности, вторжения единоверия, в Забайкалье ослаблялась замкнутость этноконфессиональных сообществ. А хозяйственные связи привели к сближению их с местным населением и зачастую к смешанным бракам. Религиозное мировоззрение метисных субэтносов (гуранские и карымские группы) включало как элементы шаманско-буддийского комплекса, с одной стороны, так и приверженность к христианской идее – с другой [8]. Двоеверие, а иногда и троеверие становится обычным для многих забайкальцев явлением.

После образования Забайкальской области в 1851 году и начала более интенсивного развития экономики региона конфессиональная картина стала еще более пестрой. Кроме уже известных конфессий здесь «получают прописку» еще два вероисповедания: иудаизм и ислам.

Распространение иудаизма было вызвано тем, что все больше сторонников этой веры предпочитало после отбывания сроков наказания оставаться здесь, где им жилось несколько легче, чем в центральных районах России. А мусульманская община начала формироваться после присоединения Средней Азии к России

в 60–80-х годах XIX века. Вследствие массовой ссылки в наш край участников восстания за независимость Польши, подавленного в 1864 году, значительно увеличилось число католиков. А после провозглашенного царским Манифестом от 17 октября 1905 года принципа веротерпимости в Забайкальской области появились баптизм и адвентизм.

Советский период формирования и дальнейший рост поликонфессиональности в Забайкалье ознаменовался следующими тенденциями. С одной стороны, против традиционных религий и конфессий проводилась политика внешнего репрессирования. Их также пытались подорвать изнутри, поддерживая так называемое обновленчество как в православии, так и в буддизме. С другой стороны, некоторые протестантские конфессии на территории Советского Союза создали новые объединения, и именно в двадцатые годы XX столетия впервые в Забайкалье появились пятидесятники. Постепенно государственная репрессивная политика распространилась на все религиозные организации без исключения.

Хотя в годы войны произошел первый серьезный поворот в отношениях между государством и церковью, преследование религиозных организаций продолжалось и в послевоенный период. Отчасти поэтому в Читинской области в июле 1949 года появились «Свидетели Иеговы», представители протестантской организации, получившей распространение в Советском Союзе после присоединения к нему Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии.

В советскую эпоху был прерван последовательный процесс духовного воспитания и передачи элементов религиозной культуры новым поколениям. Поэтому мировоззренческие установки большей части населения современной России могут быть охарактеризованы либо как нерелигиозные, либо как не подверженные существенному религиозному влиянию. Это отчасти также объясняет современную многоконфессиональность региона, так как отсутствие мировоззренческих идеалов и устоев ведет многих жителей Читинской области, как и других граждан России, по пути активного духовного поиска.

Постсоветский этап формирования поликонфессиональности в Забайкалье, начавшийся вместе с распадом Советского Союза, связывается с резким увеличением числа конфессий на террито-

рии Российской Федерации в начале 90-х годов XX века. Этот процесс был вызван ориентацией на удовлетворение духовных запросов россиян, интенсивным потоком зарубежных миссионеров и появлением новых религиозных направлений российского и зарубежного происхождения.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, несмотря на увеличение этого влияния, на территории Читинской области религиозность по-прежнему носит этноконфессиональный характер, а приоритетные позиции среди верующих остаются за такими традиционными конфессиями, как Русская православная церковь и буддийская традиционная сангха России. Эти конфессии представляют собой мировые религии – христианство и буддизм – и имеют мощную, сложившуюся этническую основу.

Описывая современную религиозную ситуацию в Читинской области, прежде всего необходимо отметить, что в регионе исторически сохраняются стабильные межконфессиональные отношения. Тем не менее этноконфессиональные процессы в Забайкалье постоянно испытывают самые различные воздействия как областного и регионального, так и федерального и даже международного масштаба, которые могут, так или иначе, повлиять на складывающуюся структуру межконфессиональных и межэтнических отношений в регионе. Наиболее значительным, безусловно, является влияние политики российского государства.

А в реальности на первый план всегда выходят люди, конкретные личности с их ментальными способностями, своим непосредственным участием осуществляющие и корректирующие любые проводимые государством политические процессы. И в конечном счете именно взаимоотношения уровня «личность – государство» определяют процесс глобального этногенеза [7] и, следовательно, развитие религиозной ситуации в целом.

Поэтому описываемая ниже структура межконфессиональных взаимоотношений на территории Читинской области носит многоуровневый, иерархический характер, но отношения между государственной властью и религиозными организациями в ней занимают приоритетное положение.

Определяющим принципом развития взаимоотношений государственной власти с религиозными объединениями в Читинской области является прежде всего невмешательство органов власти во внутренние дела конфессий. Власть активно поддержи-

вает лишь усилия по сохранению историко-культурного наследия и социально значимые программы религиозных объединений, обеспечивая условия для реализации религиозных прав граждан, предусмотренных действующим российским законодательством.

Особая черта взаимоотношений власти и религиозных объединений – отсутствие взаимного недоверия. В органах власти работают люди различных национальностей, что позволяет сохранять равновесие в системе национальных и государственно-церковных отношений.

В то же время на уровне непосредственных отношений административной власти и действующих религиозных объединений существует ряд нерешенных проблем, для устранения которых необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу.

Так, актуальны в последние годы споры о перспективах традиционных и так называемых привнесенных верованиях. Отсутствие в законодательстве четких критериев, определяющих перечень традиционных для России конфессий, создает условия, когда одна из них может безапелляционно признавать сектантскими все остальные верования. При этом следует учитывать, что для каждого региона Российской Федерации будет характерен свой перечень традиционных конфессий. Например, для населения Еврейской автономной области традиционными будут еврейские организации. Для Читинской – православные, буддийские, мусульманские объединения. Вероятно, в условиях, когда церковь отделена от государства, следует законодательно ограничить возможности конфессий в озвучивании теологических споров в средствах массовой информации, если они носят радикальный характер.

Учитывая финансовые сложности, возникающие у религиозных организаций вследствие действия налогового и земельного законодательства, субъекты Федерации должны получить право не только определять перечни традиционных для регионов конфессий, но и влиять на степень их налоговой зависимости, учитывая платежеспособность последних.

Модель этноконфессионального взаимодействия в рамках культурного поля Восточного Забайкалья включает в себя главным образом отношения двух крупнейших религиозно-этнических систем региона. Одна из них представлена религиозным комплексом бурятского народа, ядром которого в Восточном Забай-

калье являются агинские буряты. Этот комплекс компактно базируется в Агинском Бурятском автономном округе, на территории Читинской области он имеет дисперсное распространение. Бурятский этнос – носитель традиций буддийского мировоззрения, в то же время тесно связан с комплексом представлений и верований, относящихся к шаманизму.

Наряду с этим некоторые религиозные организации и религиозно-этнические группы причисляют себя к христианской и иудейской религиям. Они существуют на всей территории Читинской области как в городах, так и в сельской местности. Доминирует среди них православная церковь, этнической опорой которой служит русское население, составляющее подавляющую часть верующих области. В процессе этноконфессионального взаимодействия участвуют и другие этнические группы, но в силу относительной малочисленности их влияние сказывается в меньшей степени.

Значительное влияние на ситуацию оказывают взаимоотношения внутри основных этноконфессиональных групп. Каждая из них представляет собой сложный комплекс групповых отношений на разных этнографических уровнях.

Так, особенности распространения христианской религии в Забайкалье в целом определили характер взаимоотношений внутри религий христианско-иудейской группы. Общими чертами групп этой направленности являются догматичность систем их верований и культа, стремление сохранить в неизменной чистоте религиозные устои и традиции своей веры. Одно из следствий таких особенностей – тенденция к усилению дробления этих групп на все более и более мелкие организации, как это мы видим в случае с еврейскими общинами на территории Читы.

По влиянию среди этих групп выделяется православие, традиционно связывающее себя с российской государственностью. Отношения его с другими религиозными группами христианской направленности характеризуются непримиримостью в борьбе за влияние на территориях, которые епархия считает исконно православными. Относительно терпимое отношение к буддийской конфессии основывается главным образом на соображениях политической целесообразности и корректности. Прочная опора на этническую культуру русскоязычного населения Читинской области создает православия все возможности для продолжения своей стратегической линии.

Позиции ряда протестантских конфессий, католицизма и нетрадиционных религий определяются тем, что фактически они не имеют в регионе прочной этнической опоры. Их взаимоотношения с окружающим социумом и конфессиональными группами зависят от политики руководства организаций в отношении увеличения числа верующих. Так, группы, стремящиеся достичь абсолютной социальной приемлемости, такие, как католицизм, баптизм, адвентизм, кришнаизм, бахаизм, — не ведут активной проповеднической и прозелитической деятельности и стараются не выделяться шокирующим культом и духовными практиками. В результате эти движения действительно достигают безконфликтного существования в области, однако попытки увеличения численности их последователей безуспешны. Другая политика — активный прозелитизм, массовые проповеди, крещения и культ, направленный на поиск активного мистического общения с духовным миром (глоссолалии), — применяется группами пятидесятников. Это ведет к более напряженной обстановке вокруг церквей пятидесятников в среде конкурирующих религиозных организаций (баптизм, православие). В то же время практика показывает, что агрессивные группы пятидесятников набирают больше верующих, чем их конкуренты. Известно, что они распространяют свое влияние за счет отошедших от своей прежней организации баптистов.

В другой этноконфессиональной группе буряты выступают как единая этноконфессиональная общность. Однако и в ней выделяются взаимоотношения последователей учения школы гелукпа, несущих в сознании традиции тибетского буддизма, с группами родов тех бурят, сознание которых невозможно оторвать от системы традиционных природных верований и культа, связанных с почитанием духов, святых мест и подчинением религиозной обрядности природному шаманистскому календарю. Не меньшее значение имеют отношения между буддизмом бурятским и буддизмом тибетским, монгольским и китайским, между центрами буддизма у агинских бурят и локальными центрами буддизма в Читинской области, а также комплекс многогранных взаимоотношений бурятских буддистов с системой российской государственности.

Возрождение шаманских верований и распространение неошаманизма остро обнажают проблему конкурентной борьбы в духовном пространстве региона. Распространение неошаманизма как представителя рыночной экономики ограничивается тра-

диционно устойчивым укладом патриархально-родовой жизни бурятского общества. В историческом аспекте интересен вопрос о соотношении между шаманизмом эвенков как аборигенного этноса и шаманизмом бурят, позднее появившихся в Забайкалье. А кроме того, природные верования (шаманизм) имеют свои отличия в каждой местности. Эти особенности не мешают отдельным этнографическим группам шаманистов включаться в систему буддизма учения гелукпа и даже дополняют ее. В то же время шаманистские элементы мировоззрения оказывают сильное влияние не только на буддистов, но и на христиан, устойчиво сохраняясь в сознании населения.

Характерная черта конфессиональной группы, основывающейся на культурном потенциале буддизма и религий природного комплекса, — открытость системы верований и пантеона божеств к восприятию элементов разных культур. С другой стороны, на территории Агинского Бурятского автономного округа тибетский буддизм стал религией бурятского этноса, живущего по патриархальным устоям родового общества.

В целом взаимоотношения внутри этой этноконфессиональной группы Восточного Забайкалья к началу XXI века определялись тенденцией к усилению национального самосознания как среди агинских бурят, так и среди бурят вне национальной автономии. В последние годы возрастает этническая активность бурятского населения. Несмотря на это, национализм, находящийся в сфере влияния буддийской религии, не оказывает деструктивного воздействия на межконфессиональное положение в регионе. В то же время буддизм становится одним из факторов национальной консолидации и духовного возрождения народа. Это приводит к увеличению влияния тибетского буддизма не только на бурят, но и на приверженцев других религий в Восточном Забайкалье.

Мусульмане в Читинской области генетически связаны с татарским и башкирским населением. Они традиционно являются религиозной группой, служащей одним из столпов межконфессиональной стабильности региона. Однако Забайкалье в этом случае не застраховано от возможных изменений, связанных с внешним влиянием. Толчком к этому могут послужить миграции мусульман из нестабильных регионов Кавказа и Средней Азии и связанное с ними распространение идей религиозного экстремизма среди групп населения, исповедующего ислам.

Необходимо сказать, что носители того или иного конфессионального сознания стойко сохраняют традиционные обряды, которые, однако, выступают как явления главным образом этнической, а не религиозной культуры.

К концу XX века по разным причинам широко распространилось синкретическое мировоззрение, которое, будучи неотъемлемой частью мировоззренческого комплекса бурятского населения, ощутимо и среди тех, кто формально причисляет себя к христианской традиции и даже к мусульманской. Кроме этого оно является элементом культуры и мировоззрения не только сельского, но и городского населения.

К началу XXI века в Восточном Забайкалье по-прежнему преобладает влияние буддийской и христианской этноконфессиональных систем. Касаясь взаимоотношений этносов, можно предположить, что при сохранении тенденции к возрождению национального самосознания и укрепления патриархально-родовых устоев бурятского народа, находящегося в условиях доминирующего в количественном, политическом и экономическом отношении русского окружения, в регионе сохранятся мирные отношения между основными этноконфессиональными группами. Это будет способствовать процессу размывания границ этносов и образованию метисного населения. Отрицательными, тормозящими факторами могут оказаться националистические настроения и попытки какой-либо этнической дискриминации.

Перспективы развития религиозной ситуации в регионе определяются главным образом местом Забайкалья в геополитике России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Благодаря географическому расположению Забайкалье находится в сфере пересечения культур и влияний Запада и Востока. И этот вопрос особенно остро выделяет проблему пограничья между Россией и Китаем.

Со стороны России, с которой в глобальном смысле Забайкалье составляет единое культурное поле, регион открыт западному влиянию. Этому способствует и экономическая экспансия западной цивилизации, следствием которой является усиление идеологического влияния, проявляющегося через попытки распространения свойственных ей религий. Однако реальную возможность развития религиозные организации, не имеющие этнической основы в Забайкалье, получают только в случае значительной внешней финансовой поддержки. Распространение этих конфессий

носит мирный характер и не нарушает принципы религиозной свободы и свободы совести. Поэтому можно говорить о том, что этот процесс ведет к обогащению культурного потенциала края.

Эта тенденция в Забайкалье имеет серьезный встречный процесс. Он является следствием усиления стратегического, экономического и идеологического присутствия в регионе китайской цивилизации. Вероятно, что в обозримом будущем особая роль будет принадлежать китайской волне миграции и распространению как традиционно китайских верований, так и религий, родившихся на стыке христианской, конфуцианской, буддийской или других духовных традиций Китая. На сегодняшний день только российская граница служит защитой этнических конфессиональных сообществ, да и всего оседлого населения Читинской области, от угрозы культурной и этнической ассимиляции со стороны во много раз превышающего их по численности китайского населения. Понимание значимости этого факта должно в значительной мере сблизить позиции наиболее влиятельных этнических групп и конфессий в регионе.

В любом случае для народностей, населяющих Забайкалье, становится очевидной невозможность оставаться только в рамках национальных или конфессиональных культур. В своем развитии они неизбежно включаются в процесс модернизации, который все более усиливается вследствие активизации миграционных и интеграционных движений. С другой стороны, выживание их как этносов в значительной мере обеспечивается только направленностью на сохранение своей этничности, этноконфессиональных и этнокультурных особенностей. Диалектика развития исторического процесса требует от этнических и религиозных сообществ Забайкалья объединения и консолидации на основе равноправия, взаимного уважения и сохранения культуры каждого народа, населяющего этот край.

Как показало проведенное зимой 2002–2003 годов комплексное исследование, которое основывалось на историческом, философском анализе, а также включило опрос более чем тысячи респондентов, в Читинской области при содействии органов власти происходит постепенная консолидация духовного потенциала традиционных конфессий.

Факторами, отрицательно влияющими на стабильность межконфессиональных отношений, могут оказаться попытки одной

из конфессий утвердиться в качестве государственной религии и идеологии за счет принижения других религиозных и этнических систем. Очевидно, что успех такой политики, связанный с поддержкой органами государственной власти только одной конфессии, неизбежно привел бы к возникновению обратных течений, и никто не застрахован от того, что они не будут основываться на идеях национального и религиозного экстремизма.

Стало очевидным, что сегодня религиозная сфера Читинской области находится в стадии продолжающегося формирования. И только последовательное развитие взаимодействия руководства религиозных организаций с органами власти, а также использование позитивного опыта предотвращения конфликтных ситуаций позволят говорить о наличии и сохранении межконфессиональной стабильности в регионе.

Как показывают итоги изучения религиозной ситуации в Читинской области, в регионе сохраняется устойчивая межконфессиональная обстановка. Однако этнические и конфессиональные сообщества региона стоят перед некоторыми проблемами, требующими последовательного разрешения. Основными из них являются:

– латентная угроза внешнего инокультурного влияния, могущего привести к кризису сложившейся системы межконфессиональных и национальных отношений региона (китайский фактор, фактор исламского экстремизма);

– угроза нарушения баланса структуры межконфессиональных и этнических отношений в результате искусственного вытеснения на доминирующие позиции в области идеологии одной из действующих религиозных организаций и последующей борьбы за свои естественные права других народов, организаций и конфессий;

– наличие настроений, выражающих высокую степень готовности взяться за оружие при отстаивании интересов своей веры. Авторы анализа полученных на основании проведенного социологического опроса результатов сознают, что отвечающие положительно на вопрос о возможности защиты своей веры с оружием в руках, скорее всего, считают себя патриотами, готовыми защищать интересы своей Родины и культуры. Тем не менее указанная тенденция делает необходимым углубленное изучение обозначенных настроений, и прежде всего работу по

предотвращению процессов, ведущих к напряженности в сфере межконфессиональных и межэтнических отношений;

– настораживает и то, что по сравнению с общероссийскими данными в Читинской области наблюдается больший удельный вес молодежи, верующей в сверхъестественные силы (учения эзотерической направленности), что создает базу для возможного появления деструктивных культов и сект.

В целях разработки системы мер по предотвращению указанных проблем Совет по вопросам религиозных объединений при главе администрации (губернаторе) Читинской области, проводивший указанное исследование, предлагает приведенную ниже программу работы.

1. Удовлетворение религиозных запросов и потребностей граждан:

– выработка отношения органов власти различных уровней к существующему религиозному комплексу Забайкалья как уникальному и богатейшему культурному наследию, нуждающемуся в охране и развитии;

– организация системы обязательного образования служащих государственного аппарата, общественных и молодежных объединений в сфере религиозной культуры и религиоведения в целях совершенствования государственно-церковных отношений;

– обеспечение возможностей свободного отправления культа посредством строительства церковно-храмовых комплексов;

– сохранение историко-культурного наследия путем реставрации культовых объектов – памятников истории и культуры;

– создание нормативно-правовой базы Читинской области, направленной на обеспечение конституционных принципов демократического государства и сохранения свободы религиозного вероисповедания.

2. Создание системы контроля за развитием религиозной ситуации и ее изучение:

– совершенствование системы отчетности о религиозной ситуации в районах и создание комиссий по вопросам религиозных объединений и межэтнических отношений на уровне каждого муниципального образования;

– регулирование системы отчетности религиозных организаций;

– организация системы регулярных комплексных исследований развивающейся религиозной ситуации в регионе;

– разработка программ по изучению как традиционных, так и привнесенных и нетрадиционных культур, определение направлений регулирования их правового положения и сотрудничества;

– усиление системы контроля над китайским населением и создание научных подразделений, занимающихся изучением китайского этноса на территории Забайкалья, прогнозирование этноконфессиональной ситуации;

– активное привлечение религиозных организаций к процессу строительства гражданского общества в рамках действующих общественных коллегиальных объединений; активное привлечение населения к открытому выражению идей и к решению межконфессиональных проблем;

– организация системы информационного и научного обеспечения органов власти и населения Читинской области по вопросам развития религиозной ситуации, издание научной и научно-популярной литературы, организация работы СМИ по освещению истории, культуры и религий народов Забайкалья.

Приведенные выше результаты анализа религиозной ситуации в Читинской области убеждают в том, что развитие будущих поколений наших соотечественников в многогранном и стремительно меняющемся мире возможно только при условии сохранения особенностей культуры каждого народа региона, поддержания обстановки толерантности и традиционного взаимоуважения.

Литература

1. *Абаева Л.Л.* Культ гор в бурятском ламаизме. Новосибирск, 1989.
2. *Гомбоева М.И.* Образ мироустройства хори-бурят. Чита: ЗабГПУ, 2002.
3. История бурят-монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1951.
4. *Логонов А.В.* Поликонфессиональность // Энциклопедия России. М., 2001.
5. *Михайлов Т.М.* Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987.
6. *Секерин В.* Религии на карте Забайкалья. Чита, 1995.
7. *Шерстова Л.И.* Переходные этносы и формы этнической самоидентификации: Южная Сибирь, начало XX века // Американский и Сибирский фронт. Томск, 1997.
8. *Шерстова Л.И.* Ментальность переходного этноса: Южная Сибирь в XIX–XX веках // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск, 1998.

Е.Н.ЧЕРНОЗЕМОВА,

*доктор филологических наук, профессор,
руководитель научно-просветительской группы МЦР,
Москва*

ВЫЯВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ НАЧАЛ ХРИСТИАНСТВА И ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЙОГИ

Человеку свойственно стремление к счастью, а ощущение счастья сопрягается с осмысленным существованием, осознанием нужности тех тягот и забот, которые неизменно наполняют его жизнь. В итоге человек стремится не к беззаботности, а к тому, чтобы прожить жизнь достойно. Представление о достоинстве исторически изменчиво. История человечества показывает, что требования к человеку меняются в зависимости от взгляда на его место в мироздании. Разные культурно-исторические эпохи дают различные ответы на вопрос о том, что же значит жить и поступать достойно. В зависимости от трактовки этих положений сложились исторически разнообразные трактаты о поведении. Замечательный русский филолог А.Н.Веселовский, значение открытий которого до сих пор по достоинству не оценено, в XIX веке написал работу «Из истории человеческой личности», в которой проанализировал различия принципов составления ренессансных и средневековых трактатов о правилах поведения. Если средневековые трактаты предписывали особую манеру держаться человеку в зависимости от его статуса, возраста, пола и ранга, то эпоха Возрождения открыла уникальность и неповторимость каждого человека и каждой проживаемой им ситуации, что привело к отказу от возможности нормативно предписывать и получать. Теперь важным казалось рассказать человеку о его месте в мире, о его предназначении и о том, что означает быть достойным. Перед человеком достойным выдвигалось требование умения думать, чувствовать ситуацию и, полагаясь на разум и сердце, быстро принимать единственно верное решение.

В круг произведений, обсуждающих проблему человеческого достоинства в ее соотносительности со смыслом его земного существования, входит знаменитая «Божественная комедия» Данте,

созданная на рубеже XIII–XIV веков. Именно в ней оказалась запечатленной и разработанной системность этических принципов, заповеданных человечеству и сформулированных в христианстве. Любому образованному человеку известны строки, начертанные на вратах ада: «*Был правдою мой Зодчий вдохновен. / Я Высшей Властью, полнотой Всезнания / и Первою Любовью сотворен*» [1, с. 17]. Так говорит ад о себе и своем Творце. Многие комментаторы отмечали, что именно так в словах Данте была запечатлена средневековая христианская картина мира, согласно которой ад был созданием Бога; Триединство Его и обозначают указанные в тексте начала: *divina potestate* – *Высшая Власть* Бога-Отца, *somma sapienza* – *полнота Знания* Бога-Сына и *primo amore* – *Первая Любовь* Святого Духа [10, с. 516]. В традициях христианской культуры человеческое достоинство традиционно испытывалось **Властью, Любовью и Знанием**. Именно эти три начала лежали в основе мироздания и составляли Божественное Триединство. Зарождающийся ренессансный взгляд на человека как на воплощение Божественных начал предполагал, что в нем должно быть заложено каждое из них. Более того, человек *достойный, доблестный* должен стремиться к тому, чтобы эти начала соединялись в нем так же органично, как в Триедином Божестве, – не соперничая, а подкрепляя друг друга, взаимодействуя гармонично.

Для обозначения достоинства итальянцы использовали понятие **вирту (virtú)**, которое сохраняется в корне современного русского слова **виртуоз** – человек, *совершенный в чем-либо*. Если одно из начал становилось в человеке доминирующим или абсолютизировалось им, то это либо делало человека смешным, либо приводило к трагедии.

В стремлении к **Власти, Знанию и Любви** важно было знать или чувствовать *меру* в ее ренессансном, связанном с понятием гармонии и *грации*, смысле. Задачей земного существования человека становилась способность гармонизировать свою естественную устремленность к *любви, знанию* со способностью *властвовать* над ситуацией и над собой.

Многие произведения мировой литературы демонстрировали невозможность гармоничного сочетания в человеке достойного отношения к этим трем началам. Между тем к такому их органичному сочетанию должен был стремиться, по ре-

нессансным представлениям, доблестный человек, так как, достигнув гармонии, он только и мог претендовать на звание человека достойного.

Такое воззрение стало надличностным. Неважно, дает себе наш современник и соотечественник отчет в том, что он является продуктом христианской культуры или нет. Показательно, что вышедшая недавно на русском языке книга «Воля к Истине» (*La Volonte de Savoir*) ярчайшего деконструктивиста Мишеля Фуко, стремящегося разрушить любые конструкции и построения традиционного мышления и пытающегося ощутить себя вне какого-либо мифа, имеет подзаголовок «По ту сторону знания, власти и сексуальности». Так Фуко — современный «бурный гений» — стремящийся преодолеть зависимость от мифа, все же оказывается персонажем библейского мифа, в котором не просто дается свод знаний, но вменяется в обязанность следовать определенным правилам существования в мире.

В этом мифе естественно ощущает себя и православный, и католик, и протестант — любой человек, стремящийся к обретению достоинства, несмотря на конфессиональные различия.

Всеобщность требования к достойному поведению человека земной жизни, его общечеловечность доказывает труд, предпринятый в начале XX века мыслителем и философом Шри Ауробиндо Гхошем — человеком Востока, получившим образование на Западе. Труды, написанные им на английском языке, были опубликованы в Индии, в Европе, в том числе и в России¹. Сейчас речь пойдет о его фундаментальной работе «Синтез йоги», или «Интегральная йога» (*Synthesis of Yoga*), которая впервые печаталась в ежемесячнике «Арья» с 1914 по 1921 год и, как считают, осталась незавершенной.

Структура «Интегральной йоги» помимо введения включает четыре больших раздела. Ключевые слова их названий уже нам скажут о многом: «Йога интегрального **знания**» (часть 2), «Йога Божественной **Любви**» (часть 3). В первой части труда («Йога Божественных работ») в названии раздела «Верховная **Воля**» появляется третье интересующее нас ключевое слово. Отметим сразу,

¹ Шри Ауробиндо. Духовная эволюция человека. М., 1975; Шри Ауробиндо. Йоги-ческая Садхана. М.: Има-Пресс, Фонд Рерихов, 1990; Шри Ауробиндо. Синтез йоги. М., Никос, 1993.

что автор использует при этом английское слово *power*, имеющее значения *мощь, энергия*. Ключевое слово четвертой части – *perfection* – *совершенство* – то, к чему человеку должно стремиться. К слову сказать, на достижение совершенства как на высшую цель познания и любви указывали многие поэты, философы и ученые. Для примера обратим внимание на высказывание Филиппа Сидни (1554–1586) – блистательного поэта и доблестного воина, который, умирая на поле сражения и видя пронесимого мимо раненого, отдал ему свою флягу с водой. В знаменитом трактате «Защита поэзии» Сидни пишет о смысле того, что принято называть Знанием, о его предназначении, которое нелепо превращать в самоцель только для удовлетворения любопытства: *«Очищение ума, обогащение памяти, развитие способности суждения и представления, которые мы обычно называем знанием (выделено мной. – Е. Ч.), под каким бы именем оно ни выступало и к какой бы ближайшей цели оно ни направлялось, в конечном счете должно вести и привлекать нас к той степени совершенства (выделено мной. – Е. Ч.), какую способны достичь наши падшие души, еще более оскверненные своей обителью из праха. Это стремление в зависимости от склонности человека порождает многообразие форм познания. Ибо некоторые полагают, что данное блаженство достигается главным образом самим знанием, что нет более высокого и небесного знания, нежели то, которое знакомит со звездами, и посвящают себя астрономии; другие, убедив себя, что они сравнятся с богами, если постигнут причины явлений, становятся натурфилософами и метафизиками; иных покоряет восхитительная прелесть музыки, а иных – точность математических доказательств. Но все эти люди имеют общую цель – познавать и с помощью знания вырвать дух из телесной темницы и возвысить его до наслаждения собственной божественной сущностью <...> Эта цель заключается (как кажется мне) в познании сущности человека в этическом и общественном отношении не только ради самого знания, но и для нравственного усовершенствования людей»* [2, с. 140]. Обобщения таких воззрений, выявление механизмов взаимодействий названных начал и составляют суть фундаментального труда Шри Ауробиндо.

Таким образом, и системность, предложенная «Божественной комедией», и та, что возникла в «Интегральной йоге», могут быть представлены как пирамида, основание которой – треу-

гольник с вершинами Воля, Любовь, Знание, вершина – Достоинство, или Совершенство. Исследование взаимодействий трех названных начал и является формулировкой путей, к совершенству ведущих. Отметим, что Данте, ведя свое исследование, показал многие пороки человечества, нарушающие гармонию взаимодействия трех начал. Он не только классифицировал грехи, распределив их по девяти кругам ада, почти заступившись за не совладавших с собой в любви Паоло и Франческу и беспощадно поместив в восьмой круг – ниже убийц – лжеучителей, льстецов, всех грешащих Словом, грешащих против души, – но сумел дать классификацию и добродетелей. Казалось бы, нельзя быть безгрешным и еще безгрешнее. Но мир добродетели и Света, по Данте, тоже имеет свою иерархию. В максимальном приближении к Богу, которого Данте изображает в виде трех сливающихся огненных шаров, он располагает свою любовь – Беатриче, считая, что выше других стоит деятельная добродетель, приводящая других на путь спасения. Поэт неоднократно говорит об особой ауре своей возлюбленной, в пространстве которой становится невозможным не только недостойный поступок, но и ни одна низкая мысль.

В своем труде Ауробиндо стремится синтезировать восточные и западные представления о строении мира. Он рассказывает об энергиях, изливающихся на Землю, о человеке как преобразователе этих энергий, и в его рассуждениях присутствуют и узнаваемые мыслительные ходы Платона, и неоплатоников, и классической восточной философии. Он подчеркивает, что самое важное во Вселенной происходит здесь, на Земле, и стремится доказать высокое значение каждого человеческого поступка, каждой человеческой мысли. Продолжая работу над своим трудом, он ищет соответствия в разных философских системах. В письме 13 апреля 1930 года он пишет: *«В то время, когда последние главы “Синтеза Йоги” печатались в “Арье”, термин “Надразум” еще не был найден, поэтому он не упоминается. То, что описывается там, есть активность Сверхразума при его схождении в Надразум, подъеме и трансформации работы последнего»* [3, с. 831]. И дальше формулирует задачи, которые ставил перед собой в последних главах своего труда: показать всю сложность, множество промежуточных этапных уровней, лежащих между разумом человека и Сверхразумом.

В письме от 18 мая 1936 года Шри Ауробиндо формулирует более общую задачу своей работы: она писалась не для того, чтобы явить путь каждому желающему, но для того, чтобы показать, что к совершенству можно идти многими путями, начиная с того, к которому есть склонность, чтобы показать точки соприкосновения разных направлений [3, с. 831].

Цель этого выступления состоит не в том, чтобы передать, схематизируя, сложнейшие и тонкие рассуждения замечательно-го труда, а в том, чтобы обратить внимание на его место и значение в контексте мировой этико-философской мысли.

Сопоставление двух произведений столь разных авторов, столь разных культурно-исторических эпох дает возможность как бы услышать или даже увидеть диалог Вселенной и Космоса с человеком, в котором Космос объясняет человеку себя и то, что требуется от человека в его земном существовании. Суровый тон Данте, повествующего о земных страдальцах, – словно бы ответ человека Космосу и одновременно обращение к людям: страдания не уменьшатся, пока они не услышат Веление и не подчинят ему свою жизнь.

Теоретики научного знания, стремящиеся к обобщению исторически выработанных подходов к изучению действительности, утверждают, что современный ученый ощущает себя в истории науки в пост-классическом (следующим вслед за механическим, или классическим) и даже в пост-неклассическом (следующим за физическим) периоде ее развития, – идеей которого становится эволюционность, а категориями не только пространство, время, относительность и дополнительность, но и жизнь, и ноосфера [4, с. 353–361]. На смену бинарным оппозициям, провоцирующим противостояние и агрессию, приходит принцип взаимодополняющих триад [5, с. 19–20; 6, с. 51–61; 7; 11], более соответствующий современным требованиям толерантного сознания, более пригодный для синтеза, приводящий на смену принципу полноты описания, характерному для дуального мышления, удовлетворявшему аналитический этап освоения действительности, – принцип целостности [8, с. 29–30].

Так же, как работавшие с бинарными оппозициями, заручившись наблюдениями Клода Леви-Строса [9; 12, с. 19], обосновывали избранный ими мыслительный ход бинарным строением самого человеческого мозга, приверженцы триад обращаются к ос-

новам строения мироздания. Физики, пытающиеся измерить скорость движения электрона, получают сведения, противоречащие принципу исключенного третьего, регистрируя, что частица может находиться в двух местах одновременно.

Интересным при этом оказывается рассмотрение основополагающих для понимания человеческой природы триад *Тело – Душа – Разум* или *Дух – Душа – Тело*, в наложении на которые по-новому начинают звучать *Рацио – Эмоцио – Интуицио*, *Вера – Надежда – Любовь*, *Власть – Знание – Любовь*, складываясь в общий завещанный принцип «*Любя, побеждай*». Попытки объяснения того, по каким принципам образовались стихийно сложившиеся триады, помогают вскрыть механизмы взаимодействий начал, из которых сложилась триада, и ведут к объяснению пути обретения нового качества, пути самого перехода к нему. Таким образом, работа тринитарного принципа стремится к объяснению механизма перехода взаимодействующих начал в новое качество, того механизма, который диалектика только декларирует [6, с. 51–61].

Сторонники тринитарной системности предлагают увидеть метафизику английской грамматики во взаимодействии глаголов *to be – to have – to do – быть – иметь* (возможность) – *действовать* [13], и корень *три* в словах *с-троить*, *вы-с-троить* (в частности, и при выстраивании концепции).

Великий Данте Алигьери и выдающийся мыслитель прошлого столетия Шри Ауробиндо, не претендуя на звание исследователей или мессий, но лишь стремясь обозначить путь к миру в душе, через века явили интуитивные прозрения принципов исследования мира и человека, которые оказываются обоснованными и описанными сегодня. Труд, предпринятый Шри Ауробиндо, обозначил направление в обретении совершенства как общечеловеческой цели, к которой устремлены все искренне взыскующие истины, к какой бы конфессии они ни принадлежали.

Литература

1. *Алигьери Данте*. Божественная комедия. М., 1992.
2. *Сидни Ф.* Защита поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980.
3. *Шри Ауробиндо*. Синтез Йоги. М., Никос, 1993.

4. *Баранцев Р.Г.* Бинарная наследственность, тернарные структуры, переходные слои // Синергетика. Т. 3. М., 2000.
5. *Баранцев Р.Г.* Об архетипе триединства // Вторая Изварская научная конференция, посвященная 60-летию института «Урусвати». Л., 1983.
6. *Баранцев Р.Г.* О тринитарной методологии // Между физикой и метафизикой: Наука и философия. СПб., 1998.
7. *Баранцев Р.Г.* Универсальная семантика триадических структур в науке – искусстве – религии // Языки науки – языки искусства. М., 2000.
8. *Баранцев Р.Г.* Целостность против полноты // Русская философия и современный мир. СПб., 1995.
9. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
10. *Лозинский М.* Комментарии // *Алигьери Данте.* Божественная комедия. М., 1992.
11. *Померанц Г.С.* Троица Рублева и тринитарное мышление // Выход из трансa. М., 1995.
12. *Токарев С.А., Мелетинский Е.М.* Мифология // Мифы народов мира. В 2 т. Т. 1. М., 1980.
13. *Халявкин В.В.* Выступление на научном семинаре в МЦР в июне 2000 г.

СВАМИ ДЖОТИРУПАНАНДА,

*руководитель «Общества Рамакришны – Центра Веданты»,
Москва*

ВЕДАНТА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Прежде чем говорить о Веданте, я бы хотел объяснить, как я понимаю современное состояние мира. В настоящее время над его улучшением помимо религии работают многие силы. Это культурные, политические, широкие социальные движения и т.д. И возникает вопрос: нужна ли вообще религия в современном мире, когда человек и без нее испытывает столь мощное, разностороннее давление? Может быть, религия стала чем-то отжившим, вышедшим из моды? Однако при внимательном анализе мы приходим к выводу, что именно религия играет решающую, жизненно важную роль на пути человека к счастью и безопасности.

В современном мире очень много проблем. Как религия может их разрешить? Одна из главных проблем – как избежать ядерной войны, которая приведет к уничтожению всего человечества. Рискованные, бесчеловечные методы борьбы за справедливость не стоят того, чтобы их вообще обдумывать. Цивилизация не может во имя собственного спасения прибегать к дьявольским методам. Методы должны быть разумны и безопасны. Используя их, человечество должно продвигаться вперед. Современные мировые лидеры хотят избежать войны с помощью переговоров, но при этом слишком полагаются на военные силы и талант дипломатов своих стран. Однако истинный успех заключается в нравственной общности людей, в достижении ее путем развития. Именно здесь мы видим, сколь необходима религия. Страны могут, конечно, вести переговоры, но воинственный менталитет должен быть заменен миролюбивым подходом, общим миролюбивым подходом.

Общественные и политические лидеры стремятся разрешить ситуацию путем развития науки и техники. Для того чтобы как-то объединить людей и установить между ними мирные отношения, открываются исследовательские институты, технические центры, больницы, и количество их растет. Разрабатываются широкие

социальные программы, создаются рабочие места, чтобы как-то помочь слоям населения с низким уровнем доходов и тем самым установить своего рода равновесие между странами. Все это, конечно, хорошо, но на деле ведет к улучшению лишь внешних условий жизни и по самой своей природе мало способствует разрешению ситуации, потому что не затрагивает корней проблемы. Пока мы не сможем сделать человека лучше изнутри, и в мире ситуация радикально не изменится. Слишком часто мы отмечаем, что основа проблем человека – в его внутренней слабости, внутренней сложности, а вовсе не во внешних обстоятельствах его жизни. Именно отсутствие верного понимания истинного положения вещей и самоконтроля, умения управлять собой усложняет человеческую жизнь и ведет к кризисным ситуациям. Пока в человеке есть внутренние темные силы, такие, как ненависть, зависть, ревность, жадность, алчность, себялюбие, как можно ожидать, что условия, внешние обстоятельства его жизни изменятся? И где бы ни находился человек, которым владеют низменные мотивы, вокруг него создается обстановка, которую можно сравнить с адом. Мир, счастье, гармония в этом мире зависят только от внутреннего состояния человека. Именно поэтому все зависит от доброты, от того внутреннего добра, которое есть в человеке, кем бы он ни был. И если он – политический лидер, человек, от действий и решений которого зависит многое, то тем важнее то внутреннее добро, которое должно быть в нем. Но это качество необходимо развивать.

Духовное возрождение человека является тем поворотным моментом, в котором решающая роль принадлежит религии. Религия воздействует непосредственно на внутренний мир человека. Развитие его взглядов, его духовного мировоззрения, *внутреннего человека* – это и есть цель и задача всех религий. И чем больше будет возрастать духовный уровень человека, тем больше и в лучшую сторону будут изменяться и внешние условия жизни всех людей. Это ясно, и с этим вряд ли кто-то будет спорить. Но можно задать встречный вопрос: «В каком состоянии находятся сейчас сами религии?» Ведь они, заключая в себе способность преобразить внутреннего человека, тем не менее не смогут изменить ситуацию, разрешить проблему, если во всем своем множестве не будут придерживаться некой общей платформы, общего подхода к человеку. И именно поэтому сейчас во всем мире обращают внимание на Веданту.

Веданта способна объединить все религии и выступить с решением мировых проблем. Только та религия, которая занимается изменением внутреннего облика человека, старается сделать его лучше, достойна называться религией. На это способна *всякая* истинная религия, утверждает Веданта. Несмотря на различия в доктринах, верованиях, принципах и догматах, разные религии объединяет очень мощная общая платформа, общий фундамент. Веданта делает ударение именно на эту общую для всех религий базу, с тем чтобы они могли работать на стабилизацию мира, на упрочение прогресса.

Согласно Веданте, все религии мира основаны на трех основных принципах.

Во-первых, за всеми мировоззрениями стоит одна общая идеальная реальность, которая отвечает представлениям человека о совершенстве, и именно ее религии называют Высшим Существованием, Высшим Существом. Это Высшее Существо описывается также как духовная реальность, которая и заключает в себе, и проявляет из себя Вселенную. Вот первый принцип, первый пункт, который принимается всеми религиями.

Во-вторых, все религии, прямо или косвенно, принимают как факт наличие внутренней, глубинной связи между человеком и этим Высшим Существом, что в конечном счете означает тождественность человека и духа. Человек — это дух, отличный от собственного ума или комплекса «ум — тело». С этим также согласны все религии.

В-третьих, цель всех религий — реализация этой внутренней связи. Наивысшая цель каждого человека — осуществление своей собственной связи с Всевышним. Большинство религий высшей целью считает реализацию человека в Высшем Существом. Веданта же утверждает, что кульминация этого процесса заключается в отождествлении человека и Бога.

Если различные религии согласятся с тем, что они сходятся по этим трем пунктам, то между ними не будет разногласий и их совместная работа на благо мира станет возможной. При этом человек, избрав для себя такую великую цель, получит двойную пользу. С одной стороны, он поймет, в чем заключается высший смысл его жизни, с другой — и его жизнь станет безопасной, укрепится в своей основе, как бы изменчив и противоречив ни был внешний, окружающий мир. Это единственное решение, способное сегодня спасти человечество, и к нему люди должны будут рано или поздно прийти.

Я начал с того, что ни сами внешние обстоятельства, ни их изменение не могут разрешить противоречий современного мира. Если в человеке не развивается внутренняя доброта, если не растет доверие людей друг к другу, чувство братства, если между людьми нет ощущения внутреннего единства, тогда эти противоречия не смогут получить своего разрешения. До сих пор не было других систем, кроме религиозных, которые способствовали бы преобразению нравственной природы человека в сторону добра. Религии развивают именно это качество. Поэтому мы должны обращать внимание каждого человека на внутренние, базовые принципы каждой веры – ведь именно в них заключена общность различных мировых религий. Опираясь на эти общие принципы, человечество получит возможность двигаться дальше и совершенствовать наш мир.

Несмотря на все несовершенство мира, популярность Веданты растет с каждым днем благодаря трем присущим ей качествам: *универсальности, рациональности и практичности*. Последователи Веданты стойко придерживаются этих принципов.

Первое. *Универсальность* Веданты в том, что она охватывает самые разные религии. Кроме того, в качестве способов развития внутреннего мира человека она так же принимает культуру и науку. При этом Веданта опирается на такое положение: Бог – высшая реальность – бесконечен. Бог самосущ, он познает сам себя. Именно поэтому в Веданте Бог – это абсолютное *существование*, абсолютное *знание* и абсолютное *блаженство*. Это не три различных качества, а внутренняя природа высшей реальности. За этой Вселенной стоит единство. Это высшая, как я уже сказал, по своей природе реальность: *вечное существование, вечное знание, вечное блаженство*.

Наука со своей стороны пытается достичь своей высшей цели, то есть найти тот единый принцип, который объединяет мир. Она принимает эту целостность, это единство мира, но при этом предполагает, что оно имеет материальную природу. Только в середине прошлого века всемирно известный немецкий физик Вернер Карл Гейзенберг¹ сформулировал принцип «соотношения неопределен-

¹ *Гейзенберг (Хайзенберг) Вернер* (1901–1976) – немецкий физик-теоретик (ФРГ), один из создателей квантовой механики. Предложил (1925) матричный вариант квантовой механики; сформулировал (1927) принцип неопределенности; ввел концепцию матрицы рассеяния (1943). Труды по структуре атомного ядра, единой теории поля, теории ферромагнетизма, философии естествознания. Нобелевская премия (1932). (*Прим. ред.*)

ностей», чем несколько пошатнул научные представления о мире, показав, что мир не есть нечто только материальное. Сейчас крупнейшие ученые мира, многие лауреаты Нобелевских премий высказывают робкие догадки о том, что это двуединство материи и энергии полностью не исчерпывает представлений о сущности бытия, что за этим стоит нечто еще не познанное. А красота Веданты еще и в том, что на протяжении многих-многих тысячелетий она придерживается своего изначального постулата, что есть высшая сущность бытия, сознания и блаженства — Абсолют. Сделанное в глубокой древности и на протяжении тысячелетий периодически подтверждаемое религиозным опытом, такое утверждение само по себе красиво. К тому же оно может объединить людей, внести в человеческие отношения внутреннюю гармонию и помочь преодолеть неустроенность внешнего мира.

И еще одну важную вещь утверждает Веданта — будучи вездесущим, эта Высшая Сущность включает в себя и самого человека, проникает в человека. А если человек по своей сути един с Высшим, то, значит, и различия между людьми не существенны. Но Веданта считает, что *внешнего* равенства быть не может — люди различаются по своим силам, талантам, внешнему виду. А равенство или единство возможно только во *внутреннем* человеке. Именно *внутренний* человек — источник достижения Высшей реальности для каждого. Иными словами, любая душа потенциально божественна. И это — основа человеческого *достоинства*. Нельзя думать о ком-то, как о человеке низком. На этом должно быть основано равенство взаимоотношений между людьми.

Второе. Веданта очень *рациональна*. С ее позиций вырабатываются гармония и равенство. Она учит, что нельзя все сразу принимать, не осмыслив этого предварительно. Любой вопрос нужно обдумывать, любой самый маленький пункт.

Разум спасает человека от предрассудков, от предубеждений. И Высшую Истину можно анализировать рационально. Единственно, при этом нужно учитывать, что ум сам по себе дойти до Высшей Истины не может. И с этим согласны все религии: постичь Высшую Истину умом нельзя, так как, не сомневаясь, он не может представить себе истину. В качестве примера Веданта приводит такое выражение: нет дыма без огня. Делается умозаключение: там, где дым, должен быть и огонь. Дым подразумевает под собою огонь. Но этот пример хорош так же и тем, что ясно дает понять: за дымом

нельзя определить, где горит, нельзя понять, откуда огонь. Так и Высшая Истина — она находится вне тела, ума и чувств. Разумом до нее не дойти, это факт. И Веданта утверждает, что Вселенная не может объяснить сама себя. Для этого нужно выйти за ее пределы.

Наш разум, как и бытие, заключен в тиски пространства, времени и причинности, а Бесконечность этому подчиняться не может. Поэтому, чтобы познать Высшую реальность, разуму нужно выйти за свои пределы. Веданта утверждает, что в нас есть нечто помимо тела, ума и чувств. Проблема западного мира в том, что ученые не могут четко разграничить понятия «ум» и «сознание», для них это одно и то же. Веданта же изначально занималась тем, что логически определила точки различия между этими категориями и пришла к утверждению: разум, который, по определению, не есть сознание, тоже материален. Следовательно, утверждает Веданта, разум не может вывести человека в Высшую реальность, но он и не противоречит ей. Можно сказать, что можно выйти за пределы разума, пользуясь тем же разумом.

Веданта так же хорошо определяет термин «вера». Что есть вера? Веданта говорит, что вера — это принятие такого человека, разум которого свободен от заблуждений и неточностей. Это ум возвышенный. И когда его утверждения принимаются — это и называется верой, верой в этого человека. Такого рода вера присутствует не только в области религии, но и в науке, и в культуре. По существу все, что принимает человек как правду, есть вера такого рода — вера определенным людям. И в этом смысле Веданта, принимая как откровения, так и утверждения достойных людей, очень рациональна.

И третье — система Веданты очень *практична*. Каждый человек в своей жизни стремится к достижению высшей цели, то есть свой потенциал вы должны найти внутри себя. Кем бы вы ни были: человеком низкого происхождения или высокого, талантливым или бездарным, какой бы ни была ваша профессия — из любой точки, где вы находитесь, вы можете начать это путешествие к высшей цели. При этом вам нет нужды отказываться от мирской жизни, от общих устремлений. Просто это положение Веданты определяет общий подход к работе, чтобы таким образом достичь своей высшей цели.

Веданта не требует, чтобы для достижения духовности человек уходил от мира. Отшельничество вовсе не есть неперемное условие для этого. Но Веданта говорит, что религиозные силы,

объединившись, могут способствовать разрешению мировых проблем. Мировые проблемы разрешаются отношением к ним человека. А религии, если возьмут на себя такую ответственность, прежде должны достичь взаимопонимания, основываясь на внутренних базовых принципах. Лицемерие, двуличие, узость мышления не есть производные религиозного подхода к миру. Религии всегда стремились сделать человека внутренне более свободным. Но со временем любая эзотерическая доктрина становится косной. И именно поэтому религия теряет свою способность встречать лицом к лицу те проблемы, которые ставит перед ней современный мир. Это должны понимать современные религиозные лидеры. Веданта же тем и хороша, что представляет собой *способ*, с помощью которого каждый человек может изменить собственную внутреннюю жизнь. В наше время Рамакришна доказал на собственном опыте, что религия может сделать решающий вклад в улучшение современного мира. Опираясь на собственный религиозный опыт, он показал: сколько религий – столько и путей достижения человечеством *общей* цели – познания Высшей Истины.

Т.А.ШУТОВА,

член Союза писателей России,

журналист,

Москва

ЧУДЕСНЫЕ ЗНАМЕНА В 1990-Х ГОДАХ

Вооруженный конфликт, иными словами, война – это экстремальная ситуация как для общества, так и для отдельного человека.

Так получилось, что последнее десятилетие прошлого века мне пришлось быть либо свидетелем, либо участником вооруженных конфликтов в Чечне, где я находилась в качестве военного корреспондента и сотрудника гуманитарных международных организаций. Об этих конфликтах я буду говорить, не давая им политической оценки, потому что это не имеет отношения к моему повествованию.

Как-то я брала интервью у заместителя директора Института судебной медицины имени В.П.Сербского. Заместитель загадал мне загадку: кто потенциальный клиент группы реабилитации этого института, кому после войны реабилитация наиболее необходима? Я не отгадала – среди участников войны самыми уязвимыми оказались спасатели МЧС. Если для воюющих людей, втянутых в конфликт, сверхзадача – одержать победу, убить противника, у гражданского населения – выручить ребенка, сына, отца, мать, то спасатель в военном конфликте участвует добровольно, эту роль он выбирает сам. И к той же группе, что и спасатели, замдиректора относил журналистов, работников гуманитарных организаций. После окончания войны это самая психологически неблагополучная группа ее участников.

По своему опыту скажу, что особенно в начале войны удивительно обостряются все чувства, которые у современного человека почти атрофировались. Начинаешь слышать муравья, который ползет между травинками. Начинаешь видеть так далеко, как не видишь в обычной обстановке. Видишь спиной и ощущаешь опасность затылком. В экстремальной ситуации все это становится совершенно нормальным. Просыпаются дремлющие или незадействованные способности, присущие человеку с перво-

бытных времен. Как мне кажется, в такие моменты дольний и горный миры наиболее близко подходят друг к другу и связь между ними ощущается человеком.

При отделе катехизации Московской Патриархии существует комиссия, которая изучает чудесные знамения, случающиеся в нашей жизни. Я причастна к работе этой комиссии в качестве ее члена.

Хочу рассказать не только о тех неординарных явлениях, о которых свидетельствовали как христиане, так и мусульмане, но и о том, что видела сама. Долг комиссии – описывать эти явления. Право же журналистов, общественных деятелей – интерпретировать их.

Первое из известных мне событий, когда проявилась Божественная субстанция, произошло в Южной Осетии поздней осенью 1990 года. Об этом мне рассказывала молодая осетинская журналистка. Однажды там появился непонятный запах, который люди идентифицировать не могли и который не был похож на запах цветов или разлитых духов. Пока пытались понять природу этого явления, пришло сообщение, что начинается война, которую потом назвали грузино-южноосетинским конфликтом. Пятитысячное войско на машинах надвинулось на город Цхинвали – небольшой, население которого в основном долгожители, дай Бог им здоровья. Огромная вооруженная колонна подошла к мосту перед городом. С противоположной стороны – тридцать самоотверженных горожан. Сутки продолжалось противостояние. При этом в воздухе постоянно витал этот странный, непонятный и очень, скажем так, приятный запах. И произошло нечто совершенно удивительное: война – не началась! Дать этому явлению обычное объяснение невозможно. Случилось это 23 ноября, как после выяснилось, в праздник святого Георгия – покровителя и Грузии, и Осетии.

Журналистка, свидетельница события, после этого решила принять крещение. Во время церковной службы она узнала запах, витавший над городом. Это был запах ладана! Она никогда раньше не бывала в церкви – получила воспитание в коммунистическом духе, была комсомолкой. Мы с ней убеждены, что святой Георгий, который покровительствует как тому, так и другому народу, запахом, прорвавшимся с горних высот, явил свое присутствие, остановил кровопролитие. Но люди не вняли предупрежде-

нию... Война началась через год. Была она, как всегда, жестокой и унесла очень много жизней. 23 ноября – День казни великомученика Георгия из малоазийского города Каппадокии. Главный его подвиг – усмирение тихим словом дракона, наводившего ужас на некий город в Малой Азии. И вот на рубеже XX и XXI веков люди стали свидетелями некоего аналогичного события.

Святой Георгий очень любим на Кавказе. Он – самый почитаемый святой, Высший покровитель Осетии. Его здесь воспринимают как родственника. На иконах осетины изображали коня святого Георгия на трех ногах, сближая его с героем осетинского эпоса, у которого был трехногий конь. Вот еще одно связанное с ним событие. Произошло оно зимой вскоре после цхинвальского, но уже в Северной Осетии, в селе Дигора. Это известная история, о ней писали газеты. Святой Георгий в ослепительной одежде на трехногом коне опустился на крышу школы. Выбежавшие на улицу люди увидели сверкающего всадника. Спешно приехали фотографы и сняли следы больших копыт на заснеженной крыше. Эти снимки существуют. Рассказывают, что святой Георгий общался (не могу сказать как, каким способом и на каком языке) со старейшинами этого села. Слышали, как он сказал: «Берегите молодежь – грядут тяжкие времена». И вскоре начался осетино-ингушский конфликт, тоже очень тяжелый, затяжной и кровопролитный. Сейчас он несколько утих. Осетины совершили паломничество в Дигору. Школу перестроили в церковь. Посвятили ее, конечно, святому Георгию. А на общественные деньги построили другую школу. Это знаменитое чудо – появление святого Георгия – почти совпало с днем равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Нина и Георгий – подлинные исторические лица. Она родственница святого великомученика Георгия.

Другой примечательный случай произошел во время войны в Абхазии. Однажды – это было летом 1992 г., жара стояла страшная, на небе ни облачка – очень известный в республике полевой командир попал с отрядом в засаду. Отряд был уничтожен, а сам он получил контузию и два серьезных ранения. Лощина, где он лежал, полностью простреливалась. Он уже умирал от ран и жажды и в таком отчаянном положении обратился к Богу. Молитв он не знал. Просто стал просить Милостивого и Милосердного о дожде. Теперь представьте себе: ни единого облачка, абсолютно голубое яркое небо – и вдруг ливень. Те, кто держали его на при-

целе, стреляли в него, ушли в укрытие. А он, преодолевая страшную боль, смог доползти до леса. Там встретился человек, который помог ему. Чудом спасшийся, бывший командир жив до сих пор.

В тех местах существует явление, название которого с абхазского переводится как «слепой дождь» — это когда в воздухе словно из пульверизатора разбрызгивается влага. Я сама была свидетелем этого. Но тут было иное. Ливень с безоблачного неба, спасший человеку жизнь, невольно объясняется тем, что человек этот, находясь на краю гибели, напрямую обратился к Богу.

Абхазы — древний народ, просветителем которого был Симон Кананит, родственник Иисуса Христа. Как предполагают, на его свадьбе в Кане Галилейской Спаситель совершил первое чудо — превратил воду в вино. Симон уверовал во Христа и стал одним из двенадцати апостолов. Он совершал благовестнические путешествия, последнее из которых было по территории нынешней Абхазии, где он мученически погиб. В Новом Афоне в Симоно-Кананитском монастыре есть храм Симона Кананита, восходящий к VI в.

Как у всякого патриархального народа, у абхазов сохранились родовые традиции. У них есть священные места, различного рода ритуалы, есть рощи, куда они приходят и где справляют священные и родовые праздники, проводят поминальные дни. До сих пор даже есть жрецы. Жрец, как было в Египте или других странах, — посредник между людьми и высшими силами. Абхазские ученые, Лев Легильсон и Игорь Хварцке, очень мотивированно доказывают, что здесь еще до Христа существовал монотеизм. Тем более поразительно это жречество, по сути языческое.

В Бзыбской Абхазии есть священная гора Дедрибша, и на ней священнодействует жрец — дрибшанха. Зовут его Заур Чичба. Он — «профессионал» уже в шестом или седьмом поколении. (Дрибшанха — это каста жрецов.) Заур когда-то служил в ракетных войсках. В общем современный человек. А жречеством он занимается, понятно, подпольно. Но у него есть приемные дни, когда люди могут обратиться к нему за помощью. Их просьбы могут касаться различных тяжб, кровной мести, кражи, случайного убийства, решения породниться кланами и т.д. Жрец выслушивает и говорит: «Хорошо, *мы* поможем». Он — только «связующее звено». Люди приходят к подножию горы, приносят жертву (обычно печень животного), жрец произносит заклинания, а затем все идут

в гору по извилистой тропинке – метров 800 или 1000. При этом происходят поразительные вещи: например, спорящие, доказывая каждый свою правоту, выше, чем до середины подъема, часто не доходят – тот, кто не прав, останавливается и дальше идти боится. Или вот еще рассказывают: археологи, которые были на этой горе, взяли для музея несколько предметов, возраст которых – тысячелетия. И пока они не возвратили эти предметы на прежние места, с ними происходили разные неприятности.

Однажды этому жрецу было видение. Услышала я от него об этом одна из первых... Шел 1992 год, еще советское время, но распад Союза уже начинался. В Абхазии назревал вооруженный грузино-абхазский конфликт. Заур Чичба жил в своем селе и мало что об этом знал.

Как-то работал он в поле, притомился и будто бы заснул. Открывает глаза, а перед ним стоят воины в блестящей одежде, поманили его к себе и вместе полетели. Прилетают в какой-то город, и Заур видит, что здесь происходит то, что мы называем митингом. Выходит некий генерал и держит в руках жертвенное копые, а на нем печень. Чичба узнает копые, которое его предки передавали из рук в руки. Он бросается к генералу, хочет схватить копые, но оно выскользывает и исчезает в небе. При этом на копые появился белый отпечаток руки. И все исчезло... Жрец не знал, что рука – древний символ города Диаскурии (нынешний Сухуми), которому 2500 лет. Абхазы взяли этот знак на свое национальное знамя. Увидев такой «сон», жрец очень встревожился, но не знал, как его истолковать. А на следующий день грянула война. Это было 14 августа 1992 года.

Таких случаев достаточно много. Я абсолютно уверена, что, когда очень напряжены связи между нашим, земным, и небесным мирами, проявляется Божественная, космическая субстанция. Из таких соприкосновений с Высшим мы, люди общественные – журналисты, писатели, ученые – должны, так или иначе, извлекать урок. И доносить наше знание до ближних. Война – это хаос, война – это нарушение гармонии. И Высшие силы предупреждают нас об этом, хотят помочь. А осознать, суметь воспринять их знаки – это уж наше дело, прямая наша обязанность.

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМИЗМ В ФИЛОСОФИИ XX–XXI ВЕКОВ

Глаголев В.С.

- Философский принцип космизма
и разнообразие моделей космоса 5

Казютинской В.В.

- Космическая философия К.Э.Циолковского:
«за» и «против» 16

Шibaева М.М.

- Русский космизм и духовное наследие Н.К.Рериха:
мотивы созвучия 35

Гиндилис Л.М.

- Русский космизм и Живая Этика 47

Голованов Л.В.

- Космизм — основа мышления XXI века 71

Левитан Е.П.

- Космизм — это образование, устремленное в будущее 82

Сосунова И.А.

- Современный космизм: единство и многоликость 86

Водолагин А.В.

- Кажущееся время 90

Кочергин А.Н., Кочергин А.А.

- Ноосфера: pro et contra 95

ИСТОРИКО-НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КОСМИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Иванов А.В., Артамонова Т.А.

Эволюционная концепция В.С.Соловьева 115

Молодцова Е.Н.

Буддизм как учение о космосе и его проявлении 125

Ягодинский В.Н.

Становление гелиобиологии,
ее защита и развитие в географии 132

Лавренова О.А.

Культурный ландшафт: от Земли к Космосу 140

Назаров А.Г., Цуцкин Е.В.

Единство природы и космоса
в мировоззрении К.М.Бэра 152

Резанов И.А.

Геология и космизм 169

Кричевский С.В.

Эволюция парадигм аэрокосмической деятельности 178

Михайлов В.П.

Историко-научные аспекты формирования
инженерного направления освоения
космического пространства (начальный этап) 186

Златев Б.С.

О применении закона золотого сечения
к историческому процессу 198

Будина В.Л.

Земная и небесная гармония 214

Скиба А.В.

- Человеческий дух как участник планетарных сдвигов:
творческие прозрения Ивана Франко 219

ИДЕИ КОСМИЗМА В ПЕДАГОГИКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Зувев Д.Д.

- Рациональное и иррациональное
в педагогическом сознании 224

Черноземова Е.Н.

- Идеи космизма в традиционной школе.
Внутренние резервы образовательных программ 244

Дудина М.Н.

- Природа и история: человек в космосе 260

Молчанова К.А.

- Развитие духовности – путь в надземное сознание 278

Пшеничнер Б.Г.

- Проект «Здравствуй, Галактика!»
как основа космического образования детей 285

Феодулова И.А.

- На пути к воспитанию
космического сознания ребенка 293

Александрова В.Г.

- Аспекты духовности образования 306

Ниорадзе В.Г.

- Духовный аспект Слова в воспитании школьников 318

Левин Э.А.

- Философия педагогического творчества
и гуманная педагогика 333

Горенькова Т.С.

- Педагогика и медицина –
основа духовного развития человека 339

Руденко С.Г.

- Влияет ли сознание человека на окружающий мир? 345

КОСМИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

Режабек Б.Г.

- Религиозный опыт Николая Федорова
и космическое сознание 351

Кожевников Д.А., Кожевникова А.Д.

- Владимир Кожевников –
не только издатель трудов Н.Ф.Федорова 360

Алексеева В.И.

- Монизм как синтез науки и религии 370

Казакова О.В.

- Религиозная поэзия Фрэнсиса Томпсона
и Джерарда Мэнли Хопкинса 395

Баркова А.Л.

- Религиозный опыт традиционных культур
как школа энергетического взаимодействия с миром 415

Жуков А.В.

- Факторы складывания и перспективы существования
системы поликонфессиональности на
территории Восточного Забайкалья 420

Черноземова Е.Н.

- Выявление единства основополагающих начал
христианства и интегральной йоги 435

Свами Джотирупананда

- Веданта и современность
Перевод с англ. Л.Ю.Мальковой 443

Шутова Т.А.

- Чудесные знамения в 1990-х годах 450

КОСМИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ – НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ XXI ВЕКА

Материалы международной
научно-общественной конференции. 2003. Т. 2.

Под редакцией докт. филос. наук В.В.Фролова,
докт. филол. наук Е.Н.Черноземовой,
докт. филол. наук Т.П.Григорьевой,
канд. геогр. наук О.А.Лавреновой,
канд. техн. наук Е.А.Бровко

Зав. публикаторским отделом *С.А.Аникин*
Гл. редактор *Т.О.Книжник*

Редакторы *П.Ф.Волков, Г.Д.Гордусенко,*
И.С.Жарова, Л.П.Сидоренко

Корректоры *Л.Ю.Ласькова, Е.А.Панченко*
Компьютерная верстка *В.С.Аникина*
Художник *С.В.Чернова*

Фотографы *А.В.Клюев, М.Н.Иванов*
Компьютерный набор *И.С.Жарова, Т.Г.Черных*

Формат 60x90/16. Бумага офсетная 80 г/м²
Печать офсетная. Печ. л. 29
Тираж 500 экз. Заказ

Международный Центр Рерихов
119019, Москва, Малый Знаменский пер., д. 3/5

ООО «Полиграф-Эра»
125576, Москва, ул. Илимская, 7

ISBN 5-86988-155-2

9 785869 881557